

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

С древнейших времён
до начала XX века

М. С. Альперович
Л. Ю. Слэзкин

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

С древнейших времён
до начала XX века

**Второе издание,
переработанное и дополненное**

**Допущено
Государственным комитетом СССР
по народному образованию
в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности «История»**

Москва «Высшая школа» 1991

ББК 63.3(0)
А56

Рецензент
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института Латинской Америки АН СССР *Ю М Григорьян*

Альперович М. С., Слѣзкин Л. Ю.
А56 История Латинской Америки (с древнейших времен до начала XX в.): Учебник для вузов.— 2-е изд., перераб. и доп.— М.: Высш. шк., 1991.— 286 с.: ил.
ISBN 5-06-002003-7

В учебнике излагается история континента, начиная с древних цивилизаций индейцев и до периода новейшей истории. Отдельные главы посвящены борьбе за независимость испанских колоний, истории таких стран, как Бразилия, Аргентина, Перу, Чили, Колумбия и др.

Во второе издание (1-е — 1981 г.) внесены изменения в свете публикаций по теме, появившихся в 80-е годы.

А 0503010000(4309000000) — 227 42—91
001(01) — 91

ББК 63.3(0)
9(М)

ISBN 5-06-002003-7

© М. С. Альперович, Л. Ю. Слезкин, 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

Латинская Америка — историко-географический комплекс стран со сходными тенденциями экономического, политического, социального, культурного, исторического развития, родственными языками, преобладанием католической религии, элементами общности культуры.

Поскольку понятие «Латинская Америка» довольно условно, следует уточнить, что под ним обычно подразумевают совокупность стран, расположенных в Южной, Центральной и частично Северной (к югу от Рио-Гранде-дель-Норте) Америке, а также на островах Вест-Индии и занимающих в общей сложности почти половину всей площади Америки. Все эти территории открыты, завоеваны и колонизованы испанцами, португальцами, отчасти французами (романскими народами, языки которых имеют общую латинскую основу), хотя некоторые впоследствии стали владениями Англии, Голландии, Дании, США. Менее удачным представляется используемый иногда (преимущественно в испанской, португальской, латиноамериканской, немецкой литературе) в качестве синонима более узкий термин «Ибероамерика».

Исходя из региональных особенностей и учитывая вместе с тем критерии научной периодизации всемирно-исторического процесса, принятой в советской историографии, в рамках рассматриваемой эпохи можно выделить следующие периоды:

1. Индейские цивилизации доколумбовой Америки (до конца XV в. н. э.), находившиеся на различных ступенях первобытнообщинного строя, а в некоторых случаях достигшие уже той или иной стадии раннеклассового общества, с элементами патриархального рабства. Их эволюция, совпадавшая по времени с античностью и средними веками в Европе, протекала вполне самостоятельно. В. Н. Никифоров справедливо замечает, что «народы доколумбовой Америки, как выясняется, подобно народам Старого Света пришли к неолиту и земледелию, за несколько лет до нашей эры — к обработке металлов, выработали независимо от Евразии собственные системы письма, вступили в период цивилизации, т. е., кажется, сделали все, чтобы показать нам общность всемирно-исторических закономерностей и ошибочность теории «диффузии», выводящей все развитие из одного центра»¹.

2. Колониальный период (XVI—XVIII вв.), хронологически соответствовавший позднему средневековью и началу нового времени, характеризовался постепенным развитием в ходе колонизации многоукладной экономической структуры. Преобладание феодальной эксплуатации (большая часть испанских колоний на континенте) и рабского труда (Бразилия, Куба, Венесуэла, Гаити и другие острова Вест-Индии) сочеталось с зарождением в недрах «колониального

¹ Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. 2-е изд. М., 1977. С. 255.

феодализма» или рабовладельческого хозяйства капиталистических форм экономики, связанных со складывавшимся мировым рынком. Однако то были лишь зачатки капиталистического способа производства, а отнюдь не «колониальный капитализм», якобы завезенный, по утверждению некоторых зарубежных ученых, в Латинскую Америку извне.

3. С конца XVIII и на протяжении всего XIX в. Латинская Америка переживала эру буржуазной революции «в широком смысле», под осуществлением которой следует понимать решение ее объективных исторических задач, «завершение *всего цикла буржуазных революций*»¹. Социальное содержание латиноамериканского освободительного движения определяли «наличие хотя и незрелых буржуазно-капиталистических тенденций и имманентная в эпоху перехода от феодализма к капитализму в мировом масштабе всем революционным движениям... тенденция к переворотам буржуазно-капиталистического характера»².

Начало длительному процессу распада колониальной системы в регионе положили революционные события 1791—1803 гг. в Сан-Доминго. За ними последовали война за независимость испанских колоний и борьба против португальского господства в Бразилии (1810—1826). Незавершенность континентально-ибороамериканской революции первой четверти XIX в. обусловила (особенно во второй трети прошлого столетия) многочисленные вооруженные выступления, радикальные и реформистские движения, вызванные стремлением покончить с патриархальным и плантационным рабством, феодальными пережитками и расчистить почву для буржуазных преобразований. Они встречали яростное сопротивление со стороны консервативных сил. Цикл освободительных революций в Латинской Америке, ознаменовавших смену отношений докапиталистического типа буржуазными, завершился, пользуясь терминологией М. Коссока, «карибско-кубинским этапом» — окончательным изгнанием испанцев из восточной половины Гаити (Доминиканской республики), ликвидацией господства Испании на Кубе и в Пуэрто-Рико (1865—1898).

Разумеется, границы между отдельными стадиями латиноамериканской буржуазной революции, говоря словами В. И. Ленина, «как и все вообще грани в природе и в обществе, условны и подвижны, относительны, а не абсолютны»³. Вследствие неравномерности исторического развития переход от одной социально-экономической формации к другой происходил по-разному и отнюдь не одновременно. Так, в отличие от большинства стран Испанской Америки Бразилия, Куба и другие вест-индские колонии вступили на путь формирования капиталистического уклада только во второй половине XIX в., фактически минуя фазу развитого феодализма.

4. В эпоху, открытую испано-американской войной 1898 г., в связи с усилившимся проникновением в Латинскую Америку иностранных монополий, обострением соперничества между ними возросла экономическая зависимость латиноамериканских республик от США, Англии и других европейских государств. Их вмешательство во внутренние дела стран региона неоднократно осуществлялось в форме вооруженной интервенции. Политика держав, действовавших в союзе с местной землевладельческой олигархией, препятствовала проведению необходимых социально-экономических и иных преобразований, что привело к росту революционного движения. Его кульминацией явилась мексиканская революция 1910—1917 гг.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 246—247.

² Kossok M. Gemeinsamkeiten und Besonderheiten in der Kolonialgeschichtlichen Entwicklung Lateinamerikas // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1972. Hf. 6. S. 693.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 143.

Строго лимитированные размеры учебника не позволили авторам охватить с одинаковой полнотой историю всех двадцати латиноамериканских государств, образовавшихся к началу XX в. Пришлось ограничиться систематическим изложением материала лишь о тех странах, где разворачивались наиболее важные и значительные события. Что касается остальных, которым не посвящены специальные главы, то сведения о них читатель найдет в различных разделах пособия: о Боливии — в гл. 5, 10, 11, Эквадоре — в гл. 3, 5, Уругвае — в гл. 5, 7—9, Доминиканской республике — в гл. 4, Панаме — в гл. 13.

При подготовке настоящего издания авторы старались в пределах возможного учесть не только полезные рекомендации и пожелания официального рецензента Ю. М. Григорьяна, но также ценные замечания, сделанные в свое время Б. Н. Комиссаровым и А. И. Строгановым в опубликованных ими рецензиях на первое издание книги. Всем им они выражают глубокую благодарность.

Предисловие, гл. 1—3, 5, 9, 12, 13, 16, 17 учебника написаны М. С. Альперовичем, гл. 4, 6—8, 10, 11, 14, 15, 18 — Л. Ю. Слёзкиным. Хронологическую таблицу составила Т. Ю. Лаврентьева.

ДРЕВНИЕ ИНДЕЙСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ АМЕРИКИ

Исходя из данных, полученных в результате археологических исследований, большинство современных ученых полагает, что человек появился на Американском континенте около 25 тысяч лет назад. Примерно в тот период монголоидные племена, обитавшие в Северо-Восточной Азии, по широкому сухопутному мосту, соединявшему тогда оба материка, перебрались через Берингов пролив. Постепенно продвигаясь в южном направлении, далекие предки коренных жителей Америки, которых впоследствии стали называть индейцами, со временем заселили Северную, Центральную и Южную Америку.

Их дальнейшее развитие, по мнению «изоляционистов», протекало совершенно самостоятельно, без каких-либо влияний извне, хотя многие допускают возможность повторных миграций из Азии. В противовес сторонникам этого течения «диффузионисты» считают, будто задолго до прихода европейцев между Америкой и Азией существовали оживленные культурные связи, отрицают оригинальность и самобытность цивилизаций Нового Света. Разделяя идею о том, что основу возникновения древних культур Америки составляло местное начало, многие исследователи вместе с тем признают значительную роль внешних контактов, в том числе и вероятных азиатско-американских. Однако, хотя есть основания предполагать, что после заселения Америки она эпизодически имела какие-то связи с Азией и Океанией, а посещения ее Атлантического побережья норманнами в начале II тысячелетия н. э. не вызывают сомнений, все эти факторы не оказали сколько-нибудь заметного влияния на культурный и этнический облик древних американцев.

В ходе длительного процесса исторической эволюции сформировались многочисленные индейские племена и народы, достигшие различного уровня общественного и культурного развития. Некоторые из них успели создать высокие цивилизации, другие находились на той или иной стадии первобытнообщинного строя и вели весьма примитивный образ жизни.

Основными очагами древнейших американских культур являлись Месоамерика (культурно-географическая область, охватывающая Центральную и Южную Мексику, Гватемалу, Белиз, западные районы Сальвадора и Гондураса) и Центральные Анды (современные Колумбия, Эквадор, Перу, Боливия, южная часть Чили), где в VII—V тысячелетиях до н. э. зародилось земледелие.

В Месоамерике кукуруза, фасоль, тыква ко II тысячелетию до н. э. получили широкое распространение. На рубеже III и II тысячелетий до н. э. появились керамика и первые постоянные поселения земледельцев. Эти черты свойственны ряду неолитических культур так называемого архаического периода (II—I тысячелетия до н. э.), пришедших на смену более примитивному охотничье-собираческому хозяйству предшествующей эпохи.

В результате важных социально-экономических и культурных изменений (интенсификация методов земледелия, расширение торгового обмена, зарожде-

ние имущественного неравенства и начало классового расслоения и т. д.), происходивших во второй половине I тысячелетия до н. э., на основе архаических культур почти одновременно возникли цивилизации, относящиеся к «классическому» этапу истории Месоамерики (I тысячелетие н. э.). Он характеризовался складыванием и развитием раннеклассовых обществ, образованием крупных городов-государств и их объединений, централизацией управления, могущественном жречества, продуктивным хозяйством. Но население Месоамерики не знало ни плуга, ни колеса, ни гончарного круга, ни железных орудий.

Одним из основных центров «классической» культуры являлся Теотиуакан (северо-восточнее озера Тескоко в Центральной Мексике), достигший наивысшего расцвета в III—VI вв. н. э. и разрушенный в начале VII в. вторгшимися чужеземными племенами. На побережье Мексиканского залива существовала цивилизация «ольмеков», а на территории современного штата Оахака — сапотек. В северо-западной части Центральной Америки сложилась одна из древнейших на Американском континенте культура майя. Главные очаги ее первоначально располагались возле озера Петен-Ица к юго-востоку от него, а также в долине реки Усумасинты. Там имелись густо населенные крупные города Тикаль, Копан, Паленке и другие с монументальными архитектурными сооружениями.

К X в. большинство этих городов было оставлено жителями, которые стали постепенно передвигаться в северном направлении. Причиной переселения явилось, по-видимому, истощение почвы вследствие подсеčno-огневого способа земледелия. Некоторые исследователи объясняют это передвижение вражеским нашествием. В результате центр майяской цивилизации переместился на Юкатан, где быстро выросли города-государства Чичен-Ица, Майяпан, Ушмаль. В XI в. они объединились в союз, подчинивший себе почти весь полуостров. Однако в дальнейшем между участниками Майяпанской лиги разгорелась борьба, в ходе которой Майяпан одержал победу и во второй половине XIII в. установил свою гегемонию на Юкатане. В течение почти двух столетий продолжалось господство майяпанских правителей из династии Кокомов. В XV в. против них выступили правители ряда небольших областей, объединенные силы которых разрушили Майяпан (1441), после чего Юкатан распался на множество враждующих друг с другом мелких государственных образований.

Общество майя X—XV вв. во многих отношениях находилось примерно на том же уровне экономического, социального и культурного развития, что и предшествовавшее ему Древнее царство «классической» эпохи. Его социальная структура была весьма неоднородной. Городами-государствами правили наследственные халач-виники. Господствующую прослойку составляли знать и многочисленное жречество во главе с верховным жрецом. Знать владела плантациями какао, пасаками, соляными месторождениями, имела много рабов. Часть ее занималась торговлей. Каждое селение представляло территориальную общину со значительными родовыми пережитками. Сельскохозяйственные работы общинники обычно производили коллективно. Такой же порядок соблюдался при охоте и рыбной ловле. Население возделывало поля знатных людей и платило им подати, строило храмы, дороги и другие сооружения. Для выполнения наиболее тяжелых работ использовались рабы. В рабство обращали военнопленных, преступников, должников, сирот. Таким образом, у майя существовали элементы рабовладельческого общества при сохранении ряда институтов родового строя.

Значительного развития достигли у них земледелие (разведение кукурузы, бобов, тыквы, какао, хлопка, перца, табака, различных фруктовых деревьев), пчеловодство, ремесла и торговля. На высоком уровне находилось искусство, особенно архитектура, скульптура, живопись. Больших успехов добились майя в изучении математики и астрономии. На рубеже нашей эры ими была создана (впервые в Америке) иероглифическая письменность, исследование которой

продолжается уже полтора столетия. Значительный вклад в сложную работу по расшифровке уцелевших до наших дней рукописей XII—XV вв. внес ленинградский ученый Ю. В. Кнорозов, который перевел их также на русский язык и снабдил научными комментариями.

В религии древних майя главную роль играл культ божества Ицанмы («владыки мира»). Видное место в майяском пантеоне занимали также боги дождя (Чак), ветра (Павахтун), держатель неба каждой из четырех стран света (Бакаб). Религиозные верования включали мифы о происхождении мира, примитивные объяснения некоторых природных явлений, представление о загробной жизни и т. д. Культура майя оказала сильное воздействие на соседние народы.

Центральная Мексика (долина Мехико, или, как ее называли в древности, Анахуак¹) в «послеклассическую» эпоху (первая половина II тысячелетия н. э.) явилась колыбелью блестящих индейских цивилизаций, созданных племенами, принадлежавшими к языковой группе нахуа. В IX в. пришедшие с севера тольтеки образовали обширное государство со столицей Толлан (современная Тула), расположенной северо-западнее озера Тескоко (нынешний штат Идальго). В X в. они покорили майяские центры Юкатана и горной Гватемалы. Тольтеки строили большие города, возводили грандиозные сооружения, имели письменность и календарь, возникшие под влиянием письменности и календаря майя. В их религии центральное место занимал культ божества Кецалькоатля, обычно изображавшегося в виде пернатого змея.

Тольтекская цивилизация погибла под ударами северных воинственных племен (также говоривших на языке нахуа), получивших собирательное название чичимеков, что первоначально означало «варвары». Вторгшись в долину Анахуак, они в середине XII в. разрушили Толлан и двинулись дальше на юг. На первых порах главную роль среди них играли аколхуа, центром которых стал Тескоко, на восточном берегу одноименного озера. Однако в конце XIV — начале XV в. этот город-государство был покорен тепанеками, обитавшими западнее, в Аскапоцалько. Под их властью оказался и Теночтитлан, заложенный ацтеками или теночками (принадлежавшими к той же группе племен, пришедших в долину в XII в.) около 1325 г. на острове озера Тескоко.

Легенда связывала его основание со следующими событиями. Якобы по велению свыше ацтеки покинули свою древнюю родину Астлан (местонахождение которой еще точно не установлено) и направились на юг в поисках более подходящего места для поселения. По словам жрецов, они должны были обосноваться там, где обнаружат орла, пожирающего змею. Долго странствовали ацтеки, пока наконец не пришли в обширную долину с озером, посреди которого находился остров. В центре его виднелись скалы, а в расщелине между ними рос кактус. Внимательно рассматривая открывшуюся их взорам картину, индейцы заметили большого орла, сидевшего на кактусе и разрывавшего клювом змею, которую он держал в когтях. Обрадованные ацтеки поняли, что это именно то место, которое они ищут, и поселились там. Так, по преданию, было положено начало городу, названному по имени ацтекского вождя Теноча Теночтитланом.

В 1426 г. Теночтитлан вступил в союз с Тескоко и Тлакопаном (на западном берегу озера). Сломив господство тепанеков, союзники стали воевать с соседними племенами и постепенно подчинили себе всю долину Анахуак. Вскоре ацтеки добились гегемонии в тройственном союзе и в ходе продолжавшихся войн сумели распространить свою власть на всю Центральную Мексику. Будучи преемниками и наследниками более древних индейских цивилизаций этого региона, они усвоили культуру, сложившуюся там в итоге длительного и сложного процесса

¹ На языке нахуа — «страна у воды»

развития. С возвышением в начале XV в. Теночтитлана наступил период ее расцвета.

Основой хозяйства ацтеков являлось земледелие, базировавшееся на искусственном орошении. Главной сельскохозяйственной культурой была кукуруза, дававшая обильный урожай даже при крайне низком уровне агротехники. Разводились также бобы, тыква, томаты, какао, хлопок, табак. Из домашних животных и птиц ацтеки знали лишь собаку, индюка, некоторые породы кур и уток. Значительного развития достигло у них ремесло: гончарное производство, ткачество, обработка металлов (медь, золото), изготовление каменных топоров, ножей из обсидиана. На довольно высоком уровне находилась строительная техника, позволявшая сооружать плотины, каналы, дамбы, а также жилые дома из кирпича-сырца или камня и свайные постройки. На рынках Теночтитлана и других городов велась оживленная меновая торговля.

Ацтеки жили родами, во главе которых стояли выборные вожди. Земля принадлежала общине и передавалась ее членам в пользование. Главный военачальник (тлатоани), избиравшийся из представителей определенного рода, являлся фактически верховным правителем как в период войны, так и в мирное время. Он выполнял также важные жреческие функции. Ацтекский военачальник и совет при нем осуществляли общее руководство военными действиями всех участников союза. Как указывал Ф. Энгельс, общественный строй объединения, возглавлявшегося ацтеками, представлял «союз трех племен, подчинивший и превративший в своих данников несколько других племен; он управлялся союзным советом и союзным военачальником...»¹. В то же время в своих внутренних делах каждый из союзников сохранял полную самостоятельность.

Частью войн способствовали возникновению имущественного неравенства, так как наиболее отличившиеся воины получали большую, чем другие, долю при дележе добычи и распределении земельных наделов. Часть захваченных во время походов военнопленных обращалась в рабство. С ростом имущественного неравенства некоторые ацтеки превратились в рабов своих более богатых соплеменников. Рабство стало постоянным институтом ацтекского общества. Заметно усилилось выделение родовой знати. Непрерывные войны обусловили также укрепление власти верховного правителя, которая фактически приобрела наследственный характер.

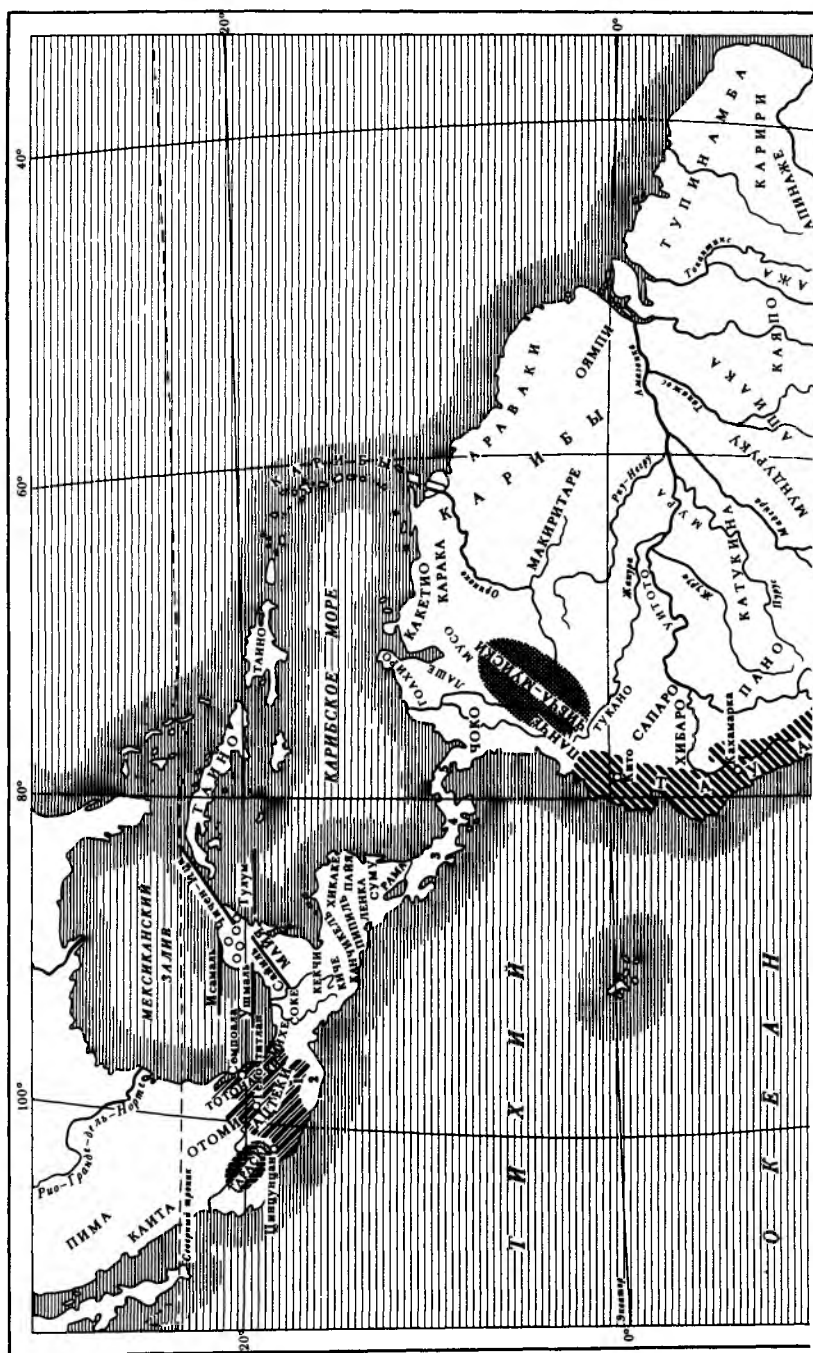
Все это свидетельствует о разложении родового строя ацтеков и их постепенном переходе к классовому обществу с соответствующими последнему государственными формами.

Среди достижений ацтеков в изобразительном искусстве следует отметить высокое развитие архитектуры и скульптуры. У них был солнечный календарь, построенный в основном по календарной системе майя. Письменность, напоминавшая по типу тольтекскую, находилась в зачаточном состоянии. Она была пиктографической, с некоторыми элементами иероглифического письма.

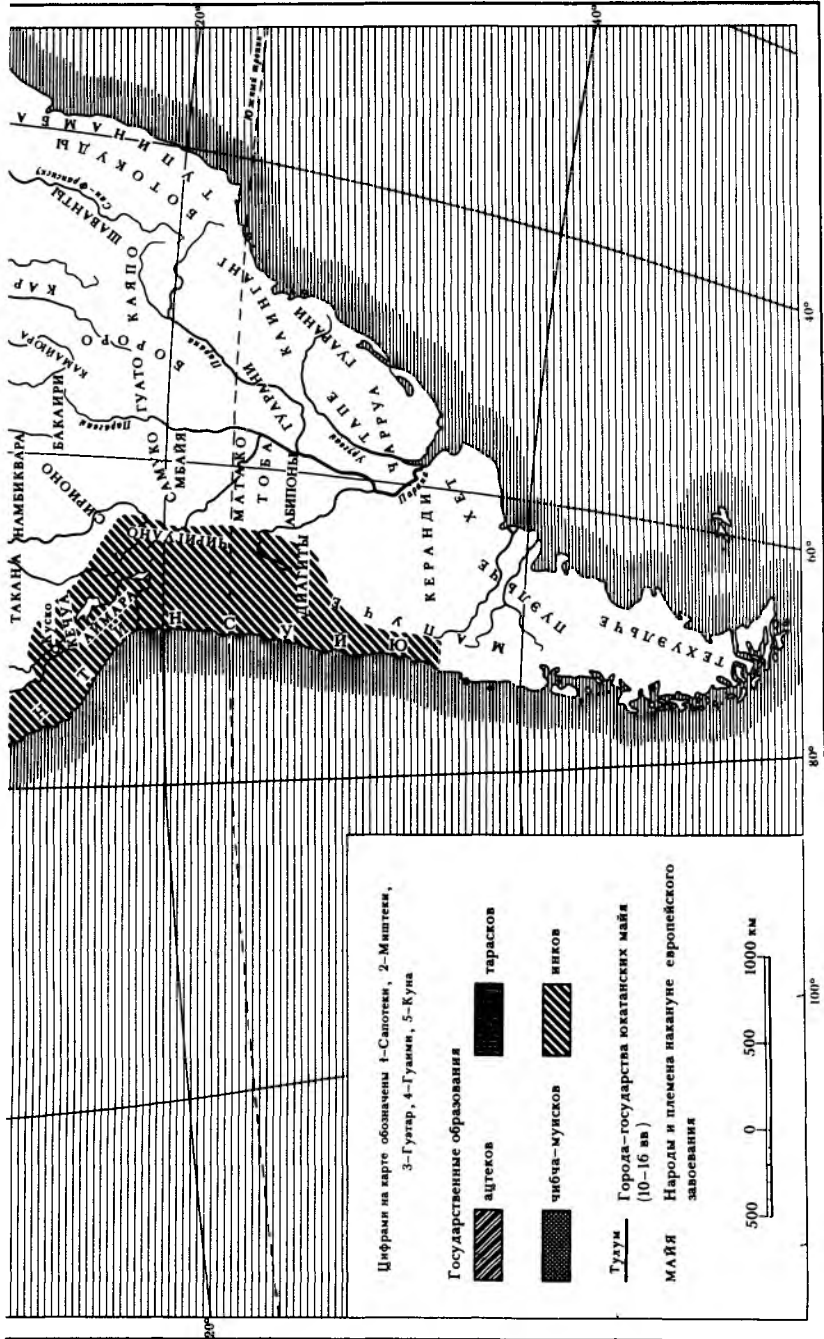
Религия ацтеков характеризовалась многобожием. Центральное место в их пантеоне занимал почитавшийся еще тольтеками бог войны Уицилопочтли, в честь которого производились массовые кровавые человеческие жертвоприношения. Чрезвычайно велико было значение могущественной касты жрецов, оказывавших огромное влияние не только на духовный мир ацтеков, но и на все стороны их повседневной жизни.

По мере разложения родового строя верхушка ацтекского общества усиливала ограбление и эксплуатацию как своих сородичей, так и покоренных племен. В правление Ицкоатла (1428—1440), Мотекухсомы I (1440—1469), Ашякатла (1469—1479) и их преемников велись частые войны, в ходе которых ацтеки одер-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 107.

Индийские народы и государства

к началу европейской колонизации

жали победу над народами, жившими в долине Анахуак, и, перейдя через горы, дошли до берегов Тихого океана и Мексиканского залива. Победенных они облагали данью, иногда отнимали у них часть земли, а многих жителей уводили в плен. Значительная часть пленных приносилась в жертву ацтекским богам, остальные обращались в рабство и обрабатывали земли, использовались для строительства храмов и других сооружений, а также в качестве домашней прислуги.

Подобное отношение ацтеков к подвластным племенам приводило к восстаниям и усиливало сопротивление со стороны тех, кого они пытались подчинить. В последней четверти XV в. серьезное поражение ацтекским войскам нанесли тараски и сапотеки, вспыхнули восстания в Тласкале и Чолуле. Положение еще больше ухудшилось в правление Мотекухсомы II (1503—1520), который безуспешно пытался приостановить начавшийся процесс распада.

В Южной Америке древнейшие цивилизации возникли в областях Андского нагорья и побережья Тихого океана. В первой половине I тысячелетия до н. э. на обширной территории получила распространение культура чавин, оказавшая огромное влияние на последующее развитие региона. Вслед за ее исчезновением в северной части побережья Перу складывается культура мочика, на юге — паракас, а позднее родственная ей наска. В бассейне высокогорного озера Титикака (современная Боливия) на протяжении длительного времени существовала созданная племенами аймара цивилизация тиауанако, расцвет которой относится к IX—XII вв. н. э. Около VIII в. угасла культура мочика, а несколько позже наска, тиауанако и др. На севере перуанского побережья, примерно в ареале мочика, образовалось огромное государство Чиму (XII—XV вв.) со столицей Чан-Чан. Чиму строили прочные здания, прокладывали водопроводы, широко пользовались мелиорацией и удобрениями. Отличаясь воинственностью, они подчинили себе население соседних районов. Однако в середине XV в. их «империя» распалась под натиском новых завоевателей — инков.

Это племя, принадлежавшее к языковой группе кечуа, с XII—XIII вв. обосновалось в долине реки Урубамбы, где выстроило город Куско. Его основание традиция связывает с именем первого инкского правителя — легендарного Манко Капака. Долгое время Куско оставался одним из многих кечуанских городов-государств, соперничавших между собой в борьбе за гегемонию в данном регионе. Однако растущая угроза извне, со стороны внешних врагов, диктовала необходимость объединения. Когда в начале XV в. на кечуа с запада напало племя чанка и главным объектом агрессии оказался Куско, инкам удалось перед лицом смертельной опасности сплотить кечуанские племена. Возглавив образовавшийся военный союз, они в 1438 г. отбросили и разгромили вторгшегося противника. Эта победа, одержанная под руководством первого исторически достоверного правителя инков Пачакутека (1438—1471), положила начало формированию могущественного государства Тауантинсуйю (на языке кечуа — «четыре страны света»).

В результате завоеваний, осуществлявшихся Пачакутеком и его преемниками Тупаком Юпанки (1471—1493) и Уайна Капаком (1493—1525), инкская держава, поглотив земли аймара, чиму, чинча и других племен, менее чем за столетие распространила свою власть на огромную территорию от Анд до Тихого океана протяженностью с севера на юг около 5 тыс. км (значительная часть нынешних Перу, Боливии, Эквадора, Чили, Аргентины). Во главе этого мощного государственного образования стоял Сапа Инка (Единственный Инка), считавшийся земным воплощением и сыном Солнца, которому инки поклонялись как божеству (именуемому Инти). Олицетворением Инти являлся громадный золотой диск, инкрустированный изумрудами. Он находился в столичном храме Солнца, куда мог входить только сам верховный правитель. Существовали также культы земли (Мама Пача) и воды (Мама Коча).

Этнический состав Тауантинсуйю отличался необычайной пестротой: в его пределах наряду с кечуа жило множество других племен и народностей, говоривших на разных языках и диалектах. По отношению к ним неуклонно проводилась политика ассимиляции, выражавшаяся прежде всего в принудительном насаждении языка кечуа (инки называли его руна-сими — «язык людей»), введении религиозного культа и ритуала, принятых в Куско, навязывании инкских норм поведения и морали, унификации архитектурного стиля, практике насильственных переселений. Вместе с тем в ряде случаев покоренным разрешалось поклоняться местным божествам, сохранять прежние обычаи и верования, хозяйственный уклад, одежду и т. д. Инки в свою очередь заимствовали у них отдельные термины, элементы культуры, хозяйственные навыки и даже включили в свой пантеон некоторых чужих богов. В частности Виракоча, почитавшийся в стране колья (аймара), в дальнейшем популярный на побережье Пачакамак отождествлялся с богом Солнца. Таким образом, этническая консолидация в Тауантинсуйю не сводилась исключительно к кечуанизации, игравшей тем не менее определяющую роль в этом сложном процессе.

Основная масса населения кечуанского происхождения не занимала привилегированного положения: ее обязанности и права были в общем те же, что и у остальных жителей. Привилегиями пользовалась лишь господствующая верхушка, составлявшая правящий клан, членов которого постепенно стали обозначать прежним племенным названием — инки. В эту касту входили высшие сановники и военачальники, наместники провинций, разъездные инспекторы, контролеры и прочие высокопоставленные чиновники, жрецы, ученые мудрецы (амауты), а также местные вожди (кураки), перешедшие на сторону завоевателей. Инкская аристократия делилась на две категории. «Инки по крови» считались прямыми потомками легендарного Манко Капака, «инки по привилегии» получали это почетное звание (а с ним право носить в ушах массивные золотые серьги) за особые заслуги.

На вершине общественной пирамиды находился наследственный Сапа Инка, обладавший неограниченной властью, которая распространялась на все сферы хозяйственной и политической жизни, администрацию, суд, армию, религию. Верховный правитель полностью распоряжался судьбой и имуществом своих подданных, считался собственником всей земли, частично передававшейся в пользование населению в качестве дара. В целях сохранения «чистоты» рода его дети, братья, сестры и прочие родственники могли вступать в брак только друг с другом.

Основной ячейкой инкского общества была община (айлью), члены которой совместно обрабатывали землю, полученную отдельными семьями. Размеры земельных наделов (тупу) зависели от численного состава семьи, причем ежегодно производилось перераспределение участков с учетом происшедших изменений. Две трети собранного урожая и иной сельскохозяйственной продукции предназначались на государственные и религиозные нужды. Кроме того, каждая община обязана была выделить определенное количество воинов и обеспечить выполнение многочисленных трудовых повинностей: строительство дворцов, храмов, крепостей, дорог, мостов, каналов, переноска тяжелых грузов, работа в рудниках и на плантациях коки. Общинники обслуживали правящую элиту в качестве поваров, водовозов, домашних слуг, переносчиков носилок и т. п. Не будучи рабами в юридическом смысле слова, они подвергались жестокой эксплуатации, страдали от бесправия, находились в полной зависимости от государства. В то же время существовала численно очень небольшая группа янакона — обращенных в рабство жителей тех мест, где инки встретили сильное сопротивление. Особую категорию составляли женщины-рабыни — аклакуна («избранницы»). Некоторые из них были знатного происхождения и становились жрицами Солнца, а также наложницами Сапа Инки и его вельмож.

По своей социально-политической структуре Тауантинсуйю представляло теократическую деспотию, находившуюся на стадии перехода от первобытно-общинного к рабовладельческому строю.

Инкская цивилизация характеризовалась значительным развитием земледелия с использованием сложных ирригационных сооружений и применением удобрений. Широко практиковалось создание на горных склонах искусственных насыпей-террас. Наиболее распространенными продовольственными культурами являлись кукуруза и картофель. Выращивались также бобы, тыква, киноа¹, хлопок, ананасы, бананы. Важной отраслью хозяйства было скотоводство: разведение лам и альпака, использовавшихся в качестве вьючных животных, для получения мяса и шерсти. Довольно высокого уровня достигли ремесло (добыча и обработка металлов, гончарное и ювелирное дело, ткачество, красильное производство) и строительная техника.

Инки имели глубокие познания в области математики, астрономии, географии, медицины, ботаники и других наук. Они составили точный календарь, согласно которому год делился на четыре сезона и 12 лунных месяцев, умели делать трепанацию черепа, пользовались иероглифическим письмом. Густая сеть благоустроенных дорог общей протяженностью свыше 15 тыс. км связывала столицу Куско с периферией. Четко налаженная система специальных гонцов (часки), на бегу передававших друг другу наподобие эстафеты срочные донесения, обеспечивала быструю передачу важной информации на большие расстояния. Дети воспитывались в духе беспрекословного повиновения вышестоящим, начиная от отца и кончая Единственным Инкой. Сыновей знати «хранители мудрости» — амауты приобщали к знаниям, остальные же дети не получали никакого образования.

В 20-х годах XVI в. положение Тауантинсуйю осложнилось вследствие начавшихся волнений, восстаний северных племен, вспыхнувшей эпидемии. После смерти Уайна Капака верховным правителем стал его старший сын Уаскар (1525—1532). Однако на этот титул претендовал и незаконнорожденный сын покойного Сапа Инки честолюбивый Атауальпа, отказавшийся признать власть своего сводного брата. В 1530 г. между сторонниками обоих претендентов разгорелась кровопролитная борьба, завершившаяся победой Атауальпы (1532—1533). Захваченный в плен Уаскар был тайно умышлен.

Наряду с Месоамерикой и Андской областью крупным очагом индейских цивилизаций являлась «промежуточная» между ними Околокарибская зона, включавшая территорию современных Эквадора, Колумбии, Панамы, Коста-Рики. Начало земледелия и обработки металлов в этом регионе относится к I тысячелетию до н. э., когда возникли культуры тумачо, прославившаяся искусной керамикой, и сан-агустин, оставившая выдающиеся образцы каменной монументальной скульптуры. В I тысячелетии н. э. получила развитие цивилизация калима, замечательная высокохудожественными произведениями золотой пластики, основанной на широком использовании тумбаги — сплава золота с медью. Ее достижения восприняли и усовершенствовали племена, принадлежавшие к языковой семье чибча, прежде всего кимбайя, поселившиеся к середине II тысячелетия н. э. в среднем течении р. Кауки. На склонах Сьерры-Невады, в окрестностях Санта-Марты примерно тогда же сложилась высокоорганизованная культура тайрона, носители которой всем строительным материалам предпочитали камень.

Говорившие на том же языке чибча оседлые земледельческие племена муисков (что означает «люди»), жившие в северо-западной части южноамериканского материка, на высокогорном плато Восточной Кордильеры, создали наиболее

¹ Перуанская разновидность проса.

значительный в Околокарибской области центр древней цивилизации. Муиски выращивали свыше 10 сортов кукурузы, картофель, киноа, томаты, фасоль, фрукты, хлопок и др. Основу их хозяйства составляло интенсивное поливное террасное земледелие с применением минеральных удобрений и разнообразных агротехнических приемов. Они разрабатывали залежи изумрудов, соли, каменного угля, изготовляли хлопчатобумажные ткани, керамику, ювелирные изделия, прокладывали дороги, вели оживленную торговлю. Однако их строительная техника заметно отставала по сравнению с другими высокими культурами древней Америки: даже дворцы и храмы, не говоря уже о жилищах простых людей, сооружались из дерева или тростника.

Основной административной и хозяйственной единицей общества муисков являлась территориальная община с коллективной собственностью на землю. Глава ее избирался. Несколько общин объединялись под властью вождя. При сохранении многих пережитков родового строя у муисков уже началось социальное расслоение. Общинники обязаны были работать на полях знати и храмов, строительстве дворцов, дорог, каналов, выполнять другие повинности. Создавались и более крупные объединения — временные военные союзы оборонительного или наступательного характера. Ко второй половине XV в. они превратились в довольно стабильные территориально-политические образования, представлявшие собой ранние формы государственности. Из пяти таких складывавшихся «государств» наибольшее значение имели Богота и Тунха, правители которых носили соответственно титулы сипа и саке.

В религии муисков видное место занимали богиня земли и плодородия Бачуе, творец Вселенной бог Чиминигага, покровитель Боготы Чибчачум, мифический герой Бочика. Они чтили силы природы — воду, солнце, луну. Например, в честь богини воды Сиу устраивались многодневные празднества. На священном озере Гуатавита ежегодно в присутствии множества зрителей совершалась церемония омовения местного вождя, предварительно обсыпавшегося золотым порошком¹. Большое значение имел культ предков.

Обитавшие в бассейнах рек Рио-Гранде-дель-Норте и Колорадо племена пуэбло, населявшие долины Ориноко и Амазонки тупи, гуарани, карибы, араваки², бразильские кайяпо, жители пампы и Тихоокеанского побережья воинственные мапуче, обосновавшиеся в различных районах современных Перу и Эквадора индейцы колорадо, хиваро, сапаро, племена Рио-де-ла-Платы³ (диагиты, чарруа, керанди и др.), патагонские теуэльчи, индейцы Огненной Земли (она, яган, чоно) — все они находились на разных ступенях первобытнообщинного строя. В отличие от диких кочевых племен, занимавшихся преимущественно охотой, рыбной ловлей, собирательством, некоторые из этих народов вели почти оседлый образ жизни и имели сравнительно развитое хозяйство.

Так, гуарани (междуречье Параны и Парагвая) обрабатывали расчищенный ими от леса участок земли до тех пор, пока не истощалась почва, и только тогда переходили на новое место. Основу их хозяйства составляло земледелие. Охота, рыбная ловля, собирательство играли вспомогательную роль. У гуарани было развито ремесло: ткачество, гончарное дело, резьба по дереву. Жили они родовыми общинами, совместно владевшими землей, деля ее на небольшие семейные наделы, классовой дифференциации почти не знали. Во главе селений

¹ Сильно преувеличенные сведения об этом обряде породили впоследствии, в эпоху европейского завоевания Америки, легенду о богатой золотом и другими драгоценностями стране Эльдорадо (от испанского «эль дорадо» — «позолоченный») в северной части Южной Америки.

² Племена, принадлежавшие к языковым группам карибов и араваков, составляли также население островов Вест-Индии.

³ Образованный реками Параной и Уругваем эстуарий (расширенное устье) — залив Атлантического океана.

стояли наследственные вожди. В чрезвычайных случаях созывался совет старейшин, решения которого носили обязательный характер. Отдельные племена были связаны между собой лишь общим языком.

На мапуче («людей земли») и другие индейские племена, жившие к северу от р. Мауле, значительное влияние оказала культура инков, которые в XV в. завоевали эту территорию и покорили ее население, обложив его данью. Однако южнее р. Мауле инкам продвинуться не удалось, и обитавшие там индейцы сумели сохранить свою самостоятельность. К началу XVI в. они находились на стадии родового строя с преобладанием общинного землевладения; правда, кое-где уже намечались признаки его разложения. Мапуче переживали в это время переход от материнского к отцовскому роду. Главной отраслью их хозяйства являлось земледелие. Они выращивали 8—9 сортов кукурузы, 14 разновидностей бобов, просо, множество видов картофеля.

Большинство индейских племен Бразилии к началу XVI в. также занималось в основном обработкой земли, применяя подсеčno-огневой способ. Большую роль в их хозяйстве играли рыболовство и охота. Жили они обычно общинами. Земельные участки передавались в пользование отдельным семьям, но без права наследования. В связи с истощением почвы каждые 6—8 лет приходилось переселяться в другой район. В отличие от более примитивных племен внутренних областей (принадлежавших к языковым семьям араваков, карибов, тупи, же) у индейцев бассейна Амазонки (особенно омагуа), тупинамба Атлантического побережья, мбайя-гуайкуру (бассейн р. Паратвай) и некоторых других племенных групп уже появились признаки социальной стратификации.

Родственные по языку и культуре полукочевые племена хопи, зуньи, таньо, керес, известные под общим названием пуэбло, к IV—VII вв. н. э. перешли к оседлости, а их основным занятием стало поливное земледелие. У них появились также гончарное и ткацкое ремесла. В дальнейшем они начали строить большие глинобитные дома, вмещавшие сотни людей (XI—XIII вв.). У индейцев пуэбло существовал родовой строй со значительными элементами матриархата.

Численность населения Латинской Америки к концу XV в. оценивается учеными по-разному. Согласно последним приблизительным подсчетам некоторых специалистов она должна превышать 50 млн. Но историко-демографические исследования, проведенные представителями «калифорнийской школы» Л. Б. Симпсоном, Ш. Ф. Куком и В. Бора, показали, что только на территории Месоамерики проживало в то время более 27 млн. человек. Исходя из этого, французский историк П. Шоню, североамериканский антрополог Г. Добинс, западногерманский ученый Р. Конецке предполагают, что общее число обитателей региона возможно достигало даже 80 млн. В новейшей научной литературе встречается, однако, и гораздо меньшая цифра — около 30 млн. (шведский исследователь М. Мёрнер).

ОТКРЫТИЕ И ЗАВОЕВАНИЕ ВЕСТ-ИНДИИ, ЮЖНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ ЕВРОПЕЙЦАМИ

На рубеже XV—XVI вв. самобытный процесс развития народов Америки был прерван европейскими завоевателями-конкистадорами. Завоевание и колонизация Америки, имевшие столь роковые последствия для ее коренного населения, были обусловлены сложными социально-экономическими процессами, происходившими в европейском обществе.

Развитие промышленности и торговли, появление класса буржуазии, складывание в недрах феодального строя капиталистических отношений вызвали в конце XV — начале XVI в. в странах Западной Европы стремление к поискам новых торговых путей, захвату сказочных богатств Восточной и Южной Азии. С этой целью в дальнее и опасное плавание одна за другой отправлялись морские экспедиции, снаряжавшиеся главным образом Испанией и Португалией. Роль этих держав в заокеанской экспансии XV—XVI вв. определялась не только их географическим положением, но и наличием многочисленного разорившегося дворянства, которое после завершения реконкисты не находило себе применения. Не видя возможности обогащения на родине, «безработные» дворяне надеялись найти несметные сокровища за океаном. «...Золото было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку, — отмечал Энгельс, — золото — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег»¹.

В начале августа 1492 г. флотилия под командованием генуэзца Христофора Колумба (каравеллы «Санта-Мария», «Пинта» и «Нинья»), снаряженная при содействии и денежной помощи испанской короны, вышла из андалузского порта Палос в западном направлении и после длительного плавания в Атлантическом океане 12 октября достигла островка, которому дали имя Сан-Сальвадор (местные жители называли его Гуанахани)². Тем самым было положено начало регулярным связям между Америкой и остальным миром.

В результате путешествий Колумба и других мореплавателей (испанцев Алонсо де Охеды, Висенте Пинсона, Родриго де Бастидаса, португальца Педру Алвариша Кабрала) к началу XVI в. были открыты центральная часть Багамского архипелага, Большие Антильские (Куба, Гаити, Пуэрто-Рико, Ямайка) и большинство Малых Антильских островов (от Виргинских до о. Доминика), Тринидад и ряд мелких островов в Карибском море; обследованы северное и значительная часть восточного побережья Южной Америки, большая часть Атлантического побережья Центральной Америки. Еще в 1494 г. Испания и Португалия заключили Тордесильясский договор, разграничивавший сферы их колониальной экспансии. Земли, лежавшие западнее условной демаркационной линии, проходившей на расстоянии 370 лиг (свыше 2 тыс. км) к западу от островов

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 408.

² Это был один из Багамских островов.

Зеленого Мыса, считались испанскими; территории, расположенные восточнее этой линии, признавались португальскими.

За океан устремились с Пиренейского полуострова в погоне за легкой наживой искатели приключений, обедневшие дворяне, наемные солдаты, уголовные преступники. Путем обмана и насилия конкистадоры захватывали земли местного населения и объявляли их владениями Испании или Португалии. По образному выражению очевидца Лас Касаса, «они шли с крестом в руке и ненасытной жаждой золота в сердце».

В 1492 г. Колумб основал на острове Гаити, который он назвал «Ла исла эспаньола» (Испанский остров), первую колонию Навидад (Рождество). Четыре года спустя здесь был заложен город Санто-Доминго¹, ставший плацдармом для последующего завоевания всего острова и покорения его коренных обитателей. В 1508—1509 гг. испанские конкистадоры приступили к колонизации Пуэрто-Рико, Ямайки и Панамского перешейка. В 1511 г. отряд Диго де Веласкеса высадился на Кубе и начал ее завоевание.

Грабя, поработывая и эксплуатируя индейцев, захватчики жестоко подавляли всякую попытку сопротивления. Они варварски разрушали и уничтожали целые города и селения, зверски расправлялись с их жителями. Лас Касас, лично наблюдавший кровавые «подвиги» конкистадоров, рассказывал, что они вешали и топили индейцев, рубили их на части мечами, сжигали живьем, поджаривали на медленном огне, травили собаками, не щадя даже стариков, женщин и детей. В поисках сокровищ завоеватели стремились захватить все новые и новые земли. «Золото,— писал в 1503 г. Колумб королевской чете с Ямайки,— это совершенство. Золото создает сокровища, и тот, кто владеет им, может совершить все, что пожелает, и способен даже вводить человеческие души в рай»².

В 1513 г. Васко Нуньес де Бальбоа пересек Панамский перешеек с севера на юг и вышел к побережью Тихого океана, а Хуан Понсе де Леон открыл полуостров Флориду, ставший первым испанским владением в Северной Америке. В 1516 г. экспедиция Хуана Диаса де Солиса исследовала бассейн Рио-де-ла-Платы («Серебряная река»)³. Год спустя был открыт полуостров Юкатан, а вскоре Хуан де Грихальва обследовал побережье Мексиканского залива.

В 1519 г. прибывшие с Кубы испанцы под командованием Эрнана Кортеса, высадившись на юго-западном берегу указанного залива, основали город Веракрус. Используя недоброжелательство угнетаемых ацтеками и враждебных им племен, они сумели привлечь последних на свою сторону. С их помощью завоеватели заняли ацтекскую столицу Теночтитлан, а Мотекухсому II и ряд подвластных ему правителей посредством обмана взяли в плен. От пленников, а также от оставшихся на свободе вождей и старейшин Кортес стал требовать золота. «Не герой он был, не рыцарь, а главарь разбойной шайки»,— писал о нем Генрих Гейне⁴.

Возмущенное вероломством и алчностью захватчиков население Теночтитлана в мае 1520 г. подняло восстание и изгнало их. Во время панического бегства погибло больше половины отряда Кортеса. Однако уцелевшие нашли убежище в Тласкале, издавна являвшейся заклятым врагом ацтеков. Играя на этих противоречиях, конкистадоры постепенно покорили племена, обитавшие между долиной Анахуак и Мексиканским заливом, а затем и селения, расположенные в самой долине. Изолировав таким образом Теночтитлан, они при содействии

¹ В дальнейшем так стали называть всю испанскую колонию на Гаити и даже сам остров.

² Путешествия Христофора Колумба. М., 1961. С. 461.

³ Так испанцы сперва называли Парану, а в дальнейшем стали употреблять это наименование в узком смысле применительно к эстуарию, а в более широком — ко всей обширной территории, омываемой Параной, Уругваем, Парагваем и их притоками.

⁴ Гейне Г. Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1971. С. 236.

союзных индейских племен, несмотря на отчаянное сопротивление защитников столицы во главе с юным Куаутемоком (племянником Мотекухсомы II), в августе 1521 г. овладели городом, почти полностью разрушенным в ходе кровопролитных боев. Развалины его были преданы огню.

К концу 20-х годов XVI в. испанцы захватили обширную территорию, простирающуюся от Мексиканского залива до Тихого океана, а также большую часть Центральной Америки. В дальнейшем колонизаторы продолжали свое продвижение на юг (Юкатан) и на север (вплоть до бассейна рек Колорадо и Рио-Гранде-дель-Норте, Техаса и Калифорнии).

После вторжения в Мексику и Центральную Америку отряды конкистадоров хлынули на Южноамериканский материк. С 1530 г. португальцы приступили к более или менее планомерной колонизации Бразилии, откуда стали вывозить ценную породу дерева «пау-бразил» (от которого произошло название страны). В первой половине 30-х годов XVI в. испанцы, возглавляемые Франсиско Писарро и Диего де Альмагро, покорили Перу, разрушив цивилизацию инков. Началом завоевания государства Тауантинсуйю явилось кровавое побоище в городе Кахамарке 16 ноября 1532 г.

В тот день в Кахамарку по приглашению Писарро прибыл Атауальпа в сопровождении пышной свиты. При встрече, согласно заранее разработанному плану, монах Висенте де Вальверде зачитал инкскому правителю по-испански текст «Рекеримьенто» — документа, содержавшего перечень стандартных требований, которые в процессе конкисты неизменно предъявлялись индейцам. Заявив, что Писарро действует по поручению короля Испании, получившего земли инков в дар от папы римского, Вальверде предложил Атауальпе принять христианство и признать себя вассалом императора Карла V. Когда до изумленного Сапа Инки дошел смысл выслушанной им речи на непонятном языке, он решительно отверг домогательства пришельцев, а Евангелие, протянутое ему монахом в подтверждение своих слов, бросил на землю.

По сигналу Вальверде солдаты, присутствовавшие при описанной сцене, напали на ничего не подозревавших индейцев и, открыв по ним огонь, перебили сотни безоружных людей. Сам Атауальпа оказался в плену. За его освобождение Писарро потребовал огромный выкуп. В течение нескольких месяцев инки собрали обещанное испанцам количество золота и серебра. Доставленным золотом наполнили целую комнату, а две других — серебром. Но это не спасло несчастного Сапа Инку, которого вскоре предали суду по обвинению в «мятеже» против испанского монарха и удушили.

Пленение и гибель верховного правителя оказали деморализующее воздействие на его подданных. К тому же они были поглощены внутренними распрями: с прежним ожесточением продолжалась междоусобная война приверженцев Уаскара и Атауальпы. Отдав предпочтение «законной» династии, Писарро заручился поддержкой ее сторонников и через год после трагических событий в Кахамарке вступил в столицу Куско. Вслед за тем посланные им отряды подчинили северные области инкского государства (Кито).

Двигаясь из Перу на юг, завоеватели под предводительством Альмагро вторглись в 1535—1537 гг. в пределы страны, названной ими Чили. Однако, натолкнувшись на упорное сопротивление отважных мапуче (которых испанцы стали называть арауканами) и не обнаружив ожидаемых драгоценных металлов и других сокровищ, конкистадоры вернулись в Куско. Там Альмагро пытался оспаривать права, предоставленные королем Писарро, но в борьбе с последним потерпел поражение и был казнен.

В это же время Педро де Мендоса приступил к колонизации Рио-де-ла-Платы. В 1536 г. он основал на западном берегу залива поселение Пуэрто-де-Санта-Мария-де-Буэнос-Айрес (Порт Богоматери добрых ветров). Но Буэнос-Айрес и другие опорные пункты испанцев на Атлантическом побережье и в устье Пара-

ны и Уругвая постоянно подвергались нападениям со стороны воинственных индейских племен. Поэтому центр испанских владений в этом районе вскоре переместился в глубь континента, на север. С начала 40-х годов плацдармом для дальнейшего захвата и закрепления земель в бассейне Рио-де-ла-Платы стал Асунсьон, заложенный в 1537 г. при впадении р. Пилькомайо в Парагвай. Однако ввиду отсутствия там больших естественных богатств и значительных резервов рабочей силы, а также вследствие географического положения этого района конкистадоры не были экономически заинтересованы в его освоении. В результате туда приезжало мало испанцев, да и те обычно не привозили своих семей. В 1617 г. произошел раздел обширной «провинции Рио-де-ла-Платы». Ее южная часть сохранила прежнее наименование. Земли же, расположенные к северу от места впадения Парагвая в Парану, и область Гуайра¹ выделились в самостоятельную «провинцию Гуайра», а вскоре стали именоваться «провинцией Парагвай».

Многочисленные отряды европейских завоевателей устремились также в северную часть Южной Америки, где по их представлениям находилась легендарная страна Эльдorado. В финансировании этих экспедиций участвовали немецкие банкиры Вельзеры, получившие от своего должника императора Карла V (как короля Испании носившего имя Карла I) право на колонизацию южного побережья Карибского моря. Часть его между полуостровами Пария и Гуахира именовалась Венесуэлой («маленькой Венецией»)². В поисках Эльдorado испанские экспедиции и отряды немецких наемников проникли в 30-х годах XVI в. в долины рек Ориноко и Магдалены. В 1538 г. они вышли на плоскогорье Кундинамарки, близ Боготы. После аннулирования в 1545 г. прав Вельзеров испанская колонизация Карибского побережья значительно активизировалась.

В начале 40-х годов Франсиско де Орельяна достиг р. Амазонки и спустился по ее течению до Атлантического океана. Почти одновременно испанцы во главе с участником завоевания Перу Педро де Вальдивией предприняли новый поход в Чили, но к началу 50-х годов смогли овладеть лишь северной и центральной частью страны. В долине р. Мапучо они основали город Сантьяго, на берегу залива Кокимбо — Ла-Серену, а их главным опорным пунктом при завоевании территории южнее р. Био-Био стал Консепсьон, построенный в ее устье. Проникновение испанских и португальских конкистадоров во внутренние области Америки продолжалось и во второй половине XVI в., а колонизация некоторых районов (например, южного Чили и северной Мексики) затянулась на гораздо более длительный период.

Поражение, понесенное индейскими народами при столкновении с европейскими завоевателями, объяснялось многими причинами. Главная из них — отсутствие единства среди индейцев. Подвластные ацтекам, майя, инкам племена в критический момент не только не пришли им на помощь, но воспользовались ситуацией, чтобы свести давние счеты со своими поработителями. Однако, оказавшись орудием в руках конкистадоров, они вместе с тем раньше или позже сами становились их жертвами. Существенным фактором, способствовавшим успеху конкисты, явилось военно-техническое превосходство испанцев и португальцев. Немалое значение имело наличие острых общественных противоречий в складывавшихся государственных образованиях американских индейцев, где процесс социальной дифференциации уже успел зайти достаточно далеко.

На обширные и богатые земли Нового Света наряду с пиренейскими государствами претендовали и другие европейские державы — Англия, Франция,

¹ Гуайра простиралась от верхнего течения Параны почти до самого Атлантического океана.

² Первоначально это название было дано индейскому селению, обнаруженному в 1499 г. экспедицией Охеды возле залива Маракайбо. Стоявшие там на воде свайные постройки напомнили испанцам Венецию.

Голландия. Они небезуспешно пытались захватить различные территории в Южной и Центральной Америке, а также многие острова Вест-Индии. Достижению этой цели способствовала пиратская деятельность флибустьеров и буканьеров, которые грабили испанские и португальские торговые суда, нападали на американские колонии Испании и Португалии. В 1578 г. английский мореплаватель Фрэнсис Дрейк, типичный «джентльмен удачи», достиг побережья Южной Америки в районе Рио-де-ла-Платы и через Магелланов пролив прошел в Тихий океан. Считая, что заокеанским владениям грозит опасность, испанское правительство снарядило и направило к берегам Англии огромную эскадру. Однако эта «Непобедимая армада» была в 1588 г. разгромлена, что привело к ослаблению морской мощи Испании. Вскоре к северному побережью Южной Америки отплыла британская экспедиция Уолтера Рэли. В поисках сказочного Эльдорадо она вошла в устье Ориноко и продвинулась на 400 км вверх по реке. В XVI—XVII вв. нападения на испанские колонии в Америке совершали английские пираты Джон Хокинс, Томас Кэвендиш, Генри Морган, их голландские «коллеги» Йорис Спильберген, Пит Хейн и другие.

Жертвой пиратов — англичан и французов — являлась также Бразилия, особенно в тот период, когда в связи с воцарением в Португалии испанской ветви династии Габсбургов эта португальская колония оказалась включенной в состав колониальной империи Испании (1581—1640). Частью Бразилии овладела и удерживала ее в течение четверти века (1630—1654) Голландия.

Несмотря на все попытки могущественных соперников лишить испанцев и португальцев колониальной монополии, столкновение интересов двух крупнейших государств — Англии и Франции, оспаривавших мировое первенство, способствовало сохранению более слабыми Испанией и Португалией большинства их американских владений. За исключением небольшой Гвианы, поделенной между Англией, Францией и Голландией, а также Москитового берега (восточное побережье Никарагуа) и Белиза (юго-восток Юкатана) — объектов английской колонизации, Южная и Центральная Америка вплоть до начала XIX в. продолжали оставаться под испанским и португальским господством.

Лишь в Вест-Индии, за которую на протяжении XVI—XVIII вв. ожесточенно боролись Англия, Франция, Голландия и Испания (причем многие острова неоднократно переходили от одной державы к другой), позиции испанских колонизаторов были значительно ослаблены. К концу XVIII — началу XIX в. им удалось удержать только Кубу, Пуэрто-Рико и восточную половину Гаити (Санто-Доминго). Западную половину этого острова Испании пришлось по Рисвикскому мирному договору 1697 г. уступить Франции, основавшей здесь колонию, которую стали называть Saint-Domingue (в традиционной русской транскрипции — Сан-Доминго). Французы захватили также (еще в 1635 г.) Гваделупу и Мартинику. Ямайка, большинство Малых Антильских островов (Сент-Китс, Невис, Антигуа, Монтсеррат, Сент-Винсент, Барбадос, Гренада и др.), Багамский и Бермудский архипелаги перешли в XVII в. к Англии. Ее права на многие острова, принадлежавшие к группе Малых Антильских, окончательно закрепил Версальский мирный договор 1763 г. В 1797 г. англичане овладели испанским островом Тринидад, расположенным близ северо-восточного побережья Венесуэлы. В начале XIX в. они добились официального признания своих притязаний на островок Тобаго, фактически находившийся в их руках (с некоторыми перерывами) еще с 1580 г.

Кюрасао, Аруба, Бонайре и другие острова оказались под властью Голландии. Крупнейшие из Виргинских островов (Сент-Круа, Сент-Томас, Сент-Джон), первоначально принадлежавшие Испании, а затем являвшиеся объектом борьбы между Англией, Францией и Голландией, в 30—50-х годах XVIII в. купила Дания.

Открытие и колонизация европейцами Американского континента, где ранее

безраздельно господствовали дофеодалные отношения, объективно способствовали развитию там исторически более прогрессивного общественного строя. Феодалный по своей сущности, он отличался значительным своеобразием, так как складывался в специфических условиях колониального режима и под определенным влиянием некоторых социально-экономических институтов, существовавших в Америке до начала ее завоевания.

Вместе с тем указанные события имели огромное всемирно-историческое значение для ускорения процесса развития капитализма в Европе и вовлечения в его орбиту необъятных территорий Нового Света. «Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало для поднимающейся буржуазии новое поле деятельности. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента»¹. Открытие Америки подготовило создание всемирного рынка, который «вызвал колоссальное развитие торговли, мореплавания и средств сухопутного сообщения»².

Однако конкистадоров вдохновляли отнюдь не идеи общественного прогресса: их главной целью был захват земель, рабочей силы и сокровищ. Они безжалостно разрушали древние цивилизации, созданные коренным населением Америки, варварски уничтожали формы экономической жизни, общественного устройства, самобытную культуру, достигшие у некоторых народов Нового Света высокого уровня развития.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 425.

² Там же.

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД (XVI—XVIII вв.)

Стремясь закрепить свое господство над захваченными территориями, колонизаторы ввели административную систему, призванную обеспечить выполнение этой задачи.

Из испанских владений в Северной и Центральной Америке в 1535 г. было создано вице-королевство Новая Испания со столицей Мехико, выстроенном на месте разрушенного и сожженного испанцами Теночтитлана. В состав вице-королевства к концу XVIII — началу XIX в. входили вся современная Мексика (за исключением Чьяпаса) и южная часть нынешних США (штаты Техас, Калифорния, Нью-Мексико, Аризона, Невада, Юта, часть Колорадо и Вайоминга). Северная граница Новой Испании не была точно установлена до 1819 г. в связи с территориальными спорами между Испанией, Англией, США и Россией. Испанские колонии в Южной Америке, кроме Карибского побережья (Венесуэла), и юго-восточная часть Центральной Америки (Панама) образовали в 1542 г. вице-королевство Перу, главным городом которого стала Лима, основанная в 1535 г.

Некоторые области, номинально находившиеся под властью вице-короля, фактически являлись самостоятельными политико-административными единицами. Ими управляли генерал-капитаны, которые непосредственно подчинялись мадридскому правительству. Так, большую часть Центральной Америки (за исключением Юкатана, Табаско, Панама) занимало генерал-капитанство Гватемала. Владения Испании в Вест-Индии и на побережье Карибского моря до второй половины XVIII в. составляли генерал-капитанство Санто-Доминго. В рамках вице-королевства Перу до 30-х годов XVIII в. существовало генерал-капитанство Новая Гранада (со столицей в Боготе).

Наряду с созданием вице-королевств и генерал-капитанств в наиболее крупных центрах испанской колонизации учреждались специальные административно-судебные коллегии — аудиенсии. Территория, находившаяся под юрисдикцией каждой аудиенсии, представляла собой определенную административную единицу, причем границы ее в некоторых случаях совпадали с границами соответствующего генерал-капитанства. Действительное положение той или иной колонии далеко не всегда определялось ее юридическим статусом. Так, губернатор (одновременно глава аудиенсии) Чили вследствие отдаленности и военного значения этой провинции пользовался гораздо большей политической самостоятельностью, чем, например, власти аудиенсий Чаркас и Кито. Парагвай, отрезанный от моря и обреченный на изоляцию, номинально до 1776 г. входил в вице-королевство Перу и подчинялся аудиенсии Чаркас. Практически же им управлял губернатор, избиравшийся самими парагвайцами.

В XVIII в. административно-политическое устройство американских колоний Испании (главным образом ее владений в Южной Америке и Вест-Индии) претерпело значительные изменения. Новая Гранада была в 1739 г. реорганизована в вице-королевство. В него вошли также территории, находившиеся под юрисдикцией аудиенсий Панама и Кито. Куба в 1764 г. была выделена в само-

стоятельное генерал-капитанство. В 1776 г. образовалось еще одно новое вице-королевство — Рио-де-ла-Плата. Оно объединило обширную территорию, ранее подвластную аудиенсии Чаркас: Буэнос-Айрес и другие провинции современной Аргентины, Парагвай, Верхнее Перу (нынешняя Боливия), Восточный Берег (Банда Ориенталь), как называли в то время территорию Уругвая, расположенную на восточном берегу р. Уругвай. На следующий год было создано генерал-капитанство Венесуэла со столицей в Каракасе. В 1778 г. ранг генерал-капитана получил губернатор Чили. В 1795 г. мадридское правительство вынуждено было уступить Франции Санто-Доминго (т. е. и восточную половину Гаити). В связи с этим центр испанского владычества в Вест-Индии переместился на Кубу, куда перевели аудиенсию из Санто-Доминго. Генерал-капитану и аудиенсии Кубы подчинялись губернаторы Флориды и Пуэрто-Рико, хотя юридически эти колонии рассматривались как находившиеся в непосредственной зависимости от метрополии.

Система управления американскими владениями Испании соответствовала строю испанской абсолютной монархии. Высшая власть в каждой колонии принадлежала вице-королю или генерал-капитану. Ему были подчинены губернаторы провинций. Городами и сельскими округами правили коррегидоры и старшие алькальды, индейскими селениями — наследственные старейшины (касики), а в дальнейшем выборные старосты. В 80-х годах XVIII в. в Испанской Америке было введено административное деление на интендантства, состоявшие из округов, и соответственно в Новой Испании создано 12 интендантств, в Перу и Рио-де-ла-Плате — по 8, в Чили — 2. Вице-короли и генерал-капитаны пользовались широкими правами. Они назначали губернаторов и прочих чиновников, издавали различные распоряжения, ведали казной и вооруженными силами. Поскольку испанский монарх обладал правом патроната по отношению к церкви в американских колониях, вице-король от его имени утверждал священников из числа кандидатов, представленных епископами.

Хотя на аудиенсии помимо судебных функций возлагалось и наблюдение за деятельностью административного аппарата, они являлись лишь совещательными органами. В своих действиях вице-короли отчитывались только перед королевским правительством и Верховным советом по делам Индий в Мадриде, который фактически руководил всей политикой Испании по отношению к американским колониям. Его решения и рекомендации подлежали утверждению короля.

В городах Испанской Америки существовали муниципальные органы — кабильдо или аюнтамьенто, ведавшие местным благоустройством, городскими финансами, разбором уголовных и гражданских дел. Их деятельность контролировалась колониальной администрацией.

Португальской колонией Бразилией, главным городом которой была Баия (с 1763 г. Рио-де-Жанейро), первоначально управлял генерал-губернатор, а со второй половины XVII в. — вице-король и подчиненные ему губернаторы провинций.

Важным элементом колониального аппарата в Латинской Америке являлась католическая церковь. Под видом заботы о «спасении душ» индейцев духовенство насильно навязывало им христианскую религию, используя ее как средство порабощения коренного населения. Священники и монахи заставляли индейцев работать на себя, облагали их всевозможными поборами, сгоняли на строительство церквей и монастырей. Гнетущее влияние церкви сказывалось на всей духовной жизни колоний. Она поставила под свой контроль учебные заведения, осуществляла цензуру и т. д. Вместе с католичеством в Америку проникла зловещая инквизиция. Со временем церковь стала располагать огромными материальными ценностями: она была крупнейшим землевладельцем и ростовщиком, имела множество других источников дохода. Духовенство обладало важ-

ными привилегиями: освобождалось от уплаты налогов и пользовалось правом особой юрисдикции по судебным делам (фуэро). Однако богатство и власть находились в руках представителей высшей иерархии. Большой же части низшего духовенства приходилось довольствоваться скудным жалованьем и весьма скромными даяниями верующих.

Экономическое развитие Латинской Америки полностью обуславливалось интересами метрополий, которые рассматривали колонии прежде всего как источник снабжения драгоценными металлами и продуктами плантационного хозяйства. Обрабатывающая промышленность развивалась чрезвычайно медленно. Мануфактур даже в конце XVIII — начале XIX в. было очень мало. Колониальные власти всячески тормозили прогресс местной промышленности латиноамериканских стран, с тем чтобы сохранить за метрополией монополию на импорт готовых изделий. Политика колониальных держав определяла и состояние сельского хозяйства колоний. Боясь конкуренции, власти запретили выращивание винограда, олив, льна, разведение шелковичных червей. Большая часть виноградников была уничтожена, а оливковые и тутовые рощи вырублены. Разрешалось разводить лишь такие культуры, которые не выращивались в метрополии.

Поскольку покупательная способность основной массы населения, страдавшего от многочисленных поборов в пользу латифундистов, короля и церкви, была весьма незначительна, внутренняя торговля в колониях развивалась слабо. Ее росту препятствовали также государственные монополии на продажу соли, спиртных напитков, табачных изделий, игральные карты, гербовой бумаги, пороха и других товаров.

Торговые отношения с иностранными государствами строжайшим образом запрещались. На протяжении большей части колониального периода экономические связи Латинской Америки ограничивались торговлей с метрополиями, причем весь импорт и экспорт облагались высокими таможенными пошлинами. Товары из Испании в Америку и обратно вплоть до последней четверти XVIII в. перевозили специальные флотилии. Они периодически отплывали под усиленной охраной военных кораблей первоначально из Севильи, а с 1717 г. — из Кадиса. Одна флотилия направлялась в Картахену (порт в Новой Гранаде), другая совершала рейсы между Испанией и мексиканским портом Веракрус.

Лишь в 60—80-х годах XVIII в. произошло частичное смягчение торгового режима: испанские колонии в Америке получили возможность торговать между собой, а их порты были открыты для торговли с метрополией, правительство Карла III (1759—1788) отказалось от системы флотилий, упразднило некоторые пошлины и уменьшило размеры других. Эти меры являлись составной частью серии реформ, предусматривавших также изгнание иезуитского ордена из всех владений Испании, стимулирование горнодобывающей промышленности, сокращение отчислений в королевскую казну с $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{10}$ доли добываемых благородных металлов, ряд преобразований административного характера.

В аналогичном направлении шла и реформаторская деятельность всемогущего министра Португалии маркиза Помбала (третья четверть XVIII в.). Для Бразилии особое значение имели ликвидация миссий иезуитов и их изгнание из страны, отмена рабства индейцев, разрешение основывать мануфактуры, создание торговых компаний, которым предоставлялись монопольные права.

Реформы, проводившиеся почти одновременно Карлом III и Помбалом, являлись испанской и португальской разновидностями политики просвещенного абсолютизма. Продиктованные стремлением правящих кругов Испании и Португалии найти выход из тупика, в который зашла экономика пиренейских государств, укрепить свои позиции в американских владениях, они не подразумевали радикальных перемен в системе эксплуатации колоний, отличались половинчатостью и непоследовательностью. После смерти Карла III мадридское прави-

тельство, напуганное революцией в соседней Франции, не решилось продолжить даже робкие попытки преобразований, предпринятые в предшествующий период. Еще более недолговечными оказались реформы Помбала. Вслед за его отстранением от власти (1777) феодальная знать и церковь добились отмены большинства из них, в частности ликвидации торговых компаний, закрытия почти всех новых промышленных предприятий, восстановления прежних запретительных законов и т. д.

Захватывая земли Америки, колонизаторы грабили, поработали или истребляли коренное население. Обращение индейцев в рабство было узаконено соответствующими королевскими указами. До середины XVI в. в американских колониях Испании преобладала рабовладельческая форма эксплуатации.

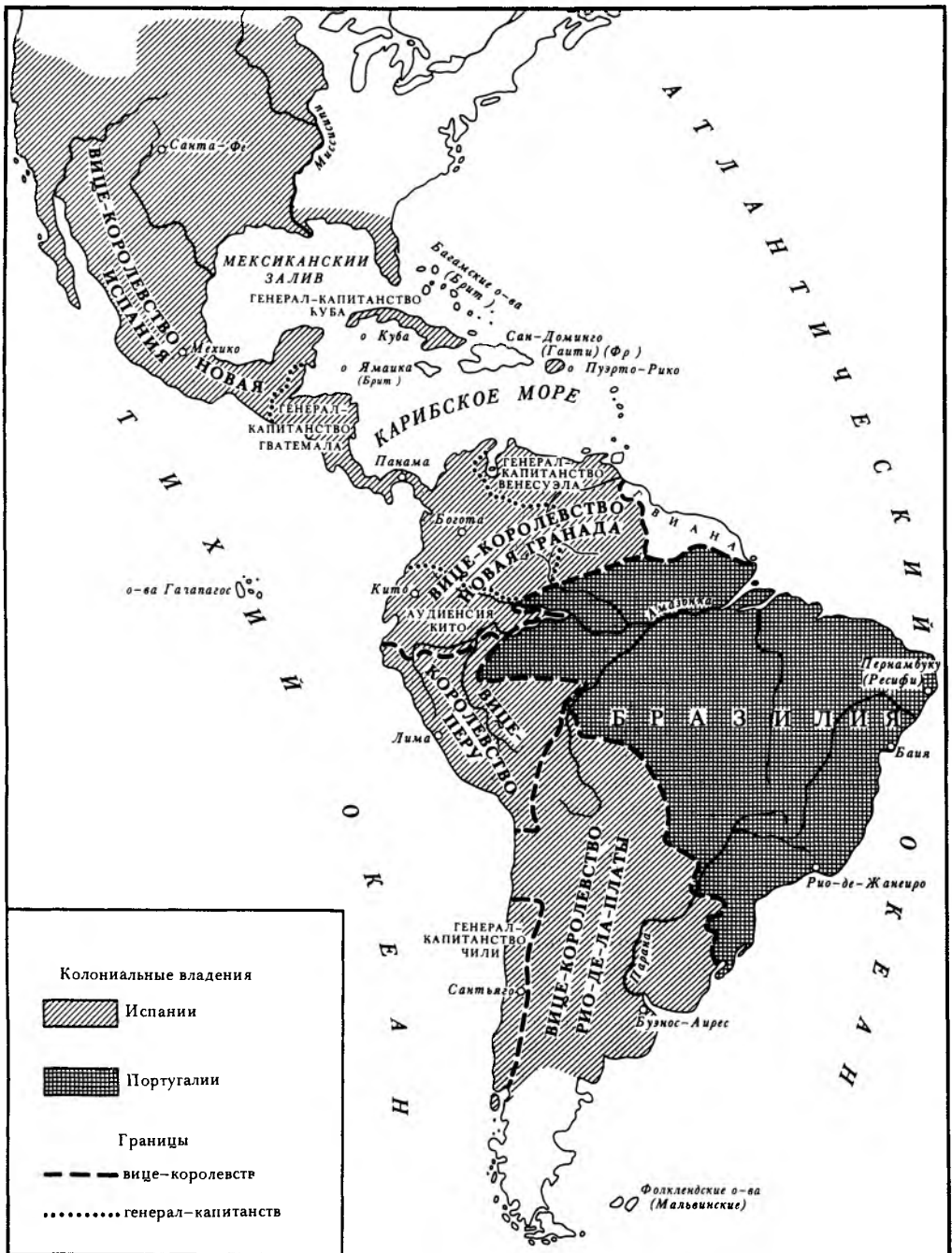
Низведенные до положения бесправных рабов, индейцы сотнями тысяч гибли от непосильного труда на плантациях и рудниках, от голода и болезней. Варварское обращение с ними, систематическое недоедание, частые эпидемии чумы, оспы, тифа, занесенных извне, резкое падение рождаемости привели к катастрофическому сокращению числа аборигенов. На островах Вест-Индии они были почти полностью уничтожены уже к середине XVI в. В таких густо населенных странах Американского континента, как Новая Испания и Перу, численность индейского населения тоже резко сократилась. Так, в Центральной Мексике она уменьшилась за полвека почти в 10 раз, а в Перу к 1570 г. осталось в 6—8 раз меньше жителей, чем насчитывалось накануне испанского завоевания. В Бразилии к концу XVI в. индейцы в большинстве своем либо были истреблены, либо укрылись в малодоступных глубинных районах.

Угроза полного уничтожения рабочей силы и налогоплательщиков встревожила испанское и португальское правительство, побудив их принять меры, направленные на устранение некоторых крайностей. Политику правящих кругов в этом вопросе поддерживала верхушка католической церкви, заинтересованная в многочисленной пастве, которую могло бы эксплуатировать само духовенство. Решительно возвысил голос в защиту индейцев выдающийся испанский писатель-гуманист Бартоломе де Лас Касас.

Отстаивая их интересы и человеческие права, он неоднократно обращался в Верховный совет по делам Индий, к королю, папе римскому и другим высокопоставленным особам. В 1552 г. вышел в свет его трактат «Краткое сообщение о разорении Индий». То был обвинительный акт против колонизаторов, перечень их кровавых преступлений, совершенных за полвека на американской земле. Более подробная картина завоевания и колонизации Нового Света нарисована в фундаментальном труде Лас Касаса «История Индий», опубликованном впервые через три с лишним столетия после смерти автора.

Хотя свидетельства Лас Касаса и иных очевидцев, разоблачая злодеяния участников конкисты, далеко не в полной мере отражали их масштабы, апологеты испанского колониализма объявили эти утверждения сплошным вымыслом и злостной клеветой — «черной легендой», сочиненной врагами Испании. Усилия по реабилитации конкистадоров достигли кульминации в трудах Р. Менендеса Пидалья (1963), который, категорически отрицая достоверность сведений об уничтожении многих миллионов индейцев, объявил Лас Касаса попросту параноиком и маньяком. Эти инсинуации подверглись в Латинской Америке и за ее пределами резкой критике.

В 1542 г. император Карл V издал так называемые Новые законы, которые касались главным образом статуса индейцев и включали кое-какие меры, призванные несколько ограничить произвол по отношению к ним. Но эти предписания встретили яростное сопротивление тех, чьи интересы затрагивали. В Перу вспыхнуло восстание против вице-короля, пытавшегося претворить в жизнь волю монарха. В Новой Испании конкистадоры настойчиво требовали отмены законодательных актов, присланных из метрополии. Аналогичные выступления

Латинская Америка к концу XVIII в

имели место в Гватемале и Новой Гранаде. Противодействие колониальной верхушки препятствовало осуществлению изданных законов. Тем не менее их основные положения формально оставались в силе и даже получили дальнейшее развитие в последующих распоряжениях испанского правительства.

Разумеется, колонизаторы отнюдь не отказались от жестокого обращения с покоренными народами. Однако во второй половине XVI в. применявшиеся ими методы изменились, вследствие чего эксплуатация аборигенного населения приняла преимущественно феодальный характер. Конечно, рабство индейцев не исчезло сразу и повсеместно. Оно еще встречалось в том или ином виде на протяжении длительного времени, но как юридически узаконенный институт в течение второй половины XVI в. почти полностью прекратило легальное существование.

В связи с массовым истреблением аборигенов и вызванной им нехваткой рабочих рук в Америку с начала XVI в. стали ввозить негров-рабов из Африки. Однако они составляли большинство непосредственных производителей лишь на островах Вест-Индии, в прибрежных районах Новой Гранды и Венесуэлы, а также в португальской колонии Бразилии. Там был создан, по определению Маркса, «соответствующий рабскому труду способ производства»¹. Его специфической формой явилось плантационное рабство, получившее широкое распространение. Оно возникло под прямым влиянием процесса первоначального накопления в Западной Европе. К. Маркс рассматривал рабство чернокожих в Америке наряду с другими факторами как основу развития европейской буржуазной промышленности².

В континентальной части Испанской Америки (исключая южное побережье Карибского моря) основной рабочей силой продолжали оставаться индейцы. Значительная часть их была прикреплена к поместьям, владельцам которых они передавались на «попечение» (энкомьенда) якобы с целью приобщения к европейской цивилизации и привития христианских добродетелей. Индейцы облагались оброком (обычно натуральным) в пользу своих энкомендеро, которые обязаны были четверть его вносить в королевскую казну. Испанское законодательство запрещало энкомендеро требовать от своих индейцев отбывания личных повинностей. Но в Чили, Парагвае и других провинциях Рио-де-ла-Платы они были официально узаконены, а в Новой Испании и Перу, несмотря на формальный запрет, практиковались очень широко.

Часть индейцев находилась под непосредственной властью короны и управлялась королевскими чиновниками. С них взималась подушная подать, при сборе которой часто допускались злоупотребления. Индейцы не имели права менять место жительства без разрешения властей. Они отбывали трудовую повинность, заключающуюся в обязательном выделении определенного числа мужчин в возрасте от 15 до 60 лет для работы на рудниках и плантациях, ухода за скотом, строительства зданий, мостов, дорог. Такой принудительный набор рабочей силы в Перу назывался «мита», а в Мексике «репартимьенто». Индейцы работали бесплатно или за жалкие гроши и неограниченное время. Они были совершенно бесправны и полностью зависели от произвола помещиков и колониальной администрации.

В процессе захвата земельных владений индейцев многих из них сгоняли с земли и тогда они нанимались к ее новым владельцам в качестве батраков-подёнщиков. Некоторым индейцам их наделы оставляли на правах «аренды», причем за пользование землей «арендатор» работал на хозяина и отдавал ему часть урожая. И в том и в другом случае индейцы оказывались в кабальной зависимости от землевладельца. Многие из них со временем превращались в прикреплен-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 724.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 135.

ных к земле наследственных долговых рабов — пеонов. Первые зародыши системы пеонажа появились в Новой Испании и Перу еще во второй половине XVI в., но более или менее широкое распространение она получила в XVII и особенно XVIII в. Чилийской разновидностью пеона являлся инкилино. Пеонаж представляет собой своеобразную разновидность крепостничества. «Работник не только всю свою жизнь остается должником кредитора, следовательно, принудительно работает на него, — писал Маркс, — но эта зависимость переходит по наследству на его семью и на следующее поколение, делая их фактически *собственностью* кредитора»¹. Наряду с сельским хозяйством система долгового рабства практиковалась также на рудниках и мануфактурах, владельцы которых, уплатив за индейцев подушную подать или выдав им небольшой денежный аванс, заставляли их для погашения задолженности работать на своих предприятиях.

В связи с распространением пеонажа институт энкомьенды к началу XVIII в. в значительной мере утратил прежнее значение. Стремясь получить в свое распоряжение новых работников и налогоплательщиков, испанское правительство издало в 1718—1720 гг. указы, формально упразднявшие энкомьенды в американских колониях. Однако фактически они сохранялись местами в скрытом виде или даже легально еще в течение многих лет. В некоторых провинциях Новой Испании этот институт официально ликвидировали лишь в 1785 г., а в Чили — только в 1791 г. Имеются сведения о существовании энкомьенд во второй половине XVIII в. на Рио-де-ла-Плате и в Новой Гранаде. При упразднении энкомьенд крупные землевладельцы сохранили не только свои поместья, но практически и власть над индейцами. В большинстве случаев они захватили полностью или частично общинные земли, вследствие чего крестьяне, лишенные свободы передвижения, вынуждены были продолжать работу в поместьях в качестве пеонов. Те, которые избежали этой участи, оказались в прямом подчинении колониальных властей.

Индейцев закрепощали не только латифундисты и королевское правительство, но и католическая церковь, в руках которой находились огромные территории. Владения духовных миссий назывались редуциями. Особенно много их было в Парагвае, где с начала XVII в. обосновался иезуитский орден. Вскоре иезуиты подчинили себе значительную часть индейцев-гуарани и согнали их в 30 редуций, где они подвергались бесчеловечной эксплуатации. Церковь в колониях получала также колоссальные доходы от сбора десятины, платёжей за требы, всевозможных ростовщических операций, «добровольных» пожертвований и т. д.

Таким образом, к концу XVIII — началу XIX в. большинство индейского населения Латинской Америки, лишившись личной свободы, а зачастую и земли, оказалось фактически феодально зависимым. Основную массу его составляли закрепощенные крестьяне, а также рабочие рудников, мануфактур, ремесленных мастерских, грузчики, домашняя прислуга. Однако в некоторых малодоступных районах, удаленных от главных центров колонизации, оставались племена, не признававшие власти захватчиков и оказывавшие им упорное сопротивление. В отдельных областях существовало свободное крестьянство: льянеро — на равнинах (льяносах) Венесуэлы и Новой Гранады, гаучо — в Южной Бразилии и на Рио-де-ла-Плате. В Парагвае преобладающей формой землевладения являлись мелкие и средние хозяйства (кинта, чакра), а в Новой Испании имелись мелкие земельные владения хуторского типа — ранчо.

Хотя на протяжении XVI—XVIII вв. в Латинскую Америку ввезли миллионы африканских невольников, вследствие высокой смертности, вызванной непосильным трудом, непривычным климатом и болезнями, их численность в большинстве

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 470.

колоний (кроме Бразилии и указанных выше районов Карибского бассейна) к концу XVIII — началу XIX в. была невелика. Однако население африканского происхождения преобладало на островах Вест-Индии, было довольно многочисленным в Новой Гранаде, Венесуэле и некоторых других районах.

С самого начала колонизации в Латинской Америке появилось и стало быстро расти население европейского происхождения. Привилегированную верхушку колониального общества составляли уроженцы метрополии — испанцы и португальцы, преимущественно представители родовитого дворянства, а также богатые купцы, в руках которых находилась торговля колоний. Они занимали почти все высшие административные, военные и церковные должности, владели крупными поместьями и рудниками. Уроженцы метрополии кичились своим происхождением и считали себя высшей расой по сравнению не только с индейцами и неграми, но даже с креолами.

Термин «креол» весьма условен и неточен. Креолами в Америке называли родившихся здесь «чистокровных» потомков европейцев. Однако на самом деле большинство из них имело в той или иной степени примесь индейской либо негритянской крови. Из среды креолов вышла большая часть крупных землевладельцев. Они пополняли ряды колониальной интеллигенции и низшего духовенства, занимали второстепенные должности в административном аппарате и армии. Сравнительно немногие из них занимались торгово-промышленной деятельностью, но им принадлежало большинство рудников и мануфактур. Среди креольского населения были также мелкие земельные собственники, ремесленники, хозяева небольших предприятий. Обладая номинально равными правами с уроженцами метрополии, креолы в действительности подвергались дискриминации и лишь в порядке исключения назначались на высшие посты. В свою очередь они с презрением относились к индейцам и вообще к «цветным», третируя их как представителей низшей расы.

Помимо индейцев, негров и колонистов европейского происхождения в Латинской Америке существовала многочисленная группа населения, возникшая в результате смешения различных этнических компонентов, — метисы, мулаты и самбо. Они были лишены гражданских прав: не могли претендовать на чиновничьи и офицерские должности, участвовать в выборах муниципальных органов и т. д. Представители этой категории занимались ремеслом, розничной торговлей, свободными профессиями, служили управляющими, приказчиками, надсмотрщиками у богатых латифундистов, составляли большинство мелких землевладельцев. Некоторые из них к концу колониального периода стали проникать в ряды низшего духовенства, превратились в пеонов, рабочих мануфактур и рудников, солдат, деклассированный элемент городов.

Отмеченные выше общие черты экономической эволюции, социальной структуры, расово-этнического состава латиноамериканских стран, конечно, не отражают в полной мере сложное многообразие местных условий, существовавших в разных частях этого обширного региона и менявшихся в течение трех столетий колониальной эпохи.

Эти различия определялись особенностями процесса колонизации тех или иных территорий Нового Света. Во многом они зависели от уровня развития производительных сил и производственных отношений в метрополии, который был далеко не одинаков. Если Англия, Франция, Голландия сравнительно давно вступили на путь капиталистического развития и успели пройти через буржуазные революции, то в Испании и Португалии, переживавших хозяйственный и политический упадок, элементы капитализма существовали лишь в зачаточном виде. А между тем именно иберийские государства сохраняли колониальную монополию в Латинской Америке (за исключением Вест-Индии, Гвианы и небольших участков центральноамериканского побережья — Москитового берега и Белиза). Естественно, что они насаждали там специфические формы феодаль-

ных отношений, а подчас даже плантационного рабства, хотя производство испанских и португальских колоний ориентировалось главным образом на складывавшийся мировой капиталистический рынок. Впрочем, в карибских владениях Франции, Англии и Голландии вследствие почти поголовного уничтожения индейцев тоже эксплуатировался главным образом труд африканских невольников.

Вместе с тем на характер колонизации существенно повлияла конкретная ситуация в отдельных субрегионах. Так, в Бразилии португальцы застали сравнительно слабо развитые племена, находившиеся еще на стадии первобытно-общинного строя. Это обстоятельство способствовало тому, что американские владения Португалии стали со временем более или менее единым целым, с сильной центральной властью, а сепаратистские стремления были выражены весьма незначительно.

Гораздо более пеструю картину представляла испанская колониальная империя, неоднородность которой обуславливалась историческими, географическими, экономическими, политическими, этническими и иными факторами. Колонии Новая Испания, Перу, Новая Гранада возникли в местах наибольшего сосредоточения коренного населения, где до европейского завоевания существовали очаги высоких индейских цивилизаций с далеко зашедшей социальной дифференциацией, рабовладельческой формой эксплуатации, зачатками государственности и т. д. Несравненно ниже был уровень развития аборигенов Рио-де-ла-Платы, Парагвая, Чили, не говоря уже об островах Вест-Индии.

В недрах Новой Испании и Перу таились огромные запасы драгоценных металлов, добыча которых превратилась в важнейшую отрасль их хозяйства. В экономике стран Рио-де-ла-Платы и Карибского бассейна, Парагвая и Чили, менее богатых разведанными минеральными ресурсами, доминировали земледелие и скотоводство, причем в Вест-Индии, Венесуэле, на северном побережье Новой Гранады широкое распространение получило выращивание сахарного тростника, табака, какао, кофе и других тропических культур.

Специфика хозяйственных и прочих условий каждой колонии определяла региональные интересы, которые зачастую не совпадали, а иногда порождали острые противоречия. Например, на Верхнее Перу претендовали как власти Рио-де-ла-Платы, так и перуанская администрация. Чилийцы тяготились экономической зависимостью от Перу — главного рынка сбыта чилийской продукции и связующего звена между Чили и внешним миром. Торговле Парагвая и Банды Ориенталь наносил чувствительный ущерб контроль Буэнос-Айреса над основными речными артериями.

В ходе исторической эволюции Испанской Америки с годами постепенно усиливались локальная замкнутость и центробежные тенденции, наложившие отпечаток на административно-политическую структуру колоний. Их обособленность усугублялась также преградами, воздвигнутыми самой природой: огромные расстояния, бурные реки и высокие горы, непроходимые джунгли и безводные пустыни отделяли испаноамериканские страны друг от друга.

На протяжении всего колониального периода народы Латинской Америки вели упорную борьбу против колонизаторов. Многочисленные восстания происходили в XVI—XVIII вв. в Новой Испании, Перу, Чили, Парагвае, Новой Гранаде, Бразилии, Вест-Индии. В освободительном движении участвовали главным образом индейские племена, угнетенное крестьянство, городская беднота, негры-рабы и другие группы эксплуатируемого населения. Представители имущих слоев, включая креольскую знать, также выражали недовольство зависимостью от метрополии. Но, боясь народных масс, они ограничивались заговорщической деятельностью и отдельными выступлениями, мало связанными с вооруженным сопротивлением индейцев и негров-рабов.

Одними из первых поднялись на борьбу за свою свободу и независимость

индейцы Кубы под руководством их вождя Атуэя (1511—1512). В течение длительного времени они вели успешную партизанскую войну против чужеземных захватчиков и даже вынудили их перейти к обороне. Только после того как испанцы предательски захватили Атуэя в плен и сожгли на костре, им удалось одержать победу. Но в 1529 г. в восточной части Кубы вспыхнуло новое восстание, которое возглавил индейский вождь Гуама. Укрывшись в горах, его отряды успешно отражали наступление испанских войск. Лишь к концу 1532 г. колонизаторы смогли ликвидировать последний крупный очаг организованного сопротивления кубинских индейцев.

В середине 30-х годов XVI в. началось массовое восстание в Перу, которым руководил младший брат покойного Уаскара Манко Инка, незадолго до того провозглашенный испанцами Единственным Инкой. Восставшие блокировали испанский гарнизон в Куско, но так и не смогли овладеть этим городом. В дальнейшем индейцы, потерпев поражение в боях с испанскими войсками, отступили в труднодоступный горный район Вилькакамба, где создали так называемое новоинкское государство. После гибели Манко (1545) во главе этого государства стал его старший сын Сайри Тупак, а с начала 70-х годов — младший сын Тупак Амару, не прекращавший борьбы против колонизаторов до 1572 г., когда он был захвачен в плен и казнен. Впоследствии имя Тупак Амару неоднократно принимали вожди индейских восстаний в странах Андского нагорья.

Одним из крупных антиколониальных выступлений явилось восстание племен Халиско (Новая Испания) в 1541 г. Изгнав испанских энкомендеро и монахов, восставшие почти полностью уничтожили направленную против них карательную экспедицию, после чего вступили в столицу провинции Гвадалахара. Но в дальнейшем индейцы в связи с возникшими среди них разногласиями проявили пассивность. Это позволило испанцам, бросившим все свои войска на подавление восстания, задушить его.

Начиная с середины XVI в. чилийские арауканы длительное время успешно противодействовали всем попыткам завоевания южного Чили. Хотя в 1557 г. они потерпели серьезное поражение и лишились своих выдающихся вождей Лаутаро и Кауполикана, павших от руки врага, уже в 1561 г. началось новое восстание. В результате непрерывной полувековой вооруженной борьбы арауканы изгнали испанцев со всей территории южнее р. Био-Био и даже вынудили их признать эту реку северной границей зоны расселения свободных индейцев.

Уже в XVI в. начались восстания негров-рабов (Венесуэла, Панама). Наиболее ярким примером их борьбы была история так называемой республики Пальмарес («Пальмовая республика»), основанной в 1630 г. беглыми рабами в Пернамбуку (Бразилия). После ряда неудачных попыток уничтожить негритянское государство в середине 90-х годов XVII в. против него была брошена целая португальская армия, блокировавшая Пальмарес. Ее защитники героически боролись до последней возможности, а потом немногие оставшиеся в живых бросились с высокого обрыва в пропасть.

В середине и во второй половине XVII в. особенно упорное сопротивление захватчикам оказывали индейцы пуэбло в Новой Испании. Жестокая эксплуатация и насильственное обращение в христианство вызвали там в период с 1645 по 1675 г. несколько попыток вооруженных выступлений с целью изгнания колонизаторов и восстановления прежней религии. Наиболее крупное восстание вспыхнуло в 1680 г. Индейцы перебили несколько сотен испанцев и осадили столицу провинции Новая Мексика город Санта-Фе. Восставшие разрушали и жгли церкви, дома испанцев, захватывали их имущество. В течение целых 12 лет они держали в своих руках Новую Мексику и только к концу XVII в. колониальные власти сумели в основном восстановить свое господство. Индейцы являлись главной движущей силой наиболее значительного из городских восстаний колониального периода, вспыхнувшего в Мехико в 1692 г. Непосредственным по-

водом к нему послужили недостаток продовольствия и рост дороговизны. Повстанцы сожгли дворец вице-короля, здание муниципалитета, помещения аудиенсии, тюрьму, виселицу, разгромили магазины и лавки. Властям с трудом удалось подавить народные волнения, после чего началась жестокая расправа.

Ряд крупных антиколониальных выступлений имел место в XVIII в.

Одно из них происходило в 20—30-х годах в Парагвае, где креольская верхушка Асунсьона сместила губернатора и заменила его своим представителем Антекерой. Но испанские войска нанесли поражение ополчению, созданному восставшими, а Антекера был арестован (позднее казнен). Однако в дальнейшем в борьбу стали втягиваться более широкие слои населения, объединявшиеся главным образом вокруг муниципальных органов. «Комунерос», как называли участников этого движения¹, вновь отстранили колониальную администрацию и взяли власть в свои руки. В 1735 г. колонизаторы окончательно подавили восстание и восстановили свои позиции в Парагвае. В наказание королевское правительство лишило эту провинцию традиционной привилегии избрания губернатора.

В 1742 г. вспыхнуло восстание индейцев Перу во главе с Хуаном Сантосом. После неудачной попытки овладеть столицей вице-королевства Лимой они ушли в горы и еще несколько лет продолжали борьбу. Только к концу 40-х годов их сопротивление удалось сломить.

Неоднократно происходили волнения среди мексиканских индейцев. Одно из наиболее крупных восстаний началось в 1761 г. на Юкатане под руководством пекаря Хасинто, принявшего имя Канек (так звали последнего представителя династии, правившей до испанского завоевания). Губернатор двинул против восставших все имевшиеся в его распоряжении войска. Индейцы, вооруженные в большинстве своем лишь луками и ножами, потерпели поражение. Канеку отрубили руки и ноги, после чего заживо сожгли. Восьмерых его сподвижников повесили, а остальных повстанцев публично наказали плетью и отрезали им правое ухо. В 1767 г. восстало коренное население ряда районов Новой Испании: Мичоакана, Гуанахуато, Сан-Луис-Потоси. Наибольшего размаха движение достигло в Мичоакане, где жители почти ста деревень отказались подчиняться властям. Во главе восстания здесь стоял Педро де Сория Вильяррозль, утверждавший, что его далекие предки когда-то правили племенами тарасков. Воспользовавшись отсутствием единства действий повстанцев разных провинций, испанцы поочередно разбили их сперва в Гуанахуато, затем в Сан-Луис-Потоси и, наконец, в Мичоакане. Руководители и многие участники восстания попали в плен, 85 из них казнили.

В начале 80-х годов всю Южную Америку потрясло крупнейшее народное выступление в Перу под предводительством старейшины индейского селения Хосе Габриэля Кондорканки, считавшегося потомком последнего верховного правителя инков. Подняв в 1780 г. восстание против колонизаторов, он принял имя Тупак Амару, объявил о восстановлении инкского государства и отмене повинностей, установленных завоевателями, призвал к расправе с королевскими чиновниками. Вскоре 60-тысячная армия восставших двинулась на Лиму. Однако в апреле 1781 г. ее разгромили испанские войска. Кондорканки и других руководителей захватили в плен и предали мучительной казни.

Одновременно массовое народное движение охватило Новую Гранаду. Здесь непосредственным поводом к выступлению явился произвол колониальных властей, в начале 80-х годов с целью пополнения королевской казны увеличивших налоги и повысивших цены на многие товары. Население требовало отмены налогов, отказывалось подчиняться распоряжениям чиновников, громило помещения правительственных учреждений, казенные лавки и склады. Дви-

¹ Это название происходит от *común* — большинство, *comuna* — община.

жением руководил созданный восставшими комитет — «коммуна» (в связи с чем это восстание часто называют движением комунерос) во главе с представителями креольской верхушки Бербео, Платой и др. Повстанцы выступили в поход на столицу Новой Гранады Боготу, причем по мере приближения к ней численность их росла за счет присоединения тысяч индейцев и негров. Встревоженные массовым характером движения креольские руководители пошли на соглашение с властями и распустили свою армию. Пользуясь их предательством, вице-король сосредоточил значительное количество войск, которые к концу 1781 г. полностью подавили восстание. В этот же период в Чили возник «заговор трех Антонио». Его организовали французы Антонио Бернэ и Антонио Грамюссэ, с которыми был связан богатый креол Хосе Антонио де Рохас. Заговорщики хотели установить республику, управляемую выборным сенатом, перераспределить землю на основе равного наделения всех жителей, отменить рабство. Арестованные по доносу одного из участников заговора Бернэ и Грамюссэ в дальнейшем погибли.

Волнения происходили и в португальской колонии Бразилии. В конце 80-х годов в провинции Минас-Жерайс возник заговор, во главе которого стоял кавалерийский офицер Жоахим Жозе да Силва Шавьер, за свое умение лечить зубы получивший прозвище Тирадентис (Зубодер). Заговорщики добивались независимости, установления республиканского строя, отмены сословий, введения свободы торговли, ликвидации ограничений развития промышленности и проведения ряда других преобразований. Вследствие предательства губернатор узнал об их планах. Они были арестованы и отданы под суд. Тирадентиса казнили, а его товарищей сослали на каторгу или изгнали из Бразилии.

Революционное движение в американских колониях, особенно усилившееся во второй половине XVIII в., расшатывало устои колониальной системы. Этому способствовало и ослабление международных позиций Испании и Португалии.

В результате войны за Испанское наследство (1701—1714) Испания вынуждена была предоставить Англии монопольное право ввоза в свои американские владения негров-рабов из Африки (договор о предоставлении такой монополии назывался асьенто). Британское правительство передало это право Компании Южных морей, которая основала фактории в различных пунктах побережья Карибского моря. Не удовлетворяясь этим, английские купцы и пираты вели контрабандную торговлю с испанскими колониями в Вест-Индии и на Карибском побережье. В ходе англо-испанской войны 1739 г. британская эскадра захватила Портобелло на Атлантическом побережье Панамского перешейка. В 1740—1742 гг. английский флот атаковал Картахену, берега Венесуэлы, Панамы и другие испанские владения. После Семилетней войны (1756—1763) англичане в качестве компенсации за возвращение захваченной ими Гаваны заставили Испанию уступить Флориду и удерживали ее в течение 20 лет. Во второй половине 90-х годов в результате войн с Францией и Англией испанская монархия лишилась вест-индских колоний Санто-Доминго и Тринидад.

Португалия со времени войны за Испанское наследство фактически оказалась под протекторатом Англии. Последняя по Метуэнскому договору 1703 г. добилась значительных торговых привилегий в Португалии и Бразилии. В конце XVIII в. зависимость Португалии от Англии еще больше усилилась, что позволило англичанам почти полностью монополизировать торговлю с Бразилией.

Колониальный режим, установленный европейскими завоевателями, тормозил развитие американских колоний. Поэтому в конце XVIII — начале XIX в. там усилилось стремление к освобождению от гнета колонизаторов. Подъему освободительного движения народов Латинской Америки способствовали борьба английских колоний в Северной Америке за независимость (1775—1783) и Великая французская революция (1789—1794). Под непосредственным влиянием последней произошла революция негров-рабов в Сан-Доминго, увенчавшаяся созданием первого латиноамериканского государства Гаити.

РЕВОЛЮЦИЯ НЕГРОВ-РАБОВ САН-ДОМИНГО

В конце XVIII в. Сан-Доминго была самой богатой колонией Франции¹. Рабовладельческое плантационное хозяйство, специализировавшееся главным образом на выращивании сахарного тростника, являлось основой экономики Сан-Доминго и определяли существовавшие там общественные отношения. Раб, трудившийся на плантации, был основным производителем, рабовладелец-плантатор — собственником раба, продуктов его труда, орудий и средств производства. Полмиллиона рабов возделывали земли, находившиеся в руках 4—5 тыс. плантаторов.

Первенствующее положение в колонии занимала французская колониальная администрация во главе с губернатором. Высшим слоем среди постоянных жителей колонии были «большие белые»: крупные плантаторы, владельцы местных сахарных и других предприятий, а также купцы, управляющие больших имений, наиболее состоятельные представители городской буржуазии. Более многочисленную часть населения составляли «маленькие белые», не обладавшие крупной, а иногда и вообще какой бы то ни было собственностью. К ним относились мелкие рабовладельцы, надсмотрщики за рабами, адвокаты, ремесленники, держатели постоялых дворов, трактирщики, торговцы, матросы, немногочисленные рабочие мануфактур и пр. «Большие белые», используя свое экономическое господство и связи с французским королевским двором (эти связи поддерживались через аристократов-плантаторов, живших в Париже), эксплуатировали не только своих рабов, но и «маленьких белых».

Однако несмотря на наличие классовых и сословных противоречий среди белых колонистов, их в значительной мере объединяло привилегированное положение по отношению к «цветному» населению страны — к неграм и мулатам. Подавляющее большинство негров были рабами, большая часть мулатов — свободными. К концу XVIII в. число свободных мулатов и негров приближалось к численности населявших колонию белых (первых было 20—25 тыс., вторых — 30—35 тыс.). Плантаторы — негры и мулаты (последних было большинство) — владели $\frac{1}{4}$ всей земельной площади колонии. Многие из них нажили крупные состояния, позволяли себе роскошь бывать во Франции и отправлять туда учиться своих детей. Однако они не имели никаких политических прав, и любой, даже самый последний из «маленьких белых», мог безнаказанно оскорбить свободного негра или мулата. Для них существовало множество унижительных ограничений, вплоть до запрещения появляться на улице с наступлением темноты.

Свободные негры и мулаты, разведенные социальными различиями и расовыми предрассудками (свободный мулат относился высокомерно к свободному негру, и те и другие презирали негров и мулатов рабов), были в то же время объединены стремлением покончить с навязанным им неравноправием. При этом то скрытая, то явная борьба «цветного» и белого населения колонии переплеталась с борьбой, вызывавшейся классовыми противоречиями.

¹ Французская колония Сан-Доминго (см. гл. 3) занимала западную часть одноименного острова, восточная часть его (Санто-Доминго) находилась во владении Испании.

К сложному клубку социальных и расовых антагонизмов прибавлялись противоречия между колонией и метрополией, которые в свою очередь еще более запутывали этот клубок.

Плантаторы были готовы терпеть политическое господство метрополии, поскольку последняя защищала своей военной силой выгодный для обеих сторон институт рабства. Гораздо острее были противоречия в области экономических отношений. С 1727 г. существовал закон, установивший монопольное право Франции на торговлю с колониями, которая могла осуществляться только на французских кораблях. Этот закон стеснял предприимчивость колониальных плантаторов, желавших обеспечить себе более широкий рынок и открыть доступ в колонию товаров, более дешевых, чем французские. Существовали и другие преграды для деятельности плантаторов (запрещение основывать мануфактуры, разводить сельскохозяйственные культуры, которыми Франция снабжала свои заморские владения, и др.).

Итак, накануне французской буржуазной революции колония представляла собой арену острой борьбы различных общественных сил. Революция стимулировала дальнейшее обострение этой борьбы. «Большие белые» сразу сумели добиться для себя представительства во французском Национальном собрании, захватить все возникшие представительные учреждения в Сан-Доминго (провинциальные собрания¹ и т. д.). Главной задачей они считали сохранение любой ценой своих привилегий и института рабства.

Сильнейшее беспокойство в среде «больших белых» вызывал революционный девиз «Свобода, равенство, братство!». Следуя этому девизу и уступая настойчивым требованиям свободных мулатов, Учредительное собрание Франции 15 мая 1791 г. издало декрет, по которому «цветные», рожденные от свободных отца и матери, получали доступ во все будущие колониальные представительные учреждения.

«Большие белые» рассчитывали, что им удастся помешать проведению декрета в жизнь, используя созванное ими без участия мулатов Колониальное собрание. Его участники 22 августа 1791 г. съехались в главном городе Северной провинции Кап-Франсэ. Ночью того же дня «весь горизонт неожиданно покрылся густым дымом, и в нем отчетливо различалось пламя... Толпы мужчин, женщин и детей, спасшихся от огня и гибели, бежали со всех сторон и искали в городе убежища. От них стало известно, что рабы восстали...».

Не имея достаточных сил для подавления восстания, Колониальное собрание постаралось превратить в союзника свободных мулатов. Оно обещало заняться вопросом о предоставлении им равных прав с белыми. Мулаты Капа (главным образом плантаторы или коммерсанты) согласились участвовать в обороне города. Объединенные силы белых и мулатов отбили нападение. Восставшие отступили в горы и леса. В боях под Капом погиб их руководитель Букман.

После гибели Букмана восставших возглавили Жан Франсуа и Биассу, а потом Туссен Лувертюр, которому суждено было стать самым выдающимся человеком в истории страны.

Туссен Лувертюр, раб и сын раба, родился в 1743 г. на плантации Бреда. В детстве был конюхом, а позже стал кучером управляющего плантацией. Крестный отец Туссена — священник — научил его читать и писать по-французски, а также начаткам латыни. Управляющий плантацией позволил ему пользоваться книгами своей библиотеки. Эта возможность при большом природном уме юноши сильно помогла ему расширить свой кругозор. Туссен жадно ловил новые идеи, приходившие из Франции. Всеми силами своей души он ненавидел рабство.

¹ Колония делилась на Северную, Западную и Южную провинции

В 1791 г. Туссен присоединился к восставшим. Он очень скоро понял необходимость введения военной дисциплины, приобретения военных знаний и начал создавать новую армию.

Во второй половине сентября восставшие вновь осадили Кап, оказавшийся в самом отчаянном положении. В это время в Западной провинции восстали свободные мулаты, требуя осуществления декрета от 15 мая. Это всколыхнуло рабов-негров провинции и часть «маленьких белых», которые готовы были пойти на соглашение с мулатами, чтобы ограничить деспотизм «больших белых».

28 ноября 1791 г. из Франции в Сан-Доминго прибыли назначенные Учредительным собранием гражданские комиссары: Мирбек, Рум, Сан-Леже. В их распоряжении были, однако, средства, негодные для успокоения острова: конституция Франции 1791 г. и декрет от 24 сентября того же года. Первая не распространялась на жителей колонии, что оскорбляло белых колонистов, второй наносил удар по свободным неграм и мулатам, так как отменял декрет от 15 мая. Попытка комиссаров договориться с восставшими рабами вызвала их окончательный разрыв с белыми рабовладельцами, а стремление настаивать на осуществлении сентябрьского декрета поссорило комиссаров с мулатами.

Мирбек и Сан-Леже уехали во Францию. В середине сентября 1792 г. в Сан-Доминго прибыли новые комиссары: Сантонакс — якобинец, решительный и волевой человек, глава комиссии, Польверель — его верный соратник и Эло — деятель жирондистского толка. С ними был декрет Законодательного собрания, объявляющий, что «свободные мулаты и свободные негры должны пользоваться так же, как и белые колонисты, равенством политических прав». Им поручалось подавить восстание рабов. Для поддержания власти комиссаров на остров были отправлены 6 тыс. солдат во главе с генерал-лейтенантом Д'Эспарбом и несколькими военными кораблями под флагом адмирала Жирардена.

Колониальное собрание саботировало проведение в жизнь упомянутого декрета. Сторону собрания приняли Д'Эспарб и генерал-губернатор колонии Бланшеланд.

Комиссары-якобинцы не остановились перед роспуском Колониального собрания, высылкой из колонии Бланшеланда и Д'Эспарба, а также изгнанием с острова плантаторов-контрреволюционеров. Недовольный Эло вернулся во Францию.

Сантонакс и Польверель, понимая, что для проведения своей политики они должны найти опору среди местного населения, создали якобинский клуб, куда вошло большое число «маленьких белых». Они обратились за поддержкой к свободным неграм и мулатам, раздали им оружие.

Против восставших рабов комиссары направили войска под командованием офицеров Рошамбо и Лаво. Попытки очистить горы, окружавшие Кап, закончились позорным бегством под защиту городских стен. При этом в районе Капа действовала сравнительно небольшая часть восставших рабов.

Основные силы восставших находились у испанской границы. В мае 1793 г. они согласились на предложение властей Санто-Доминго перейти на службу к испанскому королю. Предложение это последовало в связи с начавшейся в марте 1793 г. войной между Францией и Испанией. Солдатам — бывшим рабам — было обещано, что после окончания войны с французами они официально будут признаны свободными людьми.

За два месяца до объявления войны Испании Франция вступила в войну с Англией. Дабы обезопасить свою колонию, французское правительство послало туда нового генерал-губернатора Гальбо в сопровождении войск. Этот генерал, владевший на острове плантациями, прибыв туда, перешел в лагерь противников Сантонакса и Польвереля, которым пришлось бежать в О-дю-Кап. Отсюда комиссары обратились к восставшим неграм, которые действовали близ столицы провинции, призвав их перейти на службу республике на условии предоставле-

ния им свободы. Негритянские вожди Пьеро и Макайя приняли предложение. Их вооруженные отряды ворвались в Кап. Жестокая и неумолимая месть постигла тиранов-рабовладельцев. Гальбо и все те, кто успел сесть на корабли, в ужасе покинули город. Вскоре из колонии бежало до 10 тыс. белых.

Воспользовавшись междоусобицей во французском Сан-Доминго, испанцы в июле 1793 г. начали наступление. Многие французские солдаты и офицеры, а также Макайя со своим отрядом перешли на сторону врага.

В распоряжении комиссаров оставалась небольшая кучка французских солдат во главе с Лаво, мулаты (не плантаторы) и негритянские отряды Пьеро. Не хватало оружия, денег. Испанцы продолжали наступление. Введение нового налога, необходимого для организации обороны, вызвало недовольство в среде «маленьких белых», а также свободных негров и мулатов, которые до тех пор поддерживали комиссаров. Тогда 26 августа 1793 г. Сантонакс издал декрет о полном и немедленном освобождении всех рабов. Декрет был издан слишком поздно: вера в освободительную миссию Франции была основательно подорвана. Большая часть рабов еще раньше устремилась в армии Биассу, Жана Франсуа и главным образом Туссена, которые воевали на стороне испанцев. Кроме того, декрет сделал всех рабовладельцев — крупных и мелких — а также их подручных смертельными врагами представителей революционной Франции. Против них по всей колонии подняли мятеж рабовладельцы всех цветов кожи. 19 сентября 1793 г. начали интервенцию призванные ими с Ямайки английские войска, занявшие столицу колонии Порт-о-Пренс (Западная провинция).

К середине 1794 г. флаг республики удерживался на Севере только в окрестностях Капа, где остатки французских войск и верными Франции неграми командовал ставший губернатором генерал Лаво; на Юге — в районе Кайе, где власть была в руках мулатского генерала Риго, опиравшегося на армию из преданных республике мулатов и небольшого числа негров; на Западе — в районе Мирэбале, где воевала мулато-негритянская армия под командованием мулата Бовэ. Английская блокада сделала невозможной доставку войскам продовольствия и военных припасов. И как раз в этот момент из метрополии пришел декрет об отзыве комиссаров.

За время, которое провели в Сан-Доминго Польверель и Сантонакс, во Франции установилась якобинская диктатура. 4 февраля 1794 г. Конвент принял свой знаменитый декрет об отмене рабства. Он гласил: «Национальный конвент объявляет, что рабство негров во всех колониях отменяется; посему все люди без различия цвета их кожи, проживающие в колониях, являются французскими гражданами и пользуются всеми правами, обеспечиваемыми Конституцией».

Осуществленный якобинцами акт — освобождение рабов — не был только проявлением их доброй воли. Массовое восстание рабов, добивавшихся свободы, подтолкнуло наиболее демократические круги французской буржуазии на революционное решение вопроса о рабстве. Декрет от 4 февраля в свою очередь сделал восставших рабов союзниками Франции и ревностными поборниками осуществления декрета.

В мае 1794 г. Туссен, заключивший с Лаво договор о совместных действиях, неожиданно атаковал испанские войска, вынудив их к отступлению. С ними уходили Биассу и Жан Франсуа, которые к тому времени стали испанскими генералами и которых уже не волновал вопрос о судьбе рабов. Зато испанская армия с каждым днем теряла все большее число своих солдат-негров, переходивших на сторону Туссена, и вскоре оказалась на своих исходных позициях на границе. Тем временем Испания потерпела поражение в войне с Францией и 22 июля 1795 г. по Базельскому мирному договору уступила ей свою часть острова.

Оставалось очистить остров от англичан, которые, продвигаясь вперед, восстанавливали рабство. Непредвидимо возникла новая угроза. Против бывших рабов созрел заговор в среде негров и мулатов, свободных еще до декрета

Сантонакса и декрета от 4 февраля 1794 г. Они хотели занимать в отношении бывших рабов приблизительно такое положение, какое занимали до французской революции белые в отношении свободных негров и мулатов. На Севере заговорщиков возглавлял генерал Вильят, на Юге — генерал Риго. 20 марта 1796 г. мулатские части заняли Кап и арестовали Лаво.

Быстрота и решительность Туссена спасли положение. Немедленно по всему Северу арестовали всех подозреваемых в заговоре, были мобилизованы лучшие воинские части; негры, работавшие на плантациях, призваны к оружию.

Заговорщики поняли бесполезность сопротивления и освободили Лаво. Войска Туссена беспрепятственно вошли в Кап. За заслуги перед Французской республикой Туссен получил чин дивизионного генерала и был назначен помощником генерал-губернатора. Многим негритянским офицерам были присвоены звания бригадных генералов.

Во Франции в этот период произошли крупные изменения. Пала якобинская диктатура. Затем на смену термидорианскому Конвенту пришла Директория. В колонию вновь были посланы комиссары во главе с Сантонаксом.

Осенью 1796 г. Лаво и Сантонакс покинули Сан-Доминго в числе 7 делегатов, избранных в Совет пятисот и Совет старейшин. Перед отъездом Сантонакс назначил Туссена главнокомандующим всеми вооруженными силами, а таким образом, временным правителем острова.

В феврале 1798 г. войска Туссена начали наступление на англичан, которые в октябре покинули занимаемую территорию. В Сан-Доминго не осталось ни одного оккупанта, ни одного раба, ни одного рабовладельца.

Декретом от 1 января 1798 г. Директория подтверждала свободу и равноправие бывших рабов. Однако декрет содержал статьи, которые позволяли французским колониальным властям под различными предлогами лишать освободившихся от рабства негров и мулатов политических прав. В момент принятия декрета в Совете пятисот раздавались голоса, требовавшие немедленного восстановления рабства. Отправляя в Сан-Доминго своего представителя Гедувилья и передавая ему подарки для Туссена, Директория поставила перед ним одновременно задачу ослабить влияние негритянского главнокомандующего на армию и посеять в ней разногласия, используя вражду между мулатами и неграми.

В мае 1798 г. Гедувиль прибыл в Кап, где он и его свита вели себя высокомерно до наглости. «Победители Европы» считали ниже своего достоинства относиться к неграм как к равным. Гедувиль ввел принудительную контрактацию работников плантаций сроком на три года. Под предлогом окончания войны с англичанами он отдал приказ о разоружении воинских частей города Форт-Дофин (Форт-Либерте). Одновременно он обратился к мулату Риго, прося его помощи в случае неповиновения негритянских войск.

Все эти действия достаточно ясно показывали, что Гедувиль покушается на свободу негров. Приказ о разоружении вызвал восстание частей Форт-Дофина. К восставшим присоединились негры, жившие в районе города. Вмешательство генерала Риго могло ввергнуть колонию в новую кровопролитную гражданскую войну. Главнокомандующий не теряя времени призвал всех бывших рабов встать на защиту свободы. Тысячи негров примкнули к армии Туссена. Представитель Директории поспешно отплыл во Францию. Пока за пределами острова еще шла война с Англией, во Франции считали неразумным восстанавливать против себя талантливого и влиятельного главнокомандующего войск Сан-Доминго, и потому Директория не прислушалась к жалобам Гедувилья. Тем временем войска Туссена осадили главную цитадель мулатов — город Жакмель и овладели им. Риго и его ближайшие соратники на кораблях бежали из Сан-Доминго.

Положение колонии, однако, нельзя было считать окончательно упрочен-

ным, а население ее полностью гарантированным от попыток реставрации рабства, пока в бывшем испанском Санто-Доминго, передача которого Франции еще не состоялась, продолжали оставаться испанская администрация и армия, пока там сохранялся институт рабства. Туссен решил покончить с угрозой, нависавшей с этой стороны, и прийти на помощь неграм-рабам восточной части острова, используя условия Базельского договора. Его армия пересекла границу. 26 января 1801 г. испанцы сложили оружие. Через день было объявлено об отмене рабства в испанском Санто-Доминго.

После того как закончилась война, специальная комиссия по поручению Туссена составила конституцию, которая была торжественно провозглашена в июле 1801 г. Основные статьи конституции подтверждали отмену рабства и равноправие всех граждан колонии перед законом.

Связь Франции с Сан-Доминго уже долгие годы оставалась фактически номинальной. Однако признание метрополией свободы и равноправия негров, надежда на ее помощь и защиту в случае попытки реакционного переворота или новой интервенции сделали Францию в глазах жителей Сан-Доминго потенциальным гарантом их свободы. Поэтому, несмотря на некоторые признаки, дававшие право сомневаться в правильности подобного суждения, статья первая конституции 1801 г. объявляла, что Сан-Доминго является колонией и составляет часть Французской империи.

Конституция признавала и законодательно утверждала принцип частной собственности, священной и неприкосновенной, т. е. главный принцип, определяющий буржуазные общественные отношения.

Туссен Лувертюр, «принимая во внимание важность его заслуг, оказанных колонии», «в знак безграничного доверия» к нему народа был объявлен пожизненным правителем Сан-Доминго с правом назначить себе преемника. Правитель колонии являлся одновременно и главнокомандующим. Он нес ответственность за внутреннюю и внешнюю безопасность страны, располагал полномочиями «непосредственно связываться с метрополией по всем вопросам, относящимся к интересам колонии». Ему принадлежала законодательная инициатива, он подписывал законы, назначал всех гражданских служащих и командиров воинских частей, был главным цензором. Законодательным органом по конституции 1801 г. являлось Центральное собрание, куда входили представители от каждого департамента.

Еще в октябре 1800 г. был издан регламент, который запрещал земледельцам покидать свои плантации и переходить на другие. Конституция 1801 г. утверждала этот запрет. Кроме того, запрещалась распродажа государственной земли участками, меньшими чем 50 акров, причем, приобретая землю, собственник должен был гарантировать ее рентабельное использование. Иначе говоря, предполагалось обязательное ведение плантационного хозяйства.

Взаимоотношения между работниками и управляющими плантаций (будь то назначаемые правителем или прежние хозяева) определялись как отношения в «деятельной и прочной семье, отцом которой оказывается по необходимости собственник земли или его представитель... Каждый работник — член семьи и дольщик в доходах...». Практика жизни была очень далека от предусмотренных конституцией идиллических отношений. Оставшиеся плантаторы использовали все возможности прикрепления работников к земле для безжалостной их эксплуатации. Новые управляющие плантаций оказывались часто не лучше прежних хозяев. Это не могло не вызывать недовольства бывших рабов. Однако Туссен Лувертюр вводил и укреплял плантационную систему.

Образовавшееся государство было государством переходного периода. В нем сохранялось единовластие, унаследованное от только что закончившейся войны и обусловленное еще не полностью устраненной угрозой, исходящей от внешних и внутренних врагов. В нем, с одной стороны, освобожденные рабы,

получившие землю, тяготели к созданию крестьянского хозяйства, а с другой — интересы укрепления завоеванной ими свободы вызвали необходимость сохранения плантационного хозяйства. Государство не могло отстоять свободу негров, не располагая значительной и хорошо вооруженной армией, аппаратом управления, флотом, средствами для восстановления разрушенных войной дорог, мостов и общественных зданий, для организации почты и т. д. Удовлетворить все эти нужды зарождавшееся крестьянское хозяйство ни в коей мере не могло. На первых порах оно должно было носить в основном натуральный характер и не в состоянии было обеспечить даже скудный рацион питания населению колонии. Кроме того, навыки рабов в ведении крестьянского хозяйства были явно недостаточны и ограничивались преимущественно умением возделывать небольшие огороды. Сохранение и восстановление плантаций сахарного тростника и кофе позволяло решить задачи, стоявшие в тот момент перед государством бывших рабов. Торговля продуктами традиционного хозяйства давала возможность приобрести необходимые средства для покупки продуктов питания (их не хватало в разоренной войной стране), содержания вооруженных сил, государственного аппарата и т. д.

Итак, во имя окончательного упрочения добытой свободы необходимо было поддерживать плантационное хозяйство, несколько ограничивая свободу деятельности бывших рабов. При этом государство осуществляло повседневный контроль над плантаторами и управляющими плантаций через своих комиссаров. Телесные наказания были строжайше запрещены законом. Жестоко карались злоупотребления, хищения и дурное обращение с работниками. Туссен лично вникал во все детали, зорко следил за тем, чтобы освобожденный негр не был исподволь вновь превращен в раба. В резиденцию Туссена мог прийти любой человек и принести жалобу на кого угодно.

В общественной жизни, насколько это было возможно при единовластию, проявлялись демократические начала, что стимулировалось самим правителем. Ни цвет кожи, ни социальное положение не служили препятствием для посещения любых общественных мест и учреждений. Очень много внимания уделялось воспитанию детей, прививалось внимательное отношение и уважение к женщине. Расовая проблема при всей трудности ее решений, особенно в связи с совпадением расовых и классовых противоречий, укоренившейся традицией, потеряла прежнюю остроту. Туссен всеми силами стремился устранить остатки недоверия и подозрительности в отношениях между представителями различных рас.

В стране было упорядочено судопроизводство. Для борьбы со злоупотреблениями ввели институт правительственных комиссаров, осуществлявших функции, напоминающие функции современной прокуратуры. Был учрежден кассационный трибунал.

Политика нового государства обеспечила невиданный расцвет хозяйства острова. Строгая военная дисциплина гарантировала целеустремленность усилий и четкую организацию работы. Свобода способствовала приросту населения, которое прежде вымирало и пополнялось главным образом за счет ввоза невольников из Африки. Освобождение от рабства послужило мощным толчком развития негритянской музыки и искусства.

В период Директории крупная буржуазия Франции, стоявшая у власти, начала активную борьбу за гегемонию в Европе. Французская армия завоевывала и подчиняла близлежащие страны. Во Франции начали вынашивать планы лишения Сан-Доминго автономии и восстановления рабства на острове. Эти планы стали реальной программой действия с приходом к власти Наполеона.

Когда Наполеон ознакомился с присланной на утверждение конституцией Сан-Доминго, он воскликнул: «Негры должны быть подчинены!» Во главе 10-тысячной экспедиционной армии первый консул поставил мужа своей сестры — генерала Леклерка, назначенного генерал-капитаном острова.

В январе 1802 г. французский флот появился у восточного побережья Сан-Доминго. 2 февраля первые десантные части начали высадку у Форт-Дофина. 5 февраля 1802 г. Леклерк отдал приказ о захвате Кап-Франсэ. Сломив сопротивление защитников города, французы ворвались на его улицы, объятые пламенем. В течение 10 дней они овладели почти всем побережьем. Однако успех был куплен дорогой ценой.

Свой первый рапорт Наполеону Леклерк заканчивал словами: «Они не отступают, и когда они идут на смерть, они поют. Шлите подкрепления». Леклерк предложил Туссену начать переговоры о перемирии. Генерал-капитан спешил начать их, так как ожидаемые подкрепления не прибывали, а армия теряла много солдат вследствие эпидемии. Приближался страшный для европейских солдат сезон дождей, несущий с собой желтую лихорадку.

Туссен согласился на предложенные переговоры. Они начались при приблизительном равновесии сил и давали Туссену возможность выиграть время, в течение которого народ смог бы окончательно убедиться в намерениях французов и, следовательно, активно откликнуться на призыв взяться за оружие. Но во время переговоров, 26 апреля 1802 г., по неизвестным причинам французам сдался со своими частями генерал Кристоф. Это сильно ослабило позицию Туссена, и он вынужден был пойти на предложенные ему условия. В тот момент, однако, бывшие рабы еще не потерпели полного поражения, именно их сопротивление заставило французов предложить Туссену не полную капитуляцию, а довольно почетный мир. В заключенном договоре предусматривалось сохранение свободы негров, оставление негритянским офицерам их чинов и званий, а также включение негритянских войск во французскую армию. Туссен со своим штабом должен был удалиться на плантацию Эннери.

Французы оказались победителями, но положение их было непрочным. Армия Леклерка состояла не только из европейцев, но и из негров, находившихся под командованием негритянских генералов. О высылке последних и о разоружении солдат-негров, как предписывал сделать Леклерку Наполеон, не могло быть и речи, ибо такая попытка вызвала бы немедленный взрыв. Подкрепления из Франции прибывали мелкими группами, растворяясь в негритянской массе. Армия очень плохо снабжалась. Солдаты вскоре после прибытия заболели желтой лихорадкой. Заболел и Леклерк.

Самое же страшное для французов заключалось в возраставшем недовольстве плантационных рабочих — негров. На плантациях стали применяться телесные наказания. Для поимки беглых негров использовались собаки, специально завезенные на остров из соседних английских колоний. Сильное возмущение вызвал приказ об изъятии имевшегося у плантационных рабочих оружия. Негры почувствовали всю тяжесть французской оккупации, почти равносильную восстановлению рабства. Начали формироваться вначале небольшие, а затем крупные партизанские отряды.

Многие негритянские генералы и офицеры, выполнив формально условие заключенного мира и перейдя под командование Леклерка, вовсе не стали преданными слугами французов, не говоря уже о солдатах, которые, хотя и подчинялись приказу командиров, всем своим существом были со своими собратьями на плантациях, в лесах и городах. В создавшейся обстановке достаточно было незначительного повода, чтобы растущее недовольство плантационных рабочих слилось со скрытым возмущением негритянской армии.

Такой повод дали сами французы. Подозревая, что Туссен тайно подогревает растущее недовольство, и боясь, что он может возглавить движение, Леклерк арестовал Туссена. 15 июня 1802 г. его выслали во Францию. В апреле 1803 г. он умер узником в крепости Жу. Предательский арест и высылка с острова любимого вождя всколыхнули всю колонию. Медлили только негритянские генералы и офицеры, боясь потерять свои привилегии (некоторые считали устра-

нение Туссена полезным для своего продвижения). Однако правительство Франции навсегда лишило ее и этой последней опоры в Сан-Доминго.

Летом 1802 г. в колонии стало известно, что по соседству, на Малых Антильских островах, принадлежавших Франции, официально восстановлено рабство. Теперь уже ничто не могло остановить восстание, и оно вспыхнуло, охватив весь остров.

28 ноября 1802 г. Леклерк умер от желтой лихорадки. Заменявший его на посту главнокомандующего генерал Рошамбо сделал отчаянную попытку выиграть безнадежную кампанию и восстановить рабство. Расправляясь без сожаления со всеми, кто попадался в их руки, французы восстановили против себя не только негров, но даже мулатов и часть белых. После смерти Леклерка на сторону восставших перешли все наиболее видные генералы бывшей негритянской армии: Дессалин, Кристоф, Клерво и другие. К ним присоединились также известный генерал Петтион и некоторые другие генералы и офицеры — мулаты, понявшие безнадежность положения французов. Во французской армии не осталось солдат-негров. Против французов поднялось все население острова.

Новое восстание негров против рабства вылилось в войну за полную независимость от Франции, которая осмелилась посягнуть на права, завоеванные в долголетней борьбе.

29 ноября 1803 г. негритянские части под командованием генерала Дессалина, возглавлявшего повстанцев, вошли в Кап-Франсэ, который был последним оплотом французов в Сан-Доминго.

В тот день, когда французские войска покидали Кап, здесь была обнародована Декларация независимости. «Независимость Сан-Доминго провозглашена, — говорилось в ней. — Возвратив свое первоначальное достоинство, мы вновь приобрели свои права. Мы клянемся никогда не уступать их ни одной силе, существующей на земле. Страшная завеса предрассудка разорвана в клочья и навсегда. Горе тому, кто отважится соединить кровавые лохмотья!»

1 января 1804 г. новое независимое государство приняло наименование Гаити, которое носил остров, когда его еще населяли индейцы. Восточная (бывшая испанская) часть острова в том же году отделилась от Гаити, формально оставаясь французским владением (туда отступила часть армии Леклерка).

Первая революция в Латинской Америке, слившаяся с войной за независимость, одержала победу. Было уничтожено рабство, возникло самостоятельное государство, началось формирование гаитянской нации. События в Сан-Доминго проходили под влиянием революционно-освободительной войны, завершившейся образованием США, под непосредственным влиянием французской революции. В то же время это была одна из самых своеобразных революций: ее движущей силой и основными участниками стали негры-рабы. Своеобразие вызвало дополнительные трудности — к тем, которые возникают при создании новой государственной, политической и социально-экономической системы. Но принципиальное буржуазное направление развития, определенное победой революции, оставалось неизменным при самых неблагоприятных для этого развития поворотах в истории страны.

Правителем нового независимого государства Гаити стал Жан Жак Дессалин, наиболее отличившийся генерал освободительной войны 1802—1803 гг. против Франции. В сентябре 1804 г. он объявил себя императором. Применявшиеся им жестокие методы правления вызвали восстание, во время которого Дессалин был убит (1806). Страна вновь стала республикой. Президентом был избран соратник Туссена и Дессалина — Анри Кристоф. Была принята новая конституция, сильно ограничившая власть президента. Желая избавиться от этих ограничений, Кристоф совершил государственный переворот. Но сторонники конституции, возглавляемые мулатом Александром Сабесом Петтионом, нанесли ему поражение, заставив покинуть столицу и отступить за реку Артибонит.

Здесь Кристоф укрепился. Остров оказался разделенным на три части: северную, где правил Кристоф; южную, где главенствующую роль играл Петсион; восточную, которую оккупировали войска Леклерка.

В северной части Кристоф в 1811 г. объявил себя королем Анри I. В южной части сохранился республиканский строй. В 1807 г. президентом здесь был избран Петсион. В 1816 г. он разработал новую конституцию, просуществовавшую полвека. Главным ее принципом было запрещение иностранцам владеть собственностью в Гаити, что препятствовало начавшемуся в то время проникновению иностранцев, которое угрожало только что завоеванной независимости.

Социальная структура государств, сложившихся на острове, оказалась очень сложной. Процесс превращения бывших рабов в крестьян путем передачи им земли, приостановленный необходимостью принудительного сохранения плантационного хозяйства для нужд государства, воевавшего против иностранных оккупантов, продолжался первое время и при Дессалине. Однако установление монархического режима сопровождалось закреплением и расширением привилегий крупных землевладельцев. Ими становились высшие офицеры армии и чиновники, бывшие надсмотрщики государственных плантаций и те, кому были возвращены их прежние владения, люди, получившие пожалования от императора.

Дессалин еще продолжал практиковать энергичное государственное вмешательство в ведение хозяйства землевладельцами и в отношения между ними и работниками, ограничивая власть первых и обеспечивая принудительный труд вторых. В управляемой Кристофом стране права земельной аристократии были расширены и бывшие рабы превратились по существу в крепостных крестьян, в значительной мере безземельных. Аграрная политика Петсиона носила иной характер. Петсион, правда, вернул землю мулатам, которые владели ею при французском колониальном режиме, но одновременно он последовательно осуществлял наделение бывших рабов землей. Ее можно было приобрести из государственного фонда. Лица, не имевшие на это средств, получали небольшой участок безвозмездно.

Установившиеся в обоих государствах системы земельных отношений порождали острые социальные конфликты. Крестьянин или батрак на Севере стремились освободиться от зависимости и закрепить за собой или приобрести участок земли; а землевладелец-аристократ пытался расширить свои владения и заставить крестьян работать на себя. На Юге крупный землевладелец, как правило мулат, часто не находил рабочих для своих плантаций, так как свободный крестьянин предпочитал работать на собственном участке. Разорявшиеся землевладельцы мечтали о лишении крестьян земли, а те держались за свое мелкое, зачастую нерентабельное хозяйство. Обе системы привели к упадку плантационного хозяйства, основанного прежде на применении рабского труда и разведении сахарного тростника и кофе, составлявших главное богатство страны. Это плантационное хозяйство, требующее больших земельных площадей и многих рабочих рук, не могло успешно развиваться ни за счет труда зависимого крестьянина на Севере, ни на базе мелкого крестьянского хозяйства на Юге.

Население южной республики, получившее прогрессивную конституцию и землю, с благодарностью думало о Петсионе и после его смерти (1818) сохранило о нем добрую память. Доведенный до крайности деспотическим правлением Кристофа и алчностью его придворной камарильи народ северного королевства в 1820 г. восстал. Кристоф, преследуемый восставшими, покончил жизнь самоубийством.

Из восточной части острова французы в 1808 г. были изгнаны, и она вновь вернулась под власть Испании. Война за независимость в Испанской Америке, начавшаяся в 1810 г., охватила в 1821 г. и Санто-Доминго, как по-прежнему называлась теперь эта часть острова. Восстание увенчалось образованием не-

зависимой республики, которая просуществовала, однако, весьма недолго. Социальные отношения сохранились в значительной мере такими, какие существовали во время испанского владычества. Негры, освобожденные еще Туссенем Лувертюром, остались свободными, но в восточной части острова их было значительно меньше, чем в западной, и они не играли там столь существенной экономической и хозяйственной роли.

Жан Пьер Буайе, сменивший Петiona на посту президента республики Гаити, после смерти Кристофа объединил северную и южную части страны, а вскоре (1822) распространил свою власть и на восточную часть острова.

В 1825 г. Буайе добился признания независимости Гаити Францией (при условии уплаты «возмещения»). Это открыло путь к признанию страны другими державами, к росту ее международных связей. Во внутренних делах Буайе, с одной стороны, проводил, подобно Дессалину, политику государственного регулирования хозяйства, а с другой — продолжал линию Петiona. Этим он вызвал ненависть крупных землевладельцев, особенно мулатов Юга. После опустошительного землетрясения, в связи с которым тяготы населения, и без того страдавшего под бременем огромных налогов (за счет этих налогов в значительной мере собирались средства на «возмещение»), многократно увеличились. Недовольство правлением Буайе вылилось в восстание, и он был свергнут (1843). Страной стали править военные, сменявшие президентов новой республики почти каждый год. В 1849 г. президент Сулук объявил себя императором. Через 10 лет он был свергнут, и в стране вновь утвердился республиканский строй.

Воспользовавшись свержением Буайе, народ бывшей испанской части острова в 1844 г. провозгласил свою независимость. Новое государство, принявшее название Доминиканской республики, успешно отразило попытку Сулука вновь присоединить его к Гаити.

Таким образом, с середины 40-х годов XIX в. территория государства Гаити была ограничена западной половиной острова. В последующие годы оно сумело сохранить свою самостоятельность, добытую столь дорогой ценой. Но, избавившись от колониального ига Франции, эта страна с каждым годом оказывалась во все большей экономической зависимости от Соединенных Штатов.

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ИСПАНСКИХ КОЛОНИЙ

ИСПАНСКАЯ АМЕРИКА НАКАНУНЕ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Война за независимость в Испанской Америке (1810—1826) была подготовлена трехвековой борьбой ее народов против колониального гнета.

Многочисленные запреты и ограничения чрезвычайно мешали экономическому прогрессу американских колоний Испании, но приостановить его все же не могли. Хотя реформы 60—80-х годов XVIII в. не устранили основных препятствий, тормозивших хозяйственное развитие заокеанских владений, не разрешили острых противоречий между колонизаторами и подвластным им населением, они в какой-то мере способствовали некоторым сдвигам в экономике Испанской Америки. Меры по либерализации торгового режима, проведенные мадридским правительством в последней трети XVIII в., привели к известному оживлению торговли, что стимулировало увеличение объема промышленного производства и повышение товарности сельского хозяйства колоний (мясное скотоводство, выделка кож, разведение кошенили, выращивание сахарного тростника, табака, хлопчатника, ванили, йербы-мате¹ и т. д.). Успехи экономического развития, экспроприация непосредственных производителей — индейцев, появление наемного труда благоприятствовали формированию в испаноамериканских странах капиталистических отношений. Однако их росту препятствовал колониальный режим.

Мадридское правительство, исходя из интересов метрополии, упорно старалось сдерживать развитие своих американских владений. К началу XIX в. оставались в силе запреты, довлевшие над их промышленностью и сельским хозяйством. Торговые сношения с иностранными государствами по-прежнему не разрешались. Торговля колоний между собой была незначительна и строго регламентирована. Тяжелым бременем на населении Испанской Америки лежали многочисленные налоги: подушная подать, десятина, алькабала² и др. Широкое распространение педонажа и других феодальных форм эксплуатации мешало повышению производительности труда как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Фактическое прикрепление к земле лишенных всяких прав и подвергавшихся жестокой эксплуатации индейцев и их зависимость от латифундистов и колониальных властей ставили в весьма затруднительное положение владельцев рудников и мануфактур, нуждавшихся в рабочей силе.

Экономическая политика метрополии, постоянная дискриминация и политическое бесправие вызывали сильнейшее недовольство не только крестьян, ремесленников, городской бедноты, но и мелких и средних землевладельцев, лиц свободных профессий, а также крупных земельных собственников-креолов, владельцев рудников и промышленных предприятий, купцов.

Рост революционных настроений был обусловлен и влиянием ряда внешних факторов. Успешная борьба английских колоний в Северной Америке за

¹ Парагвайский чай.

² Налог, взимавшийся при продаже и перепродаже товаров.

независимость, Великая французская революция, революция рабов Сан-Доминго, проникновение в Испанскую Америку передовых идей того времени — все это способствовало усилению освободительного движения. Несмотря на все запреты властей и церкви, сочинения Монтескье, Вольтера, Руссо, знаменитая «Энциклопедия», «Философская и политическая история поселений и торговли европейцев в обеих Индиях» Рейналя и другие произведения распространялись по всей Испанской Америке. Колониальные власти пытались помешать проникновению революционных идей и какой-либо информации о французских событиях. Однако невозможно было добиться полной изоляции от внешнего мира и воспрепятствовать распространению прогрессивных идей, которые способствовали активизации борьбы против колониального режима. Следует, однако, отметить, что война за независимость английских колоний в Северной Америке и Великая французская революция лишь стимулировали процессы, происходившие в Испанской Америке, где уже давно зрели не только материальные, но и идеологические предпосылки освободительного движения.

В этом смысле большое значение имела деятельность выдающихся просветителей Хосе Игнасио Бартолаче, Хосе Антонио Альсате, Хуана Бенито Диаса де Гамарра-и-Давалос (Мексика), Франсиско Эухенио де Санта Крус-и-Эспехо (Кито), Симона Родригеса (Венесуэла). Они выступали против официальной схоластики в науке, за развитие культуры и образования, критиковали колониальный режим. В мировоззрении этих и других ученых-гуманистов нашло идейное выражение стремление широких слоев испаноамериканского общества к освобождению от колониального гнета и установлению независимости, связанное с пробуждением национального самосознания.

Длительный процесс смещения различных этнических компонентов сопровождался установлением определенной общности метисного, креольского, негритянского и части индейского населения Испанской Америки. Все они говорили на испанском языке, исповедовали католицизм. Ранее не связанные между собой территории отдельных племен и народов были объединены в рамках вице-королевств и генерал-капитанств, делившихся на провинции и более мелкие административные единицы. Важное значение имело развитие экономических связей и образование внутреннего рынка в каждой из колоний. Под воздействием всех этих факторов к началу XIX в. сложились объективные предпосылки становления испаноамериканских наций. Однако дальнейшей национальной консолидации препятствовало колониальное положение Испанской Америки.

В конце XVIII — начале XIX в. освободительное движение в американских колониях значительно усилилось. В 1794 г. в Мехико был раскрыт заговор, во главе которого стоял корабельный казначей Хуан Герреро. Заговорщики готовили восстание с целью свержения испанских властей. Неудачным оказался и организованный там же в 1799 г. «заговор мачете¹» под руководством мелкого торговца Педро де ла Портильи. В начале XIX в. сторонники независимости основали в Новой Испании тайное патриотическое общество «Рыцари разума». В Венесуэле в 1797 г. возник антииспанский заговор, в котором участвовали главным образом представители креольской верхушки во главе с Мануэлем Гуалем и Хосе Марией Эспаней. О заговоре колониальные власти узнали накануне намеченного выступления, однако Гуалю и Эспанье удалось бежать. В Новой Гранаде распространение идей Великой французской революции было связано с именем и деятельностью просвещенного креола Антонио Нариньо, который перевел на испанский язык и тайно издал «Декларацию прав человека и гражданина».

Однако большинство участников антииспанских заговоров и выступлений не были связаны с коренным населением, что значительно сужало социальную

¹ Большой нож для рубки сахарного тростника.

базу освободительного движения. Не решаясь опереться на народные массы, некоторые сторонники независимости из среды имущих классов пытались добиться отделения колоний от Испании при помощи враждебных последней держав — Англии и Франции, а также США. Позиция этих кругов испаноамериканского общества нашла наиболее яркое выражение в деятельности венесуэльского патриота Франсиско де Миранды (1750—1816).

Происходя из богатой семьи, Миранда еще юношей стал офицером испанской армии и участвовал в войне против Англии, которую Испания вела на стороне английских колоний в Северной Америке. Продолжая службу на Кубе, Миранда установил контакт с испаноамериканскими патриотами и принимал участие в антииспанской деятельности. В связи с угрозой ареста он в 1783 г. бежал в США и вел там переговоры с рядом видных политических деятелей о помощи испанским колониям в освобождении от ига Испании. Не добившись успеха, Миранда отправился за океан и в поисках иностранной поддержки исколесил почти всю Европу, включая Россию, где пробыл около года (1786—1787). Наконец, он обосновался в Англии и представил британскому кабинету проект организации военной экспедиции в Испанскую Америку. Правительство Питта положительно отнеслось к разработанному Мирандой плану, однако осуществить его помешало сближение между Англией и Испанией на почве их совместной борьбы против французской революции.

В 1792 г. Миранда выехал во Францию и вскоре стал генералом революционной армии. Командуя дивизией, он одержал ряд побед, но затем в связи с военными неудачами был арестован и предстал перед революционным трибуналом, который, однако, полностью оправдал его. После возобновления войны между Испанией и Англией (1796) Миранда неоднократно пытался добиться отправки английской военной экспедиции в Южную Америку, но безуспешно. Тогда он сформировал отряд добровольцев и в августе 1806 г. высадился на побережье Венесуэлы. Не получив поддержки со стороны местного населения, Миранда вынужден был через некоторое время вернуться в Англию.

В начале XIX в., когда экономическое и политическое положение американских колоний Испании значительно ухудшилось, прежде всего в связи с участием метрополии в разорительных для нее войнах с Францией (1793—1795) и Англией (1796—1801, 1804—1808), антииспанские настроения среди населения Испанской Америки резко усилились. Это вызывало серьезную тревогу у мадридского правительства. Провозглашение независимости Сан-Доминго, экспедиция Миранды в Венесуэлу и другие события этих лет являлись грозными симптомами подъема освободительного движения. К тому же американским владениям Испании грозила опасность со стороны европейских держав и США, стремившихся использовать в своих целях рост антииспанских тенденций.

Что касается Франции, то после утраты Сан-Доминго и продажи Соединенным Штатам в 1803 г. Луизианы (которую ей двумя годами раньше возвратила Испания) она не могла рассчитывать на создание колониальной империи в Западном полушарии. Это, однако, не мешало Наполеону посылать в испанские колонии своих эмиссаров, оружие и пропагандистские материалы. Напротив, США, именно приобретя Луизиану, активизировали свою политику и предъявили по существу претензию на Техас и Западную Флориду. К 1806 г. в Луизиане, являвшейся главным плацдармом для подготовки военных акций против испанских владений, были сосредоточены крупные силы.

Правящие круги Англии, пытаясь реализовать свои экспансионистские планы в отношении Испанской Америки, предприняли вооруженную интервенцию на Рио-де-ла-Плате (1806—1807). В ходе ее английские войска захватили Буэнос-Айрес и отделенный от него заливом крупный портовый город Монтевидео — столицу провинции Банда Ориенталь. Но ополчение, созданное местным населением, вскоре разгромило и изгнало интервентов. Эта победа способ-

ствовала усилению патриотических чувств, а бездействие колониальной администрации наглядно продемонстрировало слабость испанской монархии и ее неспособность сохранить свое господство над американскими колониями.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 1808—1810 ГГ. В КОЛОНИЯХ И НАЧАЛО ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ

Непосредственным толчком к подъему освободительного движения в испанских колониях послужили революционные события 1808 г. в метрополии. Вторжение французских войск в Испанию и пассивность правящей клики вызвали взрыв народного возмущения. В обстановке начавшейся в стране революции Карл IV вынужден был 19 марта отречься от престола, и королем был провозглашен его сын Фердинанд VII. Через несколько дней интервенты вступили в Мадрид, где в начале мая вспыхнуло народное восстание. Оно было жестоко подавлено оккупантами. Фердинанду VII под давлением Наполеона пришлось отказаться от своих прав и остаться во Франции, куда его вызвал император. Меньше чем через месяц королем Испании был провозглашен брат Наполеона Жозеф Бонапарт.

Однако испанский народ поднялся на борьбу против оккупантов. Образовались провинциальные хунты, действовавшие от имени Фердинанда VII. 25 сентября была создана Центральная хунта, местопребыванием которой стала в дальнейшем Севилья.

В связи с испанскими событиями в колониях создалась крайне сложная политическая обстановка. Среди колониальной администрации и уроженцев метрополии возникли разногласия по поводу того, признать ли власть Жозефа или сохранять верность пленнику Наполеона Фердинанду VII, которого временно заменяла Центральная хунта.

Вице-короли Перу и Новой Гранады сразу же признали власть хунты. Однако их коллеги на Ла-Плате и в Новой Испании отказались это сделать и заняли выжидательную позицию, вследствие чего вскоре были смещены. К середине 1809 г. власть во всей Испанской Америке оказалась в руках ставленников Центральной хунты. Это соответствовало и стремлениям креольской оппозиции, рассчитывавшей на то, что после неминуемого, по ее мнению, разгона хунты французскими войсками колонии станут независимыми. Однако убедившись вскоре, что колониальный режим не претерпел существенных изменений, испаноамериканские патриоты стали активнее выступать в защиту своих требований.

В некоторых случаях эти выступления принимали характер вооруженных восстаний. Так, 25 мая 1809 г. вспыхнуло восстание в г. Чукисака (Верхнее Перу), 16 июля восстали против колонизаторов патриоты Ла-Паса. Восстания вспыхнули и в некоторых других районах Верхнего Перу. Но все они являлись стихийными, носили локальный характер и к концу 1809 г. были подавлены испанскими войсками.

В августе 1809 г. антииспанское выступление произошло в городе Кито. Однако, узнав о сосредоточении карательных войск, руководившие восстанием представители креольской знати растерялись и капитулировали. В сентябре 1809 г. заговор против колониальных властей возник в Вальядолиде (Новая Испания). Об этом стало известно властям и заговорщики были арестованы.

Таким образом, вследствие нерешительности и неорганизованности патриотов Испанской Америки власть продолжала оставаться в руках колониальной администрации. Но положение ее становилось все более непрочным, особенно в связи с новыми событиями в Испании.

Серьезные поражения испанских войск в метрополии (начало 1810 г.) и оккупация большей части страны французскими интервентами свидетельствовали о полном бессилии регентского совета, формально выступавшего, как и

Центральная хунта (которую он к этому времени сменил), от имени Фердинанда VII. Известия об этих событиях явились сигналом к началу восстания в различных районах Испанской Америки. В апреле — июле 1810 г. в крупнейших колониальных центрах Каракасе, Буэнос-Айресе, Боготе, Кито, а вслед за тем и в других городах было свергнуто испанское господство и к власти пришли патриотические хунты. В сентябре 1810 г. революционным движением были охвачены Новая Испания и Чили. Так началась война за независимость испанских колоний, которая приняла чрезвычайно затяжной характер и длилась до 1826 г.

В ходе ее обозначились четыре основных региональных комплекса:

1) Новая Испания и Центральная Америка, 2) северная часть Южноамериканского субконтинента (Венесуэла, Новая Гранада, Кито), 3) вице-королевство Рио-де-ла-Платы, 4) Тихоокеанское побережье Южной Америки (Чили, Перу). События, происходившие в каждом из этих районов, были почти или совсем не связаны между собой, особенно на первом этапе освободительной войны (1810—1815).

ВЕНЕСУЭЛА И НОВАЯ ГРАНАДА

Раньше всего революционное антииспанское движение охватило северную часть Южной Америки, где главным очагом его явилась Венесуэла. 19 апреля 1810 г. в ее столице Каракасе вспыхнуло народное восстание. Испанское владычество было свергнуто, и к власти пришла Верховная правительственная хунта, номинально выступавшая от имени Фердинанда VII. Хунта обратилась к населению других испанских колоний с призывом свергнуть иго колонизаторов и направила за границу своих представителей с заданием заручиться поддержкой иностранных держав. Однако эта миссия не увенчалась успехом.

К концу 1810 г. большая часть Венесуэлы была освобождена от испанцев, но некоторые провинции еще продолжали оставаться под контролем колониальных властей. Между тем каракасская хунта, где преобладали консервативно настроенные представители креольской верхушки, не вела решительной борьбы с прогисками колонизаторов, а отдельные члены хунты готовы были даже к соглашению с ними. В противовес этой нерешительной и соглашательской позиции «Патриотическое общество», которое объединяло широкие слои населения, добивалось полной независимости. Его возглавляли Ф. де Миранда, прибывший из Европы, и молодой офицер С. Боливар.

Симон Боливар родился в 1783 г. в богатой креольской семье. На формирование его мировоззрения большое влияние оказали воспитатель Боливара — выдающийся просветитель С. Родригес, а также пребывание в Европе, где он познакомился с прогрессивными идеями той эпохи и встречался со многими передовыми людьми своего времени. По возвращении на родину Боливар сразу же примкнул к освободительному движению и принял деятельное участие в свержении испанского господства в Венесуэле. Широко образованный человек, блестящий оратор и публицист, он обладал к тому же незаурядным полководческим талантом и исключительной силой воли. Боливар способен был стойко переносить всевозможные лишения и не унывал в самых безнадежных ситуациях.

2 марта 1811 г. в Каракасе открылся национальный конгресс. Несмотря на то что большинство в нем составляли консервативные элементы, конгресс вынужден был под давлением патриотов 5 июля провозгласить независимость Венесуэлы. 21 декабря была принята первая венесуэльская конституция, установившая республиканский строй, декларирующая демократические свободы, упразднение сословных привилегий, запрещение работорговли и расовой дискриминации. Однако конституция не предусматривала радикальных преобразований в интересах широких масс индейского и негритянского населения, что

значительно сужало социальную базу республики, оказавшейся вскоре в смертельной опасности.

В марте 1812 г. оставшиеся на северо-западе Венесуэлы (в Коро и Маракайбо) испанские войска под командованием Монтеверде перешли в наступление и, пользуясь тем, что народные массы, разочарованные политикой республиканского правительства, не оказали ему достаточно активной поддержки, добились значительных военных успехов. Этому способствовало также стихийное бедствие — землетрясение 26 марта, в результате которого были разрушены Каракас и другие города, погибли десятки тысяч жителей. Пользуясь паникой, на время парализовавшей сопротивление патриотов, войска Монтеверде продвигались на восток в направлении Каракаса.

В создавшейся критической обстановке конгресс 23 апреля назначил Миранду главнокомандующим вооруженными силами и предоставил ему чрезвычайные полномочия. Но Миранда придерживался оборонительной тактики, причем проявлял крайнюю пассивность. Это позволило испанцам продолжать наступательные операции. В связи с угрозой, нависшей над республикой, 14 мая было введено военное положение, и Миранда издал декрет, суливший свободу рабам, которые вступят в республиканскую армию и прослужат в ней 10 лет. Запоздалое и неопределенное обещание не произвело на рабов большого впечатления. Зато оно вызвало сильное недовольство их хозяев — крупных землевладельцев, многие из которых заняли враждебную республике позицию.

Во второй половине июня Миранде удалось приостановить наступление испанских войск и даже немного потеснить их. Но он не использовал этот выгодный момент для перехода в контрнаступление. Между тем испанцы сумели привлечь на свою сторону темных и отсталых обитателей обширных равнин бассейна Ориноко — воинственных льянеро, посулив им богатую добычу. Играя на ненависти негров-рабов к крупным плантаторам-креолам, колонизаторы через свою агентуру спровоцировали восстание рабов под лозунгом «Да здравствует король Фердинанд VII!». Миранда вынужден был направить часть своей армии против восставших. В начале июля испанцы благодаря предательству одного офицера захватили важный порт и крепость Пуэрто-Кабельо, где находился главный арсенал патриотов.

Положение республиканской армии стало критическим. Миранда и большинство других руководителей республиканцев были охвачены паникой, деморализованы перед лицом военных поражений и обострения классовых противоречий. Несмотря на готовность многих патриотов продолжать сопротивление, они решили пойти на соглашение с испанским командованием, и 25 июля представитель Миранды подписал акт о капитуляции. 30 июля испанские войска вступили в Каракас. В тот же день Миранда прибыл в порт Ла-Гуайру, намереваясь на английском военном корабле покинуть Венесуэлу. Но этому воспрепятствовала группа патриотически настроенных молодых офицеров (среди которых был и Боливар), выступавших против капитуляции и требовавших продолжения борьбы. Считая Миранду предателем, который теперь поспешно спасается бегством, они ночью арестовали его.

На следующий день в Ла-Гуайре был получен приказ Монтеверде закрыть порт и никого не выпускать из него. При занятии Ла-Гуайры испанцами Миранда попал в их руки. Закованного в кандалы, его бросили в подземный каземат. Арестовали также и других руководителей патриотов. Боливару лишь случайно удалось спастись. Свыше полутора тысяч республиканцев были брошены в тюрьмы.

Революционное движение охватило и соседнюю с Венесуэлой Новую Гранаду. 20 июля 1810 г. в ее столице Боготе вспыхнуло восстание против испанского господства и была создана Верховная хунта Новой Гранады. Она отстранила вице-короля и других испанских чиновников и объявила, что не признает власти

Освободительное движение первой четверти XIX в.

регентского совета, управлявшего Испанией. Вслед за тем революционные хунты были созданы в Картахене, Антьокии, Сокорро, Памплоне и других городах, а также в Кито. Между хунтами Новой Гранады не было единства. Верховная хунта в Боготе добивалась объединения всех провинций, провинциальные же хунты отстаивали федеративную систему и требовали широкой автономии. Лишь некоторые провинции откликнулись на призывы Верховной хунты направить в столицу своих представителей для участия в работе конгресса. В результате конгресс, открывшийся 22 декабря 1810 г., отнюдь не представлял всю Новую Гранаду. Вскоре между большинством его членов (от провинций) и Верховной хунтой возникли серьезные разногласия.

30 марта 1811 г. в Боготе была провозглашена конституция «Государства Кундинамарки», которое номинально считалось монархией во главе с Фердинандом VII, но в его отсутствие должно было управляться президентом. В сентябре 1811 г. этот пост занял ветеран освободительного движения Нариньо, выступавший за превращение Новой Гранады в единое централизованное государство и установление республики.

К этому времени в Боготу прибыли уже представители ряда провинций. Большинство из них высказалось за федеративную систему. 27 ноября 1811 г. представители Антьокии, Картахены, Нейвы, Памплоны и Тунхи подписали акт о создании конфедерации Соединенных провинций Новой Гранады. Конфедерация представляла собой объединение независимых, самоуправляющихся провинций. В ведении федерального конгресса оставались лишь внешние сношения, вопросы войны и мира, определения границ и юрисдикции провинций.

Вскоре в рамках конфедерации конституировались как суверенные государства отдельные ее члены. 14 июня 1812 г. была принята конституция «Государства Картахены», согласно которой Картахена являлась республикой во главе с президентом. На этот пост был избран Мануэль Родригес Торисес. Еще раньше были приняты конституции «Республики Тунхи» и «Государства Антьокии». 4 октября 1812 г. открылся конгресс Соединенных провинций Новой Гранады, председателем которого стал богатый адвокат-креол Камило Торрес.

17 апреля 1812 г. была принята также новая конституция Кундинамарки, официально установившая республиканский строй. Но поскольку Нариньо и другие руководители этой республики по-прежнему выступали за унитарное устройство Новой Гранады, они не соглашались на вступление в конфедерацию и даже пытались насильственным путем присоединить к Кундинамарке ряд районов провинций Сокорро и Тунхи. В связи с этим отношения между Кундинамаркой и конфедерацией резко обострились, и во второй половине 1812 г. дело дошло даже до вооруженных столкновений. Одновременно правительство Картахены, составлявшей ядро конфедерации, вело военные действия против роялистов с целью ликвидации их важного опорного пункта на Карибском побережье — Санта-Марты, которая в январе 1813 г. была освобождена патриотами.

В боях с роялистами в Новой Гранаде (конец 1812 — начало 1813 г.) деятельное участие приняла группа венесуэльских патриотов во главе с Боливаром. Боливар сумел убедить руководителей Соединенных провинций и Кундинамарки в том, что судьба новогранадской революции неразрывно связана с освобождением Венесуэлы от испанского господства. Заручившись их согласием и поддержкой, он сформировал отряд из венесуэльских эмигрантов и новогранадских добровольцев и в середине мая 1813 г. повел их в Венесуэлу.

Быстро продвигаясь в северо-восточном направлении, отряд Боливара за короткий срок освободил обширную территорию провинций Мерида, Трухильо, Каракас. Успех патриотов был обусловлен активной поддержкой населения, страдавшего от кровавого террора роялистов.

В начале августа 1813 г. войска Боливара торжественно вступили в Каракас. К этому времени другие отряды патриотов изгнали испанцев из северо-

восточной части страны и овладели островом Маргарита. Однако роялисты продолжали удерживать Коро, Маракайбо, Гвиану, часть провинции Баринас, а также Пуэрто-Кабельо.

С освобождением столицы была создана вторая Венесуэльская республика во главе с Боливаром, которого муниципалитет Каракаса провозгласил главным командующим вооруженными силами и присвоил ему почетное звание «Освободителя Венесуэлы». В дальнейшем в связи с тяжелым положением республики он был официально провозглашен диктатором и облечен всей полнотой власти.

Главную угрозу представляли в тот момент многочисленные банды, сформированные бывшим офицером испанской армии Бовесом. Объявив об освобождении рабов и пообещав раздать неимущим земли и скот крупных землевладельцев-креолов, он призвал «цветное» население льяносов Ориноко к «священной войне против белых». Обманутые демагогическими обещаниями роялистов и подстрегаемые классовой ненавистью, полудикие пастухи-льянеро, а также значительная часть негров-рабов выступили против республики. Орды Бовеса, подстрекаемые вожаками, умело разжигавшими расовую вражду своих подчиненных к белым, поголовно уничтожали не только военнопленных, но и гражданское население, не считаясь с полом и возрастом жертв.

Чтобы противостоять натиску превосходящих сил врага, республика должна была объединить усилия всех своих защитников и обеспечить себе активную поддержку широких слоев населения. Однако этому препятствовала классовая ограниченность политики Боливара, выразившего в основном интересы креоловских латифундистов. Не решившись пойти на отмену рабства и проведение других мероприятий, отвечавших стремлениям народных масс, республиканское правительство значительно сузило свою социальную базу. Сплочению всех сил патриотов мешали также разногласия между Боливаром и некоторыми другими руководителями. В результате армия республики была разгромлена. 6 июля 1814 г. Боливару с остатками своих войск пришлось оставить Каракас и отступить вдоль побережья на восток. Однако роялисты, заняв столицу, следовали по пятам за республиканцами и 18 августа разбили их близ Барселоны. В декабре 1814 г. они овладели последним крупным очагом сопротивления патриотов Матурином. Таким образом, вторая Венесуэльская республика пала. Боливар вынужден был снова искать убежища в Новой Гранаде.

Хотя большая часть Новой Гранады продолжала оставаться в руках патриотов, положение их было весьма непрочным. Антииспанские силы не были объединены, между различными революционными центрами и лидерами шла борьба за политическую гегемонию. Тем временем существенно изменилась обстановка в Испании, куда еще в марте 1814 г. после изгнания французских оккупантов вернулся Фердинанд VII, немедленно приступивший к реставрации абсолютистских порядков. В этих условиях конгресс Соединенных провинций Новой Гранады, выражая настроения большинства патриотов, призывал к единству, к укреплению центральной власти и предложил Кундинамарке присоединиться к конфедерации. Но правительство Кундинамарки отклонило это предложение. Тогда конгресс направил в Кундинамарку свою армию под командованием Боливара; 12 декабря 1814 г. она вступила в Боготу. Кундинамарка вошла в состав новогранадской федерации, и в январе 1815 г. конгресс и федеральное правительство переехали в Боготу.

Между тем правительство Фердинанда VII, восстановив абсолютизм в метрополии, направило свои усилия на подавление восстания в американских колониях. В Южную Америку были отправлены крупные испанские силы под командованием Морильо; в апреле 1815 г. они высадились на побережье Венесуэлы. Ободренные прибытием многочисленных подкреплений, роялисты активизировали свои действия. Поскольку в Венесуэле испанское господство было восстановлено еще до прибытия экспедиционного корпуса, часть его была перебро-

шена в Новую Гранаду. В августе 1815 г. испанские войска блокировали Картану, к концу года овладели ею и, двинувшись на юг, в течение нескольких месяцев подчинили своей власти всю Новую Гранаду. 6 мая 1816 г. они вступили в ее столицу Боготу. Восстановление колониального режима сопровождалось жестокой расправой с патриотами: массовые казни, аресты и другие репрессии не прекращались в течение длительного времени. Число жертв роялистского террора исчислялось тысячами.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ НА РИО-ДЕ-ЛА-ПЛАТЕ

На юге континента, в бассейне Рио-де-ла-Платы, основным центром революционных событий явился Буэнос-Айрес. 25 мая 1810 г. кабильдо этого города под давлением народных масс отстранил вице-короля и передал власть Временной правительственной хунте под председательством полковника Сааведры. Среди ее членов были молодые патриоты Мариано Морено, Мануэль Бельграно, Хуан Хосе Кастельи и другие. В первые же месяцы своей деятельности хунта провела ряд мер, направленных на развитие внешней торговли, демократизацию государственного строя и общественной жизни, подавление сопротивления роялистов и т. д. Для освобождения всей территории Ла-Платы от ига колонизаторов были сформированы отряды патриотов.

Первая военная экспедиция отправилась на север. В августе 1810 г. она освободила провинцию Кордову и двинулась в Верхнее Перу. При приближении революционной армии (получившей название Северной) здесь усилилось повстанческое движение, не прекращавшееся с 1809 г. 7 ноября патриоты одержали победу над испанскими войсками, и Верхнее Перу оказалось под властью правительства Буэнос-Айреса.

Прогрессивные мероприятия буэнос-айресской хунты, способствовавшие дальнейшему развитию и углублению революции, осуществлялись по инициативе ее радикального крыла, возглавлявшегося Морено. Морено и его единомышленники, выражая интересы купцов, либеральных землевладельцев, мелкой городской буржуазии, добивались не только установления политической независимости, но и ликвидации феодальных порядков в экономической и социальной областях. Они отстаивали идею превращения всей территории бывшего вице-королевства Рио-де-ла-Платы в единое централизованное государство.

Латифундисты внутренних провинций и купцы-монополисты Буэнос-Айреса объединялись вокруг консервативного крыла хунты во главе с Сааведрой, которое стремилось к освобождению от испанского ига, но не хотело социально-экономических преобразований и выступало за широкую автономию провинций.

Борьба между политическими группировками принимала все более острый характер. Поскольку Морено и его соратники не решились обратиться за поддержкой к народным массам, победу одержала группа Сааведры. В декабре 1810 г. Морено ушел в отставку, а его сторонники подверглись репрессиям.

Обострение разногласий внутри правительства и захват власти консервативными силами ослабили позиции хунты Буэнос-Айреса. Ее попытки установить свой контроль над всей территорией Ла-Платы встретили сопротивление со стороны отдельных провинций, стремившихся к полной независимости.

Весьма решительно против действий буэнос-айресской хунты выступили патриоты Парагвая, который с образованием вице-королевства Рио-де-ла-Платы оказался в непосредственной экономической и политической зависимости от сравнительно близкого географически Буэнос-Айреса. Прибывший в Асунсьон представитель хунты был встречен весьма холодно. Большинство парагвайцев, в принципе одобряя революционные события 25 мая, вовсе не разделяло планов объединения лаплатских провинций в одно государство под эгидой Буэнос-Айреса.

Тогда буэнос-айресское правительство объявило блокаду Парагвая и направило туда войска под командованием Бельграно. Однако вопреки ожиданиям хунты парагвайцы не присоединились к армии Бельграно, а стали вступать в ряды ополчения, которое в начале 1811 г. нанесло поражение буэнос-айресским войскам. Но со временем многие парагвайские патриоты осознали, что, сражаясь с армией Буэнос-Айреса, они невольно способствовали сохранению испанского господства в своей стране. Поэтому большинство их стало склоняться к установлению независимости в союзе с Буэнос-Айресом, сняв возражения против объединения провинций Рио-де-ла-Платы в рамках единого государства.

В ночь с 14 на 15 мая 1811 г. группа молодых офицеров подняла в Асунсьоне восстание, политическое руководство которым осуществлял известный своими революционными убеждениями доктор Хосе Гаспар Родригес де Франсиа. Он родился в 1766 г. в семье состоятельного торговца табаком. По окончании Кордовского университета в течение непродолжительного времени преподавал в семинарии Асунсьона, но из-за своих либеральных взглядов вскоре был уволен. Тогда Франсиа стал изучать право и в дальнейшем занялся адвокатской практикой. Он был начитанным и разносторонне образованным человеком, сторонником идей французского Просвещения. Его честность, бескорыстие и скромность принесли ему широкую популярность и всеобщее уважение.

В результате событий 14—15 мая колониальная администрация была упразднена, и власть временно перешла к триумvirату. 17 июня в Асунсьоне собралась ассамблея, вручившая исполнительную власть Правительственной хунте во главе с Йегросом. Фактически же ее деятельностью руководил Франсиа, обладавший наибольшими способностями, энергией, политическим опытом и авторитетом.

Хунта приняла меры к развитию торговли, культуры и просвещения, объявила свободу судоходства по р. Парагвай, запретила избрание испанцев депутатами будущего конгресса. Однако многие начинания Франсиа и взятый им курс на полную независимость страны наталкивались на сопротивление со стороны его коллег, особенно офицеров. В связи с этим он потребовал ограничения роли военных и созыва национального конгресса для изменения формы правления и образования нового правительства.

20 июня 1811 г. роялисты нанесли сокрушительное поражение войскам Буэнос-Айреса в Верхнем Перу и отбросили их далеко на юг. Тем не менее на территории Верхнего Перу еще несколько лет действовали партизанские отряды, состоявшие преимущественно из индейцев.

В руках испанцев продолжала оставаться часть территории Восточного Берега. Фактически местная колониальная администрация не подчинялась властям Буэнос-Айреса еще с 1808 г., когда в связи с бонапартистскими симпатиями вице-короля в столице этой провинции Монтевидео была создана испанская хунта, занимавшая легитимистские позиции. Такое положение сохранялось и после майской революции в Буэнос-Айресе. Однако в конце февраля 1811 г. уругвайские патриоты подняли восстание, во главе которого стал Хосе Хервасио Артигас.

Артигас (1764—1850) родился в Монтевидео в состоятельной креольской семье. Юность его прошла в отцовском поместье, но ему часто приходилось сопровождать гурты скота и караваны с грузами шкур. В 1797 г. он вступил в ополчение, сформированное испанскими властями в помощь регулярным войскам. Во время вторжения английских захватчиков на Ла-Плату Артигас принял деятельное участие в борьбе с интервентами, а с началом войны за независимость стал одним из ее руководителей.

Возглавлявшееся Артигасом восстание охватило вскоре большую часть территории Восточного Берега. Установив контакт с хунтой Буэнос-Айреса, уругвайские патриоты заручились ее поддержкой и 18 мая 1811 г. одержали по-

беду над испанскими войсками на подступах к Монтевидео. Вслед за тем отряды Артигаса, состоявшие главным образом из гаучо — пастухов пампы, подошли к самому городу и осадили его. Вскоре к ним присоединились войска, прибывшие из Буэнос-Айреса. Обосновавшийся в Монтевидео новый вице-король Элио обратился за помощью к португальскому правительству принца-регента Жоао, находившемуся в Рио-де-Жанейро. Поскольку португальцы давно стремились к захвату Восточного Берега, они сразу же откликнулись на этот призыв и направили войска, которые в середине июля 1811 г. вторглись в пределы страны.

Военные неудачи и угроза захвата Монтевидео португальцами еще больше обострили разногласия между различными группировками в Буэнос-Айресе. В результате победы более радикального крыла правительственная хунта была распущена, а исполнительная власть передана триумвирату. Вопреки сопротивлению реакционных сил триумвират провел некоторые мероприятия с целью углубления революции. Но его политика далеко не во всех вопросах отличалась последовательностью. Так, 23 октября 1811 г. правительство Буэнос-Айреса заключило соглашение о перемирии с вице-королем. В соответствии с этим соглашением войска Буэнос-Айреса и Португалии покинули Восточный Берег, который был признан владением Испании.

Вынужденный снять осаду Монтевидео, Артигас повел свои отряды на северо-запад. Вслед за ними отправились тысячи уругвайцев, не желавших оставаться под гнетом испанских колонизаторов. В результате этого массового «исхода уругвайского народа» свыше 16 тыс. человек переправились через р. Уругвай и расположились огромным лагерем в соседней провинции Энтре-Риос.

24 сентября 1812 г. Северная армия нанесла под Тукуманом сокрушительное поражение испанским войскам. Одержанная победа позволила правительству Буэнос-Айреса вновь направить свою армию на территорию Восточного Берега и в октябре возобновить осаду Монтевидео, в которой активное участие приняли отряды уругвайских патриотов.

К этому времени обнаружилось глубокие разногласия между буэнос-айресским правительством и сторонниками Артигаса. Последние, добиваясь полной независимости своей страны, выступали за превращение Рио-де-ла-Платы в федерацию автономных провинций, самостоятельных не только по отношению к Испании, но и к Буэнос-Айресу. Буэнос-айресские же руководители, стремившиеся обеспечить свою гегемонию в масштабе всего бывшего вице-королевства Рио-де-ла-Платы, отвергали принцип федеративного устройства и противопоставляли ему идею подчинения отдельных провинций сильной центральной власти в рамках унитарного государства, возглавляемого Буэнос-Айресом. Следует иметь в виду, что федерализм Артигаса и его приверженцев существенно отличался от политической платформы федералистов Буэнос-Айреса, которые добивались сохранения монополии последнего и его привилегированного положения по отношению к остальным лаплатским провинциям.

Противоречия между уругвайскими патриотами и буэнос-айресским правительством резко обострились и проявились открыто в связи с созывом Генеральной конституционной ассамблеи (Учредительного собрания) Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы. Она открылась в Буэнос-Айресе 31 января 1813 г. и приняла ряд важных решений, фактически утверждавших независимость провинций Ла-Платы от Испании и подготовивших условия для официального провозглашения их суверенным государством. В частности, имя испанского короля Фердинанда VII было исключено из текста присяги; ассамблея учредила государственный герб и флаг, приняла национальный гимн. Были изданы декреты, предусматривавшие отмену рабства, подушной подати, ликвидацию феодальных форм эксплуатации и проведение других преобразований. Но большинство намеченных реформ не было осуществлено, что объяснялось в основном сопротивлением сил реакции и отсутствием единства среди самих патриотов.

В октябре — ноябре 1812 г. испанские войска активизировали свои действия. Они дважды нанесли поражение патриотам в Верхнем Перу и вновь оттеснили их на юг, к Тукуману.

В этот критический момент командующим Северной армией был назначен талантливый военачальник Хосе де Сан-Мартин. Он родился в 1788 г. на Ла-Плате. Его отец был испанским офицером и колониальным чиновником, мать — креолкой. Когда Сан-Мартину исполнилось 8 лет, семья переехала в Испанию, где он еще подростком начал военную службу. С началом освободительной войны против вторгшихся в Испанию войск Наполеона Сан-Мартин мужественно сражался в рядах партизан. В то же время он вступил в тайное общество испано-американских патриотов «Ложа Лаутаро» и по его заданию выехал в 1812 г. на родину.

Будучи кадровым офицером и имея богатый боевой опыт, Сан-Мартин отличался целеустремленностью, выдержкой, хладнокровием, трезвостью в оценке обстановки. Эти качества позволили ему успешно справиться со своей задачей. Сан-Мартину удалось за короткий срок повысить боеспособность и укрепить дисциплину войск. Однако борьба с роялистами в горах Верхнего Перу, по его мнению, не имела решающего значения для судеб революции на Ла-Плате. Он считал необходимым освободительный поход в Чили и Перу, чтобы разгромить там главные силы колонизаторов на Южноамериканском континенте. В дальнейшем Сан-Мартин приступил к формированию армии, предназначенной для выполнения этой задачи.

30 сентября 1813 г. открылся национальный конгресс в Асунсьоне. Среди депутатов преобладали представители сельского населения и городских низов. 12 октября они единодушно приняли решение о введении республиканского строя. Верховная власть и командование вооруженными силами вручались двум консулам, назначаемым конгрессом. На этот пост были избраны Франсиа и Йегрос. Хотя конгресс формально не принял никакой специальной декларации о независимости Парагвая, провозглашение республики было, по существу, равносильно такому акту. Оно практически означало полный и окончательный разрыв с метрополией и отказ даже от словесного признания суверенитета испанского монарха Фердинанда VII. Парагвай явился первой провинцией бывшего вице-королевства Рио-де-ла-Платы, предпринявшей столь решительный шаг.

Между тем Верхнее Перу продолжало оставаться в руках испанцев. Что же касается отношений между Буэнос-Айресом и уругвайскими патриотами, то их разногласия не замедлили вылиться в открытый конфликт.

В связи с созывом конституционной ассамблеи в Буэнос-Айрес были направлены представители, избранные населением Восточного Берега. Они были снабжены инструкциями, разработанными Артигасом. Этот документ содержал требование полной независимости провинций Ла-Платы, установления республиканской формы правления, провозглашения гражданских и религиозных свобод, а также признания широкой автономии Восточного Берега и других провинций в рамках конфедерации. Поскольку подобная программа никак не устраивала консервативное большинство ассамблеи, оно отказалось признать полномочия уругвайских депутатов и допустить их к участию в своей работе.

В ответ на действия правящих кругов Буэнос-Айреса Артигас в январе 1814 г. отвел свои войска, участвовавшие в осаде Монтевидео, к р. Уругвай. Тогда буэнос-айресское правительство объявило его вне закона и «изменником родины». Чтобы форсировать военные операции против Монтевидео, оно направило туда подкрепления. 23 июня испанский гарнизон Монтевидео капитулировал.

Хотя столица Восточного Берега оказалась в руках войск Буэнос-Айреса, почти всю остальную его территорию фактически контролировали уругвайские патриоты, не признававшие власть буэнос-айресского правительства. Под их влиянием находились также расположенные к западу от р. Уругвай провинции

Энтре-Риос, Корриентес и другие, которые выступали против централистских устремлений Буэнос-Айреса. В январе 1815 г. отряды Артигаса, придерживавшиеся до того преимущественно оборонительной тактики, перешли в наступление и одержали внушительную победу над буэнос-айресскими войсками, вынужденными в середине марта оставить Монтевидео. Успехи уругвайцев способствовали дальнейшему росту федералистских тенденций в соседних с Восточным Берегом провинциях.

В июле 1815 г. по инициативе Артигаса был созван федеральный конгресс, на котором помимо Восточного Берега были представлены также провинции Энтре-Риос, Корриентес, Санта-Фе и Мисьонес. Конгресс одобрил разработанный Артигасом «Временный регламент Восточной провинции». Это была радикальная программа, предусматривавшая конфискацию земель и другого имущества врагов революции и их распределение между неимущими патриотами.

Если федералисты во главе с Артигасом фактически контролировали во второй половине 1815 г. всю территорию между реками Уругваем и Параной, то сфера политического влияния Буэнос-Айреса была весьма ограничена. Кроме Восточного Берега и Парагвая, отказывавшихся признать власть буэнос-айресского правительства, из-под его контроля окончательно вышло и Верхнее Перу, где роялистам удалось почти полностью подавить революционное движение. Поскольку к тому же в ноябре 1815 г. здесь потерпела очередное поражение Северная армия, угроза наступления испанских войск с севера вновь стала реальной.

ЧИЛИ

В отличие от Рио-де-ла-Платы, Венесуэлы, Новой Гранады вице-королевство Перу первоначально было сравнительно мало охвачено освободительным движением. В самом Перу колонизаторы в течение ряда лет прочно удерживали свои позиции. Лишь в августе 1814 г. в Куско вспыхнуло мощное восстание под предводительством братьев Ангуло, к которому примкнули тысячи индейцев во главе с Пумакауа, но к марту следующего года оно уже было подавлено.

Значительно больший размах борьба за независимость получила в генерал-капитанстве Чили. Правда, и здесь по ряду причин, связанных с отдаленностью и изоляцией этой колонии, ее экономической зависимостью от Перу и другими обстоятельствами, борьба против чужеземных угнетателей в первые годы освободительной войны не достигла такой остроты, как в других районах Южной Америки.

Но вести о революционных событиях в Каракасе, Буэнос-Айресе, Боготе, Кито послужили толчком для выступления чилийских патриотов. По их требованию 18 сентября 1810 г. было созвано открытое заседание кабильдо Сантьяго, которое приняло решение о смещении губернатора и передаче его функций правительственной хунте. Однако, хотя в ее состав вошел радикально настроенный Хуан Мартинес де Росас, среди членов хунты преобладали представители колониальной администрации и духовенства во главе с бывшим губернатором. Роялисты добились большинства и в национальном конгрессе, который открылся 4 июля 1811 г. Большая часть депутатов была настроена лояльно к метрополии и не выдвигала требования ликвидации колониальной зависимости.

Происпанская политика консервативной хунты вызвала разочарование и глубокое недовольство патриотических сил. 25 августа 1811 г. в Консепсьоне вспыхнуло восстание. Вслед за тем 4 сентября в Сантьяго патриоты, требовавшие независимости, свергли хунту и образовали новую, где руководящую роль вскоре стал играть молодой офицер Хосе Мигель Каррера. Из конгресса были удалены наиболее реакционные депутаты, а в декабре 1811 г. он был распущен. Каррера стал фактически единоличным диктатором в Сантьяго.

Но его власть отнюдь не была признана на всей территории Чили. Особенно решительно против диктаторских замашек Карреры выступала хунта Консепсьона. Вместе с тем ее руководитель Мартинес де Росас стремился избежать вооруженного столкновения с патриотами Сантьяго, но переговоры, которые он вел с Каррерой, не дали результата. Тогда часть его приверженцев перешла на сторону Карреры, а Мартинес де Росас был арестован и затем выслан из Чили.

Несмотря на требования патриотов, добивавшихся полного разрыва с Испанией и проведения демократических преобразований, правительство Карреры придерживалось весьма умеренного политического курса. 27 октября 1812 г. оно обнародовало «Временный конституционный регламент», который провозглашал принцип народного суверенитета, демократические свободы и т. д., но вновь подтверждал признание верховной власти Фердинанда VII.

В марте 1813 г. на юге Чили высадились испанские войска, переброшенные морем из Перу. В результате успешного наступления они за короткий срок заняли всю территорию южнее р. Мауле. В связи с созданным критическим положением хунта, правившая в Сантьяго в отсутствие Карреры, решила отстранить его от командования вооруженными силами патриотов и назначила главнокомандующим видного деятеля освободительного движения Бернардо О'Хиггинса (1778—1842)¹. Однако испанские войска продолжали свое продвижение на север и в марте 1814 г. форсировали р. Мауле.

В такой обстановке «верховный правитель» де ла Ластра, которому хунта передала власть, принял предложение испанского командования о прекращении военных действий. В начале мая на берегу р. Лиркай было подписано соглашение, по которому чилийцы обязались полностью и безоговорочно признать власть короля Испании, т. е. отказывались, по существу, от требования национальной независимости, а испанские войска должны были покинуть территорию Чили.

Поскольку Лиркайское соглашение фактически означало полную капитуляцию чилийского правительства, оно вызвало недовольство патриотов. Воспользовавшись этим, Каррера организовал в Сантьяго военный переворот и стал во главе вновь образованной правительственной хунты. Придя к власти, он поспешил изгнать из Чили своих политических противников, причем не только капитулянтов, но и многих радикально настроенных патриотов. Против Карреры выступили О'Хиггинс и его сторонники. Страна оказалась перед угрозой гражданской войны.

Обострением разногласий между чилийскими патриотами не преминули воспользоваться испанские колонизаторы. Вице-король Перу дезавуировал Лиркайское соглашение и направил в Чили новые подкрепления. Узнав об этом, О'Хиггинс немедленно предложил Каррере прекратить междоусобную борьбу и объединить свои силы против общего врага. Однако это не спасло патриотов, которые в начале октября 1814 г. были наголову разбиты в ожесточенном бою при Ранкагуа (южнее Сантьяго). Озверевшая испанская солдатня учинила кровавую расправу над попавшими в ее руки ранеными, пленными и гражданским населением. О'Хиггинсу и Каррере едва удалось спастись и перебраться через Анды в лаплатскую провинцию Мендосу.

Несколько дней спустя испанские войска вступили в Сантьяго, и вскоре в Чили был полностью восстановлен колониальный режим. Начались массовые репрессии против патриотов.

¹ Сын бывшего генерал-капитана Чили, ставшего затем вице-королем Перу, О'Хиггинс еще в конце XVIII в., когда учился в Лондоне, вступил в тайное патриотическое общество, основанное Мирандой. Вернувшись в начале XIX в. на родину, он принял активное участие в антииспанском движении и в 1810—1812 гг. являлся ближайшим сподвижником Мартинеса де Росаса.

Если в большей части Южной Америки на первом этапе войны за независимость (1810—1815) размах борьбы и степень участия в ней широких масс были в известной мере ограничены, в связи с чем патриотам не удалось добиться серьезных успехов, то в Новой Испании освободительное движение сразу же стало поистине всенародным и приобрело социальную окраску.

Народное восстание возглавил здесь приходский священник селения Долорес Мигель Идалго (1753—1811). Это был высокообразованный человек, известный своими передовыми взглядами. Он пользовался большой популярностью среди населения. Вслед за событиями 1808 г. в Испании Идалго и его единомышленники стали готовиться к восстанию. Оно началось 16 сентября 1810 г., когда Идалго призвал своих прихожан к вооруженной борьбе за свободу и землю. Движение сразу же приняло массовый характер. За полтора месяца армия Идалго выросла до 80 тыс. человек и заняла большую территорию, в том числе крупные центры Селаю, Гуанахуато, Вальядолид. Основную массу восставших составляли крестьяне-индейцы, негры-рабы, горнорабочие, ремесленники, городская беднота. К ним присоединилась часть интеллигенции, офицеров, чиновников, низшего духовенства. Первоначально к восстанию примкнули также многие представители креольской землевладельческо-буржуазной верхушки.

Однако цели участников восстания были различны. Те из них, кто принадлежал к привилегированным слоям колониального общества, стремились главным образом к освобождению от испанского ига и установлению независимости. Для большинства же повстанцев не меньшее значение имели социальные задачи — ликвидация феодальных порядков, форм эксплуатации, землевладения. Видя в антифеодальном характере народного движения угрозу своим классовым интересам, большинство креольских латифундистов и купцов, а с ними многие чиновники и офицеры перешли на сторону колонизаторов и стали помогать им в подавлении освободительного движения.

В конце октября 1810 г. армия Идалго нанесла серьезное поражение испанским войскам у горного перевала Монте-де-лас-Крусес и подошла к столице Новой Испании Мехико. Но Идалго не попытался овладеть столицей и направился в город Гвадалахару. Здесь за короткий срок он провел ряд мероприятий с целью ликвидации рабства, расовой дискриминации, феодальных повинностей, торговых монополий, а также возвращения индейцам земель, захваченных колонизаторами. В середине января 1811 г. революционная армия была разгромлена испанскими войсками. 21 марта Идалго и других руководителей восставших в результате предательства захватили в плен и вскоре казнили.

Несмотря на это, освободительное движение продолжало развиваться, и во второй половине 1811 г. вновь охватило большую часть страны. Повсюду действовали многочисленные партизанские отряды, которые угрожали почти всем важнейшим административным и экономическим центрам, оставшимся в руках колонизаторов. После гибели Идалго борьбу за независимость возглавил его ученик и соратник, сельский священник Хосе Мария Морелос (1765—1815) — сын плотника, бывший в молодости погонщиком. Обладая выдающимся военным талантом, Морелос отличался исключительной скромностью и считал себя лишь «слугой нации». Его ближайшими сподвижниками были Герреро, Матаморос, Галеана и другие.

Одна из ярких страниц борьбы повстанцев во главе с Морелосом — героическая оборона Куаутлы (февраль — апрель 1812 г.). Ее падение укрепило позиции испанцев, которые активизировались и в других районах, добившись в известной мере стабилизации положения. Но уже во второй половине года появились условия для нового подъема революционного движения. В конце сентя-

бря в Мехико был обнародован текст конституции, принятой 18 марта испанскими кортесами (Учредительным собранием), заседавшими в Кадисе. Поскольку среди депутатов имелись и представители американских колоний, выдвигавшие требования политической и экономической независимости, чаяния испаноамериканцев нашли в этом документе известное отражение.

Кадисская конституция провозглашала принцип народного суверенитета, ограничивала прерогативы короля, декларировала неприкосновенность личности, имущества и жилища. Но она закрепила монархический строй, доминирующую роль католической религии, власть короны над заокеанскими владениями, подтвердила неделимость испанской империи, включая территорию, расположенную в обоих полушариях. Конституция 1812 г. отнюдь не обеспечивала гражданские права всем слоям колониального общества, так как предоставляла их только тем, кто не имел примеси негритянской крови. Она устанавливала равное представительство метрополии и колоний в кортесах, запрещала сосредоточение в одних руках гражданской и военной власти, упраздняла все судебные привилегии и специальные суды.

Принятие Кадисской конституции и прочие акты кортесов способствовали усилению революционных настроений в Новой Испании. Во второй половине 1812 г. повстанцы заняли Теуакан, Оахаку и другие города, а в апреле 1813 г. овладели опорным пунктом испанцев на южном побережье — портом Акапулько.

В середине сентября 1813 г. по инициативе Морелоса в Чильпансинго был созван национальный конгресс, которому Морелос представил разработанную им программу. Она предусматривала осуществление принципов национальной независимости и народного суверенитета, отмену рабства, упразднение податей и налогов, защиту интересов неимущих и т. д. Еще раньше Морелос поставил вопрос о ликвидации латифундий и конфискации имущества богачей и церкви. 6 ноября конгресс принял декларацию о независимости Мексики от Испании, а год спустя, 22 октября 1814 г., в Апацингане — первую в истории страны конституцию, которая предусматривала установление республики, провозглашала равенство граждан перед законом, свободу слова, печати.

Еще в течение года революционные отряды продолжали борьбу. Однако к концу 1815 г. колонизаторам удалось разгромить главные силы повстанцев и захватить в плен Морелоса, который был вскоре казнен. В большей части Мексики было восстановлено испанское господство.

В генерал-капитанстве Гватемале, где экономическое развитие было более замедленным, чем в других испанских колониях, борьба за независимость шла сравнительно менее интенсивно. Но с началом освободительной войны в Испанской Америке и особенно под влиянием революционных событий в Новой Испании движение постепенно распространилось и на центральноамериканские провинции. С конца 1811 г. вооруженные выступления против колонизаторов начались в Сальвадоре и Никарагуа. В 1813 г. сторонники независимости организовали антииспанский заговор и в самой Гватемале. Однако эти первые попытки свергнуть колониальное иго оказались безуспешными.

Рестаурация абсолютной монархии Бурбонов в Испании позволила правительству Фердинанда VII усилить борьбу против освободительного движения в американских владениях. Этому способствовала и благоприятная международная обстановка: разгром Наполеона, победа принципов легитимизма в Европе, создание Священного союза, а также война между Англией и США, отвлекавшая их внимание от революционных событий в испанских колониях. В большей части Испанской Америки, за исключением Рио-де-ла-Платы, к концу 1815 г. был восстановлен колониальный режим¹.

¹ Накануне войны за независимость Испании удалось восстановить свое господство в восточной части Гаити (Санто-Доминго).

С 1816 г. в Южной Америке начался новый подъем освободительного движения. В северной части континента основным его очагом явилась Венесуэла, где патриоты во главе с Боливаром возобновили активные действия против колонизаторов.

Боливар, вынужденный в мае 1815 г. покинуть Новую Гранаду и искать убежища на Ямайке, со свойственной ему энергией готовился к продолжению борьбы. В своем «Письме с Ямайки», написанном 6 сентября 1815 г., он выражал твердую уверенность в победе патриотов и скором освобождении Испанской Америки от колониального ига, а также подчеркивал необходимость единства и сплочения революционных сил.

К тому времени Боливар и его соратники осознали уже необходимость решения ряда социальных проблем, прежде всего освобождения рабов. Это позволило им договориться с президентом республики Гаити Петрионом о предоставлении венесуэльским патриотам оружия, боеприпасов и снаряжения. Боливар в свою очередь заверил Петриона в своей решимости покончить с рабством на той территории, которая будет освобождена от гнета колонизаторов.

В марте 1816 г. флотилия из нескольких небольших судов, на борту которых находилось около 250 патриотов, отплыла с Гаити. В течение июня — августа они несколько раз высаживались в различных пунктах венесуэльского побережья, но все эти попытки оказывались безуспешными. Правда, за это время Боливар успел предпринять шаг, имевший большое значение для дальнейшего хода событий: 6 июля он обратился к населению Венесуэлы с воззванием, в котором объявил о полной отмене рабства. В декабре 1816 г. Боливар во главе отряда патриотов высадился на северо-востоке Венесуэлы. На этот раз ему сопутствовала удача, и революционное движение быстро охватило северо-восточные районы страны.

В течение 1817—1818 гг. венесуэльские патриоты освободили значительную территорию в бассейнах Ориноко и ее притока Апуре. Их успехам способствовала поддержка широких слоев населения, страдавшего от террора колонизаторов. Отмена рабства, издание в 1817 г. декретов о конфискации имущества испанской короны и роялистов, а также о наделении солдат освободительной армии землей помогли Боливару заручиться симпатиями народных масс. В его отряды влились многие негры-рабы; воинственные льянеро под командованием своего вожака Паэса перешли на сторону патриотов и нанесли роялистам сокрушительное поражение в долине Апуре. С начала 1819 г. стали прибывать добровольцы из Англии и других европейских стран.

Несмотря на очевидные успехи освободительного движения, его дальнейшему росту мешали отсутствие единства среди патриотов и разногласия между их руководителями. В таких условиях необходимо было создать авторитетный политический орган, вокруг которого объединились бы все революционные силы. С этой целью по инициативе Боливара в столице освобожденных от испанского господства провинций Венесуэлы городе Ангостуре 15 февраля 1819 г. был созван второй национальный конгресс. Конгресс вновь провозгласил независимость Венесуэлы, назначил Боливара временным президентом республики и главнокомандующим освободительной армией, а также утвердил изданные им в 1816—1817 гг. декреты. Однако в связи с обострением военной обстановки Боливару вскоре пришлось покинуть Ангостуру, чтобы лично руководить боевыми действиями.

Проведя успешные операции против испанских войск, Боливар решил предпринять поход в Новую Гранаду, которая находилась под властью роялистов. В июне — июле 1819 г. его армия совершила труднейший переход через Анды и 7 августа одержала блестящую победу над испанцами на р. Бояке. Через нес-

колько дней патриоты вступили в Боготу, где Боливар был торжественно провозглашен «Освободителем» Новой Гранады. Таким образом за короткий срок было осуществлено освобождение большей части территории вице-королевства. Управление ею Боливар поручил одному из своих ближайших сподвижников генералу Сантандеру.

Тем временем в Ангостуре продолжал свою работу национальный конгресс, который 15 августа принял конституцию Венесуэлы. В соответствии с рекомендациями Боливара новая конституция провозглашала Венесуэлу «единой и неделимой» унитарной республикой. Она декларировала свободу слова и печати, неприкосновенность личности, имущества и жилища, равенство граждан перед законом и другие буржуазно-демократические свободы. Поскольку ко времени принятия этой конституции Каракас, Пуэрто-Кабельо, Коро, Маракайбо и другие важные центры Венесуэлы находились еще под властью испанцев, большого практического значения она не имела.

11 декабря 1819 г. в Ангостуру возвратился Боливар, который предложил конгрессу осуществить объединение Венесуэлы и Новой Гранады. 17 декабря конгресс утвердил «Основной закон республики Колумбии», согласно которому территории бывших генерал-капитанства Венесуэлы и вице-королевства Новой Гранады (включая аудиенсию Кито) объединялись в федеративную республику Колумбию. Это государство должно было состоять из трех департаментов (Венесуэла, Кито и Кундинамарка), возглавляемых соответственно тремя вице-президентами. В тот же день временным президентом Колумбии был единогласно избран Боливар. 27 февраля 1820 г. собравшаяся в Боготе ассамблея Новой Гранады одобрила решение Ангостурского конгресса.

Однако Колумбия пока существовала только на бумаге. Если Новая Гранада была в основном освобождена, то Кито и значительная часть Венесуэлы оставались под властью колонизаторов. С начала 1820 г. патриоты активизировали свои действия и вскоре изгнали испанские войска из ряда районов северо-западной Венесуэлы.

На последующий ход борьбы за независимость большое влияние оказали события, происшедшие тем временем в Испании. В начале января 1820 г. среди экспедиционных войск, сосредоточенных в Кадисе для отправки в Америку, вспыхнуло восстание, которое вскоре переросло в революцию, охватившую всю страну. 7 марта Фердинанд VII вынужден был объявить о созыве кортесов (испанского парламента), а через день присягнуть на верность конституции. Открывшиеся 9 июля в Мадриде чрезвычайные кортесы на протяжении нескольких месяцев восстановили в основном реформы, проведенные в 1810—1813 гг., и приняли ряд декретов антиклерикального характера.

Революционные события в метрополии поставили испанские власти в Венесуэле в весьма затруднительное положение. Желая выиграть время, они предложили патриотам заключить перемирие. Это отвечало и планам Боливара, который рассчитывал использовать паузу в военных действиях для подготовки решающего удара по врагу. 25 ноября 1820 г. представители Боливара и командующего испанскими войсками Морильо подписали соглашение о перемирии сроком на шесть месяцев. Но продолжалось оно недолго.

Уже в конце января 1821 г. вооруженная борьба возобновилась. В начале мая патриоты перешли в наступление на северо-западе Венесуэлы. 24 июня армия Боливара в тесном взаимодействии с отрядами льянеро под командованием Паэса разбила роялистов в долине Карабобо и через пять дней торжественно вступила в Каракас. Разгром главных испанских сил на территории Венесуэлы был завершен. В руках колонизаторов оставалась лишь крепость Пуэрто-Кабельо.

6 мая 1821 г. в Кукуте, на границе Венесуэлы и Новой Гранады, открылось Учредительное собрание. Наиболее важное место в его работе заняли дебаты

относительно формы будущего государственного устройства Колумбии. При обсуждении этого вопроса разгорелись споры между федералистами и сторонниками унитарной системы во главе с Боливаром. В конечном счете победили последние. Принятая 30 августа конституция провозглашала полную и безусловную независимость Колумбии от Испании или какой-либо иной державы. В отличие от «Основного закона» 1819 г., предусматривавшего создание федерации самоуправляемых департаментов, она устанавливала строгую централизацию власти на основе унитарной организации государства. Учредительное собрание избрало президентом республики Боливаром, а вице-президентом Сантандера. Столицей федерации стала Богота.

1 октября 1821 г. войска патриотов овладели последним опорным пунктом колонизаторов на побережье Новой Гранады — крепостью Картахеной, а в конце ноября в результате победоносного восстания от испанского господства была освобождена Панама, которая как часть бывшего вице-королевства Новой Гранады немедленно вошла в состав Колумбии.

Однако территория аудиенсии Кито, за исключением провинции Гуаякиль, все еще находилась в руках колонизаторов. Правда, с мая 1821 г. здесь действовала направленная Боливаром армия генерала Сукре, но перевес был на стороне испанцев. В начале 1822 г. войска Боливара выступили в поход и к концу марта достигли границ Кито. Это заставило роялистов бросить против них часть сил и позволило Сукре нанести противнику сокрушительное поражение в сражении при Пичинче (24 мая). На следующий день колумбийская армия вступила в город Кито. В конце мая было объявлено о присоединении территории Кито к Колумбии.

ПОЛОЖЕНИЕ НА ЛА-ПЛАТЕ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ЧИЛИ

В то время, когда в северной части Южной Америки происходили события, увенчавшиеся ликвидацией испанского владычества, на юге континента также развернулось освободительное движение.

Его основным очагом в этом районе явилась Рио-де-ла-Плата, где в отличие от остальной Испанской Америки не было восстановлено колониальное господство. Однако положение там продолжало оставаться весьма сложным. Политической стабильности удалось добиться лишь Парагваю, который упрочил свою независимость как от испанской монархии, так и от правительства Буэнос-Айреса.

Над Восточным Берегом с начала 1816 г. нависла угроза вторжения португальских войск, сосредоточенных на границе Бразилии. Агрессивные планы захвата этой территории вынашивались португальцами, видимо, с молчаливого согласия консервативного правительства Буэнос-Айреса, которое рассчитывало, что таким образом будет ликвидирован оплот сил, поддерживавших Артигаса и его радикальную программу. В августе 1816 г. португальская армия вторглась на территорию Восточного Берега, но встретила ожесточенное сопротивление со стороны уругвайцев. Хотя интервентам удалось вскоре занять Монтевидео и некоторые другие города, значительная часть страны продолжала оставаться в руках патриотов.

Расположенные в междуречье Уругвая и Параны провинции Корриентес и Энтре-Риос, а также соседние с ними Санта-Фе и Кордова поддерживали Артигаса. Те же лаплатские провинции, которые номинально признавали приоритет Буэнос-Айреса, отнюдь не соглашались с его гегемонистскими притязаниями. В таких условиях назрела неотложная необходимость решения ряда важнейших вопросов, имевших значение для дальнейшего развития освободительного движения на Рио-де-ла-Плате.

24 марта 1816 г. в Тукумане открылся конгресс Объединенных провинций

Рио-де-ла-Платы, где преимущественно были представлены провинции, группировавшиеся вокруг Буэнос-Айреса. Центральное место в его работе заняло обсуждение вопросов о юридическом оформлении национальной независимости Объединенных провинций и об их государственном строе. 9 июля конгресс торжественно провозгласил полную независимость и суверенитет «Объединенных провинций в Южной Америке». Что касается формы правления, то большинство депутатов под влиянием Сан-Мартина и Бельграно высказались за установление монархии, полагая, что она обеспечит преодоление политической анархии и создание централизованного государства. Однако никакого конкретного решения так и не было принято. Конгресс вручил исполнительную власть «верховному правителю» Пуэйрредону.

К концу 1816 г. Сан-Мартин закончил формирование и подготовку так называемой Андской армии, предназначенной для похода к Тихоокеанскому побережью. Она дислоцировалась в пограничной с Чили провинции Мендоса, где нашли в свое время убежище отряды чилийских патриотов во главе с О'Хиггинсом. В середине января 1817 г. армия Сан-Мартина, насчитывавшая вместе с влившимися в ее ряды чилийцами свыше пяти тысяч человек, начала чрезвычайно трудный переход через горные хребты Анд.

В начале февраля Андская армия совершенно неожиданно для колониальных властей вступила в пределы Чили. 12 февраля ее главные силы разгромили испанские войска в сражении при Чакабуко (севернее Сантьяго) и, не встречая сопротивления со стороны деморализованного противника, через день заняли чилийскую столицу, население которой восторженно приветствовало победителей. К этому времени другие части освободительной армии очистили от роялистов обширную территорию от Копьяпо на севере до р. Мауле на юге. Лишь южная часть Чили оставалась под контролем испанцев.

Муниципалитет Сантьяго на своем открытом заседании, собравшемся после освобождения города, принял решение просить Сан-Мартина взять власть в свои руки. Однако тот отклонил это предложение, сославшись на свои обязанности главнокомандующего Андской армией. Тогда 16 февраля «верховным правителем» Чили был избран О'Хиггинс.

Правительство О'Хиггинса поспешило провести ряд важных мероприятий, направленных на укрепление позиций патриотов. Оно конфисковало имущество роялистов, изгнало наиболее ярых главарей контрреволюции и т. д. Чтобы завершить освобождение Чили от ига колонизаторов, на юг были направлены войска, которые заняли провинцию Концепсьон. В ее столице Концепсьоне О'Хиггинс и члены назначенного им правительства 1 января 1818 г. подписали декларацию о независимости Чили. Она была торжественно провозглашена в Сантьяго и других городах в годовщину победы при Чакабуко — 12 февраля 1818 г.

Однако после прибытия подкреплений из Перу испанские войска перешли в наступление, нанесли поражение чилийской армии и стали приближаться к Сантьяго. Патриоты заняли оборону южнее столицы на обширной равнине Майпу. Вскоре туда подошли роялисты, и 5 апреля 1818 г. произошло кровопролитное шестичасовое сражение, в котором испанцы потерпели сокрушительное поражение. С испанским владычеством в Чили было навсегда покончено.

23 октября 1818 г. вступила в силу временная конституция Чили. Она декларировала гражданское равенство, неприкосновенность личности, жилища и имущества населения, свободу печати и т. д. Законодательную власть должен был осуществлять конгресс, а исполнительную — «верховный правитель». Лишь четыре года спустя была принята новая конституция, которая официально провозглашала независимость Чили от испанской монархии и любой другой иностранной державы.

После разгрома при Майпу и потери Чили испанское командование в Юж-

ной Америке стало придерживаться преимущественно оборонительной тактики и решило сконцентрировать свои основные силы в Перу. Эта цитадель испанских колонизаторов на Южноамериканском континенте являлась их последним оплотом, который должен был противостоять стремительному наступлению патриотов. Поэтому Сан-Мартин по завершении чилийской кампании немедленно приступил к подготовке похода в Перу. По его настоянию правительство Объединенных провинций в феврале 1819 г. заключило союзный договор с Чили об организации совместной военной экспедиции в Перу для освобождения этой страны от испанского владычества. Но подготовка перуанского похода затянулась на длительный срок, что было обусловлено как сложностью и трудностью самой задачи, так и крайней напряженностью политической обстановки в Объединенных провинциях.

Провозглашение независимости Тукуманским конгрессом объективно способствовало созданию более благоприятных условий для роста капиталистических отношений на Ла-Плате. Однако их развитие чрезвычайно тормозилось сохранением многочисленных феодальных пережитков, а также экономической и политической разобщенностью провинций. Между господствующими классами Буэнос-Айреса, являвшегося крупнейшим центром морской и речной торговли и имевшего наиболее развитую экономику, с одной стороны, и внутренних провинций — с другой, существовали глубокие противоречия. Они находили свое выражение в борьбе двух политических тенденций, представленных унитариями и федералистами.

Первые добивались создания единого централизованного государства, возглавляемого правительством, облеченным широкими полномочиями. Это требование отвечало прежде всего интересам зарождавшейся национальной буржуазии и связанных с ней социальных групп. Вторые были сторонниками принципа федеративного государственного устройства при сохранении полной автономии отдельных провинций. Их позиция соответствовала в основном стремлениям крупных землевладельцев, отстаивавших свои феодальные привилегии и желавших сохранить территориальную раздробленность. В целом централизм объективно способствовал созданию предпосылок для развития капитализма, а федерализм препятствовал этому процессу.

Следует, однако, иметь в виду, что связь обеих тенденций с классовыми интересами тех или иных слоев общества, а также с перспективами социально-экономического развития страны была весьма относительна и условна. Так, если буржуазия Буэнос-Айреса в большинстве своем поддерживала централистов, то в других провинциях многие ее представители, желая покончить с торговой монополией Буэнос-Айреса, склонялись к федерализму. А среди буэнос-айресских латифундистов было в свою очередь немало таких, которые разделяли взгляды унитариев. Политические разногласия между враждебными группировками нередко перерастали в затяжные конфликты и даже выливались в вооруженные столкновения.

Одержав победу на Тукуманском конгрессе, унитарии добились принятия 3 декабря 1817 г. «Временного регламента», который должен был определять основы государственного устройства впредь до утверждения конституции. Этот документ предусматривал создание сильного центрального правительства во главе с «верховным правителем», в компетенцию которого входило назначение губернаторов провинций. Ряд положений «Временного регламента» был использован в дальнейшем при разработке конституции «Объединенных провинций в Южной Америке», принятой конгрессом 22 апреля 1819 г. Конституция закрепляла унитарную форму государственного устройства и вручала законодательную власть двухпалатному конгрессу, а исполнительную — «верховному правителю», избираемому конгрессом на пятилетний срок.

Принятие конституции привело к резкому обострению политической борьбы.

Правящие круги ряда провинций, встревоженные перспективой усиления власти центрального правительства, активизировали действия, направленные против Буэнос-Айреса. 1 февраля 1820 г. буэнос-айресские войска были разбиты объединенными силами провинций Корриентес, Энтре-Риос и Санта-Фе. Это поражение привело к падению «верховного правителя» Рондо и роспуску конгресса. 23 февраля губернаторы Буэнос-Айреса, Санта-Фе и Энтре-Риос подписали в селении Пиляр соглашение о прекращении военных действий. Участники соглашения решительно высказались за федеративный принцип государственного устройства.

К этому времени остатки отрядов Артигаса, разгромленных в начале 1820 г. португальцами на территории Восточного Берега, покинули родину и обосновались в пограничной провинции Корриентес. Получив деньги и оружие из Буэнос-Айреса, губернатор Энтре-Риос Рамирес в июне 1820 г. начал военные операции против уругвайских патриотов. Его превосходящие силы в нескольких боях нанесли поражение сторонникам Артигаса и прижали их к р. Паране. Артигас вынужден был переправиться на другой берег и искать убежища в Парагвае.

ПОХОД САН-МАТИНА В ПЕРУ И СОЗДАНИЕ ПЕРУАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Между тем Сан-Мартин под влиянием известий о революции в Испании, пользуясь некоторой стабилизацией обстановки на Рио-де-ла-Плате, отправился в Чили, где находилась армия, подготовленная для похода в Перу. 20 августа 1820 г. флотилия судов, на борту которых находились экспедиционные войска, отплыла из Вальпараисо и направилась вдоль побережья Тихого океана на север.

Поскольку роялисты располагали в Перу весьма значительными силами, а освободительное движение там было довольно слабым, Сан-Мартин не решился сразу предпринять попытку овладеть хорошо укрепленной перуанской столицей Лимой. В начале сентября его войска высадились значительно южнее, в Писко. Призвав население к восстанию против испанцев, они освободили южную часть Перу и стали продвигаться на север, по направлению к столице. Известия об успехах освободительной армии вызвали панику среди роялистов. Многие солдаты и офицеры — перуанцы или уроженцы других стран Америки — переходили на сторону патриотов. После безуспешных переговоров с Сан-Мartiном вице-король Ла Серна 6 июля 1821 г. вывел свои войска из Лимы, так и не отважившись дать решительный бой патриотам. В город вступили части армии освобождения Перу.

Спустя несколько дней Сан-Мартин созвал представителей населения столицы и 28 июля при большом стечении народа торжественно провозгласил независимость Перу. Он согласился временно стать главой нового государства — «протектором», облеченным высшей гражданской и военной властью. В августе Сан-Мартин издал декреты об освобождении всех детей рабов, родившихся после провозглашения независимости, и об отмене принудительной трудовой повинности индейцев. Перуанские порты были открыты для торговли с иностранными державами. 8 октября 1821 г. правительство Сан-Мартина обнародовало «Временный статут», который провозглашал неприкосновенность личности, имущества, жилища, свободу печати и другие гражданские права.

Однако роялисты, сохранив и отведя в малодоступные высокогорные районы Анд свои главные силы, продолжали контролировать большую часть страны, в том числе все Верхнее Перу. Напротив, освободительная армия, бойцы которой страдали от непривычного климата и эпидемических заболеваний, быстро теряла боеспособность. Сан-Мартин понимал, что не в состоянии завершить освобождение Перу собственными силами, и стремился заручиться

помощью Колумбии. Вследствие указанных обстоятельств он считал желательной личную встречу с Боливаром.

Переговоры между двумя выдающимися руководителями освободительного движения происходили 26—27 июля 1822 г. в Гуаякиле. Они велись без свидетелей и носили сугубо конфиденциальный характер. Точное содержание их осталось неизвестным, однако анализ прямых и косвенных свидетельств участников и современников встречи дает возможность составить определенное представление о том, что же являлось предметом секретных бесед между «протектором» Перу и президентом Колумбийской республики.

Центральное место в ходе переговоров занял, видимо, вопрос о совместных действиях против испанских войск в Перу, но соглашения на этот счет достигнуто не было. Боливар не мог тогда выступить во главе всей колумбийской армии в Перу или хотя бы направить туда крупные силы, как предлагал Сан-Мартин, потому что в самой Колумбии положение еще далеко не стабилизировалось и в различных районах продолжали действовать остатки разгромленных испанских частей. Боливар заявил, что может послать в Перу лишь сравнительно небольшой экспедиционный корпус.

Сан-Мартин, склонный переоценивать реальные возможности Боливара, решил, что позиция последнего продиктована исключительно честолюбивыми побуждениями, жадной славой, нежеланием делить с кем бы то ни было лавры освободителя Перу и власть над этой страной после окончательного изгнания колонизаторов. Будучи по своему характеру человеком необычайно скромным, не претендовавшим на высокие посты и звания, он выразил готовность безоговорочно признать главенствующую роль Боливара и передать в его полное подчинение свою армию. Однако Боливар отклонил и это предложение.

В ходе переговоров выявились также серьезные разногласия при обсуждении конкретных планов военных операций и особенно вопроса о будущей форме государственного устройства Перу и других южноамериканских стран. В то время как Сан-Мартин отстаивал идею конституционной монархии, Боливар решительно выступал за установление республиканского строя.

Вследствие глубоких расхождений между Боливаром и Сан-Мartiном их встреча оказалась бесплодной. Не желая быть помехой полному освобождению Перу, Сан-Мартин пришел к выводу, что во имя быстрого достижения этой цели ему следует отказать от военного и политического руководства, предоставив Боливару и там сыграть решающую роль в разгроме колонизаторов. 20 сентября 1822 г. он сложил свои полномочия перед Учредительным конгрессом в Лиме, после чего выехал в Буэнос-Айрес, а затем в Европу¹.

22 сентября конгресс официально провозгласил независимость Перу и передал власть Верховной правительственной хунте во главе с бывшим испанским генералом Ла Маром, перешедшим на сторону патриотов. Однако хунта не смогла обеспечить успешное ведение военных операций против роялистов. Войска, направленные ею в южные районы Перу, были 19 января 1823 г. разгромлены испанцами. Когда весть об этом достигла Лимы, ее гарнизон выступил против хунты. Под давлением восставших войск конгресс 27 февраля избрал президентом Перуанской республики представителя креольской знати Рива-Агуэро. Тем временем в Лиму прибыли колумбийские войска, которыми командовал Сукре. Но поскольку большая часть перуанской армии находилась на юге, испанское командование сумело в середине июня овладеть Лимой. Перуанский конгресс перенес свое местопребывание в Кальяо и, фактически отстранив Рива-Агуэро, обнаружившего полнейшую беспомощность, назначил главно-

¹ С этого времени Сан-Мартин совершенно отошел от всякой политической и военной деятельности. Он умер в 1850 г. во Франции, забытый своими соотечественниками. Лишь много лет спустя его останки были перевезены в Буэнос-Айрес и торжественно захоронены.

командующим вооруженными силами Сукре. По его совету конгресс обратился к Боливару с просьбой взять на себя руководство военными действиями против испанцев в Перу.

Через месяц роялисты вынуждены были эвакуировать Лиму, и туда вернулись патриоты. Рива-Агуэро, пытаясь удержать в своих руках власть, отказался признать решения конгресса и объявил о его роспуске. Тогда конгресс 6 августа официально сместил Рива-Агуэро и избрал президентом республики Торре Тагле.

В начале сентября 1823 г. в Лиму прибыл Боливар, торжественно встреченный представителями гражданских и военных властей. Население восторженно приветствовало его. 10 сентября перуанский конгресс провозгласил Боливара «Освободителем», возложил на него верховное командование вооруженными силами республики и предоставил ему чрезвычайные полномочия. Таким образом фактически в Перу была установлена диктатура Боливара. Но он все же не располагал достаточными ресурсами, необходимыми для выполнения стоявшей перед ним важнейшей задачи — разгрома испанских войск в Перу. Роялисты обладали значительным численным превосходством, и при таком соотношении сил нельзя было рассчитывать на успех.

Положение Боливара становилось все более затруднительным. Он не только был лишен возможности начать активные действия против испанцев, но и столкнулся с крайне враждебным отношением значительной части перуанских землевладельцев, крупных чиновников, высшего духовенства и офицеров. Эти круги, тесно связанные с испанскими колонизаторами, опасались, что освобождение Перу, осуществленное при решающем участии колумбийской армии под командованием Боливара, неизбежно приведет к присоединению страны к Колумбии и проведению ряда прогрессивных преобразований.

Чтобы избежать этого, некоторые представители креольской знати готовы были пойти на сговор с врагами. Так, президент Торре Тагле пытался за спиной Боливара договориться с вице-королем, которому он обещал сдать Лиму и Кальяо. Однако заговорщики не успели осуществить свое намерение, так как в начале февраля 1824 г. в Кальяо вспыхнул контрреволюционный мятеж и порт оказался в руках роялистов. Над Лимой нависла непосредственная угроза.

В создавшейся критической обстановке перуанский конгресс 10 февраля сместил Торре Тагле с поста президента и официально назначил Боливара диктатором, вручив ему неограниченную военную и гражданскую власть. Одновременно конгресс аннулировал конституцию, принятую в 1823 г., и объявил о самороспуске. Но удержать Лиму было уже невозможно. По приказу Боливара войска и значительная часть населения оставили город, который вскоре был занят испанцами. Положение патриотов стало катастрофическим. Они потерпели серьезное поражение, и большая часть территории Перу вновь оказалась под контролем роялистов.

НОВАЯ ИСПАНИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА

К этому времени испанское господство было уже ликвидировано не только в остальных районах Южной Америки, но также в Северной и Центральной Америке.

В Новой Испании освободительное движение продолжалось и после разгрома его главных сил и гибели Морелоса. Хотя к концу 1815 г. большая часть страны снова попала под контроль колониальной администрации, мексиканские патриоты не прекращали борьбу за независимость. В различных районах действовали партизанские отряды, насчитывавшие в общей сложности около 10 тыс. человек. В 1817 г. на побережье Новой Испании с целью ее освобождения от испанского владычества высадились экспедиция во главе с одним из органи-

затов народной войны против войск Наполеона в Испании Ф. Х. Миной-младшим. Однако эта попытка оказалась безуспешной. В 1818—1819 гг. освободительное движение было почти всюду подавлено. Только на юге страны, в бассейне р. Мескала, продолжал борьбу достойный преемник Идальго и Морелоса Висенте Герреро.

Под влиянием революционных событий 1820 г. в метрополии и успехах борьбы за освобождение южноамериканских колоний в Мексике стал нарастать новый подъем освободительного движения. В этой обстановке крупные землевладельцы и купцы, высшее духовенство, военно-бюрократическая верхушка, стремясь сохранить в неприкосновенности удобные им прежние порядки, стали добиваться отделения Мексики от революционной Испании. Таким путем они рассчитывали помешать дальнейшему развитию революции и сохранить свое господство и привилегии.

Их политической платформой был «план Игуала», опубликованный в феврале 1821 г. полковником Итурбиде, принимавшим в прошлом деятельное участие в подавлении освободительного движения. Провозглашая независимость Мексики, «план Игуала» предусматривал установление конституционной монархии и сохранение прежней системы управления, а также существенные гарантии интересов колонизаторов. Полностью игнорируя социально-экономические, а в значительной мере и политические задачи, этот документ являлся большим шагом назад по сравнению с программами Идальго и Морелоса. Тем не менее содержащаяся в нем идея независимости обеспечила «плану Игуала» поддержку народных масс, в том числе многих участников освободительной борьбы, в частности таких выдающихся партизанских руководителей, как Висенте Герреро, Гуадалупе Виктория, Николас Браво. Поскольку демократические силы были к этому времени очень ослаблены, руководство движением оказалось в руках наиболее консервативных элементов.

Армия, сформированная Итурбиде, не встречая серьезного сопротивления со стороны испанских войск, заняла в течение нескольких месяцев почти все крупные центры и вступила в Мехико, где 28 сентября 1821 г. была провозглашена независимость Мексиканской империи. Этот акт не сопровождался существенными социально-экономическими преобразованиями и ликвидацией монархии. В мае 1822 г. Итурбиде был провозглашен императором под именем Агустина I. Однако империя Итурбиде оказалась недолговечной. В стране стало расти республиканское движение, принявшее вскоре характер вооруженной борьбы, завершившейся в марте 1823 г. крахом империи. Итурбиде был выслан из Мексики и объявлен конгрессом врагом государства и вне закона¹.

31 января 1824 г. Учредительный конгресс принял «Основной закон», подтверждавший, что «мексиканская нация навсегда свободна и независима от Испании или какой бы то ни было другой державы». 4 октября была обнародована конституция Мексиканских Соединенных Штатов, которая закрепляла республиканский строй, предусматривала упразднение инквизиции, лишала церковь монополии в области народного образования, отменяла подушную подать, декларировала равенство всех граждан перед законом, свободу печати и т. д. Освобождение Мексики от колониального гнета и превращение ее в суверенное государство явились результатом героической и самоотверженной борьбы мексиканского народа во главе с Идальго, Морелосом и другими выдающимися патриотами. Она подорвала позиции колонизаторов, подготовила ликвидацию их господства и утверждение республики.

После установления независимости в ряде испанских колоний, в частности в Мексике, вновь активизировалось освободительное движение в генерал-капи-

¹ В июле 1824 г. он предпринял авантюристическую попытку восстановления своей власти, но на следующий же день после высадки на побережье Мексики был арестован и расстрелян.

танстве Гватемала. 15 сентября 1821 г. собрание представителей населения столицы генерал-капитанства приняло декларацию о независимости. Оно объявило также о предстоящем созыве конгресса всех провинций Центральной Америки, который должен был решить, быть ли Гватемале суверенным государством или войти в состав Мексиканской империи. По этому вопросу возникли серьезные разногласия. В то время как консервативные круги, представлявшие латифундистов, высшее духовенство и военно-бюрократическую верхушку, добивались присоединения к Мексике, либеральные настроенные элементы выступали за полную государственную самостоятельность, принятие демократической конституции и проведение социально-экономических преобразований. Вторую точку зрения разделяли и патриоты Сальвадора во главе со священником Дельгадо; Гондурас и Никарагуа разделились на два лагеря. Коста-Рика отказалась поддержать как ту, так и другую позицию и 29 октября провозгласила свою независимость.

В октябре 1821 г. Итурбиде дважды предлагал присоединить территорию бывшего генерал-капитанства к Мексике. Однако гватемальское правительство не решилось тогда уступить этому требованию. Лишь 5 января 1822 г. оно объявило о вхождении Гватемалы в Мексиканскую империю. Но через несколько дней «провинциальная депутация» Сальвадора заявила об отделении этой провинции от Гватемалы. Поскольку аннексионистские планы Итурбиде явно встретили в Центральной Америке сильное сопротивление, туда были направлены мексиканские войска. В июле 1822 г. конгресс Мексики санкционировал присоединение к империи центральноамериканских провинций. Однако сальвадорская хунта по-прежнему отказывалась подчиняться как гватемальским властям, так и правительству Итурбиде. Тогда мексиканцы начали военные операции против Сальвадора и к февралю 1823 г. овладели большей частью провинции и ее столицей. Таким образом, к началу 1823 г. аннексия Центральной Америки Мексикой была в основном завершена.

Однако с крушением империи Итурбиде усилились тенденции к отделению от Мексики центральноамериканских областей. Учредительное собрание представителей провинций бывшего генерал-капитанства 1 июля 1823 г. декларировало образование независимой и суверенной федеративной республики Соединенных провинций Центральной Америки.

В обстановке бурного роста освободительного движения во всей Испанской Америке в конце 1821 г. вспыхнуло восстание в Санто-Доминго. 1 декабря эта колония была провозглашена республикой под названием «Независимое государство испанской части Гаити». Созданная патриотами Временная правительственная хунта во главе с руководителем антииспанского восстания Нуньесом де Касересом объявила о своем намерении присоединить новую республику к Колумбии. Правительство заявило также, что желает установить дружественные отношения и заключить союз с соседней республикой Гаити для совместной защиты своей свободы и независимости.

Но Колумбия практически не могла в то время оказать какую-либо помощь Санто-Доминго, а правительство Гаити, используя ситуацию, в январе 1822 г. аннексировало эту территорию. Едва освободившись от испанского ига, Санто-Доминго было насильственно включено в состав соседнего государства Гаити.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПЕРУ И ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ

К началу 1824 г. последним оплотом испанского владычества на Американском континенте оставалось Перу. Освобождение его означало бы завершение войны за независимость в масштабе всей Испанской Америки. Это прекрасно понимали Боливар и другие патриоты, которые после поражения, понесенного ими в феврале 1824 г., не пали духом.

Главной задачей они считали создание многочисленной боеспособной армии. Для достижения этой цели были мобилизованы все возможные ресурсы. С целью привлечь на свою сторону перуанских индейцев Боливар издал декрет об отмене подушной подати и передаче индейцам в личную собственность общинных земель. Поскольку многие солдаты, месяцами не получая жалованья, дезертировали, он уменьшил солдатское жалованье, но зато стал выплачивать его регулярно. Большое внимание уделялось вооружению и снаряжению войск, их боевой подготовке и укреплению воинской дисциплины. Чтобы снабдить всем необходимым армию патриотов, Боливар приказал конфисковать имущество роялистов и даже драгоценную церковную утварь. Тем не менее он едва ли смог бы полностью вооружить, снарядить, обеспечить боеприпасами и питанием свои войска, если бы не активная поддержка широких слоев населения.

В апреле 1824 г. армия Боливара насчитывала уже примерно 10 тыс. человек. Однако ей противостояли испанские силы общей численностью около 16 тыс. человек, сосредоточенные преимущественно в высокогорных районах. При таком явном численном превосходстве противника патриоты не спешили переходить в наступление и продолжали накапливать силы. В это время командующий роялистскими войсками в Верхнем Перу ярый реакционер Оланьета поднял мятеж против вице-короля Ла Серны. Испанская армия оказалась между двух огней: с севера ей грозили патриоты, а с юга — мятежные части Оланьеты.

Сложилась весьма благоприятная для патриотов ситуация, которую Боливар не преминул использовать. Перехватив у противника инициативу, он в середине июня 1824 г. начал поход на юго-восток и, пройдя через горные хребты Анд, вывел свою армию на плоскогорье Паско. Внезапное появление патриотов застало роялистов врасплох. 6 августа на равнине Хунин разыгралась ожесточенная битва. Она длилась всего полтора часа. С обеих сторон во время боя не раздалось ни одного выстрела, сражались только холодным оружием. Не выдержав стремительного натиска патриотов, испанские войска, охваченные паникой, бежали с поля боя.

Но испанцы все еще сохраняли в Перу 12-тысячную армию, во главе которой стал теперь сам вице-король Ла Серна. Предстояли решающие бои. Обе стороны усиленно к ним готовились. Боливар воспользовался наступившей передышкой и, возложив обязанности главнокомандующего на своего помощника Сукре, в начале октября направился к побережью. В первых числах декабря его войска освободили Лиму, однако Кальяо оставался в руках роялистов. Боливар намеревался сформировать новую армию и лишь тогда нанести решительный удар врагу. Но события опередили его замысел. Ла Серна, пользуясь численным превосходством испанцев, предпринял в ноябре ряд маневров с целью окружить армию Сукре. Сукре умелыми действиями удалось избежать подготовленной ловушки и измотать испанские войска, утомленные непрерывными маршами в условиях сильно пересеченной местности.

Наконец, 8 декабря 1824 г. противники встретились на равнине Аякучо, расположенной на высоте 3400 м, примерно на полпути между Куско и Лимой. Сражение началось на другой день в 10 часов утра. Перед боем Сукре обратился к своим бойцам с краткой речью. «От ваших усилий зависит судьба Южной Америки», — сказал он. Сражение продолжалось всего около часа и закончилось блестящей победой патриотов. Испанцы понесли огромные потери убитыми и ранеными. Более двух тысяч солдат, несколько сотен офицеров и 14 генералов во главе с вице-королем были захвачены в плен. В сражении при Аякучо была разгромлена последняя крупная группировка испанских войск на Американском континенте. Теперь в руках роялистов оставались лишь Верхнее Перу, крепость Кальяо, остров Чилоэ (близ южного побережья Чили), а также островная крепость Сан-Хуан-де-Улуа в Мексике.

В конце декабря 1824 г. армия Сукре вступила в Куско и двинулась на юго-восток, в Верхнее Перу. Она не встретила там серьезного сопротивления, так как испанские части, понимая бесперспективность дальнейшей борьбы, при приближении освободительной армии отходили без боя или капитулировали. Население, в основном индейцы, открыто поддерживало патриотов. Партизанские отряды, много лет действовавшие в тылу у испанцев на севере страны, в свою очередь перешли в наступление. 28 января 1825 г. они заняли Ла-Пас, а в начале февраля туда вступили регулярные войска Сукре.

Выражая стремления патриотов Верхнего Перу, Сукре опубликовал 9 февраля декларацию, в которой обещал созвать Учредительное собрание всех провинций для решения вопроса о судьбе страны и ее будущем устройстве. Это собрание открылось 10 июля в зале старинного университета Чукисаки. 6 августа оно провозгласило независимость и суверенитет Верхнего Перу. В честь Боливара новое государство получило название Боливии. Учредительное собрание приняло решение об установлении республиканского строя и вручило верховную власть в республике Боливару, а его заместителем избрало Сукре. В течение непродолжительного времени в Боливии был издан ряд декретов антифеодального характера: об уравнивании индейцев в гражданских правах с остальным населением, их освобождении от трудовой повинности и подушной подати, отмене дворянских титулов и т. д.

В конце 1825 г. Боливар, передав свои полномочия Сукре, выехал из Боливии в Перу и в феврале следующего года, после почти годичного отсутствия, возвратился в Лиму. Здесь он приступил к разработке проекта конституции Боливии и 25 мая закончил его. В этом документе Боливар не только определил основы государственного устройства Боливийской республики, но и сформулировал политические принципы, имевшие в той или иной мере значение для всех стран Испанской Америки. Конституция провозглашала полную независимость и идею народного суверенитета, равенство граждан перед законом, неприкосновенность личности, жилища и частной собственности, свободу слова и печати, отменяла все наследственные права и привилегии. Не упоминая ни о какой государственной религии, она фактически подразумевала полную свободу совести. Законодательную власть, согласно конституции, должны были осуществлять сенат, палата трибунов и палата цензоров. Главой исполнительной власти являлся президент, избираемый пожизненно законодательными палатами.

Составленный Боливаром проект конституции с некоторыми поправками был в том же году принят боливийским конгрессом, который избрал президентом республики Сукре. 9 декабря 1826 г. эту конституцию, внося в нее кое-какие изменения, принял в качестве основного закона и конгресс Перу.

Ко времени возвращения Боливара в перуанскую столицу были ликвидированы последние очаги сопротивления испанцев в Америке. Еще в ноябре 1825 г. сдался гарнизон островной крепости Сан-Хуан-де-Улуа, а в январе 1826 г. капитулировали испанские силы в крепости Кальяо и на острове Чилоэ. Долголетняя освободительная борьба народов Испанской Америки закончилась в начале 1826 г. разгромом колонизаторов и их изгнанием с Американского континента. Испании удалось сохранить на время лишь свои владения в Вест-Индии — Кубу и Пуэрто-Рико.

ОТНОШЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ И США К ВОЙНЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Накануне и в период освободительной войны испанских колоний европейские державы и США проявляли большой интерес к Латинской Америке. Стремясь к захвату территорий и рынков сбыта, они хотели использовать обстановку, сложившуюся в ходе борьбы против гнета Испании, для того чтобы осуществить свои экспансионистские планы в отношении испанских владений.

С самого начала войны за независимость американское правительство стало готовиться к аннексии Западной Флориды, где инспирировало антииспанские выступления. В период с декабря 1810 по апрель 1813 г. войска США захватили территорию между реками Миссисипи и Пердидо, в конце 1817 г. заняли остров Амелию, а затем вторглись в Восточную Флориду и оккупировали ее. Действуя таким образом, американская администрация считала, что Испания согласится пожертвовать Флоридой, если США дадут обязательство не оказывать поддержки повстанцам. Расчет оказался правильным. Согласно договору, подписанному в Вашингтоне 22 февраля 1819 г., Испания уступила США Западную и Восточную Флориду, добившись от них признания Техаса составной частью Новой Испании.

К весне 1822 г. политика правящих кругов США по отношению к освободительной войне испанских колоний вступила в новую фазу. Революция 1820 г. в Испании нанесла сильный удар абсолютизму в метрополии и усугубила безнадежность борьбы колонизаторов против революционного движения в Иберийской Америке, которая к тому времени почти полностью была освобождена от колониального ига. В таких условиях президент Монро обратился к конгрессу с посланием, предлагая рассмотреть вопрос о признании независимости бывших испанских колоний; 28 марта 1822 г. конгресс принял соответствующее решение. Но в течение длительного времени оно оставалось чисто номинальным, так как американское правительство, не желая вступать в конфликт с Испанией и другими европейскими державами, не спешило устанавливать дипломатические отношения со странами Латинской Америки.

В начале 20-х годов в прессе европейских стран и США часто появлялись сообщения о подготовке вооруженной интервенции держав Священного союза в Латинскую Америку с целью восстановления власти Испании над ее бывшими колониями. Однако в результате тщательного изучения вопроса современные исследователи пришли к выводу, что ни одно европейское правительство не имело в то время конкретных планов вооруженного вмешательства в латиноамериканские дела.

Так, отношение царской России к восставшим колониям определялось не только ее принадлежностью к реакционному Священному союзу, но и другими факторами. Будучи убеждено в неизбежности освобождения колоний от испанского ига и рассчитывая установить торговые связи с латиноамериканскими странами, правительство Александра I в первые годы освободительной войны в Латинской Америке придерживалось благожелательного нейтралитета по отношению к колониям, а затем заняло выжидательную позицию. Лишь начиная с 1817 г. оно стало более или менее определенно проявлять сочувствие Испании, но практически его политика и тогда не выходила за рамки нейтралитета. Никакой подготовки к вооруженной интервенции в Испанскую Америку Россия не проводила.

Что касается Франции, которая начала в апреле 1823 г. интервенцию в революционную Испанию, то ее правительство фактически также не видело реальной возможности восстановления испанского владычества в Америке. К тому же в дальнейшем в связи с окончательным подавлением революции в Испании французскими войсками правящие круги Англии дали понять, что не допустят военного вмешательства Франции в дела бывших испанских колоний.

Стремясь использовать сложившуюся обстановку для укрепления своих позиций в Западном полушарии, США провозгласили 2 декабря 1823 г. доктрину Монро, направленную против вооруженной интервенции европейских держав на Американском континенте. Этот важный внешнеполитический акт объективно способствовал срыву враждебных латиноамериканскому освободительному движению замыслов международной реакции и тем самым упрочению независимости от Испании ее бывших колоний. Однако он был прежде всего продик-

тован экспансионистскими планами США в отношении молодых государств Латинской Америки, стремлением к превращению их в сферу влияния Соединенных Штатов.

Британский кабинет предпринял в конце 1823 г. определенные шаги по установлению контактов с бывшими испанскими колониями в Америке. Но вопрос об официальном признании испаноамериканских республик продолжал оставаться открытым. Лишь 31 декабря 1824 г. Англия признала независимость Мексики, Колумбии и Буэнос-Айреса.

ИТОГИ И ЗНАЧЕНИЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ

В результате войны за независимость бывшие испанские колонии избавились от чужеземного ига и превратились в суверенные государства. В ходе освободительной войны образовались республики: Мексиканские Соединенные Штаты, Федерация Центральной Америки, Колумбия, Перу, Чили, Боливия, Парагвай. Несколько позже завершился процесс создания независимых государств на Ла-Плате, где ситуация осложнялась острыми противоречиями между провинциями и вмешательством извне. Единственным исключением здесь явился Парагвай, который обрел свою независимость еще в 1811 г. Иное положение сложилось в Объединенных провинциях Рио-де-ла-Платы. В начале 1820 г. они распались и фактически перестали существовать как единое государство.

Понимая, что разобщенность чревата серьезными осложнениями, патриоты Ла-Платы стали все энергичнее выступать за созыв конгресса, который осуществил бы объединение страны. Необходимость единства усугублялась резким обострением отношений с Бразилией из-за Восточного Берега¹, которое в декабре 1825 г. привело к началу военных действий. В связи с этим Учредительный конгресс Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы, открывшийся еще в конце 1824 г. в Буэнос-Айресе, принял 6 февраля 1826 г. закон о создании общего правительства во главе с президентом. 24 декабря того же года конгресс утвердил конституцию Аргентины, как стали теперь называться Объединенные провинции Рио-де-ла-Платы.

Война между Аргентиной (на стороне которой сражались уругвайские патриоты) и Бразилией продолжалась до августа 1828 г., когда был заключен мирный договор, предусматривавший признание Восточного Берега независимым и суверенным государством. Согласно конституции 1830 г. оно получило наименование Восточная республика Уругвай.

Некоторые государства, образовавшиеся на Американском континенте в ходе войны за независимость, вследствие глубоких внутренних противоречий и борьбы различных группировок за власть оказались недолговечными.

В Колумбии вскоре после окончания освободительной войны резко усилились центробежные тенденции и развернулось сепаратистское движение. Оно активизировалось в связи с роспуском Учредительного собрания и изданием конституционного закона 27 августа 1828 г., установившего личную диктатуру Боливару. В 1830 г. колумбийская федерация распалась. На ее территории возникли республики Венесуэла, Эквадор (бывшая провинция Кито) и Новая Гранада. Вскоре после распада Колумбии, в декабре того же года, скончался и ее основатель Боливар. Он умер, покинутый всеми, кроме нескольких верных друзей. Лишь много лет спустя его заслуги перед родиной получили всеобщее признание, и в 1842 г. прах Боливару был перенесен в Каракас, а впоследствии помещен в сооруженный там пантеон.

Недолго просуществовала и Федерация Центральной Америки. В 1839 г.

¹ Эта территория, захваченная португальцами, была в 1821 г. присоединена ими к Бразилии.

входившие в нее провинции превратились в самостоятельные государства — республики Гватемалу, Гондурас, Никарагуа, Сальвадор и Коста-Рику.

Еще одно изменение политической карты Латинской Америки связано с судьбой бывшей вест-индской колонии Испании Санто-Доминго, которая в 1822 г. была присоединена к республике Гаити. Как уже указывалось, в 1844 г. там вспыхнуло восстание под руководством Хуана Пабло Дуарте. Гаитянское господство было свергнуто, а восточная часть острова стала независимым государством — Доминиканской республикой.

Освободительная война 1810—1826 гг. имела огромное значение для дальнейшего развития Испанской Америки. Она привела к ликвидации колониального режима, установлению политической независимости и образованию ряда испаноамериканских государств. Тем самым было покончено с многочисленными монополиями, запретами и ограничениями, регламентацией, сковывавшими экономическое развитие колоний, создавались более благоприятные условия для развития в Испанской Америке капиталистических отношений и вовлечения ее в систему мирового хозяйства. Были отменены подушная подать и принудительная трудовая повинность коренного населения в пользу частных лиц, государства и церкви. В большинстве стран было уничтожено рабство. Во всех вновь возникших испаноамериканских государствах был установлен республиканский, парламентарный строй и приняты конституции буржуазного типа. Прогрессивное значение имело также уничтожение инквизиции, упразднение дворянских титулов и других феодальных атрибутов.

В ходе войны заметно окрепло национальное самосознание испаноамериканцев. Все большее число их стало осознавать свою принадлежность к определенной нации, имеющей неотъемлемое право на независимое существование, суверенитет и собственную государственность. Превращение бесправных колоний в самостоятельные республики, проведение некоторых реформ и другие последствия войны оказали значительное воздействие на формирование испаноамериканских наций, намного ускорили их складывание и консолидацию.

Таким образом, борьба народов Испанской Америки за независимость имела целью не только отделение колоний от Испании, но и ликвидацию феодальных порядков, форм эксплуатации, землевладения, присущих колониальному режиму. Будучи по своим историческим задачам антифеодальной, объективно отражая потребности капиталистического развития, которому препятствовал колониальный статус, освободительная война 1810—1826 гг. носила, по существу, характер буржуазной революции, протекавшей в специфических условиях вооруженной борьбы против европейского колониализма.

Такова точка зрения, получившая распространение в советской историографии и разделяемая рядом зарубежных ученых марксистской ориентации. Об этом еще в начале 50-х годов писал Уильям З. Фостер (США). По мнению Манфреда Коссока (ФРГ), испаноамериканское освободительное движение «по своему историческому характеру прочно занимает место в ряду буржуазных революций XVIII и XIX вв.». За последние десятилетия заметно возрос интерес исследователей к социальным и экономическим аспектам этого движения (М. Морено, Ч. К. Гриффин, Х. Фриде, Дж. Линч и др.), хотя подчас предпринимаются попытки отрицать их значение и революционную сущность событий первой четверти XIX в. (Дж. Кинзбрюнер).

Следует отметить, что война за независимость не привела к коренной перестройке социально-экономической структуры стран Испанской Америки. Крупное землевладение в основном осталось в неприкосновенности, латифундисты и католическая церковь полностью сохранили свои позиции. Большая часть крестьянства продолжала подвергаться жестокой эксплуатации. Индейцы и негры при помощи имущественного и образовательного цензов, а также других ограничений фактически лишались политических прав.

Борьба за независимость была общенациональной. В ней принимали участие различные классы и слои колониального общества: индейское крестьянство, негры-рабы, мелкая городская буржуазия, зарождавшиеся буржуазные элементы, крупные земельные собственники, чиновники местного происхождения и т. д. К патриотам примыкала и часть низшего духовенства. Во многих случаях руководство освободительным движением оказывалось в руках представителей землевладельческой знати, интересы которых нередко выражали выходцы из разночинной среды и других слоев населения.

Главной движущей силой в борьбе за независимость были народные массы. Они далеко не часто выступали самостоятельно, им редко удавалось накладывать на движение отпечаток своих классовых требований. Самые отсталые слои подчас не видели разницы между испанскими колонизаторами и креольскими латифундистами, эксплуатировавшими закрепощенных крестьян и рабов. В отдельных случаях они даже сражались на стороне испанцев. Однако в основном именно народ играл решающую роль в освободительном движении.

Конечно, между различными классами в колониях существовали глубокие противоречия. Наряду с гнетом колонизаторов, тяготевшим над всем обществом, крестьяне-индейцы и негры-рабы страдали от угнетения со стороны землевладельцев-креолов. Последние, а под их влиянием многие руководители повстанцев, хотели сохранить крупную земельную собственность, феодальные формы эксплуатации, бесправное положение трудового народа. Их тревожила перспектива перерастания войны за независимость в социальную революцию, направленную как против испанцев, так и против местных эксплуататоров. Поэтому они порой проявляли известные колебания, нерешительность, старались сдерживать активность масс и не выпускать их из-под своего контроля.

Несмотря на наличие острых противоречий внутри колониального общества, общее стремление к ликвидации испанского господства в большинстве случаев объединяло широкие слои населения в совместной борьбе за освобождение от колониального ига, хотя при этом разные классы и социальные группы ставили перед собой далеко не одинаковые цели.

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В БРАЗИЛИИ

В социальной и административной структуре португальской колонии Бразилия сочетались элементы, сходные с теми, которые имелись в Испанской Америке и французском Сан-Доминго. Наиболее обжитой частью страны являлось океанское побережье. Здесь рос сахарный тростник — главное богатство страны в течение трех столетий. Его возделывали на плантациях рабы: сначала индейцы (их захватывали в плен и обращали в рабство «бандейранты» — охотники за индейцами), а после того как они были истреблены или отступили в девственные леса, — африканские невольники. Рабы изготовляли на примитивных сахарных заводах («энженьо») сахар, который через Португалию шел на продажу в Европу. Рабы трудились на золотых и алмазных приисках, строили города, дороги, мосты, были слугами, носильщиками, няньками.

Рабство в Бразилии появилось в системе феодальных отношений, с которыми пришли в Америку португальцы. Поэтому социальные отношения в этой стране представляли собой тесное переплетение феодальных институтов с возникшим здесь рабством. Взаимоотношения свободного населения регулировались нормами феодального права (дополненного со временем некоторыми буржуазными нормами, главным образом в области торговли), а в основе взаимоотношений рабовладельцев и рабов лежало неограниченное право господина на жизнь и эксплуатацию раба. Экономическая зависимость мелких землевладельцев и большинства свободного населения от крупных землевладельцев (в основном плантаторов — «фазендейро») при наличии в стране рабства порой приближалась к зависимости раба от рабовладельца, создавала переходные формы зависимости бедного люда.

К середине XVIII в. Португалия утратила значительную часть своих колоний, подпала под сильное влияние Англии, превращалась в третьестепенную державу. Ее американская колония тем временем развивалась и стала главным источником богатств португальского двора. На долю Бразилии приходилось более 80 % импорта из всех португальских колоний и около 50 % всего португальского импорта. Производство сахарного тростника, упавшее во время золотой и алмазной лихорадки¹, которая отвлекла людей от плантаций, вновь возросло. К концу XVIII в. все шире культивировались хлопок, кофе, парагвайский чай, возрастало производство естественных красителей. Начали возникать первые железоделательные и ткацкие мастерские, разрабатываться месторождения селитры. Большое значение приобретал китобойный промысел.

На пути дальнейшего развития страны стояло рабство. Труд раба малопродуктивен и лишен стимула к рационализации. Но поощряемое спросом из Европы плантационное хозяйство оставалось еще экономически рентабельным. Больше всего прогрессу Бразилии в то время мешало ее колониальное положение.

¹ Она длилась около полувека, захватив всю середину XVIII столетия.

Португалия, не считаясь с нуждами населения колонии, практиковала узкую специализацию хозяйства Бразилии, выгодно продавая производимый ею сахар, хлопок и т. д. Это позволяло одновременно реализовывать в колонии португальские и приобретенные в других европейских странах товары по высоким ценам. Внешняя торговля Бразилии была сосредоточена в руках португальских купцов и ограничена определенными портами. Вся торговля облагалась многочисленными пошлинами. Королевской монополией являлась торговля самыми ходкими товарами (мылом, солью, табаком и др.). Налоги взимались со всякого вида имущества почти за любой вид предпринимательства. Безоговорочно запрещалась деятельность, в которой усматривалась возможность конкуренции с португальскими купцами или мануфактуристами. Почти все официальные должности в колонии занимали уроженцы метрополии, пренебрежительно относившиеся ко всем родившимся в Бразилии, а особенно к «цветным». Судебная процедура отличалась крайней медлительностью и коррупцией. Система обучения определялась и строго контролировалась церковью, которая запрещала изучение естественных и точных наук, иностранных языков. В Бразилии не было ни одного высшего учебного заведения.

В конце XVIII в. реакционная политика лиссабонского двора, напуганного установлением независимости США и французской революцией, распространилась и на Бразилию, усугубив тяжелый колониальный гнет.

Именно в эти мрачные годы погиб на эшафоте Тирадентис¹. Португальская монархия располагала достаточными силами, чтобы справиться с бразильскими заговорщиками. Но у нее был более грозный враг — и не в далекой Америке, а совсем рядом. 29 ноября 1807 г., спасаясь от вторгшихся в страну войск Наполеона, португальское правительство бежало из Лиссабона в Бразилию. 24 января под охраной английского флота оно прибыло в свои американские владения, а в марте обосновалось в Рио-де-Жанейро.

Пребывание португальского правительства в Бразилии имело своим следствием ряд нововведений. 28 января 1808 г. бразильские порты были открыты для торговли с другими странами. 1 апреля был издан указ о свободе предпринимательской деятельности во всех отраслях промышленности. 12 октября открылся Бразильский банк. Позже были изданы законы, поощрявшие иммиграцию, а также приняты меры по улучшению дорог и средств связи.

Столь резкое изменение прежней политики обуславливалось рядом причин. Для нужд португальского двора и прибывших с ним многочисленных сановников, чиновников и офицеров требовалось большое количество промышленных и других товаров, которые не могли поступать из метрополии. Регенту (королева была душевнобольной), оказавшемуся в Бразилии, приходилось считаться с интересами местного господствующего класса, который уже давно вел борьбу за снятие ограничений с колониальной торговли. Наконец, немалую роль сыграл нажим со стороны Англии. За открытие бразильского рынка она обещала обеспечить безопасность португальского двора на американской земле.

Нововведения затронули не только административную систему и экономическую жизнь: в Бразилии была основана правительственная типография, стали издаваться газеты и журналы, ввозиться книги. Были созданы театр, национальная библиотека, национальный музей, ботанический сад, военная и морская академии, академия художеств, химическая лаборатория, медицинские школы, госпиталь и т. д.

Пребывание двора в Бразилии содействовало консолидации страны, ее политической централизации, развитию внутреннего рынка, росту населения.

¹ См гл 3

16 декабря 1815 г. Бразилия получила статус королевства¹. Португальский регент Жоао стал королем Жоао VI.

Все эти изменения рождали у бразильцев надежду, что их страна перестанет быть объектом колониальной эксплуатации. Но шли годы, и они убеждались, что их мечты несбыточны. Налоговая политика в значительной мере связывала ту предпринимательскую инициативу, которая допускалась новыми законами. Население Бразилии несло огромные расходы по содержанию двора, а также административного аппарата и армии. По-прежнему взималась десятина. Налогами облагалась промышленность, торговля и т. д. Не дало положительных результатов бразильскому хозяйству и открытие портов.

Используя беспомощное положение португальского правительства, Англия вынудила Жоао подписать два договора (в 1810 и 1812 г.). Для английских товаров устанавливался таможенный тариф в размере 15 % их стоимости, в то время как для товаров других стран он составлял 24 % (и даже для португальских — 16 %). Британские подданные в Бразилии пользовались так называемым охранительным режимом: они были неподсудны местным судебным органам, действовали в соответствии с английскими, а не португальскими законами. Торговая монополия Англии на бразильском рынке поставила Бразилию в зависимость от главного поставщика и оказалась страшным бичом для местной промышленности, которая не могла выдержать английской конкуренции и влачила жалкое существование. Дефицит государственного бюджета вынуждал правительство прибегать к британским займам, что увеличивало зависимость Бразилии от Англии.

Португальцы, приехавшие с королем, заняли все руководящие посты, кичились своим происхождением, европейскими манерами и белизной кожи. Они презрительно относились не только к неграм, индейцам, мулатам, метисам, но и к белым уроженцам Бразилии.

Растущее недовольство бразильцев существующими порядками проявилось особенно сильно в 1816 г., когда страна вступила в войну.

К 1816 г. стало очевидным, что Испания бессильна подавить восстание в своей колонии Восточный Берег (Уругвай). Правительство Жоао VI решило воспользоваться этим и захватило ее. Она была присоединена к Бразилии и позже названа Сисплатинской провинцией (1821). Однако господство над ней оказалось в значительной мере номинальным. Оно ограничивалось контролем над Монтевидео и несколькими другими городами, в которых находились португальские гарнизоны. Просторы уругвайской пампы (степи) оставались во власти патриотов.

Оккупация непокорного Восточного Берега принесла бразильскому правительству немало осложнений — оскудела казна, возникли большие трудности с набором рекрутов и др. Пример борьбы патриотов Испанской Америки в сочетании с общим недовольством в стране стимулировали движение за независимость и вызвали революционный взрыв.

6 марта 1817 г. в провинции Пернамбуку было поднято знамя республиканского восстания. Королевское правительство мобилизовало все силы на его подавление. Республиканцы, блокированные с моря и с суши, не получив ожидаемой поддержки от США и Буэнос-Айреса, были вынуждены оставить город (20 мая), а потом прекратить сопротивление. Участники восстания были жестоко наказаны, а руководители казнены.

Несмотря на поражение, республиканское восстание в Пернамбуку было ощутимым ударом по португальской монархии, грозным симптомом непрочности ее позиций в колонии

¹ Она стала формально равноправной частью Объединенного королевства Португалии, Бразилии и Алгарви (южная часть Португалии)

В августе 1820 г. произошла революция в Португалии. Революционные cortesы потребовали возвращения короля в Лиссабон. 26 апреля 1821 г. король Жоао VI отбыл в Европу, оставив регентом Бразилии принца Педру. В Бразилии с нетерпением ожидали, как будет определен статус страны в новой конституции, над которой работали португальские cortesы. Принятая конституция, однако, не упоминала о Бразилии. Позиция cortesов была воспринята бразильцами как нежелание считаться с их интересами. Это увеличило число сторонников независимости.

Почвой, которая питала и стимулировала борьбу за независимость, являлось ускорившееся развитие капиталистических отношений в самой Бразилии, но главным образом ориентация ее хозяйства на мировой капиталистический рынок и тесные связи с ним.

Одной из важных особенностей бразильского движения за независимость было участие в нем почти всего свободного населения страны (исключая португальцев и лиц, прочно с ними связанных). В пользу независимости выступали фазендейро и бразильские купцы, а также владельцы возникавших мануфактур, ремесленники, мелкие торговцы и прочие жители городов и деревень, страдавшие от гнета метрополии. Среди свободного населения Бразилии спор шел лишь о форме правления и характере отношений с метрополией, которые более всего отвечали бы интересам независимой Бразилии (союз с Португалией или полный разрыв с ней, монархия или республика), а не о самой независимости. При таком положении фазендейро, как господствующая экономическая сила в стране, сумели легко взять в руки руководство движением.

Несмотря на то что лагерь сторонников независимости охватывал, по существу, все свободное население Бразилии, он не был консолидированным. Фазендейро и купечество в основном выступали за монархический строй или во всяком случае были готовы мириться с ним при известном расширении сферы своей экономической и политической деятельности за счет португальцев. В Минас-Жераисе и Пернамбуку было относительно сильным республиканское движение.

Политические противоречия между сторонниками монархии и республики в сочетании с местными провинциальными интересами порождали в конкретной обстановке тогдашней Бразилии сепаратистские тенденции, угрожая расколоть страну и нарушая единство рядов сторонников отделения от метрополии. Объединению последних мешали также противоречия между рабовладельцами-плантаторами и местной буржуазией, владельцами мануфактур и купечеством приморских городов и т. д. Гарнизон Баии, самый крупный португальский гарнизон в Бразилии, открыто выступил за сохранение власти Португалии и силой заставил северные провинции признать власть Лиссабона.

Участники движения за независимость не имели ни руководящего центра, ни организаций, которые способствовали бы их, пусть временному, объединению. Таким центром не могла стать довольно радикальная газета «Коррейу бразильенсе», издававшаяся в Лондоне (1808—1822) сторонником независимости Ипполито-да-Коста. Она распространялась в Бразилии, но ограниченный тираж и огромные расстояния лишали ее действенной силы. Не могла сыграть роли объединителя и издававшаяся в Рио газета «Риверберу», выражавшая взгляды очень узкого круга лиц. Массонские ложи, выступавшие в пользу независимости, были тайными и в социальном отношении слишком замкнутыми организациями, объединявшими небольшое число лиц из высших слоев бразильского общества.

Энергию сторонников независимости в известной мере сдерживало присутствие португальских войск, расположенных в главных центрах страны. Однако относительная малочисленность этих войск и неспособность Португалии направить в Бразилию сколько-нибудь крупные силы создавали условия для предот-

вращения ожесточенной вооруженной борьбы (в отличие, например, от испанских, французских и английских колоний в Америке), что мешало выявить конечные цели, к которым стремились представители различных классов и групп, участвовавших в борьбе. Для фазендейро это был лишний шанс удержать свое влияние и инициативу.

Мало кто из борцов за независимость, даже самых решительных, ставил вопрос об уничтожении рабства. В лучшем случае участники движения говорили о постепенном его уничтожении в будущем. Борьба рабов за свободу шла параллельно с борьбой за независимость, не сливаясь с ней (а такое слияние на определенном этапе произошло, например, в соседних испанских колониях). Большую роль в этом играл страх перед огромной армией рабов, что лишало местную буржуазию — потенциально самого радикального участника движения — мощного союзника. Это также позволило фазендейро удерживать господствующие позиции, гегемонию в движении за независимость. Гегемония фазендейро придавала движению консервативные черты, проявлявшиеся тем более отчетливо, чем сильнее опасались рабовладельцы развития борьбы народных масс против эксплуататоров и особенно борьбы рабов против рабства¹.

Одной из специфических черт движения за независимость в Бразилии было также то, что многие питали надежду на мирное разрешение вопроса. Эта надежда была связана с ожиданием обещанных дополнений к конституции; с присутствием в стране регента, как бы олицетворявшего самостоятельность Бразилии; с формальным равенством Бразилии с Португалией как части Объединенного королевства; с привычкой считать свою страну центром португальской империи.

9 декабря 1821 г. в Бразилии стали известны два новых декрета португальских кортесов. Согласно первому декрету Бразилия делилась на провинции, каждая из которых непосредственно подчинялась Лиссабону. Все бразильские центральные органы власти упразднялись. Государственное и военное управление, а также судопроизводство должны были осуществляться из Португалии. Второй декрет предписывал принцу-регенту немедленно вернуться в метрополию, что сразу же лишало Бразилию последних признаков ее автономии.

Народное движение протеста могло привести к провозглашению независимости не только вопреки воле кортесов, но и без участия принца, занимавшего выжидательную позицию. Это грозило разрывом последних уз, связывавших Бразилию с Португалией и с правящим в ней Браганским королевским домом, главой которого после смерти отца должен был стать Педру. О реальности такой угрозы говорило заявление, сделанное принцу 9 января 1822 г. представителями города Рио-де-Жанейро. Жители столицы, собравшиеся перед дворцом, поддержали своих депутатов. Регент капитулировал и объявил о своем намерении остаться в Бразилии.

Движение за независимость добилось первого успеха. Страна временно сохранила свою автономию. В этих условиях вопрос о монархии, существование которой после решения принца стало в известной мере само собой разумеющимся, был практически снят. Тем более, что господство фазендейро в местных органах самоуправления и зависимость от них большинства жителей колонии в немалой степени определили промонархический характер движения за независимость.

Через день после решения принца остаться в Бразилии, 11 января, порту-

¹ В описываемый период (несмотря на препятствия, чинимые Англией) работорговля достигла в Бразилии размеров, которые превосходили размеры работорговли любого из предшествующих периодов. Увеличился экспорт бразильских продуктов, производимых рабами на плантациях страны.

гальские войска, расположенные в Рио-де-Жанейро, вышли из казарм, чтобы силой навязать бразильцам декреты кортесов. В ответ воинские части, состоявшие из местных уроженцев, городское ополчение (милиция) и вооружившееся гражданское население преградили путь португальским солдатам. Видя решительность бразильцев, их численное превосходство, португальские офицеры согласились увести свои батальоны и дали обещание при первой же возможности эвакуировать войска в метрополию.

Правительство регента поспешило пресечь дальнейшее развитие народной инициативы. Было выпущено несколько прокламаций, в которых от имени принца бразильцам внушалась мысль о вреде для Бразилии полной независимости и о необходимости союза с Португалией. Вместе с тем, учитывая интересы бразильской части своего окружения, а также настроение народа, принц 16 января 1822 г. сформировал новое правительство, впервые возглавленное уроженцем Бразилии Жозе Бонифасиу де Андрада-и-Сильва (1765—1838).

Глава нового правительства родился в г. Сантосе. Будучи воспитанником знаменитого университета в Коимбре (Португалия) и видным ученым-естествоиспытателем, он был хорошо знаком с идеями французских просветителей, мечтал добиться улучшения судьбы непокоренных индейцев, склонялся к мысли о неизбежности отмены работорговли, а позже и рабовладения. Но дворянин и фазендейро по происхождению, чиновник, принятый при королевском дворе, Бонифасиу был убежденным монархистом. Его политическая концепция предусматривала осуществление реформ путем постепенного введения их королевским правительством. В то же самое время Бонифасиу был патриотом. После революции в Португалии он решил, что наступил момент, когда его родина должна получить фактическое равноправие с метрополией, основанное на государственной независимости. Независимость (если удастся, в рамках союза с Португалией) и монархия — такова была программа Бонифасиу, когда он был поставлен у власти.

21 января 1822 г. новое правительство приняло постановление, запрещающее направлять в административные учреждения любые распоряжения и законы, поступающие из Лиссабона, до того как они будут признаны бразильским правительством. В Рио-де-Жанейро был арестован ряд лиц, подозревавшихся в заговорщической деятельности в пользу Португалии. В первых числах февраля португальские войска, находившиеся в Рио-де-Жанейро, получили категорический приказ отплыть на родину. 16 февраля они покинули Бразилию; несколько позже отбыл в Португалию гарнизон Пернамбуку. Португальские войска во главе с генералом Мадейрой оставались лишь в Баие и Мараньяне.

Сохранение формальной связи с Португалией вызвало недовольство тех, кто требовал полного с ней разрыва. Учитывая эти настроения, выразившиеся все более энергично, но по-прежнему уклоняясь от решительных действий, регент Педру предпринял обходный маневр. К своему титулу принца-регента он прибавил эпитет «конституционного и постоянного защитника Бразилии».

Но если Педру принял дополнительный титул для того, чтобы оттянуть время и сманеврировать, то наиболее решительные сторонники независимости начали борьбу за созыв Учредительного собрания, которому предстояло высказать суждение о дальнейших отношениях с Португалией и определить основы государственного устройства страны. Правительство уступило.

6 июля 1822 г. кортесы отвергли требования бразильских депутатов о государственной самостоятельности Бразилии. Одновременно пришли вести о намерении кортесов послать карательные войска. В ответ требование независимости под лозунгом «Свобода или смерть!» стало требованием большинства бразильцев. Усматривая в сложившейся обстановке опасность для монархического режима и своей власти, принц-регент 1 августа 1822 г. издал манифест, провозглашавший независимость Бразилии.

В конце августа в Бразилии стало известно содержание нового решения португальских кортесов: принц признавался лишь временным главой Бразилии; бразильские министры и активные сторонники независимости подлежали судебному преследованию. Правительство Бонифасиу сочло необходимым окончательно порвать отношения с Португалией.

7 сентября 1822 г. принц выразил свое согласие с решением совета министров. Эта дата считается в Бразилии официальной датой установления независимости. На мировую арену вступило новое государство. Закончилась трехсотлетняя колониальная история Бразилии.

19 сентября 1822 г. португальские кортесы приняли еще один декрет о ликвидации отдельного бразильского правительства, о возвращении принца в Португалию в 4-месячный срок. В ответ на это 12 октября 1822 г. принц был провозглашен конституционным императором Бразилии под именем Педру I. 11 декабря был издан декрет о конфискации всех товаров, всех кораблей и недвижимой собственности, принадлежавших португальскому правительству и португальцам, сохранившим верность метрополии. Декрет от 30 декабря повышал пошлины на ввозимые португальские товары с 16 до 24 % их стоимости, тем самым приравнивая Португалию к другим странам (за исключением Англии, товары которой по-прежнему облагались 15 %-ной пошлиной). Подданным Португалии разрешалось сходить на бразильский берег, только заявив под присягой о своем признании независимости Бразилии.

Правительство Бонифасиу приступило к созданию бразильского военного флота для защиты от возможного вторжения. В страну был приглашен англичанин лорд Кокрэн, возведенный в ранг «первого адмирала Бразилии». Ему поручили направиться с эскадрой на север для оказания помощи сухопутной армии, которая пока не предпринимала решительных действий против португальских войск генерала Мадейры. 1 июля 1823 г. португальские части в Баие погрузились на суда и покинули город. Вскоре капитулировал и португальский гарнизон Мараньяна. Бразилия была очищена от вражеских сил. Несмотря на эти успехи, недовольство политикой Бонифасиу (многие считали его ретроградом, Педру I — вольнодумцем) привело к его отставке.

3 мая 1823 г. открылось Учредительное собрание. Сразу же возник конфликт между депутатами и уже существующей исполнительной властью (находившейся по существу в руках португальского окружения Педру), на верность которой они должны были присягнуть до учреждения других государственных институтов.

В сентябре закончила свою работу комиссия, составлявшая проект конституции. В проекте (главными его авторами были Бонифасиу и его брат Антониу Карлуш — участник восстания 1817 г. в Пернамбуку) предусматривалось установление в Бразилии конституционной монархии. Император лишался права распускать палату депутатов и отвергать принятые ею законы. Судьи объявлялись несменяемыми, вводился институт присяжных. Свободное население получало гражданские права. В проекте говорилось о необходимости приобщения индейцев к современной цивилизации и желательности постепенной отмены рабства негров.

Проект конституции, ограничивавший власть императора, не устраивал придворные круги, которые стремились к установлению абсолютизма. Двор начал готовиться к государственному перевороту. Ставка делалась главным образом на армию и особенно на офицеров, в большинстве своем португальцев, связанных с аристократическими кругами и зависевших в своем продвижении по службе от императора. В армию были зачислены португальские солдаты и офицеры, взятые в плен во время боев у Баии. В первых числах октября 1823 г. португальские офицеры избили до полусмерти аптекаря Давида Памплону, по ошибке считая его автором антипортугальской статьи, помещенной в газете

«Сентинела». Учредительное собрание приняло резолюцию, осуждавшую недисциплинированность военнослужащих-португальцев. 11 ноября собрание решило заседать непрерывно, пока не будет разрешен конфликт с правительством. Депутаты не расходились всю ночь (позже она была названа «ночью агонии»), но не приняли никаких мер, чтобы заручиться поддержкой сочувствовавшего им населения столицы или обратиться к провинциям. Правительство тем временем стягивало войска. К часу дня 12 ноября они окружили здание Учредительного собрания. Депутатам был прочитан декрет о роспуске собрания, вслед за тем многие из них были арестованы.

Известие о перевороте вызвало в стране движение протеста. В нем находили выход недовольство и разочарование самых широких слоев населения, надеявшихся на то, что с установлением независимости их судьба изменится к лучшему. Особенно сильное разочарование испытывала местная буржуазия. Независимость не принесла ей отмены разорявшего ее торгового договора с Англией. Она была недовольна приходом к власти прежних португальских аристократов, боялась возвращения под эгиду Португалии. Знаменем ее стал республиканизм. Под это знамя после разгона Учредительного собрания встало немало бразильских плантаторов и купцов, потерявших надежду на «народное представительство» как на средство расширения сферы их политической и экономической деятельности.

Главным центром республиканской агитации и борьбы против реакции была провинция Пернамбуку, где республиканское движение не прекращалось с 1817 г. В декабре 1823 г. в Ресифи был собран городской совет, который сместил назначенное королем правительство провинции и избрал из своего состава новое. 2 июля 1824 г. было провозглашено образование Конфедерации Экватора (предполагалось, что ее составят «шесть провинций Севера»: Пернамбуку, Сеара, Параиба, Риу-Гранди-ду-Норти, Баия, Пара). 24 июля в Пернамбуку была провозглашена республика. Параиба, Риу-Гранди-ду-Норти, Сеара объявили о своем присоединении к Конфедерации.

В первых числах августа из Рио-де-Жанейро против восставших были отправлены эскадра военных кораблей под командованием адмирала Кокрэна и бригада сухопутных войск во главе с полковником Лима-и-Сильва. Когда карательные войска подошли к Ресифи, против них вместе с республиканскими частями выступило все население города и его окрестностей. Но силы были неравными. Утром 17 сентября город был занят императорскими войсками.

Отступившие республиканцы (среди них было много женщин и детей) собрались в местечке Гоиана. Во главе их встали наиболее последовательные и радикально настроенные руководители движения — Канека, Соарес Лисбоа, Ратклиф и другие. В Гоиане патриоты Ресифи встретились с большим отрядом республиканцев Параибы под командованием президента этой провинции Феликса Антониу Ферейра де Альбукерке. Решено было пробиваться в Сеару. Колонна республиканцев приняла название Конституционной дивизии Конфедерации Экватора. Она насчитывала около 3 тыс. человек.

Пока Конституционная дивизия с боями продвигалась вперед, части императорской армии вторглись в Сеару и при поддержке местных монархистов 18 октября заняли столицу провинции Форталезу. Уходившие из Сеары отряды республиканских войск во главе с Тристаном Арарипе продвигались на юг для соединения с республиканцами Пернамбуку. 31 октября они встретились с крупными силами императорской армии и были разбиты. Когда Ресифи и Форталеза уже находились во власти карательных войск, в поддержку Конфедерации выступили республиканцы города Сан-Сальвадора (Баия). Но восстание оказалось плохо подготовленным и вскоре было подавлено.

Героический поход Конституционной дивизии продолжался еще около месяца. 22 ноября 1824 г. изнуренные голодом, длительными переходами, бес-

сонными ночами и сражениями участники похода вынуждены были сдаться императорским войскам.

Основная причина поражения республиканского восстания 1823—1824 гг. была та же, что привела к поражению восстание 1817 г. Не решаясь отменить рабство, бразильские республиканцы лишали себя поддержки значительной части населения. Восставшим не удалось объединить силы шести провинций, создать единый центр руководства восстанием, распространить его не только на всю страну, но даже на территорию объявленной Конфедерации. Тем не менее сопротивление, оказанное абсолютизму, заставило императорское правительство замаскировать этот режим конституцией. В марте 1824 г. она вступила в силу.

Характерной чертой конституции было предоставление всей полноты власти императору. Он получил право назначать министров, чиновников, офицеров армии и флота, дипломатических представителей и епископов. Император мог издавать декреты, инструкции и другие постановления, которые имели силу закона, мог объявлять войну и заключать мир, подписывать договоры с иностранными державами. Ему предоставлялось право назначать членов Государственного совета. Учреждаемое Генеральное собрание было поставлено в полную зависимость от императора. Собрание это состояло из двух палат. Членов верхней палаты — сената — назначал император: пожизненно из кандидатов, выдвинутых провинциями; нижняя палата — палата депутатов — избиралась путем двухстепенных выборов. Конституция лишала избирательных прав подавляющее большинство населения страны. Участвовать в голосовании могли только плантаторы и купцы, владельцы наиболее крупных промышленных предприятий и высшие чиновники. Император располагал правом созывать и распускать собрание, налагать вето на его постановления. Во главе провинциальной администрации должны были стоять назначенные императором президенты провинций. Конституция гарантировала «право собственности во всем его значении», иначе говоря, государство брало под свою защиту всех собственников, в частности рабовладельцев.

В социальном отношении борьба за независимость Бразилии не принесла ощутимых изменений.

Монархия, сохранение основных рычагов управления в руках португальцев, всевластие фазендейро на местах, бесправие основной массы свободных, рабство, а также английское влияние — основные черты, с которыми Бразилия вступила в период своего независимого существования.

БРАЗИЛИЯ В 1825—1914 ГГ.

Капитализм использовал рабский труд негров Бразилии для собственного роста и таким образом поддерживал существование рабства, но в то же время не мог не подтачивать рабовладельческую систему Бразилии как изнутри, так и извне. Зримым проявлением этого процесса были характерные особенности англо-бразильских отношений XIX в.

В августе 1825 г. Англия добилась признания Португалией независимости Бразильской империи. Бразильское правительство, получая признание своей независимости от Португалии, обязалось выплатить ее долг в 2 млн. фунтов стерлингов. Это и другие нужды заставили прибегнуть к английскому займу, что, однако, не избавило страну от дефицита государственного бюджета, но увеличило ее зависимость от Англии. В 1826 году Лондон вынудил бразильское правительство подписать торговый договор, по которому вводились ограничения на работорговлю. Кроме того, договор обязывал Бразилию окончательно прекратить работорговлю в 1830 г. Иначе говоря, англичане с выгодой для себя охраняли социально-экономическую отсталость Бразилии и поддерживали бразильскую рабовладельческую монархию. Одновременно, претествуя работорговле, они подтачивали институт рабства, так как тяжелая жизнь раба не дает возможности к достаточному воспроизводству рабочей силы без ввоза новых невольников¹.

Англичане немало содействовали потере Бразилией Сисплатинской провинции.

После объявления независимости Бразилии в провинции остался лишь гарнизон генерала Лекора, способный поддерживать власть империи только в пределах Монтевидео.

19 апреля 1825 г. тридцать три всадника, возглавляемых Антонио Лавальехой, пересекли Парану и вступили на территорию Сисплатинской провинции, призывая уругвайцев к восстанию. 25 августа в городе Флорида конгресс представителей уругвайского народа провозгласил независимость Восточного Берега (Уругвая).

Уругвайцы, ища союзников, обратились в Буэнос-Айрес с просьбой взять их страну под свой протекторат. Аргентинцы, давно претендовавшие на Восточный Берег, незамедлительно приняли решение о включении его в состав Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы (Аргентины). В ответ на это 10 декабря 1825 г. Бразилия объявила Аргентине войну.

Война шла, не принося успеха ни Бразилии, ни Аргентине. 28 августа 1828 г.

¹ Политика Англии, направленная против работорговли и рабства негров, диктовалась не соображениями гуманности. После провозглашения независимости США и отмены работорговли в ее колониях (1808) Англия утратила собственный рынок сбыта рабов. Продажа рабов в колонии других держав принесла бы вред английским колониям, производящим те же товары. Запрещение работорговли повышало конкурентоспособность английских колоний. При этом развитая промышленность Англии обеспечивала ей и в этих условиях выгодный обмен ее товаров на колониальные товары других держав.

они заключили мир. Поскольку уругвайцы были непреклонны в своей решимости добиться свободы, обе договаривавшиеся стороны признали Восточный Берег независимым государством.

Чужеродность Уругвая в составе империи ощущалась всеми. Практическую пользу от его дорогостоящей оккупации имели, по существу, только англичане, торговавшие через Монтевидео с другими странами Южной Америки. Война требовала огромных средств и большого числа солдат. Были увеличены налоги. Вербовщики устраивали облавы, захватывая рекрутов насильно. Нехватка средств сказывалась на снабжении армии, на выплате жалованья солдатам. К этому прибавлялись злоупотребления чиновников и подрядчиков, которые обирали казну и солдат. Дисциплина в войсках поддерживалась только строгостью и наказаниями. Ни цели войны, ни социальный состав армии, где офицеры были рабовладельцами, а немалая часть солдат — недавними рабами не способствовали ее духовной твердости и монолитности. Свободолюбие уругвайцев было заразительным для многих бразильцев. Военные неудачи вызвали в армии брожение.

Ведение войны потребовало от рабовладельческого государства экономических усилий, на которые оно было неспособно. Сказывалась отсталость и односторонность хозяйства. Англия использовала к своей выгоде нужды Бразилии, продавая ей втридорога необходимые товары и военное снаряжение. К тому же Лондон по существу вел антибразильскую политику.

Англичан не устраивала попытка Бразилии организовать блокаду Монтевидео, через который они вели бойкую торговлю. Им было выгодно существование маленького независимого Уругвая, вклинившегося между Аргентиной и Бразилией. Он был удобен в качестве незапираемых ворот в Южную Америку, в качестве яблока раздора между его большими соседями. Вмешиваться в дела слабого Уругвая было проще, чем в дела Бразилии и Аргентины. Легче было под видом защиты его независимости охранять собственную торговлю в бассейне Ла-Платы. Поэтому Англия была инициатором и посредником в переговорах о мире между аргентинцами и бразильцами, на которых оказывала прямое давление.

Проигранная война явилась толчком к резкому усилению недовольства правлением Педру I. Это недовольство было одной из важных причин ее неудачного для Бразилии исхода.

Война за Уругвай активизировала борьбу негров против рабства. Небольшая часть их получила свободу, вступив в армию. А так как армия была стянута в район боев, то она уже не могла в полной мере служить орудием подавления негритянских волнений. Используя новую ситуацию, рабы стали чаще убегать с плантаций. Особенно заметно это было в провинции Баия, где негры составляли более 40 % населения.

Беглые негры, собираясь в группы, образовывали в отдаленных местах свободные поселения (киломбо). Нередко бывшим рабам удавалось какое-то время отстаивать свою независимость от довольно значительных карательных отрядов. В 1828 и 1830 гг. поднимались с оружием в руках против своих хозяев негры города Сан-Сальвадора (Баия). Только после жестоких кровопролитных боев, в которых участвовали регулярные войска, удалось рабовладельцам подавить эти восстания.

Изолированные выступления негров-рабов не могли принести им освобождения. Единым фронтом им противостояли рабовладельческое государство, сами рабовладельцы и те, кто был движим давно привитыми предрассудками. Но хотя, как и прежде, негритянские выступления рассматриваемого времени оказались изолированными от возникшего движения против правления Педру I, эти выступления, внося чувство неуверенности и беспокойства в среду рабовладельцев, способствовали подрыву власти императора.

Ко времени заключения мира император лишился остатков своего «величия» даже в глазах тех, кто ошибочно считал, что именно ему страна обязана независимостью. При этом он вел себя как самодержец, совершенно не считаясь с конституцией, проявляя высокомерие в отношении депутатов Генерального собрания. Антипатриотическая позиция императора стала значительно очевиднее в связи с его явным стремлением сохранить за собой португальский трон. В качестве наследника этого трона на бразильских государственных актах он подписывался: Дон Педру I Португальский. Подобное поведение не могло не вызывать подозрительности и беспокойства. К тому же влияние на жизнь страны португальского окружения императора становилось нетерпимым даже для верноподанных бразильских фазендейро. Антипатриотическое поведение императора дополнялось его непорядочностью в личной жизни. Императору не прощали принятия обязательства по выплате государственного долга Португалии, кабальные условия торгового договора с Англией, установленные этим договором ограничения в работорговле.

Педру I стал для бразильского народа символом обманутых надежд на новую жизнь в независимой стране. К началу 1830 г. в Бразилии, не считая приближенных к императору португальцев, почти не осталось людей, которые бы не испытывали к нему антипатии, а порой и ненависти.

Знаменем борьбы против императорского произвола стала газета «Аурора флюминенсе»¹. Она начала выходить в 1827 г. под руководством Эваристу да Вейга, вокруг которого группировались наиболее видные противники Педру I, в частности сенатор Вержейру и священник Диогу Антониу Фейжо.

Назревавшую в стране вспышку всеобщего недовольства ускорила июльская революция 1830 г. во Франции. Она стимулировала рост антиабсолютистских настроений, усилила влияние республиканских идей. В условиях Бразилии и то и другое сочеталось с усилением неприязни к португальцам. 13 и 14 марта 1831 г. на улицах Рио-де-Жанейро произошла жестокая стычка между португальцами — сторонниками императора — и бразильцами. (В качестве оружия бразильцы использовали бутылки, похищенные из разбитых погребов и лавок португальских купцов. Ночь с 13 на 14 марта получила поэтому в бразильской исторической литературе название «ночи бутылок».) Лавируя, 20 марта 1831 г. Педру назначил новый кабинет министров из уроженцев Бразилии. Однако уже 5 апреля он распустил его, составив другой — из самых одиозных фигур своего окружения.

Чаша терпения оказалась переполненной. Возмущенные люди вышли на улицы Рио-де-Жанейро. 6 апреля к возмущенным жителям столицы присоединились войска местного гарнизона. Движение протеста распространилось на провинции. Всюду слышалось «Долой Педру!». Ночью 7 апреля 1831 г. император подписал отречение в пользу своего пятилетнего сына. Через две недели он покинул страну.

Генеральное собрание избрало регентский совет для управления страной от имени Педру II. В состав совета вошли: маркиз де Каравелас, сенатор Кампус Вержейру, генерал Лима-и-Сильва. То были умеренные либералы, чья политическая программа ограничивалась требованием устранения Педру I, снятия с высших постов его португальских сановников. Эта программа отвечала интересам крупных бразильских фазендейро, расчищавших себе путь к власти за счет португальской аристократии.

Прежде всего совет сделал все возможное, чтобы приостановить народное движение. Публиковались призывы сохранять порядок и не мешать администрации выполнять свои функции. 5 июня 1831 г. Генеральное собрание приняло

¹ «Речная Аврора». Fluminense (португ.) — речной, живущий у реки, местное название жителей Рио-де-Жанейро.

закон, расширявший полномочия полиции на арест по политическим мотивам, запрещавший ночные собрания. Из зажиточных граждан в срочном порядке создавалась национальная гвардия (солдаты нередко проявляли солидарность с требованиями народных масс). Она должна была служить защите собственности и интересов имущих от возможных восстаний рабов и выступлений городской бедноты.

17 июня 1831 г. регентский совет был обновлен (Лима-и-Сильва, Кошта Карвальу, Браулиу Муниз). Новый совет издал два важных закона. Первый отменял майорат. Второй во исполнение договора, заключенного ранее с Англией, запрещал ввоз в страну невольников и объявлял, что, ступив на бразильскую землю, они автоматически становятся свободными. Оба закона в конечном счете отражали развитие буржуазных отношений и служили ему, ограничивая сферу феодальных и рабовладельческих правопорядков. Тому же служил закон о национализации каботажного судоходства. Но действенность этих законов была сильно ограничена экономическим господством и произволом фазендейро, конкуренцией Англии на внутреннем рынке, продолжавшим существовать рабством.

Члены совета вместе со всеми остальными рабовладельцами сделали все возможное, чтобы закон о невольниках остался мертвой буквой. Только английские военные суда, посылаемые для поимки невольничьих кораблей, были блюстителями изданного в Бразилии закона. Внутри страны никто не помышлял об освобождении рабов, которых удавалось провезти, минуя английские дозоры. В 30-х годах XIX в. в страну ежегодно ввозилось около 40 тыс. невольников. И число это с годами росло.

Новый регентский совет со всей решительностью подавил народное выступление в столице (июль 1831 г.), проходившее под лозунгом изменения конституции в сторону ее демократизации, но не принимал серьезных мер против сторонников реставрации. Их возглавлял Жозе Бонифасиу, которого Педру I назначил при отречении воспитателем малолетнего императора.

Консерватизм регентского совета стимулировал оживление республиканского движения в стране. Наиболее радикальных республиканцев называли тогда «эксальтадос»¹, заимствуя это название из испанской революционной терминологии. Эксальтадос были представителями тех слоев бразильского общества, которые почти ничего не выиграли от установления независимости страны, хотя и боролись за нее наиболее решительно; тех слоев, которые больше других страдали от засилья португальцев и произвола монарха. Это были мелкие торговцы и предприниматели, интеллигенция, немалая часть солдат, низшего и среднего офицерства, небогатые горожане и крестьяне.

Эксальтадос требовали защиты национальной торговли путем введения покровительственных пошлин, ограничения деятельности оставшихся в стране португальских купцов, пропагандировали идею федерализма. Сказывалась традиция республиканских восстаний в отдельных провинциях, стремление найти там опору в борьбе с монархией, сказывалась и слабость бразильской буржуазии, интересы которой еще редко выходили за пределы своей провинции.

Чтобы ослабить растущее волнение и привлекательность лозунгов, выдвигаемых эксальтадос, а одновременно сдержать усиливавшийся нажим сторонников реставрации, регентский совет решил провести конституционную реформу. После трехлетних дебатов, 12 августа 1834 г., она была принята Генеральным собранием в форме «Дополнительного акта» к конституции 1824 г. В нем нашла свое отражение идея федерализма — в предоставлении провинциальным собраниям права законодательной власти (местный бюджет, налогообложение), а их членам — депутатской неприкосновенности. Централистские

¹ Exaltados (исп., португ.) — восторженные, воспламененные.

тенденции сказались в сохранении за правительством прерогативы назначать президентов провинций, которые имели полномочия утверждать решения провинциальных собраний.

Дополнительным актом был упразднен Государственный совет, назначавшийся императором и состоявший из пожизненных членов, которые были естественными сторонниками монарха, поставившего их на этот высокий пост. Палата представителей получила более широкие полномочия. Дополнительный акт заменял регентский совет одним регентом. Его избирали участники второго тура голосования. При всевластии фазендейро на местах, при имущественном цензе, при том, что до совершеннолетия наследника престола оставалось немало времени, крупные бразильские фазендейро могли считать свое господство упроченным. 7 апреля 1835 г. правительство Бразилии возглавил избранный ими регент — умеренный либерал Диогу Антониу Фейжо.

Власть крупных фазендейро, уже не прикрытая самодержавными выходками императора и засильем его португальского окружения, растущий по мере укрепления этой власти произвол тяжелым грузом легли на рабов, мелких торговцев и местных предпринимателей, а также арендаторов и крестьян¹.

Крестьянин, владеющий участком земли и свободно обрабатывающий его, был почти не известен тогдашней Бразилии. Фазендейро всеми правдами и неправдами стремились захватить землю крестьянина. В лучшем случае крестьянин попадал в экономическую кабалу от фазендейро. Власть последнего в округе, наличие у него, как правило, вооруженного отряда («жагунсо», «капанга»), продажность судебных властей, феодальная традиция и пронизанность всей жизни рабовладельческим духом превращали крестьянина в крепостного. Среди зависимых крестьян Бразилии того времени особенно типичными были «агрегандос» (присоединенные, прикрепленные) и «морадорес» (поселенцы). Они жили на земле фазендейро, получали у него участки земли для собственного прокормления. За это они должны были отдавать хозяину часть урожая и выполнять всевозможные работы в его поместье. Юридического оформления подобных отношений не существовало, что давало возможность фазендейро всячески злоупотреблять своими «правами» — вплоть до «права первой ночи». В несколько лучшем положении находились «вакейро» и «гаушо» — пастухи и погонщики скотоводческих фазенд (первые — на севере страны, вторые — на юге). Они жили далеко от хозяев в бескрайних равнинах, где уследить за их работой и удерживать принуждением было очень трудно. Поэтому здесь, как правило, не использовались рабы. Чтобы удерживать вакейро или гаушо в своем владении, фазендейро предоставлял ему небольшой участок земли.

Вспышки стихийного народного возмущения все учащались. Наиболее упорными в выражении своего недовольства оказались горожане Белена среднего и малого достатка. Их борьбу возглавляли Антониу Винагре и Эдуарду Франсиску Ногейру (по прозвищу «Анжелим»). 7 января 1835 г. горожане и примкнувшие к ним крестьяне отстранили от власти провинциальное правительство. Вскоре вся провинция Пара фактически оказалась под контролем восставших.

Посланные против восставших правительственные войска и части национальной гвардии к лету 1835 г. отрезали Белен от остальных городов провинции. 6 июня он пал. Анжелим и Винагре с группой повстанцев отступили на север к Амазонке. Здесь их союзниками стали индейцы, которые не простили бразильским властям их политики вытеснения индейских племен с давно обжитых мест в лесные дебри.

¹ Главным различие между либералами и консерваторами заключалось тогда в том, что последние были решительными сторонниками старых порядков и централизации государственной власти.

Белые, мулаты, метисы, негры, индейцы, присоединившиеся к ним рабы создали трехтысячную армию, которая в августе 1835 г. разбила правительственные войска и вновь овладела Беленом. У его стен погиб в бою Антониу Винагре.

В Белене была провозглашена Республика Пара. Президентом ее был избран Анжелим. Республика просуществовала девять месяцев, направляя все свои усилия на отражение многочисленных врагов. Против нее поднялись все местные фазендейро, на помощь которым пришли правительственные войска. В городе началась эпидемия оспы.

После отчаянного сопротивления 13 мая 1836 г. республиканцы отступили на север. Часть из них дошла до Амазонки, где, пользуясь сочувствием индейцев, вела партизанскую войну еще более трех лет, пока правительственные войска не рассеяли последние отряды повстанцев.

Все движение 1835—1836 гг. в провинции Пара получило у современников название «Кабанада», а его участники — имя «кабанос» от слова «кабана» — лачуга, шалаш. В этих названиях отразился социальный смысл происходивших событий. Для фазендейро восставшие были «лачужниками» в пренебрежительном значении этого слова. Восставшие видели в этом названии выражение общности своей горькой доли¹.

Восстание в Белене началось 7 января 1835 г., 24 января того же года восстали негры в столице Баии городе Сан-Сальвадоре. Они попытались проникнуть в казармы, но не добились успеха и отступили. Против них была брошена кавалерия, с которой повстанцы выдержали пятнадцатиминутный бой, после чего бежали: одни — в близлежащие кустарники, где солдаты добивали их, другие — к морю, в котором многие из них утонули.

Еще были свежи в памяти январские события в Баие, еще боролись кабанос, когда вспыхнуло восстание в провинции Риу-Гранди-ду-Сул. 21 сентября 1835 г. восставшие вступили в столицу провинции Порту-Алегри.

Особенностью хозяйства этой провинции было сравнительно слабое развитие плантационного рабства. Оно не стимулировалось здесь главным занятием населения — скотоводством, которое обслуживали свободные гаушо. Ни владельцы земель и стад, ни пастухи и объездчики, ни местные предприниматели и купцы не были здесь сильно связаны с господствующей в стране рабовладельческой системой. Все они тяготились произволом центральной власти, главным назначением которой было сохранение рабовладельческого строя. Население провинции облагалось многочисленными и тяжелыми налогами. Насильно набирались солдаты в армию. Все это вызывало острое недовольство. Жители Риу-Гранди-ду-Сул испытывали влияние республиканских идей, проникающих из соседних Аргентины и Уругвая. Против центральной власти выступали и фазендейро и гаушо, классовые противоречия между которыми в значительной мере были скрыты внешней патриархальностью отношений, внешней свободой гаушо.

Восстание в Риу-Гранди подготавливалось приверженцами республиканского строя. Среди них выделялся Тито Ливيو Дзамбеккари, иммигрант из Италии, карбонарий. Его газета «Республиканец» была рупором освободительных идей, звала на борьбу с монархией, осуждала рабство. Военным руководителем восстания был избран местный фазендейро полковник Бенту Гонсалвис.

Несмотря на то что в восстании участвовали фазендейро, которые возглавили его, среди рабовладельцев других провинций повстанцы Риу-Гранди именовались «фаррапос» — оборванцы; настолько привычным было в Бразилии

¹ Вспомним французских санкюлотов и испанских дескамисадос, лозунг Великой французской революции «Мир хижинам, война — дворцам!».

связывать положение и престиж человека с наличием у него рабов, количество которых было основным мерилom богатства и общественного положения.

Единство повстанцев, проявленное ими на первых порах, не было прочным. Вскоре после сентябрьской победы стали проявляться разногласия. Местные фазендейро полагали, что достигнутая победа, занятость правительства войной с кабанос дают им возможность приобрести для себя некоторые выгоды, не рискуя многим и не поступаясь ничем для народных масс. Под их нажимом были начаты переговоры с представителями регента и приостановлены военные действия. 15 июня 1836 г. сторонники монархии захватили Порту-Алегри и пустили туда войска регента. Другая часть этих войск наступала с севера. С большим отрядом бойцов в плен попал Бенту Гонсалвис. Все говорило о том, что в Риуде-Жанейро не собирались уступить хоть в чем-нибудь. Это вдохнуло в повстанцев новые силы. Число республиканцев в Риу-Гранди значительно возросло.

5 ноября 1836 г. в городе Пиратиним, который стал столицей восставших, они провозгласили независимую Республику Риу-Гранди-ду-Сул. Ее президентом был избран Бенту Гонсалвис. Так как он находился в плену, временным президентом — Жозе Гомес Васконселус Жардим.

На прежней территории бразильской империи образовались два государства. В течение 10 лет они жили каждое своей особой и сложной жизнью, находясь в состоянии войны между собой.

Отпадение южной провинции осложнило и без того не очень прочное положение регента. Против Фейжо, который возглавлял либералов, неослабно интриговали консерваторы. Во главе их стояли Бернарду де Васконселус, Араужу Лима и Онориу Эрмету. Именно в этот период либералы и консерваторы приступили к созданию своих партий, которые прежде не были организационно оформлены. Межпартийная борьба сопровождалась борьбой группировок внутри каждой партии. При этом объединение и размежевание происходило не столько по политическим мотивам, сколько вокруг какого-нибудь влиятельного лица.

К осени 1837 г. борьба между либералами и консерваторами достигла большой остроты. Консерваторы использовали в этой борьбе неспособность правительства справиться с восстанием в Риу-Гранди. 19 сентября 1837 г. Фейжо подал в отставку, передав свои полномочия консерватору Араужу Лиме. В следующем году он был избран на этот пост Генеральным собранием.

Новому регенту пришлось не только продолжать войну против Республики Риу-Гранди, но и посылать войска на север страны, где усиливалось народное недовольство.

7 ноября 1837 г. вспыхнуло восстание в Сан-Сальвадоре, где была провозглашена независимость и сформировано правительство Республики Баия. Однако город был вскоре блокирован войсками регента. Тем не менее республиканская власть продержалась в Сан-Сальвадоре до 16 марта 1838 г., когда войска центрального правительства взяли его штурмом.

Восстание в столице Баии по имени его главного вдохновителя мулата Сабину Виэйры, вождя местных эксальтадос, получило название «Сабинады». Локализация восстания, кроме прочих причин, объяснялась тем, что в него не были вовлечены негры — многочисленная и наиболее угнетенная часть населения этой провинции. На рабство не поднимали руку даже эксальтадос.

Войска, подавившие восстание в Сан-Сальвадоре, отдыхали недолго. Вскоре они были брошены дальше на север — в провинцию Мараньян. Здесь на борьбу против гнета властей поднял местных пастухов (вакейро), крестьян и ремесленников Мануэл Франсиску дос Анжус Ферейра. Он занимался плетением корзин. Поэтому возглавленное им восстание получило название «Балайада» (от слова «балайа» — корзина).

В мае 1839 г. восставшие окружили Кашиас — второй по величине город провинции. К ним присоединились негры под руководством Косми — вождя

большого киломбо бежавших рабов. 1 июля Кашиас был взят. Это была крупная победа, но она имела и свою оборотную сторону.

После взятия Кашиаса ряды повстанцев были пополнены членами партии «Бемтеви»¹. Это была легальная оппозиционная партия провинции Мараньян, весьма умеренная в своих политических требованиях. Когда повстанцы вошли в Кашиас, бемтевисты взяли руководство движением в свои руки и вступили в переговоры с президентом провинции. Пока длились эти переговоры, угас стихийный порыв, объединявший восставших. Их армия распалась на отдельные отряды. Распыленные, они уже не были силой, способной изменить порядки даже в своей провинции. В 1840—1841 гг. армия президента провинции Луиса Альвиса де Лимы разбила последние отряды повстанцев, действовавших в Мараньяне и Пиауи. За успешно проведенную карательную операцию Альвис де Лима получил от регента титул барона Кашиаса.

Менее значительные, чем в северных провинциях, стихийные выступления народных масс происходили в 30-х годах в Алагоасе, Параибе, Сан-Паулу, Мату-Гросу, Гоясе, Риу-Гранди-ду-Норти. Регенту удалось справиться с ними. Свои успехи в подавлении народных восстаний консерваторы, правившие страной, использовали для нанесения удара по федерализму. В мае 1840 г. правительство провело закон, по которому законодательная инициатива провинций была урезана. Новые президенты провинций получали более широкие полномочия.

23 июля того же года Генеральное собрание провозгласило 14-летнего Педру II совершеннолетним. Он становился полновластным императором. В ноябре 1841 г. был восстановлен Государственный совет, 12 членов которого назначались императором пожизненно. В декабре специальным законом были сужены функции мировых судей с одновременным расширением прав полиции. 1 мая 1842 г. было объявлено о роспуске палаты депутатов.

В ответ вспыхнуло восстание в Сан-Паулу и Минас-Жераисе. В восстании приняли участие главным образом рабовладельцы из либералов, их челядь, наемные вооруженные отряды — «жагунсо». Народные массы указанных провинций не откликнулись на призыв, исходивший от фазендейро и продиктованный лишь их стремлением захватить власть. Восставшие не смогли овладеть главными городами провинций, в которых они действовали, и даже оказать серьезное сопротивление посланным против них правительственным войскам.

Либералы проиграли военную кампанию, но добились немалого политического успеха. Правительство, направлявшее все свои силы на подавление народных восстаний, расшатывавших рабовладельческую империю, сочло опасным вести дело к серьезному конфликту в среде господствующего класса. Оно решило пойти на уступки либералам, чтобы вместе с ними продолжать борьбу против их общих врагов: «оборванцев», «корзинщиков», «лачужников» и Республики Риу-Гранди. Либералы не были наказаны за свое вооруженное выступление, а через полтора года они сформировали правительство.

Либералы пришли к власти с твердым намерением покончить с Республикой Риу-Гранди. Ее существование было угрозой всей рабовладельческой системе Бразилии. Она была примером успешного отделения от империи. Она была примером возможности управления государством без монарха. Там развивалась торговля. Там были отпущены на свободу рабы, вступившие в армию. Туда бежали рабы из империи. Республике сочувствовали соседние страны. Ее приветствовали многие в Европе.

Война с Риу-Гранди была для Бразилии нелегким делом не только в политическом отношении. Нужны были средства на содержание вооруженных сил. В тылу армии было неспокойно, и значительную часть ее резервов приходилось

¹ Бемтеви — название местной птицы.

выделять для проведения изнурительных и угнетающих ее моральный дух карательных экспедиций. В создавшемся положении правительство должно было принять меры для консолидации всех возможных сил, на которые бы оно могло опереться. Первой такой мерой было упоминавшееся выше примирение между консерваторами и либералами. Затем, 12 августа 1844 г., правительство Педру II приняло закон о повышении пошлин на иностранные товары и отказалось возобновить торговый договор с Англией. Таким образом делалась попытка потушить неизменное недовольство бразильской буржуазии, которая в той или иной степени была непрременной участницей потрясавших страну восстаний. Цель была достигнута. Немалая часть местной буржуазии увидела в объявленных постановлениях возможность для расширения своей экономической инициативы, а следовательно, и для примирения с существующими порядками.

Такой компромисс оказался возможным потому, что слабая еще бразильская буржуазия ограничивалась в своей деятельности главным образом сферой торговли и ремесла. Ее главным требованием после достижения независимости неизменно было требование защиты бразильской торговли и мелкого производства от английской и португальской конкуренции. Еще не испытывая острой нужды в свободных рабочих руках, она ни в одном из своих выступлений не ставила вопроса об отмене рабства. Буржуазия искала в ту пору для себя более выгодных условий внутри рабовладельческой системы, а не на пути ее коренного слома. По этому пути не смогли пойти далеко даже в Республике Риу-Гранди.

Правительство республики в первые дни своего существования объявило свободными рабов, вступивших в его армию. Сделать это было просто, поскольку возникла насущная потребность создать возможно скорее свои вооруженные силы и поскольку на территории республики рабство не составляло основы хозяйственной жизни. Однако упомянутой выше мерой дело и ограничилось. Институт рабства продолжал оставаться законным и охранялся государством. Не смогли разрушить его и усилия итальянских карбонариев, которые в большом числе сражались на стороне республики. Руководители восставших, в основном фазендейро, не были способны посягнуть на «живое имущество» других фазендейро, даже ставших врагами. В Республике Риу-Гранди рабовладельческая традиция уживалась с передовыми идеями того времени.

В сентябре 1837 г. из плена бежал и занял свое место президента Бенту Гонсалвис.

В Риу-Гранди-ду-Сул принял свое боевое крещение и прославился военными подвигами командующий флотом республики, великий итальянский революционер и патриот Джузеппе Гарибальди.

Отчаянно храбрые моряки Гарибальди, искусные и отважные кавалеристы — гаушо, отряд бесстрашных негров-копейщиков с успехом отражали атаки императорских войск. В 1839 г. фаррапос предприняли большое наступление, чтобы овладеть провинцией Санта-Катарина. Действуя с моря и суши, республиканские войска 23 июля овладели столицей этой провинции — Лагуной. На следующий день здесь была провозглашена республика.

Республика Санта-Катарина просуществовала недолго. Местные рабовладельцы, которых здесь было гораздо больше, чем в Риу-Гранди, приняли республиканский режим лишь формально, подчинившись необходимости. Фаррапос зачастую вели себя как завоеватели. Поэтому, когда осенью 1839 г. императорская армия начала контр наступление и 15 ноября заняла Лагуну, население «Июльской республики» осталось равнодушным к происходящим событиям, а порой проявляло враждебность к фаррапос. Правительство этой республики без сопротивления сдалось войскам императора.

Фаррапос, не сумев вновь овладеть Порту-Алегри, отступив теперь из Санта-Катарины, упустили инициативу в боевых действиях. Вскоре была утрачена и политическая инициатива.

1 декабря 1842 г. в Алегрете начало работать Учредительное собрание Риу-Гранди. Оно должно было принять конституцию республики. Но осуществить свою задачу собрание не смогло, поскольку депутаты не пришли к согласованному решению. Такой исход разочаровал многих бойцов республики. Жертвуя собой на полях сражений, они долго и терпеливо ожидали, что наступит, наконец, час, когда будут осуществлены те чаяния, с которыми они поднимались на борьбу. Одним из главных стремлений большинства солдат армии фаррапос было завоевать себе право на те участки земли, которые гаушо и другие зависимые от фазендейро труженики получали от последних на чрезвычайно кабальных условиях. Рабы жаждали получить свободу. Учредительное собрание не оправдало возлагавшихся на него надежд, сильно подорвав моральный дух республиканской армии. Положение фаррапос осложнилось еще и тем обстоятельством, что с февраля 1843 г. им перестал помогать Уругвай. На его территорию вторглись войска аргентинского диктатора Росаса.

Возникшие трудности стимулировали усиление разногласий среди руководителей Риу-Гранди. Ушел в отставку Бенту Гонсалвис. Его место занял Васконселус Жардим. Выросло число тех, кто склонялся к примирению с правительством в Рио-де-Жанейро. Тем временем барон Кашиас, назначенный президентом провинции Риу-Гранди-ду-Сул, с большими силами императорской армии теснил войска фаррапос, отвоевывая у них один за другим города республики.

Фаррапос вели партизанскую войну еще целый год. Такая война на степных просторах могла длиться и дольше. Но руководители республики пали духом. Они решили начать переговоры с императорским правительством. В Рио-де-Жанейро согласились, желая покончить с войной.

25 февраля 1845 г. был подписан Акт умиротворения, который одновременно был актом об амнистии для фаррапос. По этому акту все законы республиканского правительства отменялись. Была, правда, оговорка. Освобожденные республикой рабы не возвращались прежним хозяевам. Они переходили в категорию «государственных рабов». Это была мизерная уступка рядовым фаррапос, истинным фаррапос. Зато фазендейро Риу-Гранди-ду-Сул получили право выставлять своего кандидата на пост президента провинции, сохранили свои воинские звания и большинство занимаемых ими постов. Примирение между фазендейро империи и фазендейро республики, по существу, состоялось на базе сохранения рабства, которое было жизненно необходимо первым и не составляло большой проблемы для вторых. Фазендейро помирились, рабы остались рабами, гаушо — у разбитого корыта.

В 1848 г. империя вновь стала ареной вооруженной борьбы. Купцы Ресифи, столицы провинции Пернамбуку, уже давно проявляли недовольство засильем португальцев и англичан в местной торговле. Это недовольство разделяли и другие жители города: ремесленники, разночинцы. К стремлению жителей Ресифи вырваться из кабалы иностранных поставщиков и скупщиков прибавлялось желание освободиться от тиранической власти, которую осуществляли над городом и всей провинцией владельцы огромных плантаций сахарного тростника Кавальканти.

Для борьбы за свои права радикально настроенные жители Ресифи создали партию. Ее назвали «Партией прайеров» по названию улицы¹, где помещалась типография, которая печатала газету этой партии. Деятельность «прайеров» получила дополнительный стимул после революционных событий 1848 г. в Европе, оказавших немалое влияние на бразильских борцов за гражданские свободы. Кроме того, прайеры были близки либералам, а в сентябре 1848 г. либералы упустили власть. Правительство консерваторов назначило президентом провин-

¹ Praieiro (португ.) — береговой, пляжный.

ции Пернамбуко своего ставленника, что было воспринято прайерами как непосредственная угроза их политическому существованию.

Прайеры составили заговор. 7 ноября 1848 г. организованные ими отряды собрались в окрестностях Ресифи и отрезали город от внутренних районов провинции. Программа восстания включала: удаление из Ресифи всех португальских купцов и передачу всей местной торговли в руки бразильцев, введение гражданских свобод, запрещение насильственной вербовки в армию, расширение прав провинций, обеспечение работой всех трудящихся и раздел земель семьи Кавальканти. Но даже в столь радикальной программе не нашлось места для призыва хотя бы к частичной отмене рабства.

В начале 1849 г. повстанцы начали наступление на Ресифи. Потерпев неудачу, они отказались от мысли овладеть столицей провинции. Их северная колонна под командованием Боржис да Фонсека направилась в Параибу. Южная колонна под командованием Педру Иву сосредоточилась в Агуа-Прета. Замысел состоял в том, чтобы по мере продвижения поднимать на восстание новых людей.

Императорская армия помешала осуществлению этого плана. Она неотступно преследовала отступавших. Потеряв веру в победу, гражданские руководители и некоторые командиры повстанцев бросили их на произвол судьбы и бежали. Застигнутый врасплох со своими бойцами, попал в плен Боржис да Фонсека. Педру Иву боролся еще более года, но в конце концов и он был вынужден сдаться.

Восстание в Пернамбуку было последним крупным восстанием в том почти непрерывном цикле народных выступлений, которыми полна история Бразилии 30—40-х годов XIX в. Столь бурное кипение общественной жизни страны объясняется тем, что борьба за независимость не задела в Бразилии сколько-нибудь серьезно социально-политической сферы. Сохранились монархия и рабство. Португальское засилье устранялось медленно и с трудом. Возрастало английское влияние. Все это питало постоянное недовольство широких слоев населения. Но было обстоятельство, которое придавало силы рабовладельческой империи и ослабляло тех, кто боролся против нее. Рабство в ту пору еще не изжило себя. Оно еще оставалось рентабельным. С рабством так или иначе было связано все свободное население страны, присущие рабовладельческому обществу предрассудки в отношении черных невольников были очень живучи. Поэтому даже самые радикальные из повстанцев в самые трудные для них моменты не помышляли об отмене рабства.

Господство класса рабовладельцев, которому в конце 40-х годов XIX в., казалось, ничто не угрожало, в значительной мере опиралось на растущий спрос, предъявляемый мировым рынком на бразильские товары: сахар и особенно кофе, становившиеся главным богатством страны. Эти товары производились рабами. Самое большое число рабов было ввезено в Бразилию именно после 40-х годов. Минуя английские кордоны, работорговцы ввозили в страну ежегодно более 50 тыс. невольников, которые не ведали, что в ней существует закон, представляющий им свободу.

Однако как ни казалось прочным положение рабовладельцев Бразилии, они стояли на той грани, за которой должно было наступить неизбежное ослабление их господства. И эта грань не была порождением только бразильской действительности. Она была местным выражением процесса, происходившего в мировом масштабе.

Рабство в Америке было долгое время залогом развития европейской, в частности английской, промышленности. К середине XIX в. оно стало утрачивать эту роль. Более того, оно уже делалось постепенно тормозом дальнейшего капиталистического развития Европы. Это находило свое выражение в том, что Англия все более жестоко преследовала работорговлю, все решительнее использо-

вала свое влияние на бразильское правительство, чтобы заставить его проявить активность в этом направлении. 8 августа 1845 г. в Англии был принят Акт Эбердина. Он предоставлял английским кораблям право захватывать любое судно, подозреваемое в перевозке рабов, и предавать работорговцев суду адмиралтейства. Под нажимом Англии в 1850 г. бразильское правительство издало несколько постановлений, которыми ввоз рабов в страну окончательно запрещался.

К середине 50-х годов свободных в Бразилии насчитывалось 5,5 млн. человек, рабов — 2,5 млн. Для развития и расширения производства, в частности производства кофе, было необходимо использовать труд юридически свободных людей. И он действительно использовался все шире, тем более что рабы стали дороги. Все большее место на предприятиях занимали рабы, сдаваемые в аренду в качестве рабочих. Все шире использовался труд прибывших в страну иммигрантов из Европы. Средства, которые уходили ранее на покупку рабов, стали чаще вкладываться в организацию предприятий. Именно в те годы в лице финансиста барона Мауа родился бразильский банковский капитал (связанный с английским). В 1854 г. в Бразилии была проложена первая железная дорога. Ее длина была всего 15 км. Однако, как и в других странах, паровозный гудок был здесь предвестником новой эпохи.

Итак, в бразильском рабовладельческом хозяйстве начали обнаруживаться признаки кризиса. Процесс, активно протекавший в США и начавшийся в Бразилии, развивался здесь медленно благодаря относительной отсталости страны. Его стимулировала Парагвайская война, в которую Бразилия вступила в 1865 г. Потеряв Уругвай в 1828 г., Бразилия продолжала бороться за влияние в этой стране, оспаривая его у Аргентины. В 1863 г. в Уругвае началась гражданская война. Воспользовавшись этим, Бразилия послала свои войска в помощь восставшему уругвайскому генералу Флоресу.

На помощь Уругваю пришла Парагвайская республика. У нее были старые счеты с Бразилией, которая посягала на часть парагвайской территории. В декабре 1864 г. парагвайцы начали военные действия, а в январе следующего года оккупировали часть провинции Мату-Гросу.

Тем временем бразильская армия и отряды Флореса вели успешные операции в Уругвае. Однако Бразилии не удалось воспользоваться плодами своих военных успехов на юге. Английские и французские дипломатические представители в Монтевидео организовали там военный переворот. Флорес вступил в столицу республики и при покровительстве Англии и Франции занял президентское кресло. Имея в Уругвае послушного правителя, Англия и Франция настояли на выводе из страны бразильских войск.

Напрасно потратив силы в Уругвае, бразильское правительство решило сосредоточить их теперь для решительного удара по Парагваю. В 1865 г. оно заключило против него тайный военный союз с Аргентиной, которая хотела захватить часть парагвайской территории, и Флоресом, который был обязан Бразилии за прежнюю поддержку.

Только огромный перевес сил, а также помощь со стороны Англии и Франции позволили союзным войскам сломить сопротивление парагвайцев. Бразилия приобрела за счет Парагвая новые территории. Но в этой войне был нанесен серьезный удар по рабовладельческому строю и поколеблены монархические устои.

Трудности, с которыми Бразилия встретила еще в годы войны за Уругвай, дали о себе знать с удвоенной силой в годы Парагвайской войны, а она была более длительной, более ожесточенной. Сразу же возникли финансовые затруднения. Слабая бразильская промышленность не могла обеспечить военные нужды. В тылу работали почти исключительно рабы, так как большинство свободных тружеников стали солдатами. Это лишало уверенности в спокойствии тыла. Кроме того, производительность труда рабов была низкой. Часть рабов была взята

в армию. Для этого была предоставлена свобода рабам короны, или государственным рабам. Для той же цели выкупались рабы у частных лиц и монастырей.

Таким образом рабовладельческая система хозяйства, не обеспечивая полностью военных потребностей страны, расшатывалась вследствие необходимости удовлетворять эти потребности. К тому же, когда началась Парагвайская война, рабовладению был нанесен огромный моральный ущерб. Гражданская война в США закончилась поражением рабовладельцев. Бразилия и Куба остались последними рабовладельческими странами в Западном полушарии. Неизбежность ликвидации рабства становилась все более очевидной.

Новые займы, предоставленные Англией¹, увеличивали финансовую зависимость от последней и тратились на покупку главным образом английских товаров, что давало возможность англичанам еще глубже, чем прежде, проникнуть на внутренний бразильский рынок. Внешний рынок Бразилии сузился, особенно в области сбыта хлопка. США после Гражданской войны производили и продавали хлопок дешевле, отнимая у бразильцев их старых английских клиентов. И здесь проявлялась отсталость бразильской рабовладельческой системы хозяйства.

Война с Парагваем, длившаяся до 1870 г., вызвав вначале волну шовинизма, довольно скоро стала весьма непопулярной: трудно было оправдать войну против маленькой страны, войну истребительную. К тому же война принесла увеличение налогов, принудительную рекрутчину, большие человеческие жертвы. Неспособность монархического правительства добиться скорой победы сильно подорвала его престиж.

В 1868 г. восставшие против Испании кубинцы объявили, что рабы, которые жили на освобожденной территории, отныне свободны. Бразилия к тому времени стала ареной аболиционистского движения — движения за отмену рабства.

Появлению идей аболиционизма в немалой степени способствовал рост производства кофе. Имеющегося количества рабов явно не хватало для обработки кофейных плантаций. В то же время рабство сдерживало приток свободной рабочей силы, в частности за счет европейских иммигрантов. Оно препятствовало созданию свободного рынка рабочей силы. Иммигрант почти всегда оказывался в зависимости от помещика. Кроме того, имея рабов, рабовладелец получал возможность снижать заработную плату до минимума, не говоря уж о характере отношений между рабочим и работодателем в рабовладельческой стране, где торговля людьми и телесные наказания были нормой. Это сдерживало иммиграцию, тем более что за океан люди ехали искать спасения от гнета, который они испытывали в Европе. Итак, плантатор оказывался перед проблемой либо сокращения производства, либо необходимости искать рабочие руки, которые проще всего можно было найти, оторвав рабов от хозяев, не использовавших их в производстве или спекулировавших ими, сдавая в аренду. Скотоводы были вообще привержены рабству больше в силу обычая и традиции, чем в силу экономической необходимости.

Однако аболиционизм родился и рос прежде всего в среде тех, для кого рабство не составляло основы существования и влияния, кому рабовладельческая система не давала возможности активно действовать в сфере экономики и политики, кто не мог мириться с унижением человеческого достоинства своих черных сограждан.

Одним из виднейших зачинателей и деятелей аболиционистского движения в Бразилии был ее знаменитый поэт Кастро Альвес, республиканец по политическим убеждениям. В серии поэм под общим названием «Рабы» Кастро Альвес со всей силой своего таланта показал жестокость и унижительность рабства.

¹ В 1880 г. английские инвестиции в Бразилию достигли 38,8 млн. фунтов стерлингов (3,5 млн. — в 1825 г.).

Аболиционистское движение, вначале более или менее стихийное, в период Парагвайской войны стало приобретать организованные формы. Создавались «Общества освобождения рабов». К концу войны началось слияние аболиционистского и вновь набиравшего силы республиканского движения.

Чтобы пресечь их деятельность, в 1867 г. сам император в тронной речи говорил о своем намерении приступить к постепенной отмене рабства.

В 1869 г. левое крыло либералов, объединенное в «Клубе реформы», издало манифест, в котором наряду с требованием ограничения власти императора и ликвидации привилегий части купечества ставился вопрос о необходимости предоставления свободы детям рабов.

Манифест касался трех главных проблем, стоявших перед бразильским обществом: демократизации государственного строя, свободы предпринимательства, отмены рабства.

К концу Парагвайской войны кризис рабовладельческой системы достиг такой глубины, а аболиционистское движение такой силы, что правительство вынуждено было пойти на уступки. 27 сентября 1871 г. в Бразилии был издан закон, который объявлял, что с этого дня «все дети, рожденные от женщин, находящихся в рабстве, будут считаться свободными». Из государственного бюджета был выделен фонд, средства которого должны были расходоваться на выкуп рабов у их хозяев.

Сентябрьский закон, именованный «Законом о свободном чреве», мало что изменил в существовавшем положении. Рабовладельцы не спешили продавать государству своих рабов, которые на рынках невольников стоили очень дорого. «Фонд освобождения» был невелик. Среди рабовладельцев было немало таких, которые открыто боролись против осуществления закона. Сам закон включал пункты, сильно ограничивавшие его силу. Так, закон предусматривал, что дети, родившиеся от рабыни, до их совершеннолетия должны были оставаться под опекой хозяев. Это давало последним возможность эксплуатировать, ничего не изменив, труд официально уже свободных детей. Порой это делалось с еще большей, чем ранее, жестокостью, поскольку такие дети рассматривались как временное имущество, которое следовало использовать возможно скорее, не заботясь о дальнейшем. По достижении совершеннолетия новый подданный бразильского императора, как правило, оставался работать у прежнего своего хозяина — по традиции, не зная куда идти, не имея специальности. Та же традиция превращала его фактически вновь в раба. Да и податься ему, пока существовало рабство, было почти некуда. Все это дополнялось своеобразной «этикой» рабовладельцев, согласно которой негр всегда был «чей-то». Если бы не произошло последующих изменений в законодательстве о рабах, то их полное освобождение при действии «Закона о свободном чреве» наступило бы не ранее чем через полвека.

Сентябрьский закон был в значительной мере уловкой рабовладельческого государства, направленной на то, чтобы, уступив натиску аболиционистского движения, одновременно возможно дольше сохранить рабство, сделав его отмену наименее ощутимой для рабовладельцев. Уловка удалась. Но она сослужила недолгую службу. Быстрое развитие капитализма во всем мире; преимущества, которые открывались перед странами, покончившими с рабством; все сужающийся рынок рабов; потребность в рабочих руках на плантациях и предприятиях, которую не могла удовлетворить ограниченная иммиграция,— все это делало рабовладельческую систему хозяйства анахронизмом. В 1886 г. было отменено рабство на Кубе. В самой Бразилии к этому времени на 14 млн. населения приходилось немногим более 700 тыс. рабов.

В 80-е годы XIX в. аболиционизм в Бразилии имел все объективные и субъективные данные для того, чтобы выиграть битву за окончательную отмену рабства. При этом характер аболиционистского движения изменился. Когда-то

рабы стихийно сопротивлялись неволе: убегали, восставали. Они, как правило, встречали объединенный отпор со стороны юридически свободных подданных империи. В 60—70-е годы XIX в. аболиционисты из среды свободного населения страны действовали в пользу освобождения рабов, но без активного участия в этом деле самих рабов и действовали не очень решительно. Речь шла главным образом о постепенной отмене рабства. В 80-е годы, когда аболиционистская пропаганда проникла уже во все уголки страны, когда она так или иначе задела подавляющее большинство рабов, когда «Закон о свободном чреве» зародил в них надежду на освобождение, их бегство от хозяев стало массовым. Если, совершив побег, негр когда-то был вынужден скрываться в диких лесах, то теперь он находил укрытие и помощь, работу и покровительство. Иначе говоря, свершилось, наконец, объединение прогрессивных сил страны со стремившимися к свободе рабами для достижения единой цели — отмены рабства.

В аболиционистском движении активное участие принимали рабочие растущих бразильских городов. В него включилась и армия. Во время карательных экспедиций солдаты не проявляли рвения, давая уйти беглецам, порой помогая им. Одним из виднейших лидеров аболиционизма был военный инженер полковник Бенжамин Констан Ботельу де Магальяес, философ и республиканец. В 1884 г. в провинциях Сеара и Амазонас местные власти по собственному почину отменили рабство.

Уступая общественному давлению, 28 сентября 1885 г. Генеральное собрание приняло закон об освобождении рабов старше 60 лет. Это была опять уловка рабовладельцев. По новому закону освобождаемые рабы были обязаны отработать от трех лет до года (в обратной пропорции к возрасту) и пять лет не покидать места жительства. Учитывая эти оговорки и то, что не так много негров переживало 65-летний возраст, можно сказать, что закон не вносил изменений в жизнь подавляющего числа рабов. Данное государством обещание выкупить остальных рабов в 14-летний срок никто всерьез не принимал, учитывая опыт предшествующих лет.

Движение против рабства охватило всю страну. Клуб офицеров бразильской армии в октябре 1887 г. выпустил манифест, призывавший к отмене рабства и заявлявший об отказе своих членов участвовать в операциях по поимке беглых рабов. Манифест подписал видный военный деятель Бразилии маршал Мануэл Теодору да Фонсека. Аболиционизм проник в высшие круги бразильского общества. А в то же время происходил «исход» рабов с плантаций, рудников, мастерских. Колонны негров, получая поддержку от большинства населения страны, шли в специально подготовленные укрытия. Императорское правительство, боясь, что при дальнейшем упорстве аболиционистское и республиканское движение окончательно приобретет антимоноархическую направленность, наконец, уступило. На утверждение Генеральному собранию был направлен проект закона о полной и окончательной отмене рабства. 8 мая 1888 г. закон был одобрен палатой депутатов (88 — за, 9 — против). Процедура утверждения закона завершилась 13 мая. В этот день принцесса Изабелла, правившая в то время вместо больного императора, подписала закон, и он вступил в силу.

Закон 13 мая 1888 г. был лаконичным, но исчерпывающим: «1. Рабство в Бразилии отменяется. 2. Все распоряжения, носившие противоположный характер, отменяются».

Этот закон изменил лицо Бразилии, всю ее жизнь. При всех еще долго сохранявшихся пережитках рабства и феодализма Бразилия избавилась от гнетущей атмосферы узаконенного рабовладения.

Вопреки мрачным предсказаниям, с отменой рабства бразильское сельское хозяйство увеличило производство традиционных культур, особенно кофе — главного богатства страны. Стали быстро расти города и промышленность, значительно увеличился приток иммигрантов из Европы. Вся страна встряхнулась

и помолодела, хотя, как и в период достижения ею независимости, прошлое оставило на ее теле долго саднившие рубцы.

Освобожденные негры не получили земли. Они в значительной мере остались во власти фазендейро, на земле которого и для которого они продолжали работать. Традиция, экономическое господство и политическая власть фазендейро делали их почти неограниченными хозяевами своих бывших рабов. В стране продолжала существовать монархия, опорой которой оставались бывшие рабовладельцы.

Императорское правительство, уступив в вопросе об отмене рабства, осуществив эту отмену с минимальными издержками для рабовладельцев, считало свое положение упроченным. Но оно так долго тянуло с отменой рабства, что стало в глазах большинства бразильцев олицетворением консерватизма и реакции. Поэтому, когда негры были освобождены, республиканское движение, которое в значительной части было одновременно и аболиционистским движением, расширилось и укрепилось за счет последнего: объединились республиканцы, которых ранее разделял вопрос о рабстве. Многие рабовладельцы держались за монархию, видя в ней прежде всего стража рабовладения. Теперь она утратила эту роль. Поэтому рабовладельцы, не связанные со двором, а тем более фазендейро, для которых рабство не составляло главного источника дохода (например, скотоводы), естественно, стали считать для себя обременительными те жертвы и ограничения, на которые они шли прежде, поддерживая монархию. Теперь они склонялись к тому, чтобы ограничить или устранить монархию, если это даст им больший простор для политической инициативы. Эта мера, по их мысли, возместила бы им то, что они потеряли от отмены рабства, облегчила бы возможность пробиться в верхние слои общества.

Условия, сложившиеся в стране после отмены рабства, позволили республиканцам уже через год создать Национальную республиканскую партию. Среди ее членов вскоре возникла идея свержения монархии путем государственного переворота. В пользу такого разрешения политической проблемы высказывались руководящие деятели партии: Бенжамин Констан, Аристидис Лобу, Кинтину Бокаюва, Руи Барбоза и маршал Манозл Деодору да Фонсека. Последний был избран военным руководителем намечаемого переворота.

15 ноября 1889 г. части бразильской армии, преданные идеалам республики, были выведены заговорщиками на центральную площадь Рио-де-Жанейро. Деодору да Фонсека и Бенжамин Констан, войдя в здание военного министра, где заседал правительственный кабинет, объявили о его роспуске. После этого они предполагали вести переговоры с императором. Но вышедший на улицы народ требовал немедленного свержения Педру II. Тогда руководители заговора приняли решение немедленно провозгласить республику.

В тот же день они сформировали первое (временное) правительство федеративной Бразильской республики, главой которого стал Деодору да Фонсека. 17 ноября Педру II покинул страну.

Временное правительство сразу же отменило телесные наказания в армии. Согласно декрету от 19 ноября оно распространило избирательное право на всех грамотных граждан мужского пола, достигших 21 года. 7 января 1890 г. был издан декрет об отделении церкви от государства, 23 января — принят декрет о введении гражданского брака. Преобразования эти носили прогрессивный характер, являлись сильным ударом по консервативным институтам империи.

Образовательный ценз, установленный декретом временного правительства, являлся для Бразилии того времени по существу и имущественным цензом, так как грамотными были, за редким исключением, лишь состоятельные люди. Поэтому подавляющее большинство депутатов Учредительного собрания, избранных 15 сентября, составляли фазендейро. Однако в сравнении с парламент-

скими учреждениями империи в нем было больше представителей буржуазии (или лиц, в той или иной мере отражавших ее интересы).

Учредительное собрание открылось в годовщину провозглашения республики — 15 ноября 1890 г. Проект конституции, вынесенный на рассмотрение, предусматривал расширение полномочий центрального правительства. Этот вопрос стал главным предметом спора, разделившего Учредительное собрание на сторонников и противников централизации власти. Крупные фазендейро, представлявшие главную экономическую и политическую силу в провинциях, стремились к дальнейшему укреплению своих позиций за счет ограничения прерогатив центральной власти. Против крайнего партикуляризма решительно выступал Руи Барбоза, отстаивавший интересы тех социальных групп, которые желали единства страны, в частности бразильской буржуазии, кровно заинтересованной в создании общего национального рынка и в защите его от английской конкуренции. Унитаристы победили.

Согласно конституции, окончательно принятой 24 февраля 1891 г., государство стало называться Соединенными Штатами Бразилии. Законодательная власть в стране передавалась конгрессу, состоявшему из двух палат: палаты представителей и сената. Члены палаты избирались прямым голосованием — 1 депутат от 700 тыс. жителей. В сенате каждый штат (и Федеральный столичный округ) был представлен тремя сенаторами. Депутаты избирались на три года. Сенат обновлялся каждые три года на одну треть. Возрастной ценз для членов палаты представителей составлял 21 год, для сенаторов — 35 лет. Избранными в палату могли быть только лица, являвшиеся бразильскими гражданами не менее 4 лет, а в сенат — соответственно не менее 6 лет.

Исполнительная власть принадлежала президенту, облеченному очень широкими полномочиями, включавшими право относительного вето, назначения министров, высших государственных и судебных чиновников, а также присвоения высших воинских званий. Президент обладал, кроме того, правом введения осадного положения и вмешательства в дела штатов в случае угрозы государственной целостности и политическим институтам страны. В широких полномочиях президента, несомненно, нашли свое отражение унитаристские тенденции. Президентом республики 25 февраля 1891 г. был избран Деодору да Фонсека.

В конституции нашли свое отражение и сепаратистские тенденции. Каждый из штатов мог иметь свою конституцию, обладал самыми широкими правами в экономической области (налогообложение экспорта, промышленности, недвижимой собственности, железных дорог, телеграфа, почты, заключение займов и контрактов с иностранными государствами). Это обеспечивало штатам (особенно экономически развитым) известную независимость от центрального правительства. Высшая судебная власть принадлежала Верховному суду (и соответственно верховным судам штатов).

Конституция провозглашала равенство граждан перед законом, свободу совести, слова, печати, занятий, собраний, право на подачу петиций и другие буржуазные права и свободы. Одновременно она объявляла неприкосновенной частную собственность. Это, а также образовательный ценз означали закрепление господства имущих классов.

Фазендейро оставался почти монопольным собственником главного источника жизни и богатства в стране — земли. Вместе с ней он сохранял свою власть над сельским населением, так как продолжали существовать оставшиеся от колониального периода формы землевладения, экономическое и внеэкономическое принуждение незащищенного (особенно в отдаленных районах) сельского населения — агрегадос, колондов, иммигрантов, бывших рабов и всех тех, кто был так или иначе связан с землей. А эти группы составляли подавляющее большинство населения Бразилии.

Конституция 1891 г. являлась своего рода программой борьбы за претворе-

ние в жизнь провозглашенных или намеченных ею буржуазных свобод, облегчала легальную борьбу за них. В ту пору это было немалым завоеванием. Именно в силу того, что конституция могла сыграть прогрессивную роль, она очень скоро стала объектом нападков со стороны реакции.

В последние месяцы империи с целью помочь бывшим рабовладельцам перестроить свое хозяйство им были предоставлены субсидии и льготы по выплате задолженности. Временное правительство, нуждаясь в средствах, увеличило эмиссию бумажных денег. Все это привело к возникновению различного рода компаний и акционерных обществ, многие из которых существовали фиктивно. Объем капиталистического производства был еще слишком незначительным, чтобы мог быть реализован весь капитал. Большинство акций выпускалось исключительно с целью спекуляции на бирже.

Как только была принята конституция и избран президент, главной проблемой для правительства стало финансовое положение страны. С течением времени фиктивные общества все чаще оказывались банкротами. Это повлекло за собой разорение многих людей, а также безработицу для тех, кто, нередко бросая родные места, искал заработок на проектируемых или начинавших строиться предприятиях и дорогах. Инфляционная политика правительства сильно ударила по трудящимся, вызвав дороговизну. Президент нередко использовал свою власть для покровительства частным компаниям.

На первой сессии конгресса, которая собралась 15 июля 1891 г., делались попытки провести ряд мер по контролю за деятельностью исполнительной власти, в частности в финансовой области. Тогда часть высших офицеров, близких к Деодору да Фонсека, крупные спекулянты, укрепившие свои позиции в период биржевой горячки, а также монархически настроенные представители правящих кругов решили осуществить государственный переворот с целью закрепления своего привилегированного положения в республике. Используя явную тенденцию Деодору да Фонсека к диктатуре, они сумели привлечь его на свою сторону. Подготовка к перевороту велась под прикрытием лозунга о необходимости укрепления исполнительной власти, нормальной деятельности которой якобы мешали представительные учреждения республики.

3 ноября 1891 г. в нарушение конституции президент издал декрет о роспуске обеих палат конгресса. Было объявлено о введении осадного положения в столице и Федеральном округе. Против действий президента выступили жители столицы, рабочие Центральной железной дороги, армия и флот.

Оказавшись перед лицом всеобщего недовольства и перед угрозой восстания в армии и флоте (который готовился бомбардировать столицу), Деодору да Фонсека не рискнул открыть военные действия и подал в отставку. В соответствии с конституцией президентом республики стал вице-президент маршал Флориану Пейшоту. Попытки некоторых губернаторов поднять восстание в своих штатах не были поддержаны населением.

Совсем другой характер носили последовавшие вскоре выступления во флоте. 13 декабря 1891 г. взбунтовались матросы крейсера «Примейро де Марсо» («1 марта»), возмущенные нечеловеческим жестоким обращением с ними офицеров. 50 матросов крейсера попали за это в тюрьму. Были произведены аресты среди экипажей других военных судов.

19 января 1892 г. восстали гарнизоны морских крепостей столицы: Санта-Круш и Лаже. В восстании приняли участие находившиеся в этих крепостях заключенные. Был поднят красный флаг. Руководил восстанием сержант Сильвиану Онориу де Мазеду. Однако ни у него, ни у других не было определенной программы действий. Как ранее на крейсере, то был стихийный протест против жестокого обращения и тяжелых условий жизни.

Восстание в крепостях переполошило правящие круги страны, вселив в них немалый страх. Морской министр адмирал Кустодиу Жозе де Меллу отдал при-

каз о бомбардировке восставших с военных кораблей. После непродолжительного боя повстанцы капитулировали перед превосходящими силами правительства. 20 января состоялась сессия конгресса, которая приняла резолюцию, дававшую правительству чрезвычайные полномочия.

Как только правительство расправилось с восставшими матросами, против него выступила оппозиция из среды господствующих классов, ранее действовавшая за спиной Деодору да Фонсека, в значительной части монархическая. Однако за исключением таких откровенных монархистов, как, например, сенатор Гашпар да Сильвейра Мартинс (из Риу-Гранди-ду-Сул), представители оппозиции, учитывая непопулярность монархии в народе, пытались выдавать себя за самых ярых защитников конституции и республики.

Именно ссылаясь на конституцию, оппозиционеры хотели свалить правительство Флориану Пейшоту. Дело в том, что согласно конституции (ст. 42) вице-президент, занявший пост президента, мог оставаться на этом посту до истечения срока полномочий своего предшественника только в том случае, если последний по какой-либо причине оставлял свою должность по истечении двух лет правления. В противном случае конституция предписывала провести выборы нового президента, причем вице-президент должен был исполнять обязанности главы государства лишь до выборов.

В условиях консолидации сил монархистов, финансового кризиса и мятежей в штатах проведение избирательной кампании таило в себе опасность для республики. Маршал Пейшоту отказался проводить выборы. Тогда был составлен антиправительственный заговор, во главе которого стал упоминавшийся морской министр адмирал Меллу. 6 сентября 1898 г. под его руководством восстал бразильский флот, стоявший в бухте Рио-де-Жанейро. К октябрю мятежникам удалось захватить крепость Вильганьон и ряд морских фортов близ столицы.

Выступление флота против президента не было случайным. В политической жизни страны армия и флот играли различную роль. Несмотря на реакционные настроения части ее генералов и офицеров, армия немало сделала для создания республики и в основной своей массе придерживалась республиканских взглядов. Значительным влиянием в армии пользовались «тенентисты»¹. Это были в большинстве своем младшие офицеры, выходцы главным образом из мелкобуржуазной среды, поклонники Бенжамина Констана, стоявшие значительно ближе к солдатам и народу, чем старшие офицеры, как правило, происходившие из семей бывших рабовладельцев. Тенентисты представляли прогрессивные элементы бразильского общества.

Иное положение было во флоте. При империи флот занимал в сравнении с армией привилегированное положение. К службе во флоте допускались только белые. Адмиралы и многие офицеры флота были близки к придворным кругам. С установлением республики и избранием президентом маршала Деодору да Фонсека — представителя сухопутных вооруженных сил — сословно-аристократические привилегии флота были уничтожены. Поэтому среди офицеров флота были сильны монархические настроения, и они с готовностью выступили против правительства.

То обстоятельство, что матросы поддерживали своих адмиралов и офицеров и исполняли их приказы, можно объяснить рядом причин. После упоминавшихся выше событий во флоте зимой 1891—1892 гг. из него были удалены все революционно настроенные моряки. Организаторы заговора сумели использовать искусственно раздувавшуюся ими вражду между армией и флотом. Заговорщики прикрывали свои действия требованием осуществления предписаний конституции.

¹ От португальского слова *tenente* — лейтенант.

Правительство приняло энергичные меры к подавлению восстания. В городе были сосредоточены войска, мобилизована национальная гвардия, началось строительство укреплений. Правительство поддерживали многочисленные добровольцы. Неудача десантной операции 9 февраля 1894 г. у Нитероя лишила мятежников возможности овладеть столицей. В середине марта флот мятежников ушел на юг, где федералисты захватили почти весь штат Парана, значительную часть штата Санта-Катарина и господствовали в штате Риу-Гранди-ду-Сул. Однако Меллу, боясь столкновения с правительственной эскадрой, состоявшей из новых судов, закупленных за границей, вскоре увел свои корабли в Буэнос-Айрес.

24 июня 1894 г. у Кампо Осорио произошло решающее сражение между правительственными войсками и федералистами. Последние потерпели поражение. Одержав победу, правительство провело реорганизацию флота, сместило с занимаемых постов лиц, замешанных в антиправительственных заговорах и восстаниях, усилило национальную гвардию.

В сентябре 1894 г. приступил к своим обязанностям избранный в соответствии с конституцией новый президент — Пруденте де Мораис.

Подавляющая часть населения молодой республики была занята в сельском хозяйстве. Однако почти все пригодные для обработки и пастбищ земли принадлежали латифундистам. Расширение в условиях нового строя поля деятельности для финансовых спекуляций и предпринимательства вызывало у владельцев земли и капиталов стремление к наискорейшему получению прибыли с целью пустить ее в оборот и использовать как источник дополнительного барыша. Средством к этому служило усиление эксплуатации трудящихся, связанное, в частности, с захватом земель, находившихся в руках крестьян.

Народные массы Бразилии не оставались равнодушными к усиливавшейся эксплуатации, своему гражданскому бесправию.

В различных местах страны вспыхивали волнения. Крестьяне убегали с fazendas, создавали вооруженные отряды, которые нападали на поместья, мстя за нанесенные обиды, за отнятую землю. Наиболее яркой страницей борьбы крестьян было восстание на северо-востоке страны, где обитали вакейро.

Основное занятие вакейро — скотоводство, которое с далеких колониальных времен было распространено вдоль р. Сан-Франциско. Вакейро вечно в седле. Его жилище — наскоро построенная хижина. Недовольство вакейро кабальными условиями труда, жульническими махинациями, к которым прибегали хозяева при расчетах, и другими притеснениями усиливалось год от года.

Еще во времена империи в Баие среди простого народа был известен человек по имени Антониу, объявивший себя посланцем бога. В своих проповедях он обличал несправедливость. Угнетенный люд, жаждавший улучшения своей жизни, потянулся к проповеднику. У него появились последователи. Он получил в народе прозвище «Конселейру» — советчик, утешитель. Смысл его проповедей сводился к следующему: мир погряз в пороках, все государственные институты и законы несправедливы, а католическая церковь превратилась в орудие сатаны. Отрицая права собственников, Антониу утверждал, что в ближайшее время наступит конец света и перед лицом этого неизбежного и неумолимого факта имущество и собственность вообще не имеют никакой цены.

Учение Конселейру — это своеобразная «ересь» темных и суеверных крестьян-бедняков, похожая на многие другие, примеры которых дает история в разные времена и в различных странах. В этой «ереси» отчетливо проявился протест против существующего строя, лишавшего труженика плодов его труда, низводившего его до положения парии, протест против имущественного неравенства и государственной церкви.

С 1893 г. местом, куда стекались недовольные и где обосновался Конселейру, стало покинутое скотоводческое селение Канудос. В течение короткого вре-

мени оно превратилось в сравнительно обширный и оживленный город, насчитывавший свыше 5 тыс. домов-хижин. Сюда собрались бедняки из окрестных мест и даже из Сержипи — крупного приморского города. Жители Канудоса сами строили свои дома, сами воздвигали оборонительные сооружения, а также церковь на центральной площади. Главными принципами общины были: совместный труд, общая земля, равенство ее членов, обязанность работать. Каждый получал причитающуюся ему долю того, что создавалось общим трудом. Вновь приходивший отдавал все, что он приносил с собой. Личная собственность была сведена к минимуму. Частная собственность признавалась незаконной и преступной. Конселейру утверждал, что в этом истинное понимание воли бога. Община в Канудосе была своеобразной неосознанной попыткой воплощения идей примитивного коммунизма, скрывавшихся под религиозной оболочкой.

Первое столкновение жителей Канудоса с окружавшим его миром произошло в октябре 1896 г. Фазендейро, напуганные размахом крестьянского движения, обратились за помощью к провинциальным властям. 4 ноября отряд правительственных войск прибыл в городок Жоазейру, находящийся недалеко от Канудоса. При дальнейшем продвижении отряд был атакован последователями Конселейру и отступил. Из столицы провинции были посланы подкрепления. К середине января 1897 г. на подступах к Канудосу завязались первые бои. Дважды прибывали крупные воинские части, посланные из Рио-де-Жанейро. Однако попытки овладеть укреплениями Канудоса окончились неудачей, несмотря на артиллерийский обстрел, который не прекращался все время длительной осады.

Защитники Канудоса, испытывая огромные трудности, связанные с недостатком съестных припасов, оружия, патронов, а также с присутствием в селении женщин и детей, сражались с легендарным мужеством. Это мужество не сломила гибель Конселейру, умершего от болезни и раны. Во время боев проявили себя как замечательные военные руководители Жуан Абаде, Пажеу и другие. Попадавшие в плен, несмотря на зверские истязания, которым их подвергали каратели, отказывались отвечать на вопросы.

Канудос был захвачен 5 октября 1897 г. в сумерки, когда пали его последние защитники.

Значение восстания в Канудосе очень велико. Крестьяне нередко нападали на усадьбы и причиняли хлопоты местным властям. Но это были выступления против отдельных помещиков, и эти выступления без большого труда подавлялись. Последователи Конселейру, на свой лад приверженцы религиозной ереси, вели борьбу против всего класса землевладельцев-фазендейро и против всего строя, утверждавшего власть последних, включая государственную церковь. Этим объясняется вызванная восстанием нервозность правительства, яростная кампания, которую организовали господствующие классы страны против защитников Канудоса, жестокость расправы над ними.

Отмена рабства стимулировала рост производства кофе — главного продукта бразильского сельского хозяйства. Если в 1880—1889 гг. Бразилия производила более 56 % мировой продукции кофе, то в 1900—1904 гг. на ее долю приходилось уже более 75 %. Основным кофейным районом стали Минас-Жераис и особенно Сан-Паулу, занявший место, которое прежде занимал район Рио-де-Жанейро.

Паулисты — кофейные плантаторы собирали более 60 % урожая кофе в стране и были экономически наиболее могущественными среди бразильских фазендейро. Избрание в 1894 г. Пруденте де Мораиса президентом положило начало политическому господству кофейных плантаторов. Тогда же финансовые затруднения в стране, конъюнктурные колебания на кофейном рынке, а также стремление плантаторов как можно больше увеличить посадки кофейных деревьев сделали обычной практикой обращение бразильского правительства за займами к иностранцам.

Первое место в кредитовании Бразилии принадлежало англичанам. С 1895 по 1914 г. они предоставили ей более 10 займов. В 1913 г. сумма английских капиталов, инвестированных в Бразилию, достигла 1162 млн. долл. Капиталовложения США составляли в 1913 г. 50 млн. долл. В 1911 г. приступил к основанию в Бразилии Панамериканского банка Морган. Вместе с ростом ввоза в Бразилию иностранного капитала увеличился импорт в страну иностранных промышленных товаров. И здесь первое место принадлежало Англии, которая в 1913 г. покрыла 25 % бразильского импорта (США — 16 %). Нужда в деньгах, которую испытывало бразильское правительство, заставляло его соглашаться на самые выгодные условия для иностранного капитала, который стремился проникнуть в основные отрасли экономики страны.

Отмена рабства, освободившая большое число рабочих рук, субсидии, полученные в свое время бывшими рабовладельцами, увеличение численности рабочих за счет притока иммигрантов, некоторый рост политического влияния местной буржуазии с установлением республики, иностранные инвестиции — все это стимулировало рост местной промышленности, развитие в стране капиталистических отношений.

В последний год империи в Бразилии насчитывалось 636 промышленных предприятий, в 1907 г. — 3250. Протяженность железных дорог достигла к 1913 г. 25 тыс. км. Расширялись порты. Однако возникавшие предприятия, строившиеся порты и дороги оказывались в руках иностранного капитала. Тяжелая промышленность не получила развития. Размещение легкой промышленности ограничивалось несколькими районами: Федеральный округ, штат Сан-Паулу, штат Риу-Гранди-ду-Сул.

Техническое оборудование промышленных предприятий было устаревшим. Многие из них были по существу ремесленными мастерскими. Инженерно-технический персонал составляли главным образом иностранцы.

Развитие промышленности тормозилось господством в стране помещиков-fazendeiros, заинтересованных в сохранении отсталых социальных отношений, особенно в деревне, и в преобладании сельского хозяйства в экономике страны.

Как в колониальный период, так и в эпоху империи экспорт тропических продуктов оставался в начале XX в. основной статьёй дохода Бразилии. При этом главное место на протяжении многих лет занимал вывоз кофе, составлявший в первые десятилетия XX в. в среднем более 50 % всего бразильского экспорта. Важную роль здесь сыграла заинтересованность иностранного финансового капитала, главным образом английского, в развитии производства кофе. Плантаторы получали от английских банкиров денежные ссуды и политическую поддержку на условиях, обеспечивавших кредиторам возможность подчинять должников своему контролю.

После Пруденте все кандидаты в президенты оказались из среды кофейных плантаторов Сан-Паулу и Минас-Жераиса. Экономическая и политическая мощь этих плантаторов и английского финансового капитала, стоявшего за их спиной, обеспечивала победу их кандидатур на выборах.

В стране, только что освободившейся от рабства, но оставшейся под властью fazendeiros, не было и в помине никакого трудового законодательства, которое хотя бы в минимальной степени защищало рабочих от произвола предпринимателей. Заработная плата была очень низкой, выплачивалась она, как правило, с запозданием. Под всевозможными предлогами из нее производились многочисленные вычеты. Вместо денег рабочему зачастую выдавались долговые обязательства, или боны, которые принимались лишь в фабричной лавке, где товары стоили дороже, чем в обычных торговых заведениях. Условия труда были очень тяжелыми. Жили рабочие в жалких лачугах.

Первые выступления рабочих Бразилии в защиту своих прав относятся еще ко временам империи. Это были, как правило, стихийные вспышки возмущения.

После провозглашения республики увеличилась европейская иммиграция. В надежде получить участок земли и работу в 90-е годы в Бразилию прибывало ежегодно в среднем 100—150 тыс. иностранцев. Среди них было немало революционеров — интеллигентов и рабочих, входивших в различные европейские социал-демократические или анархо-синдикалистские организации. Они были знакомы с деятельностью I и II Интернационалов или даже участвовали в их работе. Эти люди способствовали внесению в стихийное движение пролетариата Бразилии первых элементов организованности и революционных идей.

В июне — июле 1891 г. в Петрополисе, например, состоялась крупная для того времени стачка ткачей, в проведении которой приняла участие местная профсоюзная организация «Рабочий центр». Стачка завершилась победой рабочих, которые добились отмены решения администрации о снижении заработной платы. В том же году забастовали рабочие Центральной железной дороги.

В 1891 г. стали выходить две рабочие газеты — «Операрио» и «Примейро де Майо» — с отчетливо выраженной классово направленной направленностью. В 1892 г. были сделаны первые попытки созвать рабочий конгресс и основать пролетарскую партию. В том же году в городе Сантос возник Социалистический центр, который функционировал в течение нескольких лет. Под его руководством в Бразилии в 1895 г. была впервые проведена первомайская демонстрация. К 1896 г. в стране насчитывалось несколько марксистских кружков. В 1896 г. в Сан-Паулу стала выходить газета «О социалиста», издававшаяся под девизом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В ней публиковались статьи на португальском, итальянском и немецком языках. Газета активно пропагандировала идеи социализма.

Таким образом, в начале 90-х годов были сделаны первые шаги в развитии массового рабочего движения и создании рабочих организаций. Однако развитие рабочего движения мешали серьезные препятствия. Слабость местной промышленности ограничивала рост пролетариата (в начале 90-х годов его численность не превышала 100 тыс.). Его классовому сплочению в немалой степени препятствовали его разнородный национальный состав, привилегированное положение некоторых категорий иностранных рабочих (например, английских ткачей), а также расовые и религиозные предрассудки. Росту классового сознания и организации рабочего класса мешали неграмотность, сильное влияние церкви, политическое бесправие. Так как основной контингент европейских рабочих-иммигрантов прибывал в Бразилию из Португалии, Италии и Испании, где в рабочем движении преобладал анархо-синдикализм, то идеи анархо-синдикализма получили преобладающее влияние и в бразильском рабочем движении рассматриваемого периода.

По мере развития промышленности пролетариат рос численно, организационно и идейно. В 1907 г. число рабочих на промышленных предприятиях Бразилии достигло почти 160 тыс. человек. На многих предприятиях, возникали рабочие союзы взаимопомощи и профессиональные союзы. В 1900 г. при участии известного писателя Да Куньи был создан Интернациональный клуб сыновей труда. Увеличилось число рабочих газет. В 1902 г. была создана Бразильская социалистическая партия.

Серьезным стимулом к развитию рабочего движения послужила революция 1905 г. в России. Среди рабочих был организован сбор пожертвований в пользу русских революционеров. События революции нашли отражение в пролетарской печати. Под влиянием русской революции и по инициативе Рабочей федерации Рио-де-Жанейро в 1906 г. был созван первый конгресс бразильских рабочих, на котором было представлено большинство профсоюзов страны. Конгресс принял резолюцию о солидарности с революционными русскими рабочими. Он положил начало организованной борьбе бразильского пролетариата за 8-часовой рабочий день. Первая русская революция оказала влияние не только на рабочее, но и на общедемократическое движение в стране, стимулируя распространение прог-

рессивных идей. Активным пропагандистом этих идей был упоминавшийся Да Кунья.

В соответствии с решением рабочего конгресса в 1908 г. была создана общенациональная профсоюзная организация — Бразильская рабочая конфедерация. Создание ее явилось важной вехой, показывающей рост организационной сплоченности и революционной сознательности рабочего класса. Конфедерация провела ряд стачек в защиту интересов рабочих и большую кампанию против внешней политики правительства, которая грозила втянуть страну в войну с Аргентиной.

Не оставались в стороне от революционной борьбы армия и флот Бразилии. Нижние чины, а также младшие офицеры, являясь частью народа, остро ощущали его нужды. Служба в армии и флоте расширяла кругозор части солдат и матросов, особенно находившихся в городах, где происходило общение военнослужащих с рабочими-революционерами и прогрессивно настроенными представителями интеллигенции. В вооруженных силах страны вели работу упоминавшиеся выше тенентисты, желавшие освободить Бразилию от гнета фазендейро и иностранных империалистов. В 1904 г. курсанты военного училища столицы совершили неудачную попытку государственного переворота.

В 1910 г. при правительстве Эрмеса Родригеса да Фонсека (1910—1914) в Бразилии вспыхнуло восстание военных моряков. Поводом к восстанию послужило жестокое обращение офицеров с матросами. Во главе восставших встал негр Жоау Кандидо. К ним присоединился батальон морской пехоты. Столица оказалась под угрозой бомбардировки с военных кораблей. Восстание могло перекинуться на берег. Перепуганное правительство обещало выполнить требования восставших об отмене телесных наказаний и предоставлении амнистии. Матросы согласились прекратить сопротивление. Однако вскоре правительство, нарушив свои обещания, обрушило на участников восстания жестокие репрессии. Несмотря на неудачный исход, восстание во флоте оставило заметный след в истории революционного движения Бразилии.

В 1902—1916 гг. происходили крупные крестьянские восстания на юге страны. Восставшие крестьяне захватывали земли помещиков и делили их между собой. К 1913 г. движение тружеников земли на северо-востоке, в штате Сеара, вылилось в крестьянскую войну. Неорганизованный и стихийный характер движения позволил властям подавить его.

АРГЕНТИНА В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

24 декабря 1826 г. бывшие провинции вице-королевства Ла-Плата приняли конституцию, которая подтверждала их государственный союз. Объединенной республике было дано красивое название: Аргентина (Серебряная)¹. Но этот день не стал завершающим днем борьбы за прочное единое государство.

Первым препятствием на этом пути была война 1825—1828 гг. с Бразилией из-за Восточного Берега (Уругвая). Война сковывала руки правительства, возглавляемого президентом Ривадавией. Он стремился укрепить молодое государство проведением реформ. Чтобы иметь для этого время и средства, Ривадавия согласился на заключение с Бразилией мирного договора, по которому Уругвай оставался владением империи. Этим воспользовались противники президента — федералисты (сторонники самой широкой автономии провинций) для его дискредитации. Ривадавия подал в отставку. Война с Бразилией возобновилась, но, как упоминалось ранее, не принесла аргентинцам победы.

Неблагоприятный ход войны накалил политическую обстановку в стране. В августе 1827 г. провинция Буэнос-Айрес добилась восстановления своей прежней автономии. Попытка унитариев силой оружия воспрепятствовать этому окончилась неудачей. Их армия в апреле 1829 г. была разбита федералистскими войсками Хуана Мануэля Росаса.

6 декабря 1829 г. Росас был избран губернатором провинции Буэнос-Айрес. Законодательное собрание этой провинции предоставило ему неограниченные полномочия для утверждения в государстве федеративной системы при гегемонии Буэнос-Айреса. Это означало господствующее положение олигархии этой провинции, состоявшей из помещиков-латифундистов, крупных купцов и высшего духовенства.

Сам Росас был владельцем обширных земель и большого «саладеро» — предприятия по засолке мяса, идущего на экспорт. Росасу принадлежала значительная территория в провинции Буэнос-Айрес. Он имел собственные вооруженные силы, рекрутируемые из зависимых от него пеонов, гаучо и бывших негритянских невольников. Он был «каудильо»² — полновластный хозяин принадлежавших ему земель, властелин над людьми, которые там работали и жили, вершитель суда и расправы. Центральная власть признавалась таким каудильо постольку и настолько, поскольку это было выгодно ему самому и насколько у нее хватало сил сдерживать его самовольство. У Росаса это самовольство дополнялось жестоким и деспотичным характером.

Итак, самую большую и богатую провинцию страны возглавил местный каудильо и ярый федералист. К Буэнос-Айресу на началах федерации присоединились другие прибрежные провинции, заинтересованные в речном судоходстве, ключ к которому держал главный порт страны. «Провинциям прибрежного пакта» противостояла «Лига внутренних провинций», которые стояли за унитаризм. Между ними шла вооруженная борьба. К 1831 г. Лига распалась.

¹ La plata (исп.), argentum (лат.) — серебро.

² El caudillo (исп.) — главарь, вожак.

Пока шла война между провинциями, в Буэнос-Айресе возникла оппозиция Росасу. Это были «умеренные». Разделяя федералистские убеждения губернатора, они хотели в то же время ограничить его произвол. В декабре 1832 г. Законодательное собрание Буэнос-Айреса, в котором умеренные оказались в большинстве, вновь избрав Росаса губернатором, лишило его одновременно чрезвычайных полномочий. Не желая подчиняться кому бы то ни было, Росас отказался от предлагаемой ему власти. Губернатором был избран Хуан Рамон Балькарсе.

Росас остался командующим армией Буэнос-Айреса. Так как междоусобная война провинций в это время затихла, Росас направил свою армию против индейцев. Весной 1833 г. она выступила в поход по направлению к предгорьям Анд, где жили свободные племена. Обладая несравнимым военным преимуществом, Росас сумел отвоевать огромную территорию. При этом индейцы не просто изгонялись с нее. Они истреблялись. Кровавый «поход в пустыню», как называлась экспедиция против индейцев, был прелюдией к установлению кровавой диктатуры.

Пока Росас уничтожал индейцев, в Буэнос-Айресе его сторонники сумели свалить Балькарсе и его преемника Виамонте. Росасу было предложено занять пост губернатора. Росас настоял на плебисците, который должен был решить вопрос о чрезвычайных полномочиях.

Подготовка к плебисциту проходила таким образом, что результаты голосования были предрешены. Различными ограничениями и высоким цензом число голосующих было сведено до 10 тыс. человек. Армия Росаса поклялась расправиться со всеми его противниками. Росас имел деньги и был популярен в среде гаучо. Они ценили в нем своего военачальника, прекрасного наездника, «человека пампы», роль которого он играл, подражая гаучо в костюме и поведении, проявляя по отношению к ним показательный демократизм.

Плебисцит состоялся 13 апреля 1835 г. Росас добился полновластия. Страна оказалась в руках тирана и деспота. Он начал с физического уничтожения своих противников. Оно велось под лозунгом «Смерть унитариям!». Этот лозунг стал девизом «Общества реставрации», стремившегося установить порядки, сходные с существовавшими в колониальные времена. Эмблемой этого общества был кукурузный початок — тазорса. Отсюда название общества «Масорка». В народе его именовали «Мас оркас» (mas horcas) — больше виселиц. Это была террористическая организация, которая, прибегая к доносам, расправам и слежке, держала население подвластной Росасу территории в постоянном страхе. Жертвой «Масорки» и произвола Росаса пали тысячи людей, тысячи бежали за границу, тысячи томились в тюрьмах и ссылке. Все это сопровождалось созданием культа Росаса. В его честь месяц октябрь был переименован в месяц Росас. Национальным праздником был объявлен день рождения диктатора (30 мая). Ни одно публичное выступление не обходилось без ссылок на его высказывания или панегирика его «деяниям».

Юридическая власть Росаса не распространялась на всю территорию Аргентины, носившей теперь название Аргентинская конфедерация. Каждая провинция Конфедерации имела свои органы управления и свою конституцию. Но постепенно, используя силу, давление и подкуп, Росас сумел подчинить себе в большей или меньшей степени все провинции. Они передали ему, в частности, право заключать мир или вести войну от имени Конфедерации.

В 1836 г. в стране был восстановлен орден иезуитов, запрещенный в Испанской Америке еще в колониальную эпоху. В руки иезуитов было передано школьное образование. Позже (1845) право контролировать образование получила, кроме того, полиция. Это была политика воспитания молодежи в клерикальном духе, духе преданности диктатору. Все, что не служило этому, преследовалось и изгонялось. Страну покинули или были высланы из нее виднейшие деятели

Латинская Америка в 1830—1903 гг.

культуры. Была приостановлена иммиграция, что затрудняло проникновение в Аргентину передовых идей. В стране царил культ «учредителя государства», как стал официально именоваться генерал Росас.

Власть латифундистов укрепила аграрная реформа, осуществленная рядом декретов (1832—1838). Ею разрушалась введенная при Ривадавии система, которая обеспечивала сохранение за государством прав на раздаваемые из его фондов земли. Теперь эти земли перешли в частные руки. При этом порядок их раздачи способствовал увеличению в первую очередь латифундий родственников и сторонников Росаса, а также вообще числа латифундий — за счет государственных и конфискованных земель. Помещики-латифундисты приобрели силу и влияние, которыми не располагали никогда прежде. Они в роли «маленьких каудильо» терпели произвол Росаса над страной, в той или иной мере над собой, но сами чинили насилия над теми, кто стоял ниже их, кто был беднее и менее влиятелен.

Таким образом, диктаторский режим Росаса обеспечивал все преимущества очень незначительной части населения за счет государства, за счет эксплуатации бесправного терроризируемого народа. Свобода гаучо, во многом иллюзорная и прежде, становилась пагубным для него заблуждением. Ощущение свободы, которое он испытывал, находясь в пампе и среди своих друзей, мешало ему осознать, что он пасет чужой скот на чужой земле. Более того, что он не для себя воюет с индейцами, что себе во вред он сражается с унитариями, тем укрепляя власть над собой деспотов-каудильо.

Внешняя политика Аргентины в период диктатуры Росаса отличалась агрессивностью. Росас хотел поглотить Уругвай или, по крайней мере, полностью подчинить Буэнос-Айресу. Для достижения этой цели он в 1836 г. ввел высокие пошлины на товары, поступавшие в Аргентину из Монтевидео. Всеми способами разжигали в Уругвае междоусобные распри. В 1837 г. Росас объявил войну Боливии в связи с тем, что та поддерживала унитариев северных аргентинских провинций. Начиная ее диктатор заявил о своем стремлении воссоединить с Аргентиной область Тариха¹. Военных успехов Росас не добился, а вскоре был вынужден прекратить войну.

В противовес Росасу, который пытался привести к власти в Уругвае своего ставленника Орибе, Франция поддерживала там президента Риверу. Французы надеялись таким путем укрепиться в устье Ла-Платы и потеснить затем Англию в Аргентине, где с 1825 г. англичане занимали очень прочные позиции, закрепленные чрезвычайно выгодным для них торговым договором. Когда Росас арестовал нескольких французов по обвинению в шпионаже, Париж энергично потребовал их освобождения, а также предоставления Франции в Аргентине прав наиболее благоприятствуемой нации. Росас отверг требования Парижа. В марте 1838 г. французы объявили о блокаде Буэнос-Айреса.

Не имея сил, Росас решил ущемить проникших в Монтевидео французских купцов, усилил свою помощь Орибе. В середине 1838 г. Орибе потерпел поражение и бежал в Аргентину.

Аргентинский народ не поддерживал политику Росаса по отношению к Уругваю. Аргентинцы-эмигранты сражались в войсках Риверы. Против Росаса выступили унитарии нескольких провинций и нанесли ряд поражений правительственным войскам. Французы захватили аргентинский остров Мартин-Гарсия.

С большим трудом диктатору удавалось поддерживать свою власть усилением репрессий и карательными экспедициями. Его положение несколько облегчалось вмешательством Англии. Испытывая затруднения в торговле с Арген-

¹ Эта область входила в провинцию Сальта вице-королевства Ла-Платы. В годы войны за независимость она стала частью Боливии.

тиной, вызванные французской блокадой, не желая укрепления французов в Уругвае, англичане стали оказывать на них сильное давление. Париж уступил и 23 октября 1840 г. заключил с Росасом соглашение о прекращении блокады и возвращении острова Мартин-Гарсия. Росас обязался признать независимость Уругвая.

Развязавшись с французами, Росас направил свои силы против действовавших в стране повстанцев. Используя свои ключевые позиции на главной торгово-транспортной магистрали страны, он стремился лишить остальные провинции всякой самостоятельности в экономической жизни. В 1840 г. диктатор издал декрет, который лишал внутренние провинции — за их непокорность — права судоходства по р. Паране и р. Уругвай.

Оппозиция Росасу в провинциях от этого только усилилась. Она получила поддержку и в самом Буэнос-Айресе. Богатевшее купечество и предприниматели этого города хотели найти себе действенную защиту от произвола сатрапов Росаса и местных каудильо. Переполюнялась чаша терпения народных масс, страдавших от гнета диктатуры.

В 1841 г. вооруженные силы провинции Корриентес и Санта-Фе вместе с отрядами унитариев выступили на борьбу с Росасом. Их поддерживали войска Уругвая. Однако армия диктатора разбила противников и в феврале 1843 г. осадила Монтевидео.

Уругвайцы проявили чрезвычайное мужество и стойкость. Девять лет Монтевидео выдерживал осаду и блокаду. Ненависть к диктатору Аргентины привела в ряды защитников города аргентинских эмигрантов, французских и итальянских добровольцев. Против Росаса выступили Франция и Англия, считая, что захват диктатором Уругвая осложнит действия их дипломатии и купцов в Южной Америке. Они договорились о совместных действиях.

Обе великие державы одновременно потребовали от Росаса снять осаду Монтевидео. Росас не внял этому требованию. Англия и Франция в сентябре 1845 г. объявили блокаду Буэнос-Айреса. Диктатор держался четыре года, но в конце концов был вынужден отступить. Буэнос-Айрес сильно страдал от блокады. Иссякали государственные средства.

В ноябре 1849 г. Росас заключил договор с Англией, а в августе 1850 г. — с Францией. Европейские противники Росаса прекратили блокаду, вернули занятый ими остров Мартин-Гарсия, оккупированные пункты на аргентинском побережье, обязались разоружить иностранные легионы Монтевидео. Росас со своей стороны должен был вывести войска из Уругвая.

Аргентинская армия оставила оккупированную ею уругвайскую территорию, но продолжала осаду Монтевидео. Однако все ее попытки взять этот город разбивались о стойкость его защитников. В это время в тылу у Росаса началось широкое движение против диктатуры под девизом «Ни унитариев, ни федералистов! Долой Росаса!». Путь к осуществлению этого девиза намечался и раньше. Теперь на него встала подавляющая часть населения Аргентины. Военные неудачи дискредитировали Росаса в глазах тех, кто хотел видеть в нем национального героя. Оказали влияние революция 1848 г. во Франции, движение «Молодая Италия». Становилась все очевиднее гибельность для страны необузданного произвола.

Главными идеологами нового движения стали аргентинские ученые и литераторы Эстебан Эчеверрия и Хуан Баутиста Альберди. В 1838 г. они образовали общество «Молодая Аргентина», поставив своей задачей пропаганду идей майской революции 1810 г. в Буэнос-Айресе и Великой французской революции. Позже общество испытало влияние утопического социализма. Пропагандистская деятельность общества служила росту демократической и объединительной тенденции в развитии страны. Большинство деятелей «Молодой Аргентины» были вынуждены эмигрировать и осели в Монтевидео. Но они не порвали тайных

связей со своей родиной, как могли оказывали помощь тем, кто боролся против диктатуры.

Наиболее ярко недовольство политикой Росаса проявилось вновь в провинциях Корриентес и Энтре-Риос. Они были главными соперниками Буэнос-Айреса, его главными торговыми конкурентами, страдавшими от ограничений в торговле и судоходстве. Во время англо-французской блокады эти провинции временно избавились от посредничества Буэнос-Айреса и получили возможность действовать самостоятельно. После снятия блокады ограничения были восстановлены. Энтре-Риос не пожелала подчиниться воле диктатора. Ее правительство заключило военный союз с провинцией Корриентес. Союзников поддерживали Парагвай, чью независимость не признавал Росас, а также Бразилия, которая давно мечтала избавиться от опасного соседа, получить доступ к плаванию по важнейшим рекам юга Американского континента, вновь приобрести влияние на Уругвай.

21 ноября 1851 г. Корриентес, Энтре-Риос, Парагвай и Бразилия заключили соглашение, по которому обязались освободить Аргентину от «угнетающего господства тирании Росаса». Объединенные силы уругвайцев и губернатора Энтре-Риоса генерала Уркисы отбросили войска, осаждавшие Монтевидео. После включения в военные операции бразильского флота союзникам открылся путь в провинцию Санта-Фе. При их приближении ее жители восстали против власти Росаса. Руководимые Уркисой союзники двинулись к Буэнос-Айресу. На подступах к нему, у Монте-Касерос, Росас был разбит наголову. 4 февраля 1852 г. он бежал из страны.

Диктатура Росаса в Аргентине представляла собой худший вид «каудильизма» — диктаторской и тиранической власти, устанавливаемой олигархией господствующих классов стран Латинской Америки ради сохранения и приобретения новых привилегий, получаемых за счет угнетения и эксплуатации широких народных масс. В данном конкретном случае следует отметить то специфическое явление, что при Росасе федерализм, в котором провинции искали защиты от господства Буэнос-Айреса, привел именно к господству последнего. Унитаризм же, наоборот, нашел силу в сохранявшейся еще самостоятельности провинций. И несмотря на то что федерализм и унитаризм боролись еще долго, именно в ходе борьбы с Росасом и после крушения его диктатуры ускорился процесс объединения страны и консолидации аргентинского государства.

Процесс этот был непосредственно связан и определялся развитием в Аргентине (и за ее пределами) буржуазных отношений. Сложность развития здесь этих отношений, а следовательно, и консолидации государства, обуславливались рядом причин. Еще во времена колонии экономика страны была ориентирована на сельскохозяйственное производство при доминирующей роли животноводства. Основные земли сосредоточивались в руках помещиков-эстансеро, которые являлись одновременно главной политической силой в стране. Поэтому все, что могло служить ограничению их привилегий и выгод, встречало с их стороны решительный и мощный отпор. А без этих ограничений развитие капитализма в стране было сильно стеснено. Примечательно, что значительно увеличившийся после падения Росаса поток иммигрантов из Европы, направлявшихся в деревню, не мог почти ничего изменить — буржуазные отношения воспроизводились с большим трудом. Помещики, властвовавшие на местах, занимавшиеся экстенсивным животноводческим хозяйством, легко и преднамеренно мешали появлению конкурентов в виде свободных крестьян. Как правило, они добивались захвата земли у новых владельцев. Если обезземеленный труженик не уходил в город, он оказывался в зависимости от помещика, который оставлял ему часть ранее принадлежавшей земли или давал другой участок; в обоих случаях — на условиях, которые делали этого труженика вечным должником землевладельца.

Тормозящая роль латифундизма в процессе развития капиталистических

отношений в Аргентине сказывалась не только в сельском хозяйстве и системе земельных отношений. Она проявлялась и в торговле: внешней и внутренней. Продукты животноводства не просто вывозились за границу. Они вывозились в Англию, привязывая к ней аргентинское сельское хозяйство. Кроме того, помещики предпочитали покупать дорогие, но высококачественные английские товары, а не изделия зарождавшейся местной промышленности. Выгодные для Англии торговые договоры, бедность основной части населения Аргентины, его большая или меньшая зависимость от латифундистов, замкнутость помещичьего хозяйства делали внутренний рынок труднодоступным для местной промышленности. К тому же этот рынок был разобщен из-за отсутствия необходимого числа дорог, сепаратизма провинций, частых междоусобиц.

Латифундизм, экономическая и финансовая зависимость страны от Англии являлись главными препятствиями развитию капиталистических отношений в Аргентине. Кроме того, Буэнос-Айрес как бы вобрал в себя все функции, связанные с торговым обменом страны. Богатая от этого, он препятствовал всякому поползновению обойти его монополию. При этом развитие капитализма, шедшее в этом городе, замыкалось в торгово-посреднической сфере, находя очень немного места в сфере предпринимательно-производственной, что объяснялось также конкуренцией английских промышленных товаров. Главные аргентинские предприятия того времени — саладеро — принадлежали, как правило, помещикам.

Несмотря на все препятствия, капиталистические отношения развивались, в частности, из-за проникновения в страну иностранного капитала. В 1853 г. в Буэнос-Айресе насчитывалось 49 мельниц, 10 макаронных фабрик, 3 солильни, 3 маслозавода, 7 мыловарен, 8 заводов по производству свеч, 3 пивоваренных завода, 4 ликерных завода, 2 каретные фабрики и 2 металлургических завода. На этих предприятиях было занято около 2 тыс. рабочих. Крымская война и Гражданская война в США значительно расширили емкость английского рынка для аргентинских товаров, подтолкнули развитие овцеводства. Рост убоя скота активизировал и расширил деятельность саладеро. Увеличилось число занятых на них рабочих. Тому же служила необходимость стрижки, хранения и транспортировки овечьей шерсти. Рост внешней торговли, городов и связанный с этим рост внутренней торговли стимулировали дальнейшее развитие в стране речного и морского транспорта. В 1857 г. в Аргентине была построена первая железная дорога.

Развитию капиталистических отношений способствовала иммиграция из Европы. В деревне, как упоминалось выше, возможность превращения иммигрантов в свободных фермеров была невелика. Она открывалась главным образом там, где иммигранты основывали целые колонии, перенося в них привычные им отношения, сельскохозяйственные культуры и методы их возделывания. Такие земледельческие колонии были созданы в ряде провинций (например, в Энтре-Риос, Санта-Фе, Корриентес). Европейская иммиграция играла более значительную роль в росте городов, их производственной, культурной и общественной жизни. Она содействовала расширению международных деловых связей. Наиболее квалифицированные работники предприятий, мастерских и культурных учреждений были иммигрантами, которые приезжали в Аргентину, обладая профессиональными знаниями и навыками.

Развитие капиталистических отношений в стране сказывалось на ее политической жизни, медленно, порой незримо, но сказывалось, усиливая рост объединительных тенденций.

4 февраля 1852 г. в Буэнос-Айрес вступили победоносные войска генерала Уркисы. Он стал временным главой государства. Бывший губернатор провинции Энтре-Риос был федералистом. Под знаменем федерализма он долго и упорно боролся за лишение Буэнос-Айреса узурпированных им привилегий.

Но Уркиса был сторонником равноправного федерализма, при котором все провинции могли бы пользоваться едиными для государства путями сообщения, тем более игравшими тогда главную роль — речными, и имели бы общенациональную таможенную. Эта интерпретация федерализма отражала прежде всего интересы Энтре-Риоса, но также интересы других провинций, ущемленные Буэнос-Айресом. Иначе говоря, содержала в себе и объединительную традицию, которая после долгих лет междоусобиц усиливалась стремлением к национальному единству, упорядочению государственной жизни.

Политика Уркисы встретила энергичное сопротивление со стороны олигархии Буэнос-Айреса, особенно бывших сторонников Росаса. Это были крайние федералисты. Но противниками Уркисы стали и унитарии, возглавляемые Бартоломе Митре, также участником битвы при Монте-Касерос, решившей судьбу Росаса. Если Уркиса хотел равноправия провинций и их объединения за счет лишения Буэнос-Айреса его привилегий, то Митре стремился осуществить это объединение под эгидой последнего. Одновременно Митре предполагал введение единой для всей страны конституции и отмену межпровинциальных пошлин. Иначе говоря, резкие грани между федерализмом и унитаризмом стали стираться по мере проявления в них тенденций к объединению страны. Развитию этих тенденций мешали старые распри, личные счеты, а главное — существовавшие еще «интересы Буэнос-Айреса», «интересы Энтре-Риоса» и т. д. Это нередко придавало политической борьбе черты, которые были характерны для «старого федерализма» и «старого унитаризма».

Начало своего правления Уркиса ознаменовал рядом законодательных мер, которые завершили разрушение режима тиранической диктатуры. Главные подручные Росаса были сурово наказаны. Получили возможность вернуться на родину многочисленные эмигранты. Были отменены декреты Росаса, которые предусматривали всевозможные репрессии за «политическую неблагонадежность». Вновь стали работать муниципальные учреждения. Была объявлена свобода печати.

11 апреля 1852 г. состоялись выборы в Законодательное собрание провинции Буэнос-Айрес. Большинство получили сторонники Митре, а также Валентина Альсины, поборника сохранения за Буэнос-Айресом всех его привилегий.

20—31 мая того же года в городе Сан-Николас-дель-Арройо состоялось созванное Уркисой совещание губернаторов провинций. Там был поставлен вопрос об избрании столицы государства. Всем было очевидно, что наиболее подходящим местом для этого является город Буэнос-Айрес, уже давно сложившийся хозяйственный и общественно-политический центр страны. Но сказывались традиционные предубеждения и взаимные страхи. Некоторые настойчиво требовали, чтобы, в случае если выбор падет на Буэнос-Айрес, он был «федерализован», т. е. выделен из состава одноименной провинции. Однако Буэнос-Айрес, город и провинция, слишком долго составляли единое целое. Они были связаны установившимися торговыми и политическими отношениями, от которых имели обоюдную выгоду. Решение в упомянутом выше духе вызвало бы неминуемое восстание. Чтобы избежать новой междоусобной войны, губернаторы постановили снять вопрос с повестки дня совещания. Но то, что вопрос о единой для всего государства столице был поставлен, говорило о росте в стране объединительных тенденций.

О том же говорило соглашение, принятое в Сан-Николас, которое утверждало Уркису Временным правителем Аргентинской конфедерации, наделяя его широкими полномочиями. Он был руководителем внешней политики государства, верховным главнокомандующим, ответственным за поддержание порядка в стране. Соглашение предписывало создание единой национальной армии, ликвидировало внутренние пошлины, вводило свободу судоходства по р. Паране и Уругваю, объявляло общегосударственной таможенную Буэнос-Айреса. На август

1852 г. был назначен созыв Учредительного конгресса страны в городе Санта-Фе.

В июле 1852 г. Уркиса заключил договор с Парагваем, признав его независимость и предоставив ему право судоходства по рекам, пересекающим Аргентину. Против этого раньше всегда восставал Буэнос-Айрес, охраняя свою торговую монополию. Теперь сторонники бежавшего Росаса, последователи Альсины и поклонники Митре забыли о разногласиях и объединились в стремлении не допустить перемен. Они готовились совершить государственный переворот.

Однако воинские части отказались выступить против Уркисы. Он сам срочно прибыл в город и арестовал заговорщиков. Но обстановка оставалась напряженной, а правитель должен был выехать на Учредительный конгресс в Санта-Фе. Желая добиться примирения, Уркиса амнистировал заговорщиков.

Но этот примирительный жест не смягчил олигархию Буэнос-Айреса. 11 сентября 1852 г. Альсина поднял мятеж и захватил власть в провинции. Было объявлено, что любые решения, принятые в Санта-Фе, не будут признаны обязательными для Буэнос-Айреса, что правитель лишен полномочий представлять провинцию во внешних сношениях Конфедерации.

Уркиса оказался перед дилеммой: примириться со случившимся или начать междоусобную войну? Он избрал средний путь: не затевать решительной борьбы, пока не консолидируются силы Конфедерации, пока не определится, насколько прочны позиции сепаратистов Буэнос-Айреса. Чтобы расшатать эти позиции, Уркиса издал декрет, по которому товары Буэнос-Айреса приравнивались к товарам, поступившим в Конфедерацию из-за границы (с соответственным их таможенным обложением). Город Парана был провозглашен столицей Конфедерации.

Буэнос-Айрес, формально отстояв свои прежние привилегии, потерял теперь одну из главных и наиболее выгодных — быть торговым посредником, лишился преимуществ, опираясь на которые Митре предполагал идти к объединению, — влияния и богатства главного портового города страны. Иначе говоря, экономические, а вместе с ними и морально-политические связи провинций Аргентины уже не могли быть разорваны без ущерба для них.

Поэтому Буэнос-Айрес, не подчиняясь властям Конфедерации, не заявлял открыто о выходе из нее. Он готовился направить войска, чтобы разогнать Учредительный конгресс в Санта-Фе, но не сделал этого. Более того, сторонники Митре настояли на участии в нем представителей Буэнос-Айреса. Альсина был избран губернатором этой провинции большинством всего в один голос. За пределами столицы полковник Лагос поднял восстание с требованием участия Буэнос-Айреса в выработке общенационального соглашения. У Лагоса оказалось столько приверженцев, что его силы начали угрожать Буэнос-Айресу. Уркиса направил в помощь Лагосу свои войска.

На Ла-Плате шла война, а в Санта-Фе делегаты провинций подготавливали текст аргентинской конституции, которой суждено было без больших изменений просуществовать более 100 лет. Конституция была принята 1 мая 1853 г. Она синтезировала в себе освободительные идеи войны за независимость, принципы, лежавшие в основе конституции США, идеи Хуана Баутисты Альберди, тенденции к национальному единству. Составителями конституции были крупнейшие авторитеты в области политических и правовых вопросов (Гутьеррес, Горостиага и др.).

Конституция объявляла неприкосновенность частной собственности, равенство граждан перед законом, свободу личности, слова, печати и т. д. В условиях Аргентины эти буржуазные правовые нормы отражали скорее тенденцию развития, чем истинный характер существовавших отношений. Феодальные пережитки в этой стране еще долго довели над буржуазным правом. Но, став

государственным, это право оказалось немаловажным фактором в становлении и утверждении буржуазных отношений в стране. Становлению и утверждению этих отношений способствовали также статьи конституции, по которым вводились единые общенациональные таможенная и денежная система, единая система мер и весов, свобода судоходства по рекам страны и другие установления, содействовавшие укреплению и развитию внутреннего рынка, внутренних связей.

Согласно конституции 1853 г. бывшие Объединенные провинции и бывшая Конфедерация стали именоваться «Аргентинской нацией», которая образовала Федеративную республику с единой для всей страны столицей (временно такой столицей стал город Парана). Законодательная власть в государстве осуществлялась двухпалатным конгрессом. Он состоял из палаты представителей и сената. Члены палаты избирались по одному от 20 тыс. человек, сенаторы — по два от каждой провинции и столицы. Выборы устанавливались двухстепенные. Женщины были лишены избирательного права. Ограничивались гражданские права иммигрантов. Для избрания на некоторые посты вводился имущественный ценз.

Исполнительная власть принадлежала президенту. Президент мог объявлять войну и заключать мир, вводить осадное положение. Он был главнокомандующим всех вооруженных сил страны. Ему принадлежало право амнистии. Он назначал (с согласия сената) членов Верховного суда. В его функции входили разработка, утверждение и промульгация законов. Иначе говоря, в руках президента сосредоточивалась очень большая власть, которая должна была способствовать централизации всей государственной власти в ранее разобщенной стране. 13 февраля 1854 г. президентом республики был избран генерал Уркиса.

Принцип федерализма нашел свое выражение в праве провинций избирать губернатора и всех остальных должностных лиц, а также иметь собственные конституции. Однако положения этих конституций должны были укладываться в нормы общенациональной конституции. Для пресечения сепаратизма федеральному правительству вменялось в обязанность в случае необходимости осуществлять «интервенцию» в дела провинций: вводить осадное положение, приостанавливать действие конституционных гарантий, посылать федеральные войска, устранять незаконно установленную власть.

Конституция 1853 г. была важным рубежом на пути к консолидации аргентинского государства и аргентинской нации. Но в указанный год Буэнос-Айрес не признал решений, принятых в Санта-Фе. Мир между ним и Конфедерацией был заключен 8 января 1855 г. Он продлился четыре года. 20 мая 1859 г. военные действия возобновились. 23 октября у городка Сепеда войска Уркисы разбили армию Буэнос-Айреса, возглавляемую Митре. 11 ноября между враждующими сторонами был подписан акт, по которому Буэнос-Айрес признавал себя частью Конфедерации, отказываясь от претензий на самостоятельное государственное существование, одобрял конституцию, принятую в Санта-Фе.

5 марта 1860 г. Конфедерация избрала нового президента — Сантьяго Дерки. Он решил завершить подчинение Буэнос-Айреса. 3 ноября 1860 г. был издан декрет, согласно которому в пользу Конфедерации должны были отчисляться все поступления таможни Буэнос-Айреса, превышавшие бюджетную смету. Правительство Буэнос-Айреса, возглавляемое Митре, категорически отказалось выполнять предписания декрета. Обе стороны взялись за оружие. На этот раз военное счастье оказалось на стороне Митре. В битве при Павоне 17 сентября 1861 г. армия Уркисы потерпела поражение. Но так как Митре был выразителем объединительных тенденций, то начавшиеся переговоры привели к компромиссу; вопросы государственного устройства подлежали решению на предстоящем конгрессе всех провинций Аргентины.

Военные удачи и неудачи предшествующей борьбы изменяли крен движения, придавая ему более «федералистский» или более «унитаристский» характер, но это было неуклонное движение страны к единству составлявших ее провинций. История Аргентины после свержения Росаса была историей превращения федерализма в федеральный унитаризм, который олицетворялся Уркисой, и превращения унитаризма в унитарный федерализм, который олицетворялся Митре.

Конгресс провинций собрался 25 мая 1862 г. в Буэнос-Айресе. Митре внес предложение об избрании города, где собрались делегаты, столицей республики. Альсина и его сторонники выступили решительно против. Споры закончились еще одним компромиссом. Буэнос-Айрес был объявлен временной столицей. Но его таможня переходила в общенациональное ведение. Связанные с этим материальные потери могли увеличить число «альсинистов» и спровоцировать новую междоусобицу. Поэтому было решено, что в течение 5 лет уровень доходов провинции Буэнос-Айрес будет поддерживаться на уровне 1859 г. за счет государственного обеспечения. Конгресс провинций объявил о проведении через месяц выборов в конгресс республики в соответствии с конституцией 1853 г.

5 октября 1862 г. президентом аргентинской нации стал Бартоломе Митре. Жизнь государства стабилизировалась. Это стало очевидным даже для Испании, которая полстолетия не признавала аргентинской независимости. Она сделала, наконец, этот неизбежный шаг в 1863 г. И все же годы правления Митре не были спокойными. Уркиса вел себя лояльно, но в нем видели федералиста и претендента на государственную власть. На севере страны не без труда удалось подавить восстание генерала Пеньялоса — соратника и сторонника Росаса. Олигархия Буэнос-Айреса нервно ожидала, когда настанет срок провозглашения города столицей страны, собираясь сохранить для себя максимум привилегий. К внутренним прибавились внешние осложнения. 1 мая 1865 г. страна вступила в войну.

Парагвайская война уже упоминалась. О ней пойдет речь позже. Скажем только: в Аргентине еще не были окончательно оставлены планы включения Парагвая в состав аргентинской территории — на том основании, что он когда-то входил в вице-королевство Ла-Платы. Несправедливая война против Парагвая была непопулярна. Она оказалась чрезвычайно трудной, принесла увеличение налогов, дискредитировала правительство.

Митре не раз приходилось подавлять восстания в отдельных провинциях, где война возрождала умерший было дух сепаратизма. Армию разрушало дезертирство. В 1867 г. Аргентина была уже почти не в состоянии продолжать военные действия. Из трех военных союзников войну вела в основном Бразилия. Но когда в 1870 г. военные операции были закончены, Аргентина получила свою долю контрибуции и часть парагвайской территории.

В 1868 г. в Аргентине на пост президента был избран Доминго Сармьенто (1868—1874). Он выступал противником сохранившихся пережитков унитаризма и федерализма, энергично стремился превратить свою родину в передовую страну. Он был тверд при проведении своей политической линии и одновременно достаточно гибок в отношениях с противниками.

Окончание Парагвайской войны позволило Сармьенто обратиться к решению экономических вопросов, которые, как и политические, были неотделимой частью процесса консолидации государства. Было расширено строительство железных дорог — этого важного рычага укрепления и расширения внутреннего рынка, прочного звена, объединяющего провинции, артерии, несущей в глубь страны буржуазные отношения. В 1871 г. в стране была организована первая сельскохозяйственная и промышленная выставка. В следующем году открылся национальный банк.

Правительство покровительствовало светскому образованию, стремилось

ограничить влияние католической церковной иерархии, содействовало росту просвещения. Были основаны Академия наук, первая в стране астрономическая обсерватория, военное и военно-морское училища. Строились школы, госпитали, библиотеки, музеи, благоустраивались города.

Большое внимание правительство уделяло привлечению иммигрантов: для освоения огромных просторов страны, расширения промышленного производства, внесения новых идей и передового опыта. За время правления Сармьенто в Аргентину прибыло около 300 тыс. иммигрантов.

Страна принимала облик быстро развивавшегося и хорошо управляемого монолитного государства. Однако сказывались живучесть политических предрассудков, сопротивление политике Сармьенто со стороны ретроградов, два основных зла аргентинской действительности — латифундизм и английское влияние.

Сармьенто вел несправедливую истребительную войну против индейцев. Захваченные у индейцев земли оказывались в руках крупных землевладельцев, которые увеличивали свои поместья, и в руках английских компаний, осуществлявших железнодорожное строительство. Так развитие буржуазных отношений, в частности связанное со строительством железных дорог, шло наряду с укреплением позиций латифундистов и английского капитала за счет земель уничтожаемых индейцев.

Нужды аргентинских тружеников, в частности гаучо, никого не интересовали. Им не досталась захваченная у индейцев земля, они по-прежнему в большинстве своем были неимущими пастухами, зависимыми от помещиков, батраками на помещичьих полях. По-прежнему европейские иммигранты, как правило, становились пленниками латифундистов, теряли приобретенную землю. И гаучо, и иммигранты пополняли ряды аргентинских пролетариев. Только отдельные «счастливчики» из иммигрантов, главным образом приехавшие в страну с более или менее значительным капиталом, сумели быстро и благополучно войти в новую жизнь, положив начало тем аргентинским семьям богачей, которые и поныне носят итальянские, английские или другие иностранные фамилии.

При Сармьенто в Аргентине продолжало увеличиваться английское влияние в значительной мере в результате займов, которые брало у Англии аргентинское правительство, а также в результате вложения английских капиталов в железнодорожное строительство. Однако в полной мере это влияние сказалось несколько позже: Сармьенто мог еще заблуждаться и искренне верить, что он использует англичан и их капиталы только с выгодой для своей страны.

Политика централизации управления, укрепления общегосударственной власти, а также введение нового Гражданского кодекса неизбежно в той или иной мере ограничивали произвол местных каудильо, самоволие провинциальных политических лидеров. Недовольство тех и других этим обстоятельством сливалось с фрондой клерикалов, которые не могли простить правительству его стремление расширить светское образование и действовать независимо от церковных сановников. Дело дошло до военного конфликта. Он был спровоцирован убийством бывшего вождя федералистов генерала Уркисы.

Генерал Уркиса был губернатором провинции Энтре-Риос. И именно в этой провинции федералисты старого толка подняли в апреле 1870 г. антиправительственный мятеж. Их возглавил генерал Лопес Хордан. Они ворвались в столицу провинции Сан-Хосе, убили губернатора и двух его сыновей. Сепаратисты-реакционеры считали Уркису изменником федерализму за его лояльную политику в отношении центрального правительства. От руки убийцы пал один из крупнейших политических деятелей Аргентины, который первым повел ее, насколько это позволяли в ту пору условия и его собственные предрассудки, по пути прочного объединения.

Хордан объявил себя правителем провинции Энтре-Риос. Поднятый им мятеж он пытался представить как движение в защиту прав притесняемых гаучо. Гаучо вначале поверили ему. Они составили ядро его армии. Так в аргентинских условиях повторился известный исторический феномен. Труженики земли, разоряемые процессом капиталистического развития, оказались на стороне тех, кто играя на их религиозном фанатизме, привязанности к традиции и привычному укладу, использовал их справедливое недовольство растущим гнетом в тщетной попытке остановить поступательное движение страны.

Хордан продержался у власти недолго. Захватив Сан-Хосе в апреле 1870 г., он 26 января следующего года был разбит войсками Сармьенто. Хордан и немногие уцелевшие главари мятежа бежали за границу.

В 1873 г. Хордан возвратился в Аргентину и вновь поднял восстание в провинции Энтре-Риос. В том же году его сторонники совершили покушение на Сармьенто. Стрелявший в президента промахнулся, что было счастливой случайностью для главы аргентинского правительства. Но в любом случае попытка Хордана возродить старый федерализм была обречена на неудачу. Аргентина в основном перешагнула через него еще раньше — в период правления Уркисы. Если война за независимость явилась колыбелью политического и государственного самоопределения аргентинского народа, то период правления Уркисы, Митре и Сармьенто был временем его политического и экономического возмужания, периодом консолидации аргентинского государства, активного формирования аргентинской нации.

В 1874 г. президентом Аргентины был избран Николас Авельянеда. Он во многом продолжал политику своего предшественника. Но именно при нем начало заметно ощущаться наступление английского капитала, который все в большей мере становился партнером и союзником латифундистов. Союз этих сил мешал Аргентине, ставшей теперь единым государством, быстро двинуться вперед в своем экономическом и социальном развитии.

Кроме того, Авельянеда не обладал динамичностью политической инициативы, свойственной его предшественнику. Он уступил церкви, допустив клерикалов в систему образования. На политическую авансцену вышли представители латифундистской олигархии: вначале Адольфо Альсина, ставший членом кабинета, а затем «герой» уничтожения индейцев генерал Рока, занявший в правительстве пост военного министра. Если прежде олигархия, пользуясь своими связями и влиянием в провинциях, противостояла центральной власти, то теперь она, черпая силы из того же источника, стремилась овладеть государственной властью, использовать ее для защиты своих интересов, богатства и политического влияния.

Задача олигархии в этом направлении облегчалась тем обстоятельством, что при всем положительном вкладе, который был сделан в развитие страны ее правительства после свержения Росаса, все они представляли ту же землевладельческую олигархию, которую ход исторического процесса и ее собственные экономические интересы вынуждали в тот период пойти на консолидацию государства, на принятие необходимых для этого прогрессивных мер, носивших буржуазный характер. В руки латифундистов перешли земли, отнятые у индейцев, земли, которые были выделены в фонд иммигрантов, земли, отнятые у задолжавших соседей, разорившихся крестьян. За время относительного политического спокойствия число латифундистов увеличилось, но в несравненно меньшей степени, чем размеры латифундий. Все преимущества в борьбе за землю оказывались обычно на стороне богатого, влиятельного и сильного, а не того, кто стремился стать таковым. Новое законодательство не изменило социальных отношений в деревне. Сохранились барщина, издольщина, аренда, т. е. все институты экономической и внеэкономической власти помещика, державшейся на насилии, принуждении и традиции.

Иначе говоря, вместе с консолидацией страны увеличивалась экономическая и политическая власть латифундистов. Это сказывалось на хозяйстве страны, как правило, замедляя его развитие. Так произошло, например, с распространением пшеницы на плодородной земле Аргентины. Культура ее была хорошо знакома переселенцам из Европы. Большинство из них отправлялось за океан с мечтой возделывать землю, сеять пшеницу, но мечта их не могла осуществиться. Пшеница отвоевала себе место на земле Аргентины только тогда, когда в ней оказались заинтересованы помещики.

Рост овцеводства и особенно зернового хозяйства, обусловленный в первую очередь спросом английского рынка, способствовал активизации усилий, принимаемых некоторыми помещиками для рационализации своего хозяйства, для привлечения свободных рабочих рук, улучшения агротехнических методов. Но эти признаки обуржуазивания помещиков были еще незначительны.

Экономическая и политическая мощь латифундистов, сосредоточение в их руках основных богатств сельскохозяйственной страны, финансовая зависимость Аргентины от Англии и конкуренция английской промышленности чрезвычайно сужали поле деятельности аргентинской буржуазии. Местная промышленность, которая развивалась с ростом железнодорожного строительства, городов и портов, с увеличением товарности сельского хозяйства, находилась в зависимом положении. Она сталкивалась с властью земельных магнатов и английского капитала почти в любом роде предпринимательской деятельности.

Но если местная промышленность оказывалась в зависимости от латифундистов и английских капиталистов, то не были свободны от зависимости и сами латифундисты, привязанные к английскому рынку. Их доходы в значительной мере определялись ценами на этом рынке. Аргентинцы всегда продавали дешевле, чем покупали, так как покупать им приходилось дорогостоящие промышленные товары. Такое неравноправие возмещалось помещиками за счет жестокой эксплуатации аргентинского землепашца, пастуха, рабочего фригорификов и других трудящихся. Именно на базе их эксплуатации возник и держался неравноправный, но достаточно прочный и выгодный для обеих сторон союз между английским капиталом и аргентинскими латифундистами. Неравноправность этого союза усугублялась финансовой зависимостью страны.

Финансовая задолженность Англии и привязанность к английскому рынку определяли политическую зависимость страны, неизбежные уступки англичанам в области коммерческой и предпринимательской деятельности. Это стало обнаруживаться особенно четко после того, как с поста президента ушел Авельянеда, который незадолго до этого добился еще одной крупной победы на пути консолидации государства: он подавил мятеж, поднятый провинциальной олигархией Буэнос-Айреса, и сумел убедить конгресс провозгласить наконец город Буэнос-Айрес постоянной столицей Аргентинской республики.

На выборах 1880 г. победил генерал Рока. С этого времени в стране была установлена неограниченная власть крупных землевладельцев и наиболее состоятельных торговцев, связанных с латифундистами и английским капиталом. Рока (1880—1886) и сменивший его Хуарес Сельман (1886—1890) своим поведением и характером правления очень напоминали Росаса. Кумовство, обогащение за счет государственной казны, использование аппарата государства для сведения личных счетов стали обычным явлением в политической жизни страны.

Эхом ушедших времен острой политической борьбы звучал голос старого Сармьенто. Он критиковал существовавшие политические нравы, особенно резко обрушиваясь на пороки католической церкви, которая в Аргентине служила мощным орудием власти олигархии. Ее прелаты наставляли духовенство и паству покорно служить сильным мира сего, оправдывая одновременно произвол и паразитизм «богом данных» господ.

В ответ на обличительные заявления Сармьенто церковь объявила ему войну. Но она ее проиграла. В борьбе с привилегиями и мракобесием церкви объединились многообразные силы и интересы. Против церковников выступили прогрессивные элементы страны. Они стремились нести в народ новые идеи, освободить образование от церковного контроля, очистить родину от феодального наследия, олицетворяемого церковными привилегиями и правами. Против воинствующего католического духовенства выступили иммигранты некаатолического вероисповедания. Одобрительно отнеслось к антиклерикальной кампании английское правительство, желавшее приобрести религиозное равноправие для своих подданных в Аргентине. В кампанию включились те из помещиков и буржуа, которые рассчитывали получить церковные земли и имущество в случае проведения секуляризации.

В создавшихся условиях, осложнявшихся все более растущим недовольством властью олигархии, правительство сочло для себя невыгодным становиться на сторону церкви. Более того, оно без энтузиазма и очень медленно, но переходило к поддержке антиклерикальной кампании. Это сулило три преимущества: государство могло поживиться церковным имуществом; оппозиция режиму направлялась в узкое русло антиклерикальной борьбы; правительство присваивало себе лавры борца за «прогресс и цивилизацию».

Позиция правительства оказалась в какой-то мере спровоцированной политикой Ватикана, который пытался грубо вмешаться во внутренние дела Аргентины. Особенно скандальным было поведение папского нунция Маттерны, которому было предложено покинуть страну.

Отношения Аргентины с Ватиканом после этого не возобновлялись до 1900 г. Тем временем правительство приняло меры по ограничению прав церкви. Из университетов уволили преподавателей-ретроградов. Был издан закон о всеобщем бесплатном светском образовании (религиозное образование допускалось в специальных духовных семинариях). Правительство приняло меры в направлении секуляризации церковных земель, ввело гражданский брак и предоставило право муниципалитетам иметь собственные кладбища. Это были важные и прогрессивные нововведения, наносившие удар по прерогативам церкви, по ее привилегиям в области образования.

Не все, однако, обстояло так, как было написано в законах. В условиях тогдашней Аргентины — бедность населения, противодействие помещиков, разбросанность жилищ в сельской местности, мизерность выделяемых на образование средств, недостаток учителей, далеко не изжитое влияние духовенства — закон о всеобщем бесплатном образовании, например, не мог проводиться последовательно. К концу века более 60 % населения страны оставалось неграмотным. И тем не менее этот закон был большим шагом вперед, определяя прогрессивную тенденцию в деле школьного образования, давая если не фактическое, то моральное право на это образование детям всех аргентинских граждан, независимо от их общественного положения.

Антиклерикальная борьба в Аргентине того времени была опосредствованным выражением недовольства большинства аргентинского народа существующим режимом, при котором безраздельно господствовала кучка земельных магнатов и столичных купцов-богачей, баснословно наживались английские дельцы и финансисты. Поэтому, когда, казалось бы, олигархия могла спокойно использовать плоды своего политического маневра в ходе антиклерикальной борьбы, для нее возникли трудности невиданных доселе размеров. В стране подымались еще молодые, но уже мужавшие социальные силы.

Жизнь аргентинской деревни, хотя и сохраняла прежние феодальные пережитки, приобретала все больше признаков, говоривших о развитии в ней буржуазных отношений. Эти признаки были гораздо очевиднее в городах, прежде всего в Буэнос-Айресе. В 1895 г. в стране насчитывалось более 24 тыс.

промышленных предприятий, где работало около 175 тыс. рабочих. Однако крупнейшие (фригорифики, банки, железные дороги) принадлежали иностранцам (в Буэнос-Айресе около 92 % всех промышленных предприятий).

Небольшие предприятия полукустарного типа, где хозяином был аргентинский средний или мелкий буржуа, всегда находились под угрозой разорения и поглощения английским капиталом. Такое положение не могло не вызывать недовольство аргентинской буржуазии, которая терпела к тому же притеснения со стороны чванливых чиновников олигархического правительства, со стороны помещиков, терроризировавших своим своеволием целые города и провинции, страдала от государственной налоговой политики.

Недовольство своим положением все активнее проявляли рабочие. Трудовой день для них длился не менее 10, а иногда и 15 часов. Условия труда были чрезвычайно тяжелыми. Рабочего законодательства не существовало. На предприятиях трудились дети. Женщины получали заработную плату более низкую, чем мужчины. Получившим на работе травму никаких пособий не полагалось. А пострадавших было очень много (слабое освещение, отсутствие мер безопасности). Произвол хозяев, управляющих, надсмотрщиков не имел границ. Зарплата нередко выдавалась бонами в хозяйскую лавку. Авансы и задолженность делали рабочего долговым рабом. В грязных, темных и переполненных бараках людей косили болезни.

Недовольство существующими порядками в среде аргентинской буржуазии и пролетариата в 90-е годы XIX в. стало выливаться в движение протеста. Так как главными соперниками аргентинских буржуа и угнетателями рабочих были олигархия и иностранный капитал, то пути их борьбы порой совпадали. Так, те и другие участвовали в антиклерикальном движении. Но различие в социальном положении — эксплуататора и эксплуатируемого — предопределяло противоположность их коренных интересов, классовую борьбу между ними.

Стихийная борьба аргентинских рабочих против эксплуатации получила толчок к организации в значительной мере под влиянием рабочих-иммигрантов. Многие из них оказывались в Западном полушарии, спасаясь от преследований за революционную деятельность у себя на родине. Поэтому, в частности, оказалось возможным создание в Аргентине в 1872—1874 гг. такой передовой формы объединения, как местное отделение Международного товарищества рабочих. В Буэнос-Айресе были созданы три секции (французская, итальянская, испанская) и одна секция в Кордовском университете. Значительная заслуга в этом деле принадлежала соратнику Карла Маркса и члену I Интернационала Раймонду Вильмару.

С середины 70-х годов в стране стали создаваться первые профессиональные союзы: типографских рабочих, каменщиков, булочников, сапожников. В 1878 г. «Союз типографских рабочих Буэнос-Айреса» провел первую организованную и успешную забастовку, добившись временного сокращения рабочего дня (до 12 часов летом и 10 часов зимой). В январе 1882 г. немецкие социалисты Г. Лальман, А. Кун и Ф. Вебер основали клуб «Форвертс», который через четыре года стал издавать свою газету под тем же названием. В 1888 г. возник социалистический кружок. Вильгельм Либкнехт и Алехандро Пейрет представляли рабочие организации Аргентины на I конгрессе II Интернационала в Париже (1889). В 1890 г. в Аргентине впервые состоялась первомайская демонстрация, в которой приняла участие около 3 тыс. рабочих Буэнос-Айреса. В 1891 г. была основана «Федерация трудящихся», но через год она распалась из-за слабых связей между отдельными профсоюзами.

Большое влияние на рабочих оказывала руководимая Лальманом газета «Эль обреро» («Рабочий»). «На арене борьбы политических партий в Аргентине,— говорилось в номере от 12 декабря 1890 г.,— мы выступаем в качестве

поборников пролетариата... Этот новый класс был вдохновлен высокими идеями современного научного социализма. Борьба пролетариев за улучшение своего экономического положения неотделима от активного участия как класса в политической жизни страны... Мы не устанем призывать наемных рабочих: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Относительная слабость промышленного производства в стране и большой приток испанских и итальянских иммигрантов, в значительной мере пропитанных идеями анархизма и анархо-синдикализма, дали почву для распространения этих идей среди аргентинских рабочих. Идеиные разногласия приводили к ослаблению единства пролетариев. Относительная малочисленность и слабость рабочих организаций объяснялась в большей мере преимущественным влиянием на рабочих буржуазных лидеров и буржуазных организаций, которые к концу 80-х годов развили бурную деятельность. Буржуазия тогда впервые выступила со своими собственными требованиями, составив оппозицию правительству олигархии.

1 сентября 1889 г. в столичном парке Флорида представители интеллигенции и студенчества создали митинг, на котором присутствовало несколько тысяч человек. Участники митинга решили создать «Гражданский союз молодежи» для борьбы за точное исполнение конституционных установлений, за пресечение коррупции и кумовства в государственном аппарате, за расширение полномочий органов местного самоуправления. В этом важном общественном начинании принял участие последний из могижан эпохи «просвещенного либерализма» Бартоломе Митре, вскоре, правда, уехавший в Европу. Наиболее видным и энергичным создателем «Гражданского союза» был Леонардо Алем — ранее активный участник актиклерикального движения. Накал страстей на митинге достигал такой степени, что неоднократно раздавались призывы к свержению существующего режима.

Правительство Хуареса Сельмана, напуганное неожиданным для него выступлением столичной молодежи, зная о своей непопулярности в народе, решило ослабить недовольство изменением в составе кабинета. Из него были выведены наиболее одиозные фигуры. Сделав эту уступку общественному мнению, правительство одновременно мобилизовало все имевшиеся в его распоряжении силы полиции. Они были приведены в действие для разгона упоминавшейся первомайской демонстрации 1890 г. Готовились к борьбе и противники правительства. В конце мая того же года под руководством Алема была создана Революционная хунта. В нее вошли Иполито Иригойен, Х. Б. Хусто, Л. Де ла Торре и другие решительные противники правительства. Хунта поставила перед собой задачу подготовить вооруженное восстание. Своими союзниками она стремилась сделать армию и флот, тем более что многие молодые офицеры и учащиеся военных школ разделяли взгляды «Гражданского союза». Экономический кризис 1890 г. способствовал росту в стране революционных настроений.

26 июля 1890 г. вооруженные силы хунты — Гражданский легион, созданный Алемом, и несколько воинских частей — выступили против правительства. Однако недостаточная организованность действий и сравнительная малочисленность повстанцев не позволили осуществить намеченный план. Не поддержали повстанцев своим огнем перешедшие на их сторону корабли военного флота. Первый день восстания не принес перевеса ни одной из враждующих сторон. Дело ограничилось перестрелкой отдельных отрядов. На следующий день на помощь восставшим пришли жители столицы. Корабли повстанцев начали обстрел правительственных зданий и районов сосредоточения войск. Положение правительства оказалось критическим.

Вместо того чтобы развить наметившийся успех, генерал Кампос, руководивший военными действиями повстанцев, вступил в переговоры с пред-

ставителем правительства генералом Рока, тогда министром внутренних дел. Было заключено перемирие. После его окончания военные действия не возобновлялись. Повстанцы как бы признавали противников победителями. Но и «победители» не считали свое положение прочным. Через два месяца после июльских событий Хуарес Сельман ушел в отставку. Его место занял Пельегрини (1890—1892).

Руководители июльского восстания понимали, что сами упустили победу. Они готовились взять реванш. Алем и Иригойен летом 1891 г. создали оппозиционную политическую партию под названием «Гражданский радикальный союз». Эта партия объединила в своих рядах главным образом аргентинскую национальную буржуазию, мелкую и среднюю. Но ее требование демократизации режима находило поддержку в широких кругах народа. Партия распространила свое влияние на провинции. Одновременно с политической деятельностью руководители «Гражданского радикального союза» готовили вооруженное восстание, на этот раз более тщательно, чем прежде.

В третью годовщину событий 1890 г., 26 июля 1893 г., радикалы вновь взялись за оружие. Учтивая, что в столице правительство проявляло бдительность, радикалы выступили в провинции. Им удалось захватить город Санта-Фе, столицу одноименной провинции, и несколько других городов. Два с лишним месяца шли бои. Правительству нового президента Луиса Саенса Пеньи (1892—1895) с трудом, но удалось добиться победы. В начале октября повстанцы капитулировали.

Радикалы были уже силой, способной на политическое выступление, на восстание, но недостаточно мощной, чтобы самостоятельно свергнуть власть олигархии. Радикалы вели пропаганду своих идей в среде рабочих, хотели использовать их в своей борьбе, но не стремились сделать своими сильными союзниками. Они опасались рабочих, начинавших осознавать свои классовые интересы. Борьбе радикалов оставалось чуждым крестьянство, судьба которого радикалов почти не занимала.

Июльские события 1890 и 1893 гг., не внеся существенных изменений в государственное устройство страны, оказали большое влияние на ее политическую жизнь. Аргентинской буржуазии отныне принадлежала в ней активная роль. Одновременно буржуазия проявила черты, которые обнаружили ее политическую слабость. Символично поэтому судьба ее наиболее смелого и решительного руководителя — Леонарда Алема. После поражения восстания 1893 г. он застрелился, не желая мириться с действительностью и не видя перспектив для дальнейшей борьбы с существующим злом. Символично, что его несколько более умеренный соратник Иполито Иригойен, придя позже к власти и сделав немало для своей страны, так и не посмел начать окончательную борьбу с господством латифундизма и иностранного капитала. Он же санкционировал кровавую расправу над рабочими в «трагическую неделю» января 1919 г.

Проникновение идей социализма в аргентинское рабочее движение и опыт событий 1890 и 1893 гг. содействовали тому, что пролетариат начал активнее искать самостоятельный путь освобождения.

После 1893 г. число забастовок на аргентинских предприятиях возросло. Лозунг борьбы за 8-часовой рабочий день стал постоянным лозунгом рабочих Аргентины. В 1896 г. в стране была создана Социалистическая партия. Ее основателями были А. Кун, Г. Мюллер, Г. Лальман, А. Пиньеро, Х. Инхеньерос и Х. Б. Хусто, избранный председателем партии (он был первым в Аргентине переводчиком «Капитала» Маркса). Создание Социалистической партии явилось важной вехой в истории аргентинского рабочего движения. Партия принимала активное участие в повседневной экономической и политической борьбе пролетариата, внося в нее классовое содержание и сознание.

Восстания 1890 и 1893 гг. почти совпали с началом важных перемен, происходивших в тогдашнем мире. Капитализм вступил к этому времени в империалистическую стадию своего развития. Эта стадия характеризовалась, в частности, широкой экономической и политической экспансией крупнейших держав в слаборазвитые страны. Именно в такие отношения вступили в конце XIX в. Англия и Аргентина.

Английский капитал внедрялся в Аргентину издавна и прочно там укрепился еще в середине XIX в. В 1880 г. сумма английских инвестиций в Аргентине составляла 20 млн. фунтов стерлингов. В 1890 г. она составляла 157, через десять лет — 207, еще через десять лет — 300, а к 1913 г. — 358 млн. Аргентина была для Англии районом самых крупных капиталовложений в странах Латинской Америки.

Американские капиталисты сумели основать в Аргентине мощные frigoríficos («Свифт», «Армур», «Вильсон»), там действовал филиал американского банка «Нэшнл сити бэнк», ряд американских предприятий по производству консервов и т. д. Но американские инвестиции в Аргентине в 1913 г. были еще в 46 с лишним раз меньше английских. Англичане на 50% контролировали аргентинскую внешнюю торговлю. Аргентину тогда называли «пятым английским доминионом».

Подчинение экономики страны иностранному капиталу не означало, однако, полного омертвления аргентинской промышленности. За промежуток времени с 1895 по 1914 г. в Аргентине вместо 24 тыс. стало 48 тыс. промышленных предприятий. Получили развитие горнорудная, металлургическая и нефтеперерабатывающая промышленность, что было новой чертой аргентинской экономики, прежде занимавшейся почти исключительно производством и переработкой продуктов сельского хозяйства. Правда, три четверти аргентинских предприятий, при этом крупнейших, принадлежали иностранцам, часть предприятий была в совместном владении.

Происходили изменения и в сельском хозяйстве. Здесь главное место прочно заняло земледелие, отеснив животноводство на второй план. Размеры обрабатываемых земель только в первое десятилетие XX в. выросли больше чем на 75%. Увеличилось производство сельскохозяйственных продуктов, что стимулировалось английским спросом и расширяло размеры аргентинской внешней торговли. Появились новые отрасли хозяйства: виноделие, сахароварение, производство табака.

Рост аргентинской промышленности и торговли несколько усилил экономические позиции местной буржуазии. Эти позиции укреплялись, в частности, тем, что в стане олигархии появились трещины. Развитие капитализма в стране уводило часть помещиков, правда небольшую, в сторону предпринимательской деятельности. Все более часто проявлялось стремление к постепенному преобразованию хозяйства на капиталистический лад. Помещикам-предпринимателям нормы буржуазного права, которых добивались радикалы, уже не казались столь чудовищными, как прежде. Разоряемые латифундистами помещики помельче с ненавистью смотрели на власть олигархии. В борьбе между собой различные группы латифундистов искали опоры у капиталистов разных стран, образуя проанглийские, профранцузские и прочие течения. Старая вражда между поставщиками мяса и зерна обострилась в связи с желанием первых вернуть свое прежнее господствующее положение.

В этом многообразии интересов и конфликтов враждебного лагеря радикалы находили возможности для блокирования (на определенный период и для определенных целей) с различными группировками господствующих классов, возможности для политического маневра. Использовали они в борьбе с олигархией и недовольство пролетариата его тяжелым положением. Ранее относительно простая и предопределенная интересами олигархии предвыборная

борьба стала чрезвычайно сложной, и ее исход уже не мог быть наверняка известен заранее. С каждым новыми выборами олигархии все труднее становилось обеспечить победу своих кандидатов. Ей удалось провести на высший пост в государстве своего ветерана Хулио Рока (1898—1904), а потом Мануэля Кинтана (1904—1906). Но вскоре радикалы подняли восстание.

Оно началось 4 февраля 1905 г. в столице и охватило несколько провинций. Радикалы вновь потерпели поражение. Им теперь стало ясно, что наскоками власть олигархии свалить чрезвычайно трудно, что для достижения этой цели нужна систематическая и хорошо организованная политическая борьба. Именно после февраля 1905 г. «Гражданский радикальный союз» был преобразован в политическую партию, ведущую регулярную борьбу за власть в рамках официальной законности. Испарялись романтические иллюзии, политическая борьба становилась практическим делом.

Мануэль Кинтана умер сравнительно скоро после февральского восстания радикалов. Президентское кресло занял Фигероа Алькорта (1906—1910), который вынужден был считаться с радикалами как с полноправной политической оппозицией. Его преемник Роке Саенс Пенья (1910—1914) вступил на пост с обещанием удовлетворить ряд требований радикалов.

Опираясь на свое растущее влияние, радикалы развернули активную парламентскую деятельность. Боясь довести дело до нового вооруженного конфликта, теперь уже более опасного из-за политического веса радикалов, представители олигархии в конгрессе решили уступить. Тем более, что к этому времени усилилось рабочее движение и возросло влияние в нем Социалистической партии. Уступая радикалам, олигархия надеялась увидеть в них своих союзников в борьбе с революционным движением трудящихся. У олигархии были на это основания. Общедемократическое начало постепенно уступало у радикалов место началу чисто буржуазному. Этот процесс должен был ускориться с удовлетворением их требований.

В феврале 1912 г. конгресс принял закон о введении всеобщего избирательного права при тайном голосовании. По этому закону все граждане начиная с 18 лет были обязаны принимать участие в голосовании, что контролировалось внесением соответствующих пометок в паспорт. Наконец радикалы одержали свою первую ощутимую победу, которая означала для них расширение возможностей захвата государственной власти. Одновременно это была победа всего аргентинского народа, в частности пролетариата, позволившая ему принимать большее участие в политической жизни страны.

В мае 1901 г. была основана «Рабочая федерация Аргентины» (ФОА), находившаяся под большим влиянием анархистов. Через два года отколовшись от нее сторонники Социалистической партии создали «Всеобщий союз трудящихся» (УГТ). В 1904 г. ФОА была переименована в «Региональную конфедерацию аргентинских рабочих» (ФОРА). Стачки, проводимые профсоюзами, становились обычным средством борьбы, они проходили более планомерно, чаще приносили победу. Выросла Социалистическая партия. В год своего основания (1896) она впервые приняла участие в выборах в конгресс и получила только 136 голосов. В 1904 г. она сумела провести в конгресс своего первого депутата Альфредо Паласиоса.

В 1905 г. рабочий день на предприятиях Аргентины официально уже не превышал 10 часов. Разумеется, хозяева всячески пытались обойти закон и обходили его, но наличие такого установления облегчало рабочим борьбу за свои права. В том же году значительное число рабочих объединений впервые за десять лет борьбы добилось повышения заработной платы в 1,5—2 раза. Решением конгресса от 6 сентября на предприятиях вводился обязательный воскресный отдых. Это были первые победы, за которыми опять последовали годы тяжелой борьбы.

ПАРАГВАЙ В 1814—1870 ГГ.

С провозглашением республики фактически начался период единоличного правления Франции. Оттеснив своего бездарного и пассивного коллегу Йегроса, он развернул бурную деятельность. Франция твердо придерживался курса на упрочение национальной независимости и решительно выступал против ее врагов — внешних и внутренних. Отвергая попытки объединения Парагвая с остальными провинциями бывшего вице-королевства под эгидой Буэнос-Айреса, он не доверял и проживавшим в стране испанцам. В 1814 г. консулы обязали тех из них, кто еще не получил парагвайское гражданство, пройти регистрацию и запретили им браки с женщинами европейского происхождения.

Купцы и прочие представители городской верхушки, большинство офицеров, духовенство, часть которых поддерживала тесные связи с Испанией и Буэнос-Айресом, выражали недовольство действиями Франции. Зато они импонировали патриотически настроенным слоям населения, обеспокоенным происками роялистов, посягательствами Буэнос-Айреса и португальцев на суверенитет и территориальную целостность Парагвая. Эти круги, где Франция пользовалась репутацией «спасителя отечества», «защитника независимости», сторонника преобразований, готовы были помочь ему установить личную диктатуру.

В октябре 1814 г. собравшийся в Асунсьоне конгресс, представлявший, как и предыдущий, преимущественно сельскую периферию, избрал Францию «верховным диктатором республики» сроком на пять лет. Конгрессу оставались лишь прерогативы совещательного органа и право назначения Верховного суда. Таким образом диктатор сосредоточил в своих руках исполнительную, законодательную, а до образования Верховного суда и судебную власть. За короткое время ему удалось сделать немало. Правительство Франции поощряло торговлю, ремесло, земледелие и скотоводство, строило дороги. Оно изолировало своих противников, приняло суровые меры против воров, грабителей и бродяг, что привело к резкому сокращению преступности. В итоге наметилась тенденция к стабилизации положения в Парагвае, особенно по сравнению с соседними странами, являвшимися ареной междоусобиц и политической анархии.

Все это способствовало росту популярности Франции, который не замедлил использовать ситуацию для устранения последних помех, мешавших реализации его намерений. Умело подчеркивая достигнутые успехи и наличие внешней угрозы молодой республике, он добился того, что 1 июня 1816 г. конгресс предоставил ему пожизненно неограниченные полномочия.

Переход к диктатуре произошел под влиянием ряда факторов. Со времени освобождения Парагвая от колониального ига его независимости угрожали помимо испанских колонизаторов также португальцы и правящие круги Буэнос-Айреса. Чтобы устоять, Парагвайская республика нуждалась в сплочении всех патриотических сил, укреплении и централизации государственной власти, концентрации экономических и военных ресурсов. Кроме того, установлению диктаторского режима благоприятствовали низкий уровень социально-экономи-

ческого развития, обусловивший отсутствие глубоких демократических традиций; слабое распространение прогрессивных идей в связи с отдаленностью и изолированным положением страны; долголетняя привычка к беспрекословному повиновению, выработанная за полтора века существования иезуитских редуций. Немаловажное значение имело наличие энергичного, опытного и авторитетного руководителя.

Эти обстоятельства во многом объясняют, почему возникла диктатура в Парагвае, но они не дают оснований считать ее исторически оправданной, необходимой и закономерной. Конечно, то был далеко не лучший способ решения назревших вопросов.

Главная цель Франции при учреждении диктатуры заключалась в сохранении самостоятельности парагвайского государства — экономически отсталой страны, находившейся в окружении враждебных сил, которые пытались поглотить ее или подчинить своему контролю. Этой задачей на протяжении долгих лет определялась в основном политика «верховного диктатора». Вместе с тем она диктовалась стремлением к ликвидации феодальных порядков, уравниванию классов и проведению других социальных преобразований, навеянных идеями Руссо и Великой французской революции. Однако, признавая в принципе преимущество свободы и демократии, Франсия считал, что Парагвай и другие страны Южной Америки еще не созрели для них. Такие взгляды неизбежно предопределили разрыв между его теорией и практикой. В значительной мере поэтому парагвайская революция, начавшаяся под лозунгами Просвещения, довольно быстро пришла к диктатуре.

Режим Франции пользовался поддержкой населения, которое видело в нем гарантию от произвола привилегированной верхушки. Неудивительно, что оппозиция диктатуре была немногочисленна и недовольство ею испытывали лишь определенные слои асунсьонского общества. Но поскольку противники Франции опирались на влиятельные столичные круги, диктатор счел необходимым принять решительные меры, чтобы пресечь возможные враждебные выступления.

17 июня 1816 г. он запретил устраивать собрания и процессии без предварительного разрешения. Франсия сменил начальников гарнизонов наиболее крупных политико-административных центров. Добиваясь полного контроля над светскими и духовными должностными лицами, правительство назначало и смещало их по своему усмотрению, причем главным критерием являлась политическая благонадежность. Епископ Панес, пытавшийся воспротивиться действиям Франсии, был в 1819 г. отстранен и заменен более послушным генеральным викарием. Декрет 1820 г. допускал вступление в религиозные братства и конгрегации только тех лиц, которые безоговорочно высказывались за полную независимость Парагвайской республики от Испании и любого чужеземного господства. Все священники должны были присягнуть на верность правительству и дать обязательство не предпринимать действий, прямо или косвенно направленных против независимости Парагвая.

Усиление гегемонистских притязаний Буэнос-Айреса в связи с победой унитариев на Тукуманском конгрессе привело к новому обострению отношений между Парагваем и Объединенными провинциями. Вынашивая планы покорения Парагвая, «верховный правитель» Пуэйрредон в качестве средства давления в 1817 г. наложил запрет на ввоз парагвайского табака. Позднее он тайно направил в Парагвай для ведения подрывной деятельности подполковника Варгаса, попавшего вскоре в руки парагвайских властей. Но его соучастники остались на свободе.

Международная обстановка, сложившаяся в 1817—1819 гг. (попытки Буэнос-Айреса и других лаплатских провинций установить блокаду Парагвая, захват парагвайских речных судов, проникновение иностранной агентуры),

заставила правительство Франции принять меры предосторожности. Суда, подымавшиеся вверх по р. Парагвай, могли следовать только до порта Пилар, расположенного в 20 лигах к северу от Корриентеса. Выдача паспортов была прекращена и выезд из страны запрещен. Лица, приезжавшие в Парагвай, тщательно допрашивались и в случае возникновения каких-либо подозрений немедленно интернировались. Последующие события вынудили Францию прибегнуть к еще более крутым мерам.

В марте 1820 г. в столице был раскрыт антиправительственный заговор. В нем участвовали главным образом бывшие офицеры и другие представители креольской знати. Они были недовольны тем, что их отстранили от политического и военного руководства, а опорой режима Франции оказались низшие слои общества. Заговорщики намеревались свергнуть и убить диктатора. Узнав о заговоре, власти произвели массовые аресты: наряду с его участниками в тюрьму были брошены многие предполагаемые противники диктатуры. Готовя расправу с арестованными, Франция считала необходимым подорвать экономические позиции и политическое влияние тех, в ком видел скрытых врагов национальной независимости и возможных союзников внешних сил, угрожавших республике. 9 июня 1821 г. все уроженцы Испании, проживавшие в столице, были взяты под стражу. Их выпустили лишь после уплаты огромной контрибуции.

17—18 июля 1821 г. были расстреляны 16 человек, обвинявшихся в причастности к заговору. Вскоре последовали новые казни. Преследование потенциальных и мнимых противников режима, просто «подозрительных», сопровождавшееся волной ксенофобии, продолжалось и в дальнейшем. Человека могли арестовать и даже казнить по малейшему подозрению, на основании ложного доноса, за неосторожно сказанное слово. Не менее $\frac{1}{10}$ заключенных, томившихся в тюрьмах, составляли так называемые государственные преступники. Многие были сосланы в отдаленные районы. Репрессии осуществлялись также посредством конфискации имущества, штрафов, сноса домов виновных.

Попытки вмешательства извне во внутренние дела страны, в частности связь враждебных Парагваю внешних сил с участниками заговора, заставили правительство Франции с начала 20-х годов усилить изоляцию республики, повысить бдительность, особенно при охране границ, и почти полностью прекратить сношения с окружающим миром. Эта политика являлась вынужденным шагом, в значительной степени навязанным парагвайскому государству самими обстоятельствами — запретительными мерами буэнос-айресских властей и систематическими пиратскими нападениями кораблей прибрежных провинций Энтре-Риос, Корриентес, Санта-Фе на торговые суда. Во второй половине 1820 г. торговля с границей совсем заглохла.

В процессе борьбы с внутренней оппозицией и зарубежными врагами Парагвая за упрочение национальной независимости и государственного суверенитета республики в первой половине 20-х годов сложился авторитарный режим, сохранявшийся без существенных изменений до конца диктатуры.

Власти строго регламентировали и контролировали не только все сферы экономики и общественной жизни, но неусыпно следили за каждым шагом своих подданных. Без санкции местной администрации никто не имел права сменить место жительства и переселиться в другой район. Въезд в Парагвай и выезд из него допускались только с личного разрешения Франции, дававшегося крайне редко. Попытка самовольно покинуть республику рассматривалась как государственная измена и обычно каралась смертью. Переписка с границей подвергалась строжайшей цензуре и постепенно совсем прекратилась. Перестали поступать иностранные книги, газеты, журналы, кроме тех, которые предназначались самому диктатору. С особым недоверием последний относился к иностранцам, оказавшимся на парагвайской территории. Они

находились под постоянным надзором и шагу не могли ступить без специального разрешения правительства.

Франсия значительно сократил численность государственного аппарата и очистил его от многих людей, связанных с аристократической верхушкой или просто враждебных революции, заменив их в ряде случаев выходцами из низших слоев общества. Он добился уменьшения административных расходов, установил весьма скромные оклады чиновникам и офицерам, включая высокопоставленных должностных лиц, вел энергичную борьбу против казнокрадства, взяточничества и других злоупотреблений со стороны правительственных служащих. Хотя Парагвай назывался республикой, фактически всей полнотой власти обладал диктатор. Государство не имело ни конституции, ни представительных органов, национальный конгресс с 1816 г. не созывался. В 1824 г. были упразднены выборные кабильдо, место которых заняли лица, назначенные правительством. Франсия правил единолично при помощи нескольких высших чиновников и офицеров. Судопроизводства как такового фактически не существовало. В провинции суд и расправу вершили местные власти, а при сколько-нибудь серьезных проступках приговор обычно выносил сам диктатор — без предварительного следствия, судебного разбирательства и права апелляции.

Централизация власти достигла невероятных размеров. Все должностные лица, снизу доверху, были простыми исполнителями воли Франсии. Будучи обязаны строго следовать его предписаниям, они самостоятельно не могли принимать никаких решений. Диктатор вникал решительно во все: не говоря уже о политических вопросах, он лично занимался и сельским хозяйством, и торговлей, и поддержанием общественного порядка, и налогообложением, и народным образованием и т. д. и т. п.

Частью правительственного аппарата стала и церковь, экономическая мощь которой, ее претензии на самостоятельную политическую роль и контроль над духовной жизнью народа внушали Франсии серьезные опасения. К тому же он был врагом клерикализма, хотя признавал необходимость религии как консолидирующего морального фактора. Но к католической церкви как общественному институту относился отрицательно, ненавидел священников и монахов за их невежество, ханжество, распутство. Самый чувствительный удар Франсия нанес церкви в 1824 г., издав декрет о закрытии монастырей, секуляризации земель и прочего имущества духовных орденов и корпораций. Этим же декретом вводился гражданский брак. В результате парагвайская церковь лишилась своего экономического могущества и стала послушным орудием государства. Священники получали казенное жалованье и превратились фактически в государственных служащих, беспрекословно выполнявших волю диктатора, который назначал и смещал их по своему усмотрению, а за неповиновение мог бросить в тюрьму. Но ни о каком преследовании религии или ущемлении прав верующих при этом не шла речь. Смысл политики Франсии заключался лишь в том, чтобы поставить церковную организацию на службу своим целям и заставить духовенство внушать народу идею божественного происхождения его власти.

Стремясь укрепить военную опору режима, правительство Франсии провело коренную реорганизацию армии. Ненадежные офицеры (и отчасти солдаты), в основном принадлежавшие к креольской знати, были заменены более лояльными, в большинстве своем выходцами из низов, обязанными карьерой исключительно диктатору. Регулярные войска общей численностью в несколько тысяч человек делились на батальоны и роты. Воинские подразделения дислоцировались главным образом в столице, а частично — на границах и в укреплениях. В армии существовала строгая дисциплина, много времени уделялось боевой подготовке. Франсия сам заботился о вооружении, обмундировании, питании войск, состоянии казарм. Помимо постоянной армии имелось опол-

чение, насчитывавшее примерно 20—25 тыс. человек. В его ряды призывались в случае необходимости все свободные мужчины старше 17 лет, способные носить оружие.

Примерно с середины 1824 г. внутриполитическая обстановка в Парагвае начала стабилизироваться. Волна репрессий пошла на убыль. Аресты по политическим мотивам стали гораздо более редким явлением, а смертные приговоры и казни — единичными. Многие заключенные были освобождены. Диктатор сместил некоторых должностных лиц, допуская злоупотребления и произвол. Переход к более умеренному курсу сопровождался усилиями покончить с вынужденной изоляцией. Франсиа довольно скоро понял, что полный разрыв экономических отношений создает ряд трудностей и, в частности, сопряжен с опасностью ослабления обороноспособности страны. Следовательно, сохраняя жесткий контроль над внешними сношениями республики, надо было найти какую-то возможность, которая позволила бы на определенных условиях импортировать наиболее дефицитные товары, наладить хотя бы ограниченный товарообмен с соседями.

С января 1822 г. возобновились эпизодические рейсы судов, доставлявших в Пилар товары из Буэнос-Айреса и Санта-Фе. Обратным рейсом они везли йербу-мате, табак, кожи, хлопок. Франсиа строго регламентировал порядок речной торговли. В Пиларе производился таможенный досмотр привезенных товаров, и образцы их вместе с накладными и прейскурантами посылались в Асунсьон. Лично проверив качество изделий и продуктов, диктатор утверждал, а иногда произвольно снижал оптовые и розничные цены. Время от времени парагвайским судам разрешалось плавать до Корриентеса и даже дальше на юг.

После того как по соседству с Парагваем образовалось независимое бразильское государство, правительство Франции в феврале 1823 г. открыло бразильцам для коммерческих целей доступ в порт Итапуа на правом берегу Параны. Торговля, которая велась через него, на протяжении многих лет являлась основным каналом, соединившим Парагвай с внешним миром. «Верховный диктатор» детально разработал ее процедуру, весьма напоминавшую порядок, существовавший в Пиларе.

Парагвайцам разрешалась лишь продажа собственной продукции, причем за исключением жителей Итапуа и близлежащих округов вести торговлю могли только те, кто имел специальные лицензии. Они выдавались по предъявлении удостоверения от местных властей о том, что данный человек — «добрый слуга отечества и предан святому делу свободы». Рыночная стоимость парагвайских продуктов тоже контролировалась государством, установившим минимум цен на йербу-мате и табак.

Торговля в Итапуа создавала благоприятные предпосылки общей нормализации отношений с Бразилией. Для этого предстояло урегулировать и некоторые политические вопросы, в первую очередь касавшиеся признания независимости Парагвайской республики и пограничных споров. Бразильская империя со своей стороны нуждалась в содействии Парагвая, чтобы закрепить за собой захваченный португальскими войсками Восточный Берег.

В 1824 г. Корреа да Камара был назначен консулом и торговым агентом Бразилии в Асунсьоне, а в следующем году Франсиа официально принял его в качестве дипломатического представителя императора Педру I. Миссия Корреа де Камара, неоднократно заявлявшего о готовности имперского правительства рассматривать Парагвай как суверенное государство, означала, по существу, что в Рио-де-Жанейро признали соседнюю республику де-факто. В те же годы «верховный диктатор» пытался наладить экономические и иные связи с Англией, с аналогичной целью зондировал почву во Франции, но безуспешно.

Настойчивые усилия Франции завязать отношения с другими государст-

вами во второй половине 20-х годов уступили место более сдержанной, выжидательной позиции, а затем прежнему курсу на самоизоляцию. Этот поворот был вызван новым обострением положения на Рио-де-ла-Плате, возникновением очередной угрозы вооруженной агрессии против Парагвая, попытками его вовлечения в военные конфликты и рискованные политические комбинации. Вследствие начавшейся аргентино-бразильской войны обе стороны хотели заручиться поддержкой или по крайней мере сочувствием Парагвайской республики. Акции, которые предпринимались из этих соображений, внушали подозрение асунсьонскому правительству. Оно видело в них угрозу своей традиционной политике нейтралитета и невмешательства в дела других стран.

Крайняя осторожность Франции объяснялась также опасностью, надвигавшейся с северо-запада. Президент Колумбии и диктатор Перу Боливар, уже давно вынашивая замысел кампании против Парагвая, не оставлял своих планов, которые с освобождением Верхнего Перу получили новый импульс и приобрели более конкретные очертания. 30 мая 1825 г. в письме вице-президенту Сантандеру он высказал идею похода в Парагвай из Верхнего Перу. Несколько месяцев спустя Боливар предложил правительству Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы послать оттуда же военную экспедицию, чтобы общими усилиями свергнуть режим Франции. Но в Буэнос-Айресе не рискнули принять это предложение. Сантандер в свою очередь тоже не согласился с проектом «Освободителя».

Приблизительно тогда же «верховный диктатор» получил послание Боливару, в котором Парагваю предлагалось присоединиться к союзу южноамериканских государств. Отклоняя это предложение, Франция подчеркивал, что «Парагвай... не изменит свою систему».

Окончание войны между Аргентиной и Бразилией отрицательно сказалось на отношениях Парагвая с его соседями. Пока продолжались боевые действия, противники, заинтересованные в лояльности парагвайского правительства, старались не давать ему повода для недовольства. Но как только наступил мир, положение изменилось.

В 1828 г. вновь появилась угроза с юга: губернатор Буэнос-Айреса Дорrego, пришедший к власти в Аргентине, стал готовиться к вторжению в Парагвай¹.

Что касается Бразилии, то настороженность Франции, вызванная стремлением монархии Педру I втянуть Парагвай в опасные военные авантюры, усилилась в связи с повторным приездом Корреа да Камара — на сей раз в ранге поверенного в делах и полномочного министра. У диктатора сложилось впечатление, что бразильская дипломатия ведет двойную игру и уклоняется от договорно-юридического оформления обязательств и заверений, данных во время пребывания Корреа в Асунсьоне. В июне 1829 г. он распорядился выслать представителя империи за пределы страны, что означало разрыв официальных отношений с Бразилией. Примерно к тому же периоду относятся и другие шаги, связанные с прекращением, ослаблением, еще более строгим ограничением контактов с окружающим миром.

«Верховный диктатор» несомненно отдавал себе отчет в негативных последствиях такого внешнеполитического курса. Изоляция являлась для него не неизменной самоцелью и уж, конечно, не капризом или вредной причудой (как подчас утверждали), а лишь средством защиты, к которому парагвайское правительство иногда прибегало в условиях реальной или мнимой угрозы извне для сохранения суверенитета и территориальной целостности республики. Но поскольку Парагвай, несмотря на кратковременное сближение с Бразильской империей, на протяжении почти всей эпохи диктатуры оставался

¹ Он не успел осуществить свое намерение, так как был свергнут и убит в декабре того же года.

во враждебном окружении, запрет или жесткая регламентация сношений с другими государствами стали постоянными атрибутами его политики. Этому способствовали присущие Франции мнительность и болезненная подозрительность, принимавшие подчас гиперболические формы. Вместе с тем самоизоляция имела и внутривнутриполитический аспект, препятствуя свободному общению парагвайцев с внешним миром и проникновению информации.

К 1829 г. окончательно оформилась замкнутая система, образование и сохранение которой являлось своего рода защитной реакцией молодой республики на постоянную угрозу национальной независимости. На протяжении последующего десятилетия, вплоть до самой смерти Франции, политические и дипломатические отношения с другими государствами почти совсем отсутствовали, и попытки извне добиться их установления, как правило, ни к чему не приводили. За редкими исключениями¹, которые существенно не меняют общей картины, изоляция Парагвая с политико-дипломатической точки зрения была в тот период более или менее полной. Однако и в этих условиях правительство, руководствуясь прагматическим подходом, не отказывалось все же от полезных экономических связей.

Изоляционистская политика Франции во многом определила хозяйственное развитие Парагвая в эпоху диктатуры. Отрезанная от внешних рынков, страна была вынуждена самостоятельно производить хотя бы минимально необходимую продукцию, что неизбежно привело к экономической автаркии. Это обстоятельство оказало далеко не одинаковое воздействие на состояние тех или иных отраслей хозяйства.

Внешняя торговля если и не пришла полностью в упадок (благодаря коммерческим операциям в Итапуа и Пиларе), то была, по существу, парализована. Судходство фактически прекратилось. В Асунсьоне и других портах стояло без движения большое количество судов, а на складах скопились и гнили огромные запасы товаров, предназначенных на экспорт. Объем вывоза уменьшился во много раз. Прекращение регулярных внешнеэкономических связей отразилось и на внутренней торговле. Многие купцы разорились и перебрались в сельские районы, где стали заниматься земледелием или ремеслом. Денежное обращение сократилось. В связи с закрытием ряда частных коммерческих предприятий правительство открыло казенную лавку, куда поступали товары, закупленные у бразильцев. Вследствие сокращения торговли лишились работы тысячи людей, занятых переработкой йербы-мате, выращиванием табака и сахарного тростника, рубкой леса и заготовкой древесины, матросы, корабельные плотники и др.

Вместе с тем порожденная изоляцией автаркия способствовала развитию промышленности и сельского хозяйства. Оно происходило не стихийно, а являлось в значительной степени результатом политики Франции. Государство активно вмешивалось в хозяйственную жизнь, направляло ее, регулировало и контролировало производство. Резкое уменьшение импорта оно компенсировало расширением ассортимента отечественной продукции, с тем чтобы обеспечить страну всем необходимым. В то же время сократилось производство экспортных продуктов. Таким образом, сама структура парагвайской экономики претерпела существенные изменения. В связи с ограничением, а затем почти полным прекращением внешней торговли пришлось принять меры к внедрению тех продуктов, которые прежде ввозились. Франция приказал в обязательном порядке возделывать пшеницу и хлопок, разводить рис, кукурузу, овощи.

¹ Так, с приходом к власти в Буэнос-Айресе Росаса между ним и Францией был достигнут компромисс: правительство Росаса обязалось уважать суверенитет Парагвая, а последний — не вмешиваться в борьбу между унитариями и федералистами на Ла-Плате. На такой основе сложился определенный модус вивенди, которого придерживались обе стороны.

Он уделял значительное внимание скотоводству и добился в этой области немалых успехов.

Важное значение для подъема сельского хозяйства имела аграрная политика правительства. В колониальном Парагвае часть земли принадлежала испанской короне. Во второй половине XVIII в. королевский фонд существенно увеличился за счет владений иезуитов. Но он почти не использовался. С провозглашением независимости эти земли перешли в собственность парагвайского государства. В дальнейшем государственный сектор пополнился конфискованными поместьями испанцев, участников антиправительственных заговоров и других противников режима, умерших иностранцев, а также секуляризованными церковными и монастырскими землями. В 1825 г. правительство потребовало от всех землевладельцев документального подтверждения их прав и в 1826 г. конфисковало собственность тех, кто не представил соответствующих документов. В итоге примерно половина Восточного Парагвая (наиболее освоенной и густонаселенной части страны, расположенной к востоку от р. Парагвай) и обширная пустынная область Чако на западном берегу Парагвая, где обитали кочевые индейские племена, оказались в руках государства.

Часть национализированных земель за умеренную плату сдавалась в бессрочную аренду с обязательным условием использовать арендуемые участки для занятия земледелием или скотоводством. Другая же часть государственной земли явилась базой для создания крупных животноводческих хозяйств — «эстансий родини». Они снабжали кавалерию лошадьми, а солдат и городское население — мясом и другими видами продовольствия. При них существовали дубильни, поставлявшие кожу. Этими эстансиями руководили управляющие, назначавшиеся правительством. Франсиа поощрял развитие мелких и средних хозяйств, занимавших около половины территории Восточного Парагвая. Что же касается крупного частного землевладения, которое вообще не получило большого распространения в стране, то его удельный вес в результате проводившейся диктатором политики стал еще менее значительным.

В целом в сельском хозяйстве был достигнут заметный прогресс. Вырос государственный сектор, не использовавшиеся прежде земли теперь обрабатывались, внедрялись новые продовольственные и технические культуры, увеличилось поголовье скота. Развитие этой отрасли экономики стимулировали налоговые реформы первой половины 30-х годов: замена церковной десятины пятипроцентным подоходным налогом на продукцию земледелия и скотоводства, упразднение пошлины на производство йербы-мате и военного налога, отмена налога на скот зимнего приплода, снижение налога на скот летнего приплода и алькабалы.

В условиях экономической автаркии происходил ощутимый рост мануфактур и ремесла. Вследствие ограничения, а затем почти полного прекращения ввоза промышленных изделий для удовлетворения элементарных потребностей населения необходимо было наладить производство продукции, прежде не выпускавшейся в Парагвае. Если раньше в стране вырабатывался лишь один вид ткани из хлопка, то теперь производили и другие сорта, ткали шерсть, изготовляли пончо разной расцветки, лошадиные попоны, гамаки, глиняные кувшины, расписные сосуды для мате. Получили развитие кузнечное, слесарное, ювелирное дело. Были созданы казенные предприятия по изготовлению вооружения и прочей боевой техники: оружейные мастерские в Асунсьоне и Пиларе, мастерская, выпускавшая пушечные лафеты, корабельные верфи, где строились шлюпы, канонерки и прочие военные суда. Хотя технический уровень ремесленного и мануфактурного производства оставался относительно невысоким, его объем значительно увеличился, а качество продукции улучшилось.

Несмотря на резкое сокращение товарооборота финансовое положение республики было неплохим. Уменьшение суммы собираемых таможенных пош-

лин и алькабалы, являвшихся ранее главной статьей государственных доходов, компенсировалось поступлениями в результате конфискации, контрибуций, реквизиций, штрафов, принудительных займов. Кроме того, казна пополнялась за счет внутренних налогов и сборов, выдачи лицензий на ввоз и вывоз товаров, продажи скота, выращенного в «эстансиях родины». Доходная часть бюджета неизменно превышала расходную. И хотя в связи с отменой некоторых налогов и снижением других, а также увеличением бесплатных раздач населению наличность парагвайской казны уменьшилась с 1827 по 1840 г. почти вдвое, сальдо оставалось активным на протяжении всего периода диктатуры.

В системе направляемой экономики принцип правительственного регулирования и контроля применялся не только в производственной сфере, но и при распределении материальных благ. Часть продовольствия, производимого в государственных хозяйствах, распределялась на льготных условиях или раздавалась безвозмездно беднякам. Такого же порядка Франсия придерживалась в отношении скота, одежды и других предметов первой необходимости. Многие нуждающиеся семьи, дома которых сносились по ходу реконструкции столицы, получали денежную компенсацию. В 1821 г. Франсия ввел максимум цен на муку, а в следующем году — на говядину. В 1824 г. он утвердил новые максимальные цены на мясо, а также на кукурузу, маниоку и соль. Чиновник, ведавший столичным рынком, ежедневно определял цены на продукты питания. Продажа дефицитных товаров была строго нормирована.

Обращают на себя внимание и некоторые другие стороны деятельности Франсии. Он ввел обязательное бесплатное начальное обучение (для мальчиков до 14 лет) и регулярно посылал в школы инспекторов с целью проверки знаний учащихся. Учителя получали не только жалованье, но зачастую обеспечивались за казенный счет продовольствием и одеждой. Для воспитания детей неимущих родителей правительство основало в столице несколько лицеев, где учеба была организована на военный лад. Появились также частные учебные заведения. Создание широкой сети начальных школ принесло свои плоды. Как отмечали очевидцы, в Парагвае той эпохи редко можно было встретить неграмотного мужчину. Намного хуже, однако, обстояло дело с женским образованием.

Франсия считал, что задача школы не сводится лишь к обучению детей основам грамоты, а заключается также в том, чтобы воспитать их патриотами и дисциплинированными гражданами, готовыми подчинить личные желания интересам нации и воле правительства. Эти идеи «верховный диктатор» сформулировал в составленном им политическом катехизисе, который использовался в школах в качестве учебного пособия.

Поощряя развитие начального образования, Франсия из страха перед возникновением оппозиции стремился ограничить образовательный уровень народа элементарной грамотностью и помешать формированию интеллигенции. С этой целью он фактически ликвидировал среднее и высшее образование, закрыв к 1822 г. все учебные заведения, кроме начальных школ.

Особенности политического, экономического, социального развития Парагвая после провозглашения независимости и практическая деятельность правительства Франсии свидетельствуют о том, что его политика отвечала в основном национальным интересам и стремлениям широких кругов общества. Конгресс, представлявший большинство населения, вручил в свое время диктатору неограниченную власть прежде всего для того, чтобы оградить молодое государство от внешней угрозы. К тому же для мелких и средних землевладельцев, свободных и полусвободных крестьян, мелкобуржуазных слоев и бедноты городов, составлявших главную социальную опору режима, известное значение имело и то обстоятельство, что Франсия выделялся своей ученостью, пользовался репутацией справедливого человека, бесребреника, симпатизировавшего простым людям и выступавшего против знати.

Весь его жизненный уклад отличался необычайной простотой и аскетичностью. Проявляя редкостное бескорыстие, он не только не использовал свое высокое положение для собственного обогащения, но сам снизил почти вдвое оклад, назначенный ему конгрессом, да и тот получал не полностью, а с 1821 г. вообще отказался от всякого жалованья и жил исключительно на личные средства. Этот необыкновенно щепетильный человек не принимал даже скромных подарков. В своих повседневных привычках и домашнем быту Франсиа был крайне воздержан и неприхотлив.

Встречавшиеся с ним люди характеризовали его как интересного собеседника, обладавшего острым умом, обширными познаниями, широтой взглядов, свободного от предрассудков и суеверий, умевшего при желании быть любезным и предупредительным. Однако с теми, кому не доверял или кем был недоволен, «верховный диктатор» держал себя сухо и высокомерно, проявлял по отношению к ним мстительность и беспощадность.

В сложном и изменчивом характере Франсиа причудливо переплетались разные черты. Надменный и нетерпимый, самоуверенный и честолюбивый, непреклонный и упорный в достижении поставленной цели, т. е. человек твердый и решительный, подчинявший свои действия трезвому политическому расчету, он тем не менее был способен порой на добрые чувства, великодушные порывы, гуманные поступки. Франсиа в общем не злоупотреблял (за исключением отдельных случаев) своей абсолютной властью, заботился о нуждах и материальном благополучии народа.

Социальный момент в его деятельности первоначально был выражен довольно слабо. Это объяснялось тем, что классовые противоречия в тогдашнем Парагвае не отличались такой остротой, как в других латиноамериканских странах. От безземелья и феодального гнета страдали главным образом индейцы-гуарани, численность которых в то время была столь невелика¹, что они не могли оказать сколько-нибудь существенного влияния на политику Франсиа. Вместе с тем и проблема ликвидации латифундий не имела там такого значения, как в других государствах Латинской Америки, поскольку крупное светское землевладение не получило в Парагвае особого развития и еще до экспроприации собственности латифундистов существовал обширный фонд свободных государственных земель.

На первых порах политика диктатора исходила преимущественно из желания укрепить свою власть в целях обеспечения национальной независимости. Однако в дальнейшем все более заметный отпечаток на действия парагвайского правительства стали накладывать мировоззрение Франсиа, его взгляды как последователя Руссо и сторонника Великой французской революции, проповедовавшего идею эгалитарного государства, противника феодальных порядков и клерикализма, враждебного знати и крупным собственникам.

По крайней мере на протяжении двух последних десятилетий своей жизни он опирался на низшие и средние слои сельского и городского населения, третируя и подвергая гонениям состоятельные, привилегированные классы, принадлежавшие ранее к колониальной элите. Эта политика не привела, конечно, к исчезновению классового неравенства, социальных различий и контрастов в парагвайском обществе, но способствовала уменьшению его поляризации. Следуя теориям «Общественного договора», Франсиа и в самом деле старался сократить разрыв в имущественном положении между бедными и богатыми, ограничить размеры собственности и влияние последних, оказывал материальную помощь нуждающимся.

«Верховный диктатор» в принципе высказывался в пользу народного

¹ По свидетельству современников, к середине 20-х годов гуарани составляли не более 10% всего населения Парагвая.

суверенитета, неотъемлемых прав человека, свободного обмена, равенства всех людей. Однако он считал, что Парагвай по уровню своего развития еще не подготовлен к тому, чтобы осуществить эти идеи, и нуждается в твердой дисциплине, основанной на безоговорочном подчинении личности государству. Многие в парагвайской действительности первой половины XIX в. и конкретной деятельности Франции в корне противоречило доктринам Просвещения и Французской революции. Реальность общественной жизни Парагвая была очень далека от осуществления концепции Руссо о непосредственном участии каждого гражданина в законодательной власти. В рамках созданной Францией политической системы отсутствовали какие-либо гарантии гражданских прав, да и попросту не существовало такого понятия. Индивидуальные склонности и желания неизменно приносились в жертву государственным интересам. Над населением довели многочисленные обязанности, запреты, ограничения. Это не означает, что народ был предоставлен сам себе и никому до него не было дела. Напротив, утвердившийся в стране режим просвещенной диктатуры носил патерналистский характер. Диктатор действовал во имя народа, стремился обеспечить ему счастливую и спокойную жизнь, накормить и одеть, но хотел облагодетельствовать его «сверху», без участия самих масс. Он полагал, что лучше всех знает, что именно нужно парагвайцам и как этого добиться.

Правление Франции не имело ничего общего с демократией, являлось ее противоположностью и отрицанием. Оно характеризовалось полным отсутствием демократических свобод и институтов. Симптоматично, что любимым героем парагвайского диктатора — последователя энциклопедистов, столь охотно пользовавшегося терминологией Руссо и других просветителей, — был Наполеон. Хотя авторитарный режим отнюдь не редкость для Латинской Америки той эпохи, диктатура Франции — один из немногих примеров строя, лишенного даже внешних атрибутов парламентаризма и конституционности. Вместе с тем Парагвай отличался от других стран латиноамериканского региона, где антиколониальная революция 1810—1826 гг. не привела к сколько-нибудь значительной перестройке социально-экономической структуры, радикальными изменениями экономического и социального порядка, сопровождавшими освобождение от испанского владычества и успешное противодействие гегемонистским притязаниям Буэнос-Айреса.

Конечно, в условиях отсталого, обособленного от внешнего мира Парагвая, при крайне слабом развитии капиталистических отношений и почти полном отсутствии национальной буржуазии, а также малочисленности местной интеллигенции, буржуазные по своей сущности воззрения Франции не были понятны подавляющему большинству сельского и городского населения, составлявшему классовую основу диктатуры. Но поскольку это были низшие и средние слои общества, им импонировали нескрываемая враждебность правительства к богачам и знати, равно как и действия, направленные против крупных собственников, даже если они не сулили непосредственной выгоды. Что же касается раздачи в аренду части государственных земель, централизованного распределения некоторых материальных благ, борьбы против дороговизны, мер по развитию экономики, то эти мероприятия прямо отвечали интересам народа. В то же время режим Франции, несмотря на диктаторскую форму правления, являлся относительно умеренным. Репрессии, проводившиеся главным образом в начальный период диктатуры и затрагивавшие преимущественно некоторых представителей малочисленной испано-креольской верхушки, т. е. узкий круг людей, составлявших до революции колониальную элиту, воспринимались тогда как нормальное явление и не слишком волновали общественное мнение. Большинству же парагвайцев, практически почти или совсем не имевших ни политического опыта, ни представления о демократии, существующий строй казался, видимо, вполне приемлемым.

Все эти обстоятельства обусловили массовую поддержку диктатуры. Число ее противников, не решавшихся, разумеется, выступить открыто, было невелико. Правда, далеко не всех, одобрявших деятельность правительства в социально-экономической области и некоторые другие ее стороны, удовлетворяли порядки, царившие в политической и культурной жизни Парагвая. Но критиковать их вслух никто не осмеливался.

Итак, представляя радикальное направление в испаноамериканском освободительном движении, Франсиа в осуществление его исторических задач пошел дальше, чем кто-либо другой из тогдашних революционных лидеров на субконтиненте. Под его руководством Парагвай не только завоевал и отстоял национальную независимость, но и добился ощутимого прогресса, оказавшись единственной страной Испанской Америки, где произошли серьезные социально-экономические сдвиги. При всей противоречивости и непоследовательности политики Франсиа, несмотря на сохранение феодальных пережитков (и даже рабства), отсутствие четкой социально-экономической программы, неопределенность классового характера диктатуры, эта политика способствовала консолидации парагвайского государства, в известной мере стимулировала рост производительных сил, отдельных отраслей хозяйства и капиталистических отношений. В этом смысле процессы, происходившие в Парагвае рассматриваемого периода, можно характеризовать как своеобразную незавершенную «революцию сверху», призванную покончить с феодальными пережитками и обеспечить проведение буржуазных по своей сути преобразований. Государственное вмешательство в экономическую жизнь, отнюдь не подорвавшее институт частной собственности, не устранившее классовых противоречий и эксплуатации, было проявлением своего рода этатистской тенденции.

Однако самоизоляция страны, централизация и регламентация, отсутствие демократических институтов тормозили этот процесс. Ему мешал и политический строй Парагвая. Диктатура Франсиа являлась, употребляя современную терминологию, «режимом личной власти» в полном и худшем смысле слова, т. е. не ограниченным никакими законами, конституционно-правовыми нормами и представительными учреждениями персональным правлением диктатора. Его характер, взгляды, идейное кредо, личные качества и прочие субъективные факторы в значительной степени определяли действия правительства. Это обстоятельство сказалось и на судьбах Парагвая после смерти Франсиа.

В конце июля 1840 г. во время ежевечерней прогулки «верховный диктатор» попал под сильный ливень, простудился и слег. Почувствовав себя вскоре несколько лучше, он, вопреки настояниям врача, предписавшего ему строгий постельный режим и полный покой, возобновил прежний образ жизни и приступил к обычным занятиям. В сентябре его состояние вновь ухудшилось, но крепкий организм еще пытался бороться с болезнью, пока в середине месяца в ходе ее не наступил кризис. Будучи уже не в силах подняться с постели, Франсиа тем не менее не пожелал отдать какие-либо распоряжения, а неотлучно находившийся при нем врач не осмелился никому сообщить о тяжелом, явно безнадежном положении больного. Вечером 19 сентября началась агония, а на следующее утро он скончался (судя по всему, от кровоизлияния в мозг), не оставив ни завещания, ни указания о преемнике.

К концу дня траурная весть разнеслась по столице. Народ оплакивал Франсиа, хотя многие не решались поверить в смерть всемогущего диктатора до тех пор, пока на следующее утро не были приспущены флаги и не зазвучал похоронный перезвон колоколов кафедрального собора. Зато те круги, которые составляли скрытую оппозицию диктатуре или в какой-то мере критически относились к ней, связывали с кончиной Франсиа надежды на демократизацию режима и другие важные перемены в жизни государства.

Между тем среди приближенных покойного диктатора разгорелась борьба

за власть. Большую активность проявлял личный секретарь Франсии Патиньо. Но его опередили высшие офицеры парагвайской армии, сформировавшие временную правительственную хунту. Пользуясь тем, что в глазах определенной части общества Патиньо был весьма одиозной фигурой, так как считался ответственным за многие акты произвола периода диктатуры, руководители хунты распорядились арестовать его. Не дожидаясь суда, он повесился в тюрьме.

Ограничившись объявлением амнистии и освобождением политических заключенных, новое правительство в остальном придерживалось прежнего курса. В частности, оно не обнаруживало намерения созвать конгресс и ввести представительную форму правления. Это вызвало сильное недовольство, вылившееся 22 января 1841 г. в вооруженное выступление некоторых воинских частей столичного гарнизона. Хунта была свергнута, и власть перешла к триумvirату, составленному из гражданских лиц. Но и этот правительственный орган не спешил с созывом конгресса. В результате 19 февраля в Асунсьоне произошел новый военный переворот. Триумvirат был распущен, и бразды правления взял в руки Мариано Роке Алонсо, занявший пост главнокомандующего вооруженными силами. Его секретарем стал Карлос Антонио Лопес — адвокат по профессии, который в годы правления Франсии жил уединенно в своем поместье, вдали от столицы. Будучи способным и образованным человеком, хорошо разбиравшимся в политических вопросах, он фактически являлся центральной фигурой правительства.

12 марта 1841 г., после 25-летнего перерыва, собрался наконец национальный конгресс, вновь учредивший в Парагвае консулат. Поставленные во главе государства консулы Лопес и Алонсо должны были совместно осуществлять высшую гражданскую и военную власть. Номинально деля ее со своей коллегой, Лопес вскоре оттеснил его на второй план. Проявляя большую энергию и целеустремленность, он быстро завоевал авторитет и популярность среди различных слоев населения. Его широкая эрудиция производила внушительное впечатление. Многие видели в нем человека, который при Франсии находился в опале. Все это при отсутствии демократической системы правления и низком уровне политического развития подавляющего большинства парагвайского общества позволило Лопесу подготовить условия для последующей узурпации власти. Однако в отличие от Франсии он стремился установить режим, который обладал бы внешними атрибутами представительного строя и формально имел под собой какую-то юридическую основу.

С этой целью конгресс принял в 1844 г. первую в истории Парагвая конституцию, провозглашавшую принцип разделения власти, равенство граждан перед законом, их право обращаться к правительству со своими жалобами и претензиями и т. д. Но практически конституция узаконивала неограниченную диктатуру, поскольку предусматривала сосредоточение всей власти (включая командование вооруженными силами) в руках одного человека — президента, избираемого конгрессом на 10 лет, с правом переизбрания. Президентом, как и следовало ожидать, стал Лопес, который в 1854 г. был переизбран на следующее десятилетие. По его настоянию чрезвычайная сессия конгресса внесла в 1856 г. ряд изменений в конституцию с целью увековечить власть Лопеса и сделать ее наследственной. Для этого число депутатов было уменьшено вдвое, а принцип всеобщего голосования заменен системой, основанной на имущественном цензе и других ограничениях. Это практически означало устранение подавляющего большинства народа от участия в избрании депутатов, которое стало привилегией имущих классов. Президенту предоставлялось право назначения вице-президента.

Незадолго до смерти Лопес назначил на эту должность своего старшего сына Франсиско Солано. Когда 10 сентября 1862 г. престарелый президент скончался, сын приступил к исполнению обязанностей главы государства.

16 октября конгресс избрал Ф. С. Лопеса на пост президента республики, который он занимал до своей гибели (1870), продолжая в основном политику отца и сохраняя установленный при нем строй.

В период долголетней диктатуры Лопесов сложный процесс экономического и социального развития Парагвая, начавшийся с его освобождения от колониального ига и превращения в независимое государство, вступил в новую стадию. Хотя преемники «верховного диктатора» сохранили основы созданной им системы, перед ними сразу же встал вопрос о необходимости серьезных политических изменений. Поскольку сокращение торговых и иных связей с внешним миром, утрата традиционных рынков сбыта, невозможность использования научных достижений и технического опыта более передовых государств, отсутствие квалифицированных кадров специалистов стали все больше тормозить экономический прогресс, а упадок торговли не замедлил сказаться на состоянии финансов, с изоляцией надо было покончить.

Вслед за официальным провозглашением независимости республики национальным конгрессом в ноябре 1842 г. суверенитет Парагвая признали его соседи — Боливия (1843), Бразилия (1844), Аргентинская конфедерация (1852), а также другие американские и европейские страны. Падение диктатуры Росаса привело к открытию Параны для парагвайской торговли. В 1853 г. правительство К. А. Лопеса заключило договоры о дружбе, торговле и судоходстве с Англией, Францией, США и Сардинией. В том же году в Европу выехала специальная парагвайская миссия. Добиваясь упрочения международного положения Парагвая и признания его другими государствами, асунсьонское правительство изменило свою первоначальную позицию по отношению к покойному диктатору. Если в первой половине 40-х годов К. А. Лопес одобрительно отзывался о его политике, то со временем правящие круги сочли необходимым «отмежеваться» от одиозной в глазах общественного мнения Америки и Европы диктатуры Франции и противопоставить ей «конституционный» режим Лопеса.

Выход Парагвая из состояния долголетней изоляции оказал благотворное воздействие на его хозяйственную жизнь, которая значительно оживилась. Правительство открыло порты для иностранных кораблей, поощряло внешнюю торговлю и иммиграцию, пригласило из-за границы квалифицированных инженеров и техников, врачей, архитекторов. Государство стимулировало рост товарного земледелия и скотоводства, сбор йербы-мате, заготовку древесины. Большое внимание уделялось развитию промышленности. Стали возникать предприятия современного типа, внедрялись новые средства транспорта и связи. На верфях строились военные и торговые суда. Прокладывались новые грунтовые дороги, каналы, телеграфные линии, появились типографии. Заметно вырос товарооборот. Существенное превышение экспорта над импортом позволило систематически поддерживать активный торговый баланс.

Продолжая политику Франции, правительство Лопеса добивалось дальнейшего усиления роли государства в экономике. С этой целью оно поставило в 1848 г. под свой контроль все леса, в которых производилась заготовка древесины и имелись заросли йербы-мате. Одновременно были национализированы общинные земли 21 индейского селения. В результате большая часть земельного фонда оказалась в руках государства. Значительно возросло число «эстансий родины». Правительство монополизировало доходную торговлю йербой-мате и некоторыми другими продуктами.

Однако наряду с ростом государственного сектора в Парагвае происходил и обратный процесс концентрации частной собственности. Некоторым лицам, в том числе и крупным землевладельцам, было возвращено имущество, конфискованное в период правления Франции, или выплачена денежная компенсация. Отдельные владения по тем или иным причинам вообще не подверглись

экспроприации. Наконец, в 40—50-х годах появилась численно небольшая, но весьма могущественная группа новых латифундистов (связанных с рынком), купцов и предпринимателей в лице самого К. А. Лопеса, его детей, родственников и приближенных. В условиях диктатуры они, обладая государственной властью, располагали огромными возможностями для обогащения. Используя свое положение, Лопес и его окружение приобретали эстансии и плантации, вели торговлю, вкладывали большие капиталы в другие отрасли хозяйства.

Таким образом, в середине XIX в. в Парагвае стала складываться своего рода буржуазная олигархия, представлявшая собою верхушку формировавшейся национальной буржуазии. Олицетворяя частнокапиталистическую тенденцию в развитии парагвайской экономики, эта прослойка в силу своей принадлежности к правящим кругам поддерживала и меры, направленные на усиление роли государства в хозяйственной жизни. Само выделение такой верхушки являлось признаком роста капиталистических отношений.

Развитию капитализма и укреплению буржуазного строя способствовал ряд социальных реформ и других мероприятий. 24 ноября 1842 г. был издан декрет об освобождении детей рабов, родившихся после 31 декабря этого года, по достижении 25-летнего возраста и о запрещении работорговли. Указ 7 октября 1848 г. устанавливал юридическое равноправие индейцев. Правительство организовало полицию, упорядочило судопроизводство, запретило пытки, расширило сеть учебных заведений. Со временем стала практиковаться посылка молодежи на учебу за границу. С апреля 1845 г. в Асунсьоне впервые начала выходить газета «Независимый парагваец».

Правительство Лопесов в целом не изменило режим, установленный Франсией. Оно действовало диктаторскими методами, не допускало гражданских свобод и деятельности оппозиции, сохранило строгую централизацию управления и регламентацию всей экономической и политической жизни. Вместе с тем Лопесы учитывали потребности хозяйственного развития Парагвая, действовали более гибко, осторожно и умеренно, нежели их предшественник. В итоге парагвайская экономика сделала в 40—50-х годах значительный шаг вперед, и страна стала самым богатым и процветающим государством Южной Америки. Но плоды этого материального прогресса все в большей мере присваивались господствующей элите, сосредоточившей в своих руках неограниченную власть. Если политика Франции определялась не столько конкретными требованиями того или иного класса, сколько общенациональными задачами и мировоззрением диктатора, то диктатура Лопесов непосредственно выражала классовые интересы зарождавшейся парагвайской буржуазии, особенно ее привилегированной верхушки.

Процесс складывания капиталистических отношений в Парагвае отличался своеобразием, обусловленным исторически сложившейся структурой сельского хозяйства — главной отрасли парагвайской экономики. Поскольку число эстансий и плантаций крупных землевладельцев было сравнительно невелико, частновладельческий сектор представляли преимущественно хозяйства средних и мелких собственников и арендаторов. На базе таких свободных от феодальных пут хозяйств, основанных на личном труде владельца или арендатора либо на использовании наемной рабочей силы, и происходило главным образом развитие капитализма в сельском хозяйстве Парагвая в противовес другим латиноамериканским странам, где этот процесс протекал в условиях господства латифундий при сохранении докапиталистических форм эксплуатации и иных феодальных пережитков.

Различие социально-экономических систем и путей общественного развития способствовало обострению отношений между Парагваем и соседними государствами, хотя оно вызывалось и другими причинами, в частности стремле-

нием бразильской монархии отторгнуть часть парагвайской территории¹. Вскоре после прихода к власти Ф. С. Лопеса возник конфликт с Бразилией и Аргентиной, вылившийся позднее в затяжную кровопролитную войну (1864—1870).

Прелюдией к ней явилось вмешательство этих стран во внутренние дела Уругвая, где в 1863 г. вспыхнула гражданская война. Действия Аргентины и Бразилии вызвали тревогу в Парагвае, что объяснялось естественным чувством солидарности с Уругваем (ибо сам Парагвай тоже находился под угрозой агрессии со стороны могущественных соседей) и опасением, что утрата им независимости приведет к нарушению равновесия сил в бассейне Рио-де-ла-Платы. Кроме того, парагвайское правительство боялось, что в случае установления иностранного контроля над Уругваем нельзя будет беспрепятственно пользоваться портом Монтевидео и тогда торговля и судоходство Парагвая окажутся в полной зависимости от Буэнос-Айреса.

Вынужденный принять меры предосторожности, Ф. С. Лопес в феврале 1864 г. объявил всеобщую мобилизацию и приказал увеличить численность армии, производство оружия и боеприпасов, приступить к строительству новых оборонительных сооружений. В ответ на вторжение бразильских войск в Уругвай шеститысячная парагвайская армия в декабре перешла границу и заняла южную часть провинции Мату-Гросу. В связи с отказом аргентинского президента Митре разрешить переброску парагвайских войск, предназначенных для действий против Бразилии, через территорию Корриентес Парагвай объявил войну Аргентине, и парагвайцы заняли Корриентес.

1 мая 1865 г. Бразилия, Аргентина и присоединившийся к ним Уругвай заключили тайный договор о союзе против Парагвая. Участники его, заявляя, будто намерены вести войну не с парагвайским народом, а лишь против режима Лопеса, в то же время предусматривали раздел большей части Парагвая, выплату им огромной контрибуции, образование в Асунсьоне нового правительства по выбору союзников и т. д. Таким образом, Парагвай оказался перед лицом мощной коалиции, включавшей два наиболее крупных государства Южной Америки и располагавшей неизмеримо большими, чем он, людскими и материальными ресурсами. К тому же союзники пользовались поддержкой Англии и других капиталистических держав. Отдавая себе отчет в смертельной опасности, нависшей над республикой, парагвайцы проявили мужество и патриотизм, защищая родину.

На первом этапе войны Парагвай имел известные преимущества. Его военный потенциал в силу более высокого уровня социально-экономического развития был в то время выше, чем у противника. Быстро доведя численность армии до 100 тыс. человек (против 75 тыс. вражеских войск), Лопес решил взять инициативу в свои руки. 11 июня 1865 г. его эскадра атаковала бразильский флот на Паране, южнее Корриентеса. В ходе ожесточенного боя часть бразильских кораблей была выведена из строя, однако парагвайцы не сумели выполнить свою главную задачу — прорыв блокады. Незадолго до того 12-тысячная парагвайская армия переправилась через Парану в районе Итапуа и вышла к р. Уругвай. 5 августа она овладела бразильским городом Уругваяна, но через полтора месяца капитулировала перед союзными войсками. Столь же неудачными оказались действия парагвайцев в провинции Корриентес, которую им пришлось оставить.

Поскольку наступательные операции успеха не имели, парагвайское командование в конце 1865 г. приняло решение перейти к обороне. Центром ее стала крепость Умайта́, расположенная на восточном берегу Парагвая, недалеко от его впадения в Парану. В силу своего стратегического положения она являлась

¹ Аргентинская республика, в свою очередь, все еще не отказалась от планов поглощения бывших провинций вице-королевства Рио-де-ла-Плата.

ключом ко всей парагвайской оборонительной системе. В марте 1866 г. 40-тысячная армия союзников вторглась в Парагвай. Однако ее попытки при поддержке бразильского флота овладеть Умайтой были безрезультатны. Союзные войска несли огромные потери, но время работало на них. В феврале 1868 г. аргентино-бразильское командование активизировало боевые действия.

Убедившись, что долго удерживать крепость не удастся, Лопес отвел главные силы в северном направлении. После капитуляции Умайты (5 августа 1868 г.) парагвайцы отступили еще дальше на север и укрепились на р. Пикисири на подступах к Асунсьону. Там в декабре их окружили и в 7-дневном сражении разгромили бразильские части.

В начале января 1869 г. союзники заняли Асунсьон. Однако большинство жителей покинули столицу, а также другие города и селения, захваченные противником, и ушли в леса и горы, чтобы продолжать борьбу, которая приняла партизанский характер. Главным театром военных действий стали горные районы Кордильер, где Лопес создал новый оборонительный рубеж. Для удержания его он мобилизовал все возможные людские резервы, включая мальчиков-подростков. В августе бразильцы начали кампанию в Кордильерах. Они беспощадно уничтожали парагвайцев не только в бою, но и пленных, а также мирное население, не считаясь с полом и возрастом. Одновременно в Асунсьоне было образовано марионеточное временное правительство из предателей-эмигрантов, сражавшихся на стороне интервентов.

Преследуя отряд Лопеса, вынужденный отходить под натиском превосходящих сил противника, бразильские войска 1 марта 1870 г. атаковали его в районе Серро-Кора, недалеко от границы Бразилии. В неравном бою пали последние защитники Парагвайской республики. Погиб и сам президент Лопес.

Таким образом, несмотря на отчаянное сопротивление, мужество и самоотверженность парагвайцев, победу одержала тройственная коалиция. Разгром Парагвая сопровождался его полным разорением и опустошением. На полях сражений, в результате террора оккупантов, от голода и болезней погибло около половины населения, причем среди уцелевших примерно 220—230 тыс. жителей преобладали женщины и дети. Число взрослых мужчин составляло в начале 70-х годов не более $\frac{1}{8}$ общей численности. Бразилия и Аргентина отторгли около половины парагвайской территории и наложили огромную контрибуцию. Отброшенный в своем развитии далеко назад, Парагвай превратился в одну из самых отсталых и малонаселенных стран Латинской Америки.

Вследствие военного поражения и крушения режима Ф. С. Лопеса произошла коренная ломка социально-экономической структуры и политического строя государства. При поддержке иностранных оккупантов к власти пришли крупные землевладельцы традиционного типа (частично — уцелевшие в годы диктатуры, частично — вернувшиеся из эмиграции), немедленно приступившие к ликвидации преобразований, проведенных при Франсии и Лопесах, и к восстановлению прежних порядков. Основой этой политики являлись экспроприация мелких хозяйств и насаждение крупной частной земельной собственности. По окончании войны началась массовая распродажа государственных земель и недвижимого имущества семейного клана Лопесов. Многие бывшие латифундисты получили обратно конфискованные в свое время поместья. Обширные пространства перешли во владение иностранных компаний, которым был открыт свободный доступ в Парагвай. Приобретение земель, концессии, займы и другие формы проникновения чужеземного капитала нанесли серьезный ущерб самостоятельности страны и обусловили ее зависимое положение.

ЧИЛИ В 1818—1914 ГГ.

После освобождения Чили и принятия конституции на пост «верховного правителя» был избран герой и полководец освободительной войны Бернардо О'Хиггинс.

Стране еще угрожали испанские войска, находившиеся в Перу и на острове Чилоэ, а с моря — военные испанские корабли. Поэтому О'Хиггинс энергично занялся созданием регулярной армии и флота.

Но перед «Первым солдатом Чили» стояла не менее важная задача — укрепить независимость страны срочными мерами по ослаблению позиций врагов республики, организации управления и возрождению экономики. И здесь О'Хиггинс проявил исключительную энергию. Были ликвидированы дворянские титулы, утвержден трибунал для рассмотрения дел роялистов, конфискована собственность бежавших испанцев и чилийцев. Взимались налоги для покрытия военных нужд страны. Испанцы облагались специальным налогом. Старые законы, стеснявшие торговлю, были отменены. В руки чилийцев перешло каботажное плавание. Страна начала чеканку собственных денег. Вновь были открыты Национальный институт, закрытый испанцами, и публичные библиотеки.

Деятельность правительства в указанных направлениях встречала поддержку у большинства населения страны, внушая радужные надежды на быстрое и благополучное развитие их родины. Но в жизни Чили были приметы, говорившие о предстоящих осложнениях. Это были, в частности, финансовые трудности, неизбежные для государства, которое долго вело войну с жестоким врагом и начинало новый этап существования. При этом миллионный шестипроцентный заем, взятый у Англии в 1822 г., сразу же поставил чилийское правительство в стесненное положение по отношению к мощному займодавцу, тем более что к услугам англичан приходилось прибегать при создании военного флота и оснащения армии. Необходимость приобретения самого различного вида товаров и отсутствие своих торговых судов привели к тому, что англичане стали важнейшими торговыми клиентами Чили, по существу монополизировавшими всю внешнюю торговлю молодой республики. Английские дельцы селились здесь, приобретали земли, организовывали горнорудные и иные предприятия. В 1824—1825 гг. в Англии была создана ассоциация по эксплуатации чилийских природных богатств с номинальным капиталом в полтора миллиона фунтов стерлингов. Проникновение англичан в чилийскую экономическую жизнь облегчалось в немалой степени тем, что Англия считалась традиционной защитницей независимости Чили. Английский адмирал Кокрэн, командовавший чилийским флотом, выиграл для республики ряд важных морских сражений.

Как и в других странах Латинской Америки, проникновение английского капитала в Чили сопровождалось установлением и последующим укреплением связей между английскими дельцами и земельными магнатами Чили, а также крупными чилийскими торговцами, которые наряду или совместно с англичанами вели внешнеторговые и посреднические коммерческие операции. Им всем было выгодно, чтобы Чили оставалась сельскохозяйственной и горнодобы-

вающей страной, связанной с английским рынком. Они были удовлетворены достигнутым в результате войны за независимость.

Чилийские крестьяне и небогатые горожане, борясь с испанцами, надеялись, что победа принесет им кроме независимости улучшение условий их жизни. Крестьянин мечтал о клочке собственной земли или, по крайней мере, уменьшении кабальных повинностей в пользу помещика. Городской буржуа ждал расширения возможностей для увеличения старых и открытия новых предприятий и мастерских, для неограниченной торговли в собственной стране.

Пока шла война за независимость, пока эта независимость находилась под угрозой, общенациональная задача затемняла различие социальных интересов, разных классов и групп чилийского общества. Упомянувшиеся выше меры, осуществленные О'Хиггинсом, отвечали в какой-то мере буржуазному, революционному содержанию освободительной войны. Но уже в это время начали проявляться социальные противоречия ее участников. О'Хиггинс намеревался отменить майорат. Этот институт был законодательной основой крупного землевладения. Отмена майората должна была расширить круг землевладельцев, что увеличило бы сельскохозяйственное производство, ослабить власть латифундистов, пробить брешь в системе феодальных отношений.

Латифундисты, охраняя свое привилегированное положение и возможность выгодной эксплуатации зависимого от них крестьянства — «кинкилино», не только воспротивились намерению О'Хиггинса покуситься на право майората, но решили обезопасить свое дальнейшее существование, ограничив власть правителя. Они получили поддержку церкви, которая сама была крупным земельным собственником и к тому же не могла простить правительству введенных им ограничений ее доходов, получаемых от населения. Реакционеры умело использовали недовольство, которое возникало в стране в связи с экономическими трудностями и с наличием у О'Хиггинса очень широких полномочий, что многими рассматривалось как узурпация власти. Эти настроения сказались на работе Учредительного собрания. В принятой им новой конституции (30 октября 1822 г.) законодательная власть вручалась двухпалатному конгрессу при многостепенном избрании его депутатов. Исполнительная власть оставалась в руках «верховного правителя». Но она ограничивалась сроком в 6 лет (с правом переизбрания еще на 4 года), а также обязательным утверждением важных постановлений национальным конгрессом. Однако этим противники О'Хиггинса не удовлетворились.

Их все еще страшило влияние «верховного правителя», и они подняли восстание. Оно началось в Консепсьоне. Возглавил его интендант провинции генерал Рамон Фрейре. Восстание распространилось и на другие провинции. 28 января 1823 г. оно охватило столицу. О'Хиггинс вынужден был сложить с себя полномочия «верховного правителя» и покинуть страну. Вскоре была отменена конституция 1822 г.

С падением О'Хиггинса резко приостановилось то социально-революционное развитие, которое нашло выражение в войне за независимость и в реформаторской деятельности «Первого солдата». Простые люди, участвовавшие в восстании против него или не ставшие на его сторону, вскоре увидели, что пошли по ложному пути. О'Хиггинс, кроме прочего, своей строгой властью и энергией заставлял уважать правительственные постановления — насколько это было возможно в стране с недостаточными средствами сообщения и феодальными прерогативами латифундистов. Теперь последние считали себя полными хозяевами не только в своих владениях, но и во всей республике.

Конституция, принятая в декабре 1823 г., отражала влияние церковников на события, которые привели к свержению О'Хиггинса. Она предусматривала запрещение любых публичных богослужений, кроме католических; только католикам позволяла занимать гражданские должности и заниматься ремеслом.

Фрейре, сменивший О'Хиггинса на посту «верховного правителя» (1823—1827), не обладал авторитетом и властью своего предшественника. Страна стала ареной борьбы между светскими и духовными землевладельцами, между унитариями и федералистами.

Ватикану и чилийским клерикалам было мало преимуществ, предоставленных католической церкви молодой республикой. Ватикан к тому же продолжал считать Чили мятежной колонией испанских королей. Соответственно вели себя высшие иерархи чилийской церкви. Антипатриотическая позиция духовенства вызывала естественное недовольство самых широких слоев населения страны. Тем более, что на ее территории — острове Чилоэ — еще находились испанские войска, против которых как раз в то время готовилась военная экспедиция. Ватикан и церковные иерархи Чили не посчитались с народным недовольством и проиграли.

Фрейре изыскивал необходимые для экспедиции средства. Он не встретил поддержки у церкви, обладавшей огромными богатствами. Тогда правитель издал постановление о закрытии ряда монастырей и секуляризации их имущества и земель. В дело вмешался Ватикан, желая воспрепятствовать проведению объявленных мер. В ответ эмиссар папы был выслан из страны, монархически настроенный епископ Родригес Серрилья лишен епархии. Главную роль в стране после этого стали играть светские землевладельцы.

Первая попытка отвоевать Чилоэ закончилась неудачно (март 1824 г.). Вторая попытка была осуществлена одновременно с операциями Боливара против Кальяо в Перу (январь 1826 г.). Чилоэ и Кальяо оказались в руках чилийских и перуанских патриотов. Южная Америка была окончательно освобождена от испанцев.

Все это время шла борьба между унитариями и федералистами. В Чили унитариями были главным образом помещики, которые захватили власть в стране и хотели утвердить ее, централизовав управление. Буржуазия в автономии провинций видела защиту от такой централизованной власти и монополии крупных торговцев Сантьяго. Разумеется, в текущей жизни страны указанное размежевание не было столь четким. Федералистом мог быть помещик какой-нибудь провинции, недовольный правительством, а унитарием — мелкий буржуа, считавший, что дела его при этом правительстве протекают успешно. Играли роль чисто местные интересы, традиционная вражда ряда помещичьих семей, влияния и принуждения.

Политическая борьба в Чили была связана с идеями федерализма и унитаризма сравнительно недолго. В указанные выше годы, когда эти идеи занимали чилийское общество, несколько раз созывалось Учредительное собрание, обсуждались различные проекты конституции и неоднократно происходили вооруженные столкновения. В результате глава государства перестал именоваться «верховным правителем». Он назывался теперь президентом и имел заместителя — вице-президента. Однако главным результатом борьбы было появление на политической арене либералов и консерваторов, которых в начале называли «пипиолос» и «пелуконес»¹.

Под знаменем либералов объединились главным образом чилийская средняя и мелкая буржуазия, разночинная интеллигенция, часть государственных служащих, низшее духовенство, мелкие и немало средних помещиков, которые хотели защитить себя от произвола латифундистов и посягательств последних на их земли и права. Либералы требовали введения и осуществления в стране буржуазных правовых институтов, уравнивающих граждан перед законом, а также ограничения торговой конкуренции иностранцев. Это были для того

¹ Pípiolo (исп.) — пискун, новичок, pelucon (исп.) — парик, в данном случае человек, носящий парик, аристократ.

времени прогрессивные требования, отвечавшие не только узким интересам упомянутых выше слоев населения, но в определенной мере — национальным интересам, стремлениям народных масс страны, которые больше всего страдали от неограниченного всевластия крупных помещиков, распространявшегося не только на деревню, но и на город.

Под знамя консерваторов встали наиболее привилегированные и имущие слои чилийского общества, в значительной мере составлявшие прежде аристократическую креольскую верхушку колонии: латифундисты, высшее духовенство, высшее офицерство. Они занимали главные посты в государстве, между ними существовали многообразные родственные связи.

Так как экономическое положение страны после ухода О'Хиггинса все время ухудшалось, то либералы со всех сторон получали поддержку в критике правительства, которое, как они утверждали, пренебрегало интересами нации. При выборах в Учредительное собрание 1828 г. либералы получили большинство. Поэтому в принятой собранием новой конституции нашли свое отражение их основные требования: свобода слова, печати, равенство граждан перед законом, отмена майората. Конституция была принята 8 августа 1828 г. Избранный в соответствии с ней президент Франсиско Антонио Пинто был либералом.

Консерваторы утратили высшую государственную власть и значительную часть своего политического престижа. Они не хотели мириться с этим. Всю силу своего влияния они употребили на то, чтобы вернуться к власти. Либералы сами дали им повод к организации против них политической кампании. Вице-президентом республики большинством голосов был избран консерватор Ф. Руис Тагле. За ним по числу собранных голосов прошел консерватор — Хоакин Прието. Но либералы отказались признать победу своих политических противников. Они утвердили в должности вице-президента своего кандидата — Хоакина Видуэ. Консерваторы начали вооруженную борьбу. 17 апреля 1830 г. в сражении при Лиркае армия либералов, которой командовал Фрейре, потерпела поражение. Консерваторы захватили власть. Законы, принятые либералами в период их правления, были отменены.

Одержав победу, консерваторы поставили во главе государства одного из своих лидеров — Хосе Томаса Овалье. Однако главную роль в политической жизни страны стал с этого времени играть Диего Порталес, занимавший в кабинете Овалье три поста: военного министра, министра иностранных и внутренних дел. Порталес принадлежал к аристократическому роду, был крупнейшим в Чили коммерсантом и финансистом и выражал интересы помещичье-купеческой олигархии. По своим политическим взглядам Порталес был твердым последовательным консерватором. Однако, понимая значение торговли и промышленности, он стремился способствовать их развитию.

Под влиянием Порталеса и при участии министра финансов Мануэля Ренхифо в стране была продолжена работа, начатая еще О'Хиггинсом. Были окончательно устранены оставшиеся от колониальных времен препятствия внутренней торговле. Были введены подоходный и имущественный налоги, высокие тарифы на ввоз в страну сельскохозяйственных товаров. Последнее — в целях стимулирования чилийского сельского хозяйства. Для тех же целей освобождались от некоторых видов обложения производители технических культур, поставщики сельскохозяйственных инструментов, научных приборов, рыбаки. Каботажное судоходство было закреплено за чилийским флотом. Экономилась государственные средства, в частности за счет сокращения числа государственных служащих. Проводились работы по улучшению портов. В 1835 г. они были соединены паровой линией.

Бурное развитие капитализма в Европе, предъявлявшее все больше требований на продукцию заморских стран, и поощрительная политика чилийского

правительства в отношении торговли и промышленности оказали немалое воздействие на чилийское хозяйство. Росла добыча меди, серебра. В местах их залегаания возникли города. Началась добыча селитры, которая позже, отеснив медь, стала главным продуктом чилийского хозяйства и экспорта. За пять лет, с 1830 по 1835 г., государственные доходы увеличились почти вдвое.

Экономические мероприятия, осуществленные при участии и по инициативе Порталеса, служили консолидации государства, национальным интересам. Но чилийская экономика развивалась при одновременном усилении позиций реакционных аристократических кругов. После скончавшегося Овалье президентом республики в 1831 г. был избран Хоакин Прието, а вице-президентом — Порталес. На деле первую роль в государстве продолжал играть именно Порталес. Победа на выборах усилила позиции консерваторов. Чтобы укрепить их, правительство приняло меры к улаживанию старого конфликта между государством и церковью. Конфискованная при Фрейре собственность монастырей и духовных орденов была им возвращена. В ответ на это папа в 1832 г. санкционировал назначение избранных правительством лиц на епископские посты в Сантьяго и Консепсьоне. Латифундисты и церковь вновь стали политическими союзниками.

Убедившись в прочности своего положения, консерваторы решили нанести удар по наследию либералов — конституции 1828 г. Положения этой конституции уже не претворялись в жизнь, но формально она считалась действующей. 25 мая 1833 г. конгресс принял новую конституцию. Она оказалась сгустком консервативных идей. Эта конституция продолжала действовать без коренных изменений до 1925 г.

По конституции 1833 г. избирательное право предоставлялось только мужчинам (по достижении 21 года), умевшим читать и писать и удовлетворявшим требованиям имущественного ценза. В палату депутатов конгресса могли быть избраны граждане с доходом не ниже 500 песо, а в сенат — с доходом не ниже 2000 песо. При бедности и неграмотности большинства населения и всевластии помещиков в своих владениях и близлежащих городах установленная избирательная система закрепляла власть за землевладельческой олигархией, предоставляла ей все высшие органы управления. Восстановленный майорат служил охране латифундий. Католическая религия объявлялась государственной. За церковь сохранялись многие права (регистрация браков, рождения и т. д.) и ее имущество.

Полномочия президента были поистине всеобъемлющими. У него теперь не было заместителя — вице-президента. Он обладал правом абсолютного вето, назначения всех высших должностных лиц, дипломатов и офицеров, изменения состава кабинета. Президент мог вводить осадное положение. Он был главнокомандующим вооруженными силами страны и главным инспектором полиции. Он назначал членов Государственного совета, который, как и совет министров, выполнял при нем функции совещательного органа. Президент избирался на пять лет и мог быть переизбран на следующее пятилетие.

Столь широкие полномочия предоставлялись президенту для стабилизации установленного порядка: там, где оппозиция могла преодолеть цензовые заслоны, ее должна была сдерживать сильная вездесущая рука президента. Для этой цели была устранена, в частности, присутствовавшая в прежней конституции статья о незаконности преследований по политическим мотивам. Новая конституция содержала статью, по которой изменения в нее могли быть внесены только при одобрении их двумя третями конгресса и президентом при последующем утверждении вновь избранным составом конгресса. Так консерваторы предпринимали все возможное, чтобы сделать свою власть незыблемой. Президентом был избран опять Прието (1836—1841).

Либералы понимали, что власть упущена надолго, что конституционный

путь ее возвращения для них блокирован. Они составили заговор. Его возглавил Фрейре. Генерал снарядил в Перу два корабля и высадился с группой своих сторонников на чилийском берегу. Но заговорщиков постигла неудача. Фрейре был арестован и приговорен к смертной казни, замененной каторжными работами, а позже высылкой из страны.

В связи с тем, что экспедиция Фрейре формировалась в Перу, чилийское правительство стало проявлять к соседнему государству явную враждебность. Между ними и без того существовали острые противоречия. В колониальный период чилийская сельскохозяйственная продукция вывозилась главным образом в Перу. После войны за независимость перуанское правительство стало облагать чилийские товары высокой пошлиной. Чилийцы ответили повышением пошлин на перуанские товары. Началась таможенная война. Дело осложнилось заключением в 1836 г. договора о боливийско-перуанской федерации. Президент Боливии Санта-Крус закладывал основы для предполагаемого им дальнейшего объединения государств Южной Америки под своей властью.

Правительство Чили рассматривало создание конфедерации как непосредственную военную угрозу своей стране. Чилийский флот неожиданно напал на перуанские военные корабли и вынудил их к сдаче. После этого Санта-Крус было предъявлено ультимативное требование расторгнуть договор о конфедерации. Санта-Крус отверг ультиматум. В ноябре 1836 г. правительство Чили объявило конфедерации войну. Во время смотра армии, предназначенной для вторжения на вражескую территорию, ее офицерами был арестован и убит Порталес (6 июня 1837 г.). Это была расплата за крутой нрав и деспотизм.

Военные действия продолжались более двух лет. Чилийцы потерпели неудачу у Арекипы, но позже им удалось захватить Лиму, а потом у Юнгая одержать решающую победу. Санта-Крус бежал. Конфедерация распалась.

После победы хозяйственная жизнь Чили, замороженная войной и чрезвычайными расходами, вновь оживилась. Чилийские товары находили большой спрос за границей, особенно продукты горнодобывающей промышленности. В 40-е годы сравнительно немногочисленные медные рудники Чили поставляли сырье главным образом для английских медеплавильных заводов. В 60-е годы в стране насчитывалось уже более 1,5 тыс. медных рудников, на которых добывалось почти 50% всей мировой добычи этого металла. Весной 1870 г. были открыты залежи серебра в Караколесе, что с лихвой покрыло временный спад в добыче серебра в предшествующие годы. Все большим спросом пользовалась в Европе чилийская селитра. Она становилась одним из наиболее прибыльных предметов торговли, как и гуано. Отдельной отраслью чилийского хозяйства стала добыча каменного угля. Уголь потребляли медеплавильные заводы, ранее использовавшие только английский уголь. Увеличилось число мукомольных, макаронных, водочных, свечных, мебельных, обувных и прочих фабрик. Всего, включая предприятия, которые обслуживали горнодобывающую промышленность, в Чили к 1870 г. насчитывалось более 2 тыс. предприятий (в основном небольших).

Наряду с промышленностью во второй половине XIX в. значительное развитие получило сельское хозяйство. Его продукция составляла около четверти всего экспорта. Главным покупателем была Англия. Развитие сельского хозяйства стимулировалось также ростом промышленности и населения (оно выросло вдвое по сравнению с колониальным периодом, достигнув 1 млн. человек), международными событиями. Крымская война, австралийская и калифорнийские «золотые лихорадки» повысили спрос на сельскохозяйственные продукты, особенно на зерновые. Посевные площади за период с 1842 по 1875 г. увеличились в три раза.

Развитие промышленности, сельского хозяйства и торговли подтолкнуло рост транспорта. В 1852 г. в стране была построена первая железная дорога.

Так находила выход к морю продукция горнопромышленного района Копьяпо. Через 11 лет началось движение по дороге Сантьяго — Вальпараисо.

При всех своих успехах страна не ускользнула из цепких рук Англии. Как и в других государствах Латинской Америки, финансовая зависимость от английских капиталистов и привязанность к британскому рынку с течением времени возрастали, как возрастало проникновение англичан в чилийскую горнорудную промышленность. К 1880 г. в Англии было получено около 10 займов на 8 с лишним млн. фунтов стерлингов. Англичанам принадлежало большое число железных дорог, включая уже упомянутую дорогу Копьяпо — Кальдера, горнорудных предприятий. Многие из чилийских предпринимателей субсидировались английскими дельцами или компаниями.

Проникновение англичан в горную промышленность играло двоякую роль. Оно, с одной стороны, ставило горную промышленность под английский контроль, а с другой — стимулировало ее развитие. Зато конкуренция английских промышленных товаров наносила ощутимый вред местной обрабатывающей промышленности, удерживая ее на уровне полукустарного или кустарного производства. И все-таки наличие богатых полезных ископаемых и достигнутый их экспортом положительный баланс во внешней торговле ставили Чили в более выигрышное положение по сравнению с соседними странами, стимулировали развитие буржуазных отношений. При всей зависимости от Англии чилийская буржуазия, особенно занятая в горнорудной промышленности, явно крепла. Ею было организовано несколько акционерных обществ и банков. Инициативу чилийской буржуазии связывала не только Англия, но и то обстоятельство, что промышленность и финансы были областью, где активной и мощной силой выступали латифундисты.

Латифундистам принадлежали земли, где скрывались сокровища недр, где прокладывались железные дороги. В прямой или косвенной форме латифундисты оказывались дольщиками любой прибыли, не говоря уже об их доходах от земли. Они нередко являлись пайщиками предприятий. Все это стимулировало процесс обуржуазивания помещиков (как и стремление некоторых из них увеличить доходность своих поместий нововведениями). Но процесс этот протекал медленно. Достаточный спрос за границей на продукцию и полезные ископаемые их земель, наличие у них политической власти давали латифундистам все необходимое для ведения паразитической жизни, не требующей предпринимательской инициативы. Присущая классу помещиков консервативность, связанная со стремлением сохранить старые привилегии и власть над зависимыми от них людьми, т. е. феодальные пережитки, тормозила процесс обуржуазивания помещиков. Его тормозила классовая мораль, согласно которой предпринимательство считалось низменным занятием. Таким образом, прогресс в горнорудной промышленности содействовал не столько развитию буржуазных отношений, сколько укреплению позиций и обогащению чилийских латифундистов, росту их политического влияния. При этом социальные отношения в деревне сохранялись такими же, как и полвека назад.

В 1868 г. 70% возделываемой земли находилось в руках 2300 владельцев, остальная — в руках 27 тыс. средних и мелких собственников. Подавляющая же часть сельского населения страны, которая составляла половину всего ее населения, была лишена земли. Сохранялся инкилинат. В упомянутом году одна из чилийских газет писала: «Инкилино — своего рода кочевник, который обрабатывает клочок земли, причем плоды своего труда он должен делить с собственником земли, а также обязан бесплатно выполнять все работы в хозяйстве землевладельца.

Тысячи семей живут в нищете, масштабы которой поражают тех, кто имел случай выехать за пределы города и видеть собственными глазами горькую жизнь крестьянина».

В первой трети XIX в. помыслы прогрессивных людей Чили вращались в первую очередь вокруг главной задачи, перед которой стояла страна, — освобождение от колониального гнета и охрана отвоёванной независимости. Во второй трети того же века страна была уже независимой политически, прошла этап своего государственного становления, начинался процесс развития и роста. Ей нужны были специалисты и рабочие для предприятий, а это сталкивалось с проблемами просвещения и правовых норм. Росла общность людей, живущих в едином государстве, что содействовало становлению и развитию национальной культуры. В связи со всем этим жизнь выдвигала носителей и пропагандистов новых идей, отражавших насущные потребности чилийской действительности.

Одним из виднейших деятелей нового направления являлся Хосе Викторино Ластаррия (1817—1888), просветитель, литератор, социолог, историк, энергично атаковавший косные порядки и устаревшие традиции. Он реорганизовал либеральную партию, отстаивал самобытность страны и стремился положить предел иностранному влиянию на Латинскую Америку.

Видный просветитель, ученый, писатель и поэт Андрес Бельо (1781—1865) ¹ основал в Сантьяго новый университет, который он и возглавил, внося широкую свежую струю в систему образования. Андрес Бельо был великолепным публицистом и полемистом. Его голос громко звучал на страницах тогдашних прогрессивных газет и журналов.

Новые идеи в основе были буржуазными, окрашенными цветами чилийской действительности. В тогдашних условиях эти идеи в значительной мере питали борьбу против неограниченной власти олигархии. Под знамена новых идей вставали различные элементы чилийского общества: и обуржуазившиеся помещики, ищущие большего простора для своей экономической деятельности, и средние и мелкие землевладельцы, желавшие освободить себя от гнета латифундистов и страха обезземеливания, и арендаторы, теснимые и эксплуатируемые землевладельцами. Под те же знамена вставали представители местной средней и мелкой буржуазии, рабочие, увлекаемые призывами к свободе, те инклино, до которых доходил освободительный смысл возникавшего движения. Призывы, формулируемые тогдашними прогрессивными деятелями, отражали общенациональные задачи: просвещения, промышленного развития, демократизации политического режима, ограничения произвола земельной олигархии, введения буржуазного правопорядка.

По-разному в разное время, но сравнительно долго борьбу за решение этих задач вела либеральная партия. Главные ее усилия были направлены на изменение конституции 1833 г., которая закрывала ей путь к государственной власти. Для расширения числа своих сторонников либералы организовали во второй половине 40-х годов несколько обществ и клубов. Эти клубы служили центрами агитации за реформы. В них вовлекались мелкая буржуазия городов и рабочие. В 1850 г. возникла организация, которой суждено было оставить глубокий след в истории Чили. Это было «Общество равенства».

«Общество равенства» основали Франсиско Бильбао и Сантьяго Аркос — антиклерикалы, горячие поборники антифеодальной аграрной революции. Оба они стремились поднять на борьбу народные массы. Оба по своим политическим убеждениям были буржуазными революционерами-демократами. «Общество равенства» и его газета «Друг народа», в названии которых так определенно слышится преемственность идеалов Великой французской революции, вели энергичную антиправительственную кампанию. После нескольких месяцев су-

¹ По месту рождения он был венесуэльцем, но его жизнь и деятельность неразрывно связаны с историей Чили, где он провел долгие годы.

ществования общество насчитывало около 4 тыс. членов, среди которых были представители зарождавшегося рабочего класса.

Как раз тогда, когда «Общество равенства» развертывало свою деятельность, страна готовилась к выборам. Заканчивался второй срок правления президента Бульнеса (1841—1851). Общество вело агитацию, устраивало митинги и демонстрации, требуя конституционной реформы. В ноябре 1850 г. в столице было объявлено осадное положение и деятельность общества официально запрещена.

Наиболее решительные либералы в городах Сантьяго и Ла-Серена подняли восстание. Но плохо подготовленное, оно оказалось изолированным, что позволило правительственным войскам легко справиться с ним. Последовали репрессии: многие либералы оказались в тюрьме, Ластаррия и поэт Эусебио Лилло (автор революционного гимна «Общества равенства») были высланы из страны. Аркос и Бильбао бежали в Аргентину. Новая попытка либералов поднять восстание в Сантьяго (апрель 1851 г.) также окончилась поражением.

Одержав победу, консерваторы удвоили усилия, для того чтобы добиться избрания в президенты своего кандидата — Мануэля Монтта. Они получили желаемое: Монтт стал президентом и, как его предшественник, пробыл на этом посту два срока (1851—1861). Это становилось политической традицией, говорившей о силе власти и влиянии чилийской олигархии.

Эта сила тем не менее, как мы видели, подвергалась испытаниям. При Монтте вспыхнуло новое восстание. Города Ла-Серена и Консепсьон отказались признать законность его избрания и взялись за оружие. Однако мотивы, вызвавшие эти восстания, были различными. В Ла-Серене оно являлось как бы возобновлением подавленного апрельского восстания либералов. В Консепсьоне восстание было инспирировано оппозиционной правительству группой чилийских латифундистов. Они хотели провести на пост президента своего человека.

Против восставших были направлены правительственные войска. 8 декабря сдался Консепсьон, 31 декабря пала Ла-Серена. Однако правительство учло урок. 14 июля 1852 г. был издан закон об отмене майората, в следующем году — об отказе государства взимать десятину. Было уничтожено наиболее одиозное наследие феодализма.

Отмена майората задела всего около 20 аристократических кланов, вернее привилегии их родовых вождей. При этом старые латифундии распались далеко не всегда, так как их прежние владельцы имели в своих руках деньги, влияние и силу, которые позволяли им устранивать претендентов. Более того, некоторые старые латифундии разрослись за счет приобретения земли распадавшихся родовых имений. Латифундисты, традиционные и новые, остались владельцами земли, господами над зависимыми от них крестьянами. В результате отмены десятины, а также отказа разрешить иезуитам вернуться в Чили правительство приобретало новые возможности для маневрирования финансами, освобождаясь от необходимости возвращать иезуитам когда-то принадлежавшее им имущество. В ответ на нападки возмущенных клерикалов Монтт в 1857 г. ввел в действие новый гражданский кодекс. Этот кодекс, расширявший сферу действия норм буржуазного права, затрагивал, в частности, и прерогативы церкви: переходили в ведение государственной власти приходские священники, под ее контроль было поставлено образование, получали право на гражданский брак лица не католического вероисповедания.

Отмена десятины и майората, а также введение гражданского кодекса были результатом своеобразного компромисса между либералами и консерваторами, в значительной мере между буржуазией и помещиками. Буржуазия приобретала немного, помещики почти ничего не теряли. Только церковь испытала ощутимый урон. Ее права были сведены к минимуму (регистрация брака, похороны и т. п.). Компромисс, достигнутый в Чили между консерваторами и

либералами, был уже знаком Европе и другим странам Латинской Америки. Церковь лишалась части своих формальных или фактических прерогатив в области права и землевладения для отведения ударов слева на существующие реакционные порядки. Правительство получало политический выигрыш, выступая в роли борца с косностью, выразителя прогрессивных взглядов.

Монтт и его энергичный премьер-министр Антонио Варас оказались достаточно дальновидными, чтобы сманеврировать и не доводить дело до непрерывных вооруженных конфликтов. Но крайние ретрограды из помещиков и клерикалов усмотрели в реформах Монтта предательское отступление от основных принципов чилийского консерватизма. Они создали Консервативно-клерикальную партию, которая стала правой оппозицией правительству.

Стремясь расширить свою несколько сузившуюся опору, президент создал Национальную партию, которая объединяла умеренных консерваторов и умеренных либералов. Последние увидели в ней орудие для дальнейшей борьбы за реформы без риска вооруженных столкновений, угрожавших их жизни и имуществу. Девиз партии точно отражал ее существо и содержание упоминавшегося выше компромисса «Свобода в рамках порядка».

Наиболее радикально настроенные либералы продолжали борьбу за отмену конституции 1833 г. Одним из виднейших представителей левого крыла либералов был тогда известный историк и политический деятель Викунья Маккенна, участник апрельского восстания 1851 г. в Сантьяго. Осенью 1858 г. он начал издавать газету «Учредительное собрание», название которой говорило о намерении связанных с нею людей изменить государственную систему. Газета просуществовала недолго. Она была закрыта правительством, а ее издатель выслан из страны.

Экономический кризис 1857 г., нарушив нормальное течение хозяйственной жизни в Европе, сказался и на Чили. Ведь страна ориентировала свою экономику на экспорт в европейские страны. Сократилась добыча полезных ископаемых, не находили сбыта сельскохозяйственные продукты, на трудящихся обрушилась безработица, многие из них страдали от голода. Возросшее в связи с этим недовольство облекалось в политической сфере в форму растущей оппозиции правительству справа и слева. Эта оппозиция подогревалась стремлением Монтта, не считаясь с ней, провести на пост президента своего единомышленника Вараса. Либералы решили воспрепятствовать этому любой ценой.

В январе 1859 г. они подняли восстание в нескольких городах страны. Только в апреле правительственные войска сумели сломить сопротивление повстанцев. Но для армии Монтта выросла новая опасность: восстали индейцы-арауканы.

Арауканы несколько веков успешно отстаивали свою независимость. Встали они на ее защиту и на этот раз, когда правительственные войска, действовавшие против либералов, не считаясь с прежними договорами, вторглись на их территорию. Восставшие индейцы два года вели неравную борьбу. Армия Монтта победила индейцев, но не подчинила их. По договору была вновь установлена граница, за которой земля и власть принадлежали араукам.

Упомянутые выше события в условиях экономических осложнений подорвали политическую позицию Монтта. Он решил не обострять положение махинациями по продвижению Вараса на пост президента. Монтт поддержал компромиссную фигуру Хосе Хоакина Переса, который и был избран президентом в 1861 г. Как и его предшественники, он оставался главой государства два срока — до 1871 г.

Хосе Хоакин Перес, осуществляя идею компромисса, которая была связана с его именем во время выборов, создал правительство из консерваторов, представителей Национальной партии и либералов. В работе кабинета сразу же возникли разногласия. Его покинули наиболее радикальные министры,

настаивавшие на изменении конституции. В конечном счете опорой Переса стали те же силы, на которые опирался Монтт,— умеренные консерваторы и умеренные либералы. При этом крупные купцы и финансисты, составлявшие ядро умеренных либералов, денежная мощь и политическая активность которых проявилась в предшествующие годы, стали оказывать большое влияние на государственную жизнь. Землевладельческая олигархия, правившая страной, все больше становилась буржуазно-помещичьей олигархией. Она состояла в основном из земельных магнатов и крупных коммерсантов, связанных с внешнеторговыми операциями, а также банкиров — при преобладании первых и большим влиянии англичан, которые покупали продукцию поместий и рудников, вели с Чили активную торговлю и кредитные операции. Все это сделало ненужным существование промежуточной Национальной партии, и она распалась.

Левое крыло либералов продолжало бороться за изменение конституции. Эту борьбу возглавили Диего Баррос Арана, известный чилийский историк, братья Гальо и братья Матта, которые решили создать новую политическую партию.

В разгар политических перегруппировок перед страной возникла опасность столкновений со старым врагом — Испанией.

Во время Гражданской войны в США, используя их занятость внутренними делами, а также свое сближение с южанами, Англией и Францией, Испания решила, что наступил момент восстановить некогда утраченную власть в Латинской Америке. В марте 1861 г. ей удалось вернуть свое колониальное господство над Доминиканской республикой, чему помогли царившие там внутренние раздоры. Совместно с Англией и Францией Испания в том же году приняла участие в нападении на Мексику. Вынужденная вывести оттуда свои войска, Испания направила их против Перу. Предлогом для нападения на Перу испанцы избрали отказ этой страны удовлетворить требования Мадрида о выплате Испании задолженности, которая числилась за перуанским вице-королевством.

В апреле 1864 г. испанский флот подошел к перуанским островам Чинча и захватил их. Готовность поддержать перуанцев в борьбе выразили все страны Латинской Америки, а Чили — сосед Перу — особенно решительно. В ответ на это испанский флот подошел к Сантьяго, и его командующий потребовал, чтобы присутствие испанского флота в чилийских водах было отмечено торжественным салютом. Правительство Чили отказалось выполнить это требование. Через неделю чилийский конгресс принял решение об объявлении Испании войны. С Перу, Боливией и Эквадором был заключен военный союз.

В Мадриде, где рассчитывали не столько на свои силы, сколько на слабость Перу, не рискнули начать серьезную войну со всей Латинской Америкой. Обстреляв несколько городов побережья, сильно повредив четырехчасовой бомбардировкой чилийский порт Вальпараисо, испанский флот прекратил военные операции и в мае 1866 г. ушел в Испанию.

Война закончилась. Она получила название первой Тихоокеанской войны в отличие от второй, которая возникла в том же районе через 12 лет. Недолгая и не принесшая серьезных военных результатов первая Тихоокеанская война, тем не менее, имела важное международное значение. В год, когда она началась, доминиканцы, используя выгодный момент, вновь отвоевали свою национальную самостоятельность. Бессилие Испании перед единым фронтом стран Латинской Америки подтвердило тот факт, что независимость этих стран от Испании — вопрос, решенный историей навсегда.

С окончанием войны политическая борьба в Чили развернулась с новой силой. В результате в 1871 г. из конституции 1833 г. была исключена статья, допускаявшая избрание президента на второй срок. В желании устранить эту

статью сошлись многочисленные интересы решительных сторонников пересмотра конституции: умеренных либералов, усматривавших в этом для себя возможность большей политической активности, немало числа консерваторов, которые претендовали на власть или хотели передать ее наиболее выгодному для себя претенденту, не дожидаясь лишних пяти лет.

Изменение конституции обострило борьбу за президентское кресло в среде консерваторов и умеренных либералов. Левые либералы создали, наконец, новую политическую партию, которая получила название радикальной партии. Своей главной задачей она ставила отмену конституции 1833 г.

Очень сложные, быстро менявшиеся политические комбинации, с одной стороны, усиливали позиции государственной власти, делая ее более независимой от прихотей олигархии, а с другой — затрудняли выполнение задачи по поддержанию власти этой олигархии в том виде, в каком она была узаконена конституцией 1833 г. В таком положении находилось правительство президента Федерико Эррасуриса Саньярту (1871—1876) и президента Франсиско Анибала Пинто (1876—1881).

В 1873 г. консерваторы, намереваясь перегруппировать свои силы, ослабленные внутрипартийной борьбой, вышли из правительства, чтобы вернуться в него через некоторое время во всеоружии. Воспользовавшись представившейся возможностью, либералы поспешили осуществить давно вынашиваемый замысел. В конституцию были внесены новые поправки.

Поправки эти предусматривали сокращение сроков полномочий сенаторов с 9 до 6 лет и избрание их прямым голосованием. Провозглашалась свобода личности, собраний, печати, организаций. Иначе говоря, время, в ходе которого развивались в стране буржуазные отношения, брало свое. Власть олигархии, вопреки ее воле, приобретала в целом все более буржуазную окраску, а чилийская буржуазия пробивала бреши, которыми пользовалась, чтобы проложить себе путь к государственной власти. Такими именно брешами были поправки к конституции, внесенные в нее в первой половине 70-х годов.

К концу 70-х годов XIX в. чилийский рабочий класс насчитывал 100 тыс. человек (из них 40 тыс. горняков). Как и в других странах Латинской Америки, положение рабочих Чили было очень тяжелым. Жизнь чилийского рабочего в среднем не превышала 25 лет. Особенно тяжелым было положение работавших женщин и детей.

Разрозненные стихийные выступления рабочих против невыносимых условий труда начались на заре появления чилийского пролетариата. Но эти выступления не приводили к облегчению его жизни и заканчивались, как правило, суровыми наказаниями их участников. Да и сам активный протест зарождался редко — до того отупляюще тяжел был труд, до того нереальной представлялась возможность освобождения.

Первые еще очень непрочные рабочие организации стали создаваться в Чили в середине XIX в. Это были главным образом общества взаимопомощи, иногда кружки самообразования. Тогда же наиболее передовые рабочие городов стали вовлекаться в упоминавшиеся выше организации либералов, в частности в «Общество равенства». Несколько позже, зачастую через иммигрантов, рабочие Чили узнали об идеях социализма. Немалое влияние оказывали на рабочих теории анархизма. В 1871 г. была сделана попытка организовать в стране секцию Международного товарищества рабочих. Инициаторами этого начинания были немецкие иммигранты — члены I Интернационала. Они же создали первые кружки, которые пропагандировали марксистское учение. В начале 70-х годов стали выходить первые рабочие газеты. Это были годы экономического подъема, относительно быстрого развития промышленности, увеличения числа рабочих, роста их классовой сознательности.

Борьба за улучшение условий жизни и труда, за права человека вела

постепенно рабочих к осознанию себя как класса. Политическому просвещению пролетариата содействовали общества, создаваемые прогрессивно настроенными представителями чилийской интеллигенции в середине 70-х годов. Наиболее левое и демократическое из них — «Общество Франсиско Бильбао» — было создано в Коронеле в 1878 г. Большинство членов этого общества были рабочие, которые получали там начатки общего образования и политических знаний.

Мировой экономический кризис в 1874—1879 гг., обрушившийся на Чили, особенно ярко выявил существовавшие в стране социальные противоречия между крестьянами и помещиками, рабочими и предпринимателями. Он обострил политическую борьбу. Вновь возник вопрос о правах церкви.

В 1878 г. умер архиепископ Сантьяго Рафаэль Валентин Вальдивieso. Правительство предложило римской курии назначить на вакантное место своего кандидата, который придерживался либеральной ориентации. Но против него выступила группа представителей высшего духовенства Чили, предлагая свою кандидатуру. Церковников поддерживали консерваторы и папская курия. Совместное выступление этих сил вызвало резкую оппозицию со стороны большинства нации. Но клерикалы проявляли упорство, и спор между правительством и церковью грозил перерасти в политический конфликт, подобный тем, которые были памятны чилийцам по временам Фрейре и Монтта.

В момент обострившихся социальных и политических противоречий страна вступила в войну, которая получила название второй Тихоокеанской войны.

Упомянутый экономический кризис 70-х годов XIX в. привел к резкому падению добычи меди, прежде являвшейся основой чилийской горнодобывающей промышленности. Переживало кризис сельское хозяйство. Тем не менее внешняя торговля страны и доходы от нее росли. Этот рост шел за счет увеличения добычи селитры.

Залежи добываемой чилийцами селитры находились на территориях, принадлежавших Боливии (район Антофагасты) и Перу (провинция Тарапака), что приводило к неоднократным осложнениям в отношениях между чилийскими предпринимателями и правительствами Перу и Боливии.

Перуанское правительство президента Прадо, испытывая трудности, связанные с кризисом, решило поправить финансовые дела за счет селитры и одновременно выдворить из страны деятельных чилийских предпринимателей. В 1873—1875 гг. оно издало несколько законов, согласно которым все запасы селитры и оборудование «офисин» (так назывались предприятия по добыче селитры) объявлялись государственной собственностью. Правящие круги Перу действовали тем более решительно, что еще 6 февраля 1873 г. между этой страной и Боливией был заключен тайный договор о военном союзе на случай предполагаемого конфликта с Чили.

Выдворенные из Перу чилийские предприниматели еще более активно стали проникать в район Антофагасты. Боливийское правительство, находясь в столь же критическом финансовом положении, как перуанское, и стимулируемое его примером, а также рассчитывая на союзный договор с Перу, в начале февраля 1879 г. издало приказ о наложении секвестра на имущество «Чилийской селитряной компании», которая действовала на территории Боливии.

14 февраля 1879 г., в день, назначенный для аукциона имущества компании, 500 чилийских солдат высадились в Антофагасте и, не встретив сопротивления, заняли город, водрузив чилийские флаги над общественными зданиями. Так началась вторая Тихоокеанская война, у которой есть и другое название — «Селитряная война». В нем раскрывается ее главная сущность. 5 апреля, когда Чили объявила войну Боливии и Перу, чилийские войска оккупировали всю боливийскую часть пустыни Атакама и часть территории перуанской провинции Тарапака.

Как только началась война, стало известно, что английские держатели

чилийских ценных бумаг решили отложить на пять лет получение причитающихся им амортизационных поступлений и процентов. Солидарность эта была далеко не альтруистической.

Англия была главным торговым клиентом Чили. Что было особенно важно — англичане были кредиторами чилийского правительства и с 1822 по 1875 г. предоставили ему 9 займов, сумма которых к 1880 г. достигла 7,7 млн. фунтов стерлингов. От сохранения и развития чилийской селитряной промышленности зависела в огромной степени судьба английских капиталов.

По численности населения Чили уступала своим противникам почти вдвое (Чили — около 2,5 млн. человек, Перу — около 3 млн., Боливия — около 2 млн.). Сухопутная чилийская армия к началу войны насчитывала от 2,5 до 3,5 тыс. человек, перуанская — до 8 тыс., а боливийская — до 3 тыс. человек, т. е. союзники обладали значительным численным перевесом. В области морских вооружений силы противников были приблизительно равны (учитывая флот Перу и Чили, так как Боливия не имела военных кораблей). У Чили были, однако, свои преимущества. Ее финансы находились не в столь катастрофическом состоянии, как в Перу и Боливии. Чилийская армия была лучше подготовлена к войне и дислоцировалась ближе к месту начавшихся военных операций.

Успешно начатые действия чилийских войск в Атакаме были временно приостановлены вследствие трудностей в снабжении наступающих частей боеприпасами и продуктами питания в тяжелых условиях пустыни и бездорожья. Местом военных операций стали прибрежные воды Тихого океана.

Война на море началась блокадой чилийскими кораблями перуанского порта Икике. Отсюда чилийский флот ушел, держа курс на Кальею, оставив у Икике два небольших корабля — «Эсмеральду» и «Ковадонгу». 21 мая 1879 г. к Икике подошли наиболее крупные суда перуанского флота «Уаскар» и «Индепенденсия». «Уаскар» потопил героически сопротивляющуюся «Эсмеральду». «Индепенденсия», атакуя «Ковадонгу», наскочила на подводные камни, перевернулась и затонула. «Ковадонге» удалось укрыться в Антофагасте.

«Уаскар», самый мощный и быстроходный корабль из всех участвовавших в войне, успешно действовал против чилийских торговых судов, наводил страх на приморские города Чили и прерывал коммуникации между столицей Сантьяго и чилийской армией в Атакаме. Успешному крейсерству «Уаскара» был положен конец 8 октября 1879 г. В этот день у мыса Ангамос он был застигнут новыми чилийскими броненосцами «Кокрэн» и «Бланко Энкалада», которые недавно прибыли из Англии. «Уаскар» капитулировал. 18 ноября сдался еще один перуанский военный корабль «Пилькомайо». Так закончился второй этап войны, вновь принеся успех чилийским вооруженным силам теперь на море.

2 ноября 1879 г. десятитысячная армия с боем высадилась у Писагуа. Через несколько дней перуанская провинция Тарапака была занята чилийскими войсками.

Военное поражение вызвало возмущение в столицах союзников. В Перу власть захватил полковник Николас Пиерола (23 декабря). Боливийская армия, еще не вступившая в бой, восстала против Дасу, ее главнокомандующего и президента страны (28 декабря). Его место занял Нарсисо Камперо.

Чилийские войска продолжали наступление. Два месяца длился тяжелый переход по пустыне под палящим солнцем. 26 мая после жестокого сражения чилийцы вступили в Такну, а 7 июня в Арику. Боливия к этому времени фактически перестала принимать участие в войне. Чилийский флот контролировал побережье океана и обстреливал Кальею. 16 января чилийцы оккупировали столицу Перу. Чилийцы выиграли войну.

Успехи чилийской армии вызвали ажиотаж на лондонской бирже, взвинтив цены на чилийские облигации и акции. Из суммы в 10,5 млн. фунтов стерлингов стоимости чилийского экспорта на долю Англии в 1880 г. приходилось 8 млн.

Английские товары составляли 45 % чилийского импорта. После 1882 г. селитряная промышленность на 84 % находилась в руках англичан.

Пока шли сильно затянувшиеся мирные переговоры между Чили и Перу в Анконе, чилийское правительство, используя боеготовность еще не демобилизованной армии, решило заняться «умиротворением» арауканов. Наступление на них было начато вскоре после взятия Лимы. Два года длились военные операции против мужественных индейцев, героически отстаивавших, как и прежде, свою независимость. Но борьба была неравной. Опытные солдаты, располагавшие современным оружием, сломили сопротивление арауканов, формально признавших власть чилийского правительства.

Во время президентских выборов 1881 г. либералам и радикалам удалось избрать президентом Доминго Санта Мария (1881—1886), который занял твердую позицию в упоминавшемся выше конфликте правительства с церковными ретроgrадами. Отстаивая прерогативы светской государственной власти в вопросе назначения высших церковных сановников, Санта-Мария в 1883 г. пошел на разрыв с Ватиканом, выслал из страны «апостолического делегата». В 1884 г. были проведены законы о гражданском статуте кладбищ: отменены ограничения для похорон, запрещено создание частных кладбищ, все кладбища переходили в ведение муниципальных властей. В том же году церковь лишили прав на регистрацию актов гражданского состояния (браков, рождений, смертей). Был введен закон, по которому ограничивалось и точно определялось право административных и судебных властей на арест граждан.

20 октября 1883 г. в Анконе был подписан мир с Перу. По условиям мирного договора Перу навсегда уступала Чили провинцию Тарапака. На 10 лет переходили к Чили Такна и Арика. По истечении этого срока предусматривалось проведение плебисцита, который должен был решить окончательную судьбу этих территорий. Сторона, которая оказалась бы их обладателем, должна была выплатить другой стороне 10 млн. песо возмещения. 4 апреля 1884 г. было заключено перемирие¹ между Чили и Боливией. По состоявшемуся соглашению вся бывшая боливийская территория между Андами и океаном переходила к Чили.

Расширение чилийской территории за счет новых земель, богатых ископаемыми, послужило толчком к активизации предпринимательской деятельности в стране, увеличению сельскохозяйственного производства, экспортной торговли и государственных доходов. Развитию страны во многом способствовала политика президента Хосе Мануэля Бальмаседы (1886—1891). В кабинете своего предшественника он был министром внутренних дел. К власти Бальмаседа пришел, поддержанный либералами, к партии которых принадлежал, а также всеми, кто справедливо видел в нем человека, стремившегося вывести Чили в ряд передовых стран мира. Для решения этой задачи наиболее важным Бальмаседа считал содействие экономическому развитию республики, предпринимательской деятельности чилийских горнозаводчиков, фабрикантов, торговцев, что означало необходимость борьбы с пережитками феодализма и засильем иностранного капитала.

Как и в других странах Латинской Америки, необходимые преобразования прежде всего коснулись еще сохранившихся привилегий церкви. Став президентом, Бальмаседа направил свои усилия на то, чтобы заменить насколько возможно духовное образование светским и специальным, которое дало бы стране квалифицированные кадры, необходимые для развития промышленности и руководства ею. В период правления Бальмаседы число учебных заведений

¹ Перемирием этот акт был назван, поскольку не были окончательно решены некоторые вопросы, связанные с сепаратным заключением договора о мире перуанской стороной и претензиями Боливии на выход к морю.

значительно возросло, увеличилось число учащихся. Одновременно благоустривались города, расширялась сеть дорог. В 1888 г. было осуществлено важное нововведение: страна получила всеобщее избирательное право. Им не могли в тогдашних условиях в полной мере и свободно пользоваться неграмотные и в значительной части подневольные труженики, но у них было такое право и их борьба за его использование и применение вносила новую, свежую струю в политическую жизнь Чили.

Любая инициатива, любое начинание правительства зависели от возможности распоряжаться государственными средствами. А так как основные доходы в государственную казну в те годы поступали от селитряной промышленности, то именно возможность использовать ее развитие для страны могла стать главным источником прогресса республики. Но селитряная промышленность в значительной мере находилась в руках англичан, а на этой основе они являлись владельцами железных дорог, шахт, домов, предприятий, в первую очередь Норт, Гарвей и другие «селитряные короли». Они не собирались уступить захваченные богатства и политическое влияние. Бальмаседа проявил настойчивость. В 1887 г. при оплате сертификатов, выпущенных еще до войны перуанским правительством под залог селитряных предприятий, чилийское государство получило в свое распоряжение 71 офисину. В том же году правительство Бальмаседы издало закон, запрещающий передачу селитряных земель и предприятий, принадлежавших государству, в частные руки. Для защиты национальной экономики и руководства ее развитием было создано Министерство промышленности и общественных работ. Национальные предприятия получали от правительства заказы на изготовление изделий, которые прежде ввозились. Проводилась покровительственная тарифная политика, помогавшая местным предприятиям бороться с иностранной конкуренцией. Поощрялась иммиграция, способствовавшая увеличению числа квалифицированных специалистов.

Успех в создании государственной селитряной промышленности сулил Чили совершенно новые перспективы развития. Бальмаседа лично — с трибуны конгресса, во время экспедиционных поездок в селитряные области, везде, где было возможно, — старался увлечь людей этими перспективами. Его политику поддерживали многие органы печати, в стране создавалась атмосфера национального подъема и деловой активности. В 1889 г. правительство учредило комиссию, призванную изучать возможности и поощрять развитие селитряной промышленности, содействовать укреплению в ней государственного начала, разрабатывать проекты и рекомендации в этом направлении. Так как Бальмаседа встречал на этом пути недоброжелательное и даже враждебное отношение английских дельцов, то, нуждаясь в средствах, он прибег к займу у немецкого «Дейче банк». Это был первый в истории Чили заем, полученный не от английских капиталистов.

Деятельность Бальмаседы, направленная на хозяйственное развитие и экономическую независимость Чили, его стремление преобразовать страну встречали горячую поддержку чилийских патриотов из самых различных слоев общества, в первую очередь в среде чилийской национальной буржуазии. Именно ее интересы, независимо от его личных побуждений, выражал Бальмаседа своей политикой, содержание которой укладывалось в два значительных слова «Чили — чилийцам!». Этому общему лозунгу Бальмаседа, выступая в конгрессе 1 июля 1889 г., дал конкретное содержание, сформулировав программу намечаемых мероприятий: нельзя допустить, чтобы селитряную промышленность монополизировали англичане; всеми средствами следует стимулировать развитие национальной селитряной промышленности; то и другое требует введения нового, далеко идущего законодательства. Правительство осмелилось провести проверку ряда заключенных сделок, в результате чего выяснилось, что многие

из этих сделок были незаконными, в частности те, в которых участвовал Норт.

Для борьбы с Бальмаседой Норт мобилизовал все находившиеся в его распоряжении силы и союзников, связанную с ним чилийскую и английскую прессу, влиятельных дельцов и политиков, а прежде всего, разумеется, деньги. Однако правительство Бальмаседы игнорировало все попытки Норта вступить в переговоры, решительно и холодно отказывалось от всякого рода презентов. Норту не удалось ни «растопить», ни «затмить» Бальмаседу. Чилийские патриоты остались верны своему президенту, чилийские предприниматели, которые не были связаны с англичанами, ждали с нетерпением осуществления нового законодательства.

Норту пришлось покинуть Чили. Тогда он начал войну против Бальмаседы «по всем правилам» алчного и циничного политика и дельца — войну без правил, без чести, без пощады. Еще до отъезда из Чили Норт установил контакт лично и через своих агентов со всеми противниками Бальмаседы, обещав им прочную денежную поддержку в организации антиправительственного заговора. К несчастью для Чили, внутри страны имелось немало влиятельных сил, которые готовы были выступить против Бальмаседы, опираясь на эту поддержку.

У президента сохранились старые счета с клерикалами. Намерения Бальмаседы страшили консерваторов. Он не скрывал того, что хочет модифицировать конституцию 1833 г. Это было ему необходимо для осуществления задуманных преобразований, для расширения круга людей, готовых поддержать его в реформаторской деятельности. Этому, в частности, служил избирательный закон 1888 г.

Помещики истари были связаны с английскими покупателями продуктов и полезных ископаемых, которые производились и добывались на земле, принадлежавшей этим помещикам. Поэтому последние, так же как связанные с англичанами крупные торговцы-экспортеры и финансисты, легко находили общий язык с агентами Норта, тем более что имели собственные претензии к Бальмаседе.

Оппозиция президенту подогревалась экономическими трудностями, с которыми столкнулась страна. Послевоенный предпринимательский бум отвлек значительную часть капиталов в спекулятивную сферу, вызвал к жизни предприятия, не дававшие прибыли, а то и вовсе фиктивные. Продолжалась инфляция, унаследованная от предшествовавших правительств, которые, взяв заем у банков, разрешили им почти не контролируруемую эмиссию; упали цены на медь на мировом рынке. Умышленно сокращали производство селитряные компании, которые контролировались англичанами. Все это вело к сокращению производства двух главнейших продуктов горнодобычи — селитры и меди, влекло за собой уменьшение поступлений в казну, безработицу, падение торговли, сокращение заработной платы, удорожание жизни. Создавшееся положение давало врагам Бальмаседы благодатную почву для возбуждения недовольства его политикой.

Это недовольство накапливалось не только в зажиточных слоях общества, но и в среде чилийского пролетариата. Безработица, рост дороговизны, сокращение заработной платы прежде всего и сильнее всего задевали рабочих городов, рудников и шахт. Отстаивая свое право на достойное существование, рабочие нередко бастовали. Наиболее организованно и упорно проводились забастовки в селитряной зоне, особенно летом 1890 г.

Отношение Бальмаседы к рабочему движению было непоследовательным. Несмотря на настойчивые требования хозяев, он старался избегать отправки войск для подавления забастовочного движения, зная о тяжелом положении горняков. Но Бальмаседа был президентом буржуазно-помещичьего государства, и его личная гуманность и сочувствие рабочим не могли радикально изменить назначения такого государства, призванного защищать интересы

господствующих классов. Бальмаседа не раз вынужден был санкционировать подавление выступлений рабочих войсками. Так, летом 1890 г. была учинена жестокая расправа над забастовщиками в Вальпараисо. Но сам факт колебаний президента перед принятием решения о посылке вооруженных сил против рабочих делал Бальмаседу нежелательным президентом для хозяев, которые требовали от него твердости в данном вопросе. А так как войска все же стреляли, это восстанавливало рабочих против правительства.

С течением времени положение Бальмаседы становилось все более сложным. При определенных условиях получить политическую поддержку он мог бы от новой партии — демократов, требования которых во многом совпадали с намерениями президента. Но их пути разошлись.

Демократическая партия образовалась в 1887 г. из левого крыла радикалов. Лидером демократов и организатором их партии был Луис Маракиас Конча. Своей целью партия считала борьбу за достижение экономической независимости страны, демократизацию государственного строя, социальное обеспечение для престарелых и больных, расширение обязательного светского всеобщего образования. Демократы не чуждались пролетариата и стремились сделать его своим союзником, желая при этом обеспечить свое идейное и политическое руководство. В демократической партии были приверженцы социалистического учения. Активным пропагандистом социализма был Луис Пенья-и-Лара.

Бальмаседа, будучи патриотом и дальновидным государственным деятелем, умел найти те пути, по которым следовало идти стране, чтобы стать самостоятельной и процветающей, содействовал ее буржуазному развитию. Но будучи представителем определенной среды и сыном своего времени, он не искал, да в то время и не мог найти иных способов осуществления своих планов, чем те, которыми располагал как глава государства с определенной структурой и балансом классовых сил. Демократы были для него оппозицией, он для демократов — представителем олигархии.

Весной 1888 г. из правительства вышел министр финансов Агустин Росас — банкир, связанный с крупнейшими финансистами страны — партнерами английских дельцов. Намерение Бальмаседы создать государственный банк сделало крупных чилийских банкиров его заклятыми врагами. К ним примкнули подручные Норты и других английских селитряных магнатов. Их постоянным резервом были клерикалы и значительная часть консерваторов. При поддержке Норты все эти силы начали подготовку государственного переворота.

В конце 1890 г. правительство Бальмаседы уже не имело большинства в конгрессе и деятельность его в связи с этим была сильно скована. Предусмотренный процедурой созыв конгресса для утверждения бюджета на 1891 г. означал сосредоточение антиправительственных сил в его стенах, безудержную критику кабинета и президента, почти полную невозможность нормальной их работы. Желая оттянуть неизбежный конфликт, Бальмаседа решил не созывать конгресс. 1 января 1891 г. правительство объявило, что бюджет на этот год будет установлен на основе прошлогоднего.

Враги Бальмаседы только и ждали повода для открытого мятежа. Неосторожный, хотя и вынужденный шаг правительства дал им этот повод. 7 января они выступили, объявив себя защитниками законности и конституции. На сторону мятежников перешел флот, офицеры которого в большинстве своем были выходцами из аристократических семей. Была сформирована хунта, возглавляемая капитаном флота Хорхе Монттом. Вскоре она, однако, бежала в Икике.

В борьбе с мятежниками Бальмаседа проявил большую энергию. Он сформировал новое правительство из своих сторонников. В столице и других городах были арестованы лица, подозреваемые в причастности к заговору, запрещен выход газет, которые вели враждебную агитацию. Но военное счастье сопутствовало врагам президента. Мятежники разбили небольшие силы правительствен-

ных войск, которые действовали против них на севере страны, а позже овладели всей селитряной зоной. Успехи мятежников в значительной части определялись предварительной работой здесь агентов Норта, материальной помощью и моральной поддержкой Англии, недовольством, возникшим в результате экономических затруднений.

Укрепившись на севере, мятежники развили наступление и овладели Вальпараисо. Вскоре война приблизилась к стенам столицы. Бальмаседа, видя трудность создавшегося положения, чтобы вдохнуть уверенность в солдат, защищавших столицу, назначил главой правительства героя Тихоокеанской войны генерала Бакедано, а сам сложил с себя полномочия президента. На рассвете 29 августа 1891 г. он попросил убежища в аргентинском посольстве.

Трудно сказать, верил ли Бальмаседа в действенность избранного средства продолжать борьбу, устранившись от активного в ней участия. Во всяком случае, получив власть, Бакедано прекратил сопротивление. В Сантьяго вошли части мятежников. Все, кто был близок Бальмаседе, его родственники и сторонники, подверглись репрессиям, их дома были разгромлены. 31 августа в столицу прибыли члены мятежной хунты, которая в качестве временного правительства взяла на себя управление страной.

19 сентября 1891 г. Бальмаседа застрелился в аргентинском посольстве, не имея возможности покинуть его, зная, что объявлено о суде над ним, который в создавшихся условиях мог быть только расправой и издевательством.

Бальмаседа вел борьбу в рамках существующей государственной системы, главным образом на парламентской арене. Когда возник вооруженный конфликт, с ним остались его сторонники, наиболее дальновидные патриоты, солдаты, верные присяге. Этого было недостаточно, чтобы победить, имея против себя сплоченные силы могущественных латифундистов и крупных капиталистов, английских дельцов, а также недовольство рабочих и местной буржуазии экономическими трудностями. Но в истории Чили Бальмаседа навсегда останется одной из самых выдающихся фигур, государственным деятелем, который смело бросил вызов иностранному проникновению.

Падение Бальмаседы явилось серьезным ударом по наметившейся при нем прогрессивной тенденции в развитии Чили. После вступления в Сантьяго войск мятежников в стране была восстановлена полностью власть буржуазно-помещичьей олигархии, связанной с английским капиталом. Эту власть олицетворял Хорхе Монтт, ставший адмиралом и президентом (1891—1896). В стране были установлены порядки, сходные с теми, которые существовали в первые годы после победы консерваторов в 1833 г. Преемники Хорхе Монтта — Эррасурис (1896—1901), Риеско (1901—1906), Педро Монтт (1906—1910), Баррос Луко (1910—1915), Санфуэнтес (1915—1920) — шли его путем. При этом с течением времени происходило все более заметное моральное разложение правящих верхов. Коррупция, беспринципное политиканство, карьеризм пронизывали их жизнь и деятельность. Результатом борьбы за власть были частые смены министров и их перемещение. Депутатами и сенаторами становились, как правило, не борборники каких-либо принципов и идей, а богачи и протеже земельных магнатов, банкиров, членов правительства. Царила реакционная олигархия.

Всевластие олигархии сопровождалось усилением зависимости страны от иностранного капитала, увеличением государственного долга, переходом национальных богатств в руки иностранных владельцев. Английские инвестиции, составлявшие 24 млн. фунтов стерлингов в 1890 г., достигли 64 млн. фунтов стерлингов в 1913 г. (из них 34,6 млн. приходилось на государственные долги Чили). Кроме англичан, в чилийскую экономику все глубже проникали капиталы США и Германии. Англия продолжала сохранять свое господствующее положение в торговле Чили по общему объему производимых торговых операций, но по темпу роста торговли Германия и особенно США стали уже обгонять

ее. Немцы, кроме прочего, сумели в значительной мере подчинить своему влиянию чилийскую армию и организовали широкую иммиграцию в Чили, создавая там компактные колонии, в которых господствовала пангерманская идеология.

Обогащение олигархии и иностранных империалистов достигалось жесточайшей эксплуатацией чилийских трудящихся. По-прежнему в деревне от непосильной работы и произвола помещиков страдал инкилино. Рабочие, как и раньше, трудились от зари до зари, жили впроголодь и в грязных бараках. Но было и различие. Чилийское рабочее движение в конце XIX— начале XX в. явно набирало силы. Рабочий класс городов и рудничных поселков приобретал черты промышленного пролетариата, росла его численность. Только за десять лет, с 1890 по 1900 г., число рабочих в стране возросло со 150 тыс. до 250 тыс. человек. Рабочий класс спланивался на производстве, в коллективе обнаруживал свою силу. Развитие мирового революционного движения, распространение социалистических идей все глубже задевали чилийский рабочий класс. Это сказывалось в участившихся забастовках, в их большей организованности. Чилийские пролетарии неизменно выходили на улицы в день Первого мая. Репрессии, применяемые против забастовщиков и демонстрантов, обостряли чувство ненависти к эксплуататорам.

Успехи борьбы рабочих за свои права во многом зависели от классового и политического сознания пролетариата, его организованности. Благородную и выдающуюся роль в этом деле сыграл Луис Эмилио Рекабаррен Серрано (1876—1924). Он начал трудиться еще ребенком, затем приобрел специальность типографского рабочего. Рано вступив на путь революционной борьбы, он вел ее как профсоюзный деятель, издатель рабочих газет, организатор выступлений трудящихся масс. Полиция неоднократно арестовывала Рекабаррена и бросала его в тюрьму. Однако, выйдя из нее, он вновь возвращался в ряды борцов за освобождение рабочего класса.

Рекабаррен рано познакомился с социалистическим учением и стал его страстным пропагандистом. К началу XX в. он — выдающийся политический деятель, горячо отстаивавший интересы пролетариата. В 1906 г. рабочие избрали его депутатом конгресса. Но этого не могла снести олигархия. Воспользовавшись отказом Рекабаррена присягать на Евангелии, конгрессмены лишили его депутатских полномочий. Реакционеры готовились совершить над ним физическую расправу. Рекабаррен был вынужден уехать за границу, где пробыл до 1909 г. Вернувшись на родину, значительно расширив свой кругозор благодаря знакомству с рабочим движением Испании, Франции, Бельгии и Аргентины, где он побывал в годы эмиграции, Рекабаррен возобновил борьбу с удвоенной энергией.

В 1909 г. Рекабаррен и его соратники создали Рабочую федерацию Чили (ФОЧ) — первое крупное профсоюзное объединение, имевшее свои филиалы во многих городах и рабочих поселках. В начале своей деятельности ФОЧ ограничивалась борьбой за ближайшие насущные требования рабочих. Попытки Рекабаррена сделать ФОЧ боевой классовой организацией наталкивались на препятствия: идейную разобщенность рабочих, отсутствие у них опыта политической борьбы. Однако в 1912 г. была создана самостоятельная классовая политическая рабочая партия.

Один из основателей партии и видный деятель чилийского рабочего движения Элиас Лаферте рассказывает в своих мемуарах: «4 июля 1912 г. в помещении редакции собралось около 20 человек, которые и основали Социалистическую рабочую партию... Секретарем партии был избран Нестор Рекабаррен. Мы не избрали на этот пост нашего бесспорного руководителя, чтобы предоставить ему большую свободу передвижения для выполнения организационных задач, которые должны были встать перед нами в масштабах всей страны.

Мы разработали декларацию принципов, устав и программу-минимум. В

декларации устанавливалось, что конечная цель наших стремлений состоит в полном освобождении человечества, в борьбе против классовых различий, в борьбе до тех пор, пока останется один только класс — класс трудящихся и будет создан строй, при котором производство и распределение продуктов будут общественными. В уставе говорилось, что партия в целях завоевания лучшего будущего для пролетариата будет стремиться объединить все пролетарские силы страны в низовые организации, которые развернут свою работу в каждом местечке, на каждой фабрике, шахте, на каждом селитряном руднике... В уставе содержались также серьезные возражения против каких бы то ни было пактов с буржуазными партиями.

Программа-минимум охватывала экономические, политические и культурные вопросы. Это были вопросы, касавшиеся в первую очередь улучшения условий труда и повышения жизненных условий рабочих, демократизации государственной и политической жизни в стране»¹.

Создание Рабочей федерации Чили и Социалистической рабочей партии были важными рубежами в развитии чилийского рабочего движения. Они знаменовали переход пролетариата Чили к организованной экономической и политической борьбе за свои права в условиях возросших трудностей для чилийских рабочих, с которыми они встретились в годы начавшейся вскоре первой мировой войны.

¹ *Лаферте Э. Жизнь коммуниста. М., 1961. С. 71—72.*

ПЕРУ В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Во время войны за независимость главным оплотом испанцев на континенте Южной Америки была Перу — последняя из колоний, ставшая независимой. Одной из причин этого было постоянное присутствие в Перу многочисленной испанской армии. Сказывались последствия восстания Тупак Амару: немалая часть имущих видела в испанцах своих покровителей, крестьяне-индейцы помнили кровавую расправу, не очень верили в обращенные к ним революционные призывы, а порой не понимали их. Местные помещики и купцы были в более выгодном положении, чем купцы и помещики других колоний. Ведь Перу долгое время была центром испанских владений в Южной Америке, значительная часть которой входила в перуанское вице-королевство. Лима была местопребыванием колониальной администрации, пользовалась торговыми привилегиями. Связи перуанцев с Испанией были прочней, чем колонистов других частей ее заокеанской империи. Так как революция в значительной мере пришла в Перу, а не вышла из ее недр, то местные помещики, не понесшие в ее ходе больших потерь, после достижения страной независимости сумели сравнительно легко удержать свои господствующие позиции.

Известный прогрессивный деятель Перу Хосе Карлос Мариатеги (1895—1930) писал: «...в Перу возникновение республики не означало прихода к власти нового класса.

Революционная волна, поднявшаяся на всем континенте, лишь незначительно затронула Перу. В Перу было слишком мало либералов, революционеров, якобинцев. Войны между ними и последующие передышки поглощали все жизненные силы, всю боевую энергию народа. Единственной опорой республики была революционная армия. Поэтому мы не миновали бурного периода военных переворотов. А так как в этот период не мог сформироваться революционный класс, на арену вновь вышел класс консервативный... Социально-экономическое устройство колониального периода внешне приспособилось к созданным революцией институтам. Но революция оказалась пропитанной колониальным духом.

Под внешностью формального, протокольного либерализма эта каста скрывала жгучее чувство тоски по утраченному вице-королевству»¹.

В приведенном отрывке не только меткая характеристика положения, сложившегося в Перу сразу после войны за независимость, но и ключ к пониманию процессов, происходивших в стране на протяжении XIX и начала XX в.

С 1824 г. главой Перуанской республики с диктаторскими полномочиями был Симон Боливар. Однако основное время у него занимало завершение войны против испанцев, а после победы Сукре у Аякучо — организация государственного управления в Боливии. В 1826 г. «Освободитель» вернулся в Лиму, но в том же году раздоры среди патриотов на западе континента заставили его выехать в Боготу. Вместо себя он оставил генерала Ла Мара.

¹ Мариатеги Х. К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1959. С. 277—278.

С этого момента в стране началась бешеная борьба за президентское кресло, которое захватывал то один, то другой генерал, как правило начинавший войну с соседними республиками, еще не одержав окончательной победы над другими претендентами за власть. Так родился каудильизм — социальное явление, о котором уже говорилось в предшествующих главах. Его перуанскую природу Мариатеги объяснял следующим образом: «Появление военных каудильо было естественным результатом развития событий в период революции, которая так и не привела к образованию нового господствующего класса. В этих условиях власть неизбежно должна была попасть в руки военных, участвовавших в революции: с одной стороны, они пользовались известным авторитетом, пожиная плоды своей военной славы, а с другой — могли оставаться у власти, опираясь на силу оружия. Разумеется, каудильо не был свободен от влияния классовых интересов или иных социальных сил, боровшихся в то время между собой. Каудильо опирался или на расплывчатый и риторический либерализм городского «демоса», или на колониальный консерватизм землевладельческой касты»¹.

«Риторический либерализм», как и в соседнем Чили, представляли перуанские либералы, а «колониальный консерватизм» — перуанские консерваторы. Некоторое отличие ситуации по сравнению с Чили заключалось в том, что колониальный консерватизм Перу был прочней, а либерализм был слабей и роль городского «демоса» была менее значительной, если не риторически, то практически. Эта роль определялась консервативно настроенными торговцами колониальных времен и помещиками, которые нередко оказывались в лагере перуанских либералов, но не ради либерализации государственного устройства, а ради сведения счетов со своими личными врагами или в надежде, войдя в этот лагерь, пробиться к кормилу правления.

В первые годы после войны, пока не угас революционный дух освободительной борьбы, либералы пользовались преимущественным влиянием. Это позволило им дважды, в 1828 и 1834 гг., добиться принятия конституций, которые отличались от составленной Боливаром в 1826 г. В них более четко было обозначено разделение власти, урезаны автократические полномочия президента, расширена сфера деятельности законодательной власти. Но так как либералы главным образом добивались сиюминутных выгод, не считаясь с провозглашавшимися ими принципами, а их каудильо стремились только к удержанию власти, не считаясь с чаяниями народа, то влияние либералов ослабевало. Оно переходило к консерваторам, а в связи с этим к ним переходили многие либералы-помещики, ища выгод в лагере своих недавних противников. Это позволило консерваторам добиться отмены существовавшей конституции.

Новая конституция, принятая в 1839 г., ограничивала избирательное право образовательным цензом. Был повышен возрастной и имущественный ценз для избрания в члены палаты представителей и сената. Права, которыми ранее пользовались отдельные области страны и муниципалитеты, ликвидировались. Исполнительная власть в лице президента, избираемого на 6 лет, получила широкие полномочия.

Президенты, не имея реальной опоры, а из-за непрекращавшихся междоусобиц и в связи с ними — времени, чтобы заняться делами государства, запустили их до катастрофической степени. А они шли из рук вон плохо. Экономическое положение страны и без того печальное после установления независимости становилось буквально плачевным. Много разрушила война, многое — стычки враждовавших каудильо. Что могли, вывезли испанцы. Прервались торговые связи с бывшей метрополией. Замерла жизнь на рудниках. Пришли в упадок местные предприятия и промыслы. Стоявшие за тем или иным президентом воен-

¹ Мариатеги Х. К. Указ. соч. С. 108—109.

но-помещичьи клики под их покровительством расхищали землю, присваивали ее недра, зачастую не пуская их в дело, что лишало немалую часть трудового населения работы и средств к существованию.

Концентрация земли в руках помещичьих кланов при живучей колониальной традиции делала их, особенно вдали от городов, хозяевами целых районов, бесконтрольными господами проживавших там людей, местными каудильо, или «касиками». Особенно тяжелым было положение под их гнетом крестьян-индейцев в Сьерре — предгорьях Анд. Их подвергали жесточайшей эксплуатации и угнетению, их лишали общинных земель (прямым насилием, судебными исками, мошенничеством). Они страдали от высокомерного отношения «белых», от разрушения привычного уклада жизни, от непонимания происходившего. Все вместе приводило к тому, что сокращались производственные возможности общин.

В создавшихся, а также ими самими создаваемых условиях, не имея денег на необходимые нужды и не располагая возможностями заставить помещиков нести бремя государственных расходов, а у нищего народа выбить достаточно налогов, правительства брали займы у Англии. Это позволило ей постепенно играть все большую роль в экономической и политической жизни страны, подчиняя ее своему влиянию, которое использовалось в самых корыстных целях.

Отсталое хозяйство, междоусобицы, экономическое и политическое господство латифундистов, растущая зависимость от Англии и каудильизм, несшие бедность и угнетение народу, — таковы были основные социально-экономические черты, характеризовавшие Перу первых двух десятилетий республики. Это не могло не сказаться на международном положении и военной мощи государства.

В середине 30-х годов Санта-Крус, президент соседней Боливии, страны фактически более отсталой, слабой и бедной, стал играть огромную роль в жизни Перу, используя шедшие там междоусобные войны. Под видом создания перуано-боливийской конфедерации он объединил обе страны, обеспечив себе верховное руководство. Пошедшие на это враждовавшие между собой перуанские каудильо, хотя и делали вид, что осуществляют мечту Боливара об объединении стран Южной Америки, на деле преследовали личные цели, стремясь таким образом уничтожить своего внутреннего врага. Это ослабляло и без того непрочную конфедерацию и помогло Чили выиграть начатую против нее войну (см. гл. 10).

В 1839 г. конфедерация распалась. Перу вернулась к своим прежним границам. Президентом был избран Агустин Гамарра, недавний каудильо, союзник, а потом противник Санта-Круса. Попытка Гамарры, отторгнуть у Боливии Ла Пас, ее столицу¹, с прилегающей к ней территорией, закончилась полным провалом. Перуанская армия была разгромлена в битве при Ингави 18 ноября 1841 г. Гамарра погиб, сражаясь. Пользуясь непрочным политическим положением победившего боливийского президента Бальивиана, Перу удалось заключить мир без территориальных потерь и контрибуций.

Как ни печально было положение страны, ее насущные потребности служили постепенной активизации сельскохозяйственного производства и предпринимательской деятельности. Кто-то наживался на изготовлении армейского обмундирования, кто-то на его поставках, кто-то продавая продукцию рудников англичанам, кто-то перепродавая английские товары и т. д. Это втягивало в сферу производства большое число людей. Междоусобные войны мешали наметившемуся процессу. Уставший и все более нищавший трудовой народ,

¹ Формально столицей считается г. Сукре.

а также торговцы и предприниматели жаждали мира и политической стабильности.

К середине 40-х годов XIX в. непрерывная борьба ослабила обе партии и составявшие их ядро военно-помещичьи клики. В то же время они никак не могли сойтись на каком-либо кандидате в президенты. Как это нередко бывает в подобных случаях, к власти пришел человек, прямо не связанный с той или иной группировкой. Президентом в 1845 г. был избран Рамон Кастилья — человек сильной воли, практического ума и, к счастью для страны, желавший вывести ее из печального состояния, в котором она находилась десятки лет. Так как междоусобицы не только ослабили, но и утомили даже политиканов и военных, а тем более местных буржуа, и особенно народные массы, то подобное намерение президента и первые его шаги, говорившие об умении укрепить и поддержать порядок в стране, встретили сочувствие и поддержку большинства ее населения.

Учитывая обстоятельства, Кастилья, особенно не ущемляя вечно бунтующих военных, в то же время старался превратить армию в средство стабилизации режима, и также модернизировать ее. То и другое было необходимо не только в общеполитических целях, но и для успешной борьбы с бандами помещиков. Те набирали их из своей челяди и деклассированных элементов. С их помощью они обеспечивали себе господство в своей округе, где против них зачастую были совершенно бессильны правительственные чиновники и находившиеся в их распоряжении небольшие армейские подразделения.

При Кастилье впервые в истории Перу конгрессу был представлен государственный бюджет. Государственные служащие стали получать жалованье, а по выходе со службы — пенсии. В 1851 г. пошел первый поезд по первой в Латинской Америке железной дороге, которая соединила Лиму с главным портом страны — Кальяо. Правительство закупило за границей современные торговые и военные корабли. Благоустроивалась столица (газовое освещение, мосты, дороги и т. д.). Большое внимание уделялось развитию образования, общего и специального. Для расширения внешних сношений и устранения ретроградных порядков в дипломатической службе был реорганизован дипломатический корпус. В 1847 г. в Лиме состоялся конгресс южноамериканских стран, обсудивший вопрос о совместной обороне в случае интервенции какой-либо великой державы.

В 1851 г. власть была законным порядком передана вновь избранному президенту Хосе Руфино Эченике. Но он не пошел по стопам Кастильи. При прямом участии президента страна вновь была превращена в арену политических интриг и безудержной коррупции. Особенно неприглядную роль играли военный министр Хуан Крисостомо Торрико — типичный солдафон, и советник Эченике католический священник Бартоломе Эррера — теократ по убеждениям. Страна погружалась в пучину оголтелой солдатчины, фанатического клерикализма и кровавых свар помещичьих клик.

Народ, привыкший ко многому, но и увидевший уже блага законного управления, не хотел мириться с возвратом к худшим дням своей истории. То тут, то там вспыхивали восстания. Наиболее мощное из них произошло в 1854 г. в городе Арекипа. Видя, куда ведет страну Эченике, Кастилья встал во главе восстания. В ходе борьбы, в июле упомянутого года, он издал декрет об отмене подушных индейских повинностей и полной отмене рабства. Эта прогрессивная мера была одновременно весьма практичной: она дала армии благодарных и преданных солдат. Эченике был свергнут. Как когда-то Сан-Мартина и Боливара, Кастилью стали именовать в народе «Освободителем».

В 1855 г. собралось Учредительное собрание, впервые избранное прямым голосованием. Большинство в нем составляли либералы. После долгих прений в 1856 г. была провозглашена новая конституция. Либералам не удалось добиться отделения церкви от государства, но во многом другом они ввели законы

страны в буржуазно-демократические рамки с объявлением соответствующих свобод и прав для деятельности муниципалитетов. Армия лишалась старых привилегий, власть президента над ней ограничивалась; этим законодатели хотели удалить военных с авансцены политической и государственной жизни.

Кастилья присягнул новой конституции, хотя считал, что она несвоевременна и связывает его в случае эксцессов со стороны консерваторов. В немалой мере эта точка зрения определялась его каудильистскими наклонностями, которыми он обладал, живя в определенном политическом климате, несмотря на всю присущую ему приверженность делу внедрения законности в жизнь страны. Но эта точка зрения отражала и опыт перуанского политического деятеля. Ослабление власти президента, даже формальное, в тогдашних условиях, когда консерваторы уже начали в провинции борьбу против конституции, стимулировало их к действиям. Уже создавались вооруженные отряды, куда консерваторы вовлекали многих военных (включая солдат) обещаниями восстановить «честь» и привилегии армии, а также «общественный» авторитет католической церкви. Кастилья сумел овладеть положением. В 1885 г. он был вторично избран президентом.

Кастилья, получив власть, продолжал проводить политику развития в стране образования и местной промышленности. С этой целью был реорганизован университет Сан-Маркос. Горячий сторонник сближения стран Латинской Америки, Кастилья со всей решительностью выступил против авантюры Уокера в Никарагуа (см. гл. 14), хорошо различая за спиной флибустьера Соединенные Штаты, которые расширяли свою экспансию в Западном полушарии.

Кастилья не отрешился от наклонностей каудильо. Не без его давления в 1860 г. конституция 1856 г. была изменена в сторону утверждения президентской автократии и ослабления тех сторон законодательства, которые ограничивали возможности консерваторов для манипуляций на выборах в муниципальные и государственные органы. Если недовольство Кастильи конституцией 1856 г. можно считать в тех условиях отчасти оправданным, то ее упразднение в 1860 г., когда страна была спокойна и он твердо держал в руках бразды правления, таковым не представляется. То была дань Кастильи собственному честолюбию и уступка консерваторам, с которыми его сближали неприязнь к поспешному реформаторству, которого, как он продолжал считать, добивались либералы. Как бы то ни было, следует признать, что для Перу того времени Кастилья был весьма незаурядным государственным деятелем и страна ему многим обязана. Не только за осуществленные им конкретные преобразования — за определенную именно в годы его правления линию развития: уважения закона и конституционного порядка, модернизации экономического и общественного уклада.

В 1862 г. президентом был избран Мигель Сан-Роман, вскоре умерший. Его место согласно конституции занял вице-президент Хуан Антонин Песет. При нем в 1864 г. началась первая Тихоокеанская война (см. гл. 10). Чувствуя себя не очень твердо у кормила правления и не особенно доверяя армии, президент в январе 1865 г. принял некоторые из испанских требований. Народ воспринял его уступчивость как позорную трусость перед старым врагом, оскорбляющего национальное достоинство. Используя эти народные чувства, бывший соратник Кастильи в борьбе против Эченике Мариано Игнасио Прадо поднял восстание и захватил столицу. Возглавив правительство де-факто, Прадо расторг соглашение с Испанией и в январе 1866 г. объявил ей войну. К счастью для страны, война к лету закончилась. Позже, при подписании в августе 1869 г. мирного договора, Испания признала независимость Перу, в чем до того упорно отказывала. Если военная победа была незначительной, то политическая — очень весомой. Обе повысили авторитет республики на международной арене, укрепили в перуанцах чувство национального достоинства.

Как в годы войны за независимость, борьба против новой попытки колонизации страны дала толчок развитию либеральных настроений. Сан-Роман, Песет и Прадо не придерживались какой-либо четкой политической ориентации, что позволило либералам оказывать влияние на правительство. Они использовали его, чтобы пропагандировать необходимость введения новой, более прогрессивной конституции, подобной конституции 1856 г. Эта пропаганда встречала живой отклик среди буржуазных элементов, которые несколько усилились при правлении Кастильи одновременно с ростом в те годы хозяйственной активности.

Когда кончилась Тихоокеанская война, либералы настояли на созыве Учредительного собрания. Он начало работать в феврале 1867 г. Либералы в нем преобладали. Это отразилось в принятой конституции. Католичество осталось государственной религией, но римская церковь лишилась многих привилегий, в частности правительственной поддержки при сборе десятины, права на неотчуждаемость земель, на преимущественное влияние в учебных заведениях. Восстанавливались, наоборот, муниципальные права территориально-административных единиц. Солдатам позволялось с соблюдением определенных правил заявлять о невозможности исполнения приказов, которые противоречили конституционным установлениям и законам государства. Так хотели предотвратить слепое подчинение военным командирам, замышлявшим мятеж.

Мятеж, тем не менее, начался сразу после окончания работы ассамблеи. Его подняли консерваторы с намерением восстановить конституцию 1860 г. К восставшим примкнул бывший президент Рамон Кастилья. Уже старик, он умер во время перехода его отряда через пустыню на юге страны. Прадо не проявил твердости при подавлении мятежа и предпочел отказаться от президентского поста.

Выборы 1868 г. привели к власти Хосе Бальту. Как правитель он ничем не выделялся, но именно при нем начался активный вывоз из страны гуано и оценена как предмет выгодного экспорта селитра. Возникли надежды на быстрое обогащение страны. Однако организация добычи требовала средств, которыми правительство не располагало. На нем висел огромный долг Англии — со времени войны за независимость, возраставший с каждым годом. Золотые, серебряные и медные рудники были в значительной степени в руках англичан.

Полагая, что прибыли от вновь обретенного богатства позволят разрешить все финансовые проблемы, правительство обратилось за новыми займами. В укреплении этого иллюзорного убеждения большую роль сыграл министр финансов Николас Пьерола — человек весьма консервативных взглядов, одновременно зараженный духом делячества, которым прониклись тогда многие, особенно буржуазные элементы из лагеря либералов.

Займы предоставлялись Перу под большие проценты. Их использование оговаривалось условиями, выгодными для заимодавцев. Добыча гуано, а позже селитры, приведшая к «селитряному буму», требовала технического оборудования, специалистов. Для вывоза продукции был необходим сухопутный и морской транспорт. Все это находилось в руках иностранцев, ничего, естественно, не дававших даром, наоборот, стремившихся обогатиться за счет перуанцев. Даже при возросшем доходе правительства основные выгоды все же получали иностранцы, и именно они почти полностью контролировали процесс производства и торговлю продукцией новых отраслей добывающей промышленности. А так как старые ее отрасли в основном принадлежали тоже им, как и многие другие отрасли хозяйства, то в конечном счете от них зависела вся экономическая жизнь страны.

Прибыли местных дельцов, доходы помещиков, продававших или сдававших свои земли, где велись какие-либо работы или добывалось сырье и металлы, дополнительные поступления к жалованью правительственных чиновников (взятки, выплаты за соучастие в делах, посредничество в подрядах и т. д.),

заработки служащих, возможность найти работу для многих и многих людей так или иначе были связаны с деятельностью в стране иностранцев, особенно английских капиталистов. Экономическая зависимость обуславливала зависимость политическую.

Толчок к развитию в Перу буржуазных отношений, полученный с разработкой запасов гуано, а потом с селитряным бумом, амортизировался не только зависимостью местных буржуа от иностранного капитала, но также тем, что их деятельность была в значительной мере втиснута в сохранившиеся феодальные отношения, если не формальные, то поддерживаемые всей силой помещиков и воспроизводимые экономической зависимостью от них крестьянского населения. Это в немалой степени сказывалось, в частности, на формировании пролетариата. Он начал зарождаться в годы селитряного бума. Бум был кратким. За это время еще не успели прерваться окончательно связи недавних крестьян с деревней, ее традициями. Имея власть над семьей недавнего крестьянина, за которым к тому же нередко числились недоимки, а также используя свое повсеместное влияние, помещики стремились сохранить свои узурпированные права над теми, кто уходил из поместий, или над тем, кого они посылали на заработки. Конец бума привел часть рабочих обратно в деревню.

В Перу, как и в других странах Латинской Америки, складывался своего рода союз между местными латифундистами, компрадорской буржуазией и иностранным капиталом. Союз этот возник и скреплялся противодействием самостоятельному свободному развитию буржуазных отношений в стране, ибо эти отношения порождали экономических конкурентов и буржуазных претендентов на землю и ее недра. Отношения эти развивались — не без участия иностранных инвестиций и деловой активности, что хорошо выявил селитряной бум, но были стеснены и деформированы упомянутым союзом.

На выборах 1871 г. выступила новая партия — «сивилисты». Она включала в себя и либералов и консерваторов при преимущественном влиянии первых. Ее главным лозунгом было освобождение страны от засилья военных в ее политической жизни (отсюда название). В 1872 г. лидер партии Мануэль Пардо стал первым штатским президентом Перу.

Авантюристическая экономическая политика предыдущего правительства поставила страну на грань финансового банкротства. Это мешало осуществлению планов президента усовершенствовать систему образования, против чего к тому же восстало духовенство. Попытка сократить военные статьи бюджета для экономии государственных средств вызвала ненависть к нему военных, и без того не прощавших ему «свилизма». Когда правительство подняло вопрос о привлечении к судебной ответственности бывших министров Бальты за всевозможные злоупотребления властью, против Пардо поднялись все главные политические силы страны: армия, церковь, традиционные партии. Его главным оппонентом стал Пьерола. На жизнь президента было совершено покушение, на него обрушилась пресса, его критиковали в конгрессе, против него составлялись заговоры. Он сумел удержаться у власти до конца президентского срока. Но когда подошло время избирательной кампании, сивилисты не нашли другого способа противостоять оппозиции, кроме как выдвинуть своим кандидатом военного — генерала Мариано Игнасио Прадо.

Прадо победил на выборах. Он принял к управлению страну, экономическое положение которой так и не удалось поправить его предшественнику. Новому правительству пришлось к тому же вступить в спор с Чили из-за селитряных областей. Дело быстро шло к войне. Бывший президент Пардо, предупреждавший о ней, был убит сержантом, которому из-за военной политики сивилистов не удалось получить офицерского патента.

Итак, гуано и селитра не сделали Перу много богаче, не освободили ее от экономических трудностей и зависимости от иностранного капитала. Более того,

из-за гуано и селитры страна столкнулась с деятельным конкурентом и опасным противником. Когда началась вторая Тихоокеанская война, Перу вступила в нее с подорванным хозяйством, без необходимых средств, с армией, разложившейся от участия в непрерывных политических неурядицах, не подготовленной к ведению серьезных военных операций, требующих стойкости и напряжения всех сил. Война, как мы знаем, закончилась полным поражением перуанцев, утратой огромных территорий и естественных ресурсов.

«Для национальной экономики военное поражение означало не только потерю ее основных богатств — селитры и гуано. Оно означало также паралич нарождающихся производительных сил, общую депрессию производства и торговли, обесценивание национальной валюты, прекращение внешнего кредита.

Тяжелейшее истощение поразило обескровленную, истерзанную страну. Снова, как и после окончания войны за независимость, власть попала в руки верхушки армии, духовно и психологически неспособной руководить экономической реконструкцией страны. Но прослойка капиталистов, сформировавшаяся в период гуано и селитры, очень быстро восстановила свое влияние и вернулась к выполнению своих функций, в результате чего политика реорганизации экономики страны оказалась полностью подчиненной ее классовым интересам»¹.

В послевоенные годы долг страны вырос до таких размеров, а возможность выплаты его была настолько безнадежна, что держатели перуанских облигаций — англичане, французы, голландцы — создали «Перуанскую корпорацию». В ее задачу входило обеспечить иностранные вклады. По договору Грейса в ее ведение (преимущественно англичан) перешли перуанские железные дороги, судостроение на о. Титикака, экспорт оставшегося в стране гуано.

В 1895 г. настал, наконец, час Пьеролы. Он долго добивался власти. Для этого вел непрерывную борьбу с правительственными сивилистами. Для этого стремился выказать свою храбрость во время войны. После бегства Прадо он короткое время управлял страной. Теперь Пьерола был избран президентом.

Как это часто случалось с латиноамериканскими политиками, чья платформа, как правило, ориентировалась прежде всего на завоевание власти, недавний противник сивилистов добился ее, в значительной мере ратуя за возвращение управления страны штатским. Пьерола возглавил новую — Демократическую партию, но она отличалась от сивилистской в основном лишь выставляемым ею кандидатом в президенты и его фразеологией.

Действуя осторожнее, чем Прадо, Пьерола сумел немного отодвинуть военных с политической авансцены. При нем был отменен институт выборщиков, расширены права муниципальных властей. Это была дань либерализму и духу времени. По своим взглядам он во многом продолжал оставаться консерватором и приверженцем католической церкви. По методам управления Пьерола мало чем отличался от своих военных предшественников. Поэтому он получил прозвище «штатского каудильо». «Каудильо демократов, который так долго и с таким шумом вел в массах агитацию против плутократии, не пожалел усилий для создания «сивилистской» администрации. Налоговая система и финансовая политика Пьеролы не оставили места иллюзиям, порожденным его красноречивыми излияниями и метафизическими спекуляциями. Это лишний раз показывает, что в экономическом плане смысл и характер деятельности политиков видны яснее, чем в плане политическом»².

В 1899 г., когда истек срок президентских полномочий Пьеролы, уже наступила эпоха империализма, безудержной гонки европейских держав и США в погоне за сырьем, рынками сбыта и сферами приложения капиталов. Приток

¹ *Мариатеги Х. К.* Указ. соч. С. 65.

² Там же С. 66.

иностранных капиталов в Перу содействовал некоторому росту местной промышленности, а соответственно развитию буржуазии и пролетариата. Но этот рост был поистине мизерным по сравнению с темпами проникновения чужеземного капитала во все поры хозяйственной жизни страны, с темпами подчинения ее интересов интересам иностранцев. Продолжавшийся союз последних с перуанскими латифундистами определял политический климат в Перу.

По удачному определению американского историка Ф. Б. Пайка, «в конце века владельцы крупных поместий Сьерры, некоронованные касики в своей округе, сосредоточили свое внимание на национальной политике и легко обеспечивали себе избрание в конгресс. Попав туда однажды, эти землевладельцы, именуемые в Перу гамоналами, стремились поставить во главе исполнительной власти «цезаря», превращенного в бюрократическую марионетку. Зависимый от этих конгрессменов, президент не был склонен урезать их власть неограниченных касиков Сьерры. Обеспечив себе снисходительность исполнительной власти, гамоналы продолжали насаждать феодальные условия существования для своих работников и, используя полулегальные софистические методы, а также прямое насилие, расширяли свои владения за счет индейских общин»¹.

Бесчинства латифундистов, не знавших меры, переполнили чашу долготерпения индейцев-общинников. В 1914 г. вспыхнуло одно из самых значительных после восстания Тупак Амару восстание перуанских индейцев. Ему предшествовали знаменательные события.

В 1912 г. к власти пришел президент Гильермо Биллингхерст. До этого какое-то время он был мэром Лимы — крупного пролетарского центра. Уже в 1901 г. в столице Перу состоялся первый съезд рабочих, обсуждавший способы борьбы за улучшение условий жизни и труда. Забастовочное движение вынудило правительство заняться вопросом о трудовом законодательстве, что свидетельствовало о выходе пролетариата на политическую арену.

Во время своей избирательной кампании Биллингхерст старался показать себя защитником интересов пролетариата. Так как это входило составной частью в его программу общего «оздоровления» страны, столь часто повторяющуюся претендентами на власть, господствовавшие классы не встревожились. Более того, в связи с растущим рабочим движением сочли удачным маневром и поддержали Биллингхерста на выборах вместе с голосовавшими за него рабочими.

Возглавив правительство, новый президент, изыскивая средства, начал проводить политику экономии государственных средств и, следуя уже имевшимся примерам, сильно урезал расходы на военные нужды. Зная, чем это грозит, он искал опоры, а потому продолжал заигрывание с рабочим классом. Он выступил с проектом строительства в Лиме специального района с домами для рабочих, где квартиры бы сдавались по приемлемой для них цене. В Кальяо, главном портовом городе страны, для некоторых категорий рабочих был введен 8-часовой рабочий день. В 1913 г. с большим трудом президенту удалось провести через конгресс закон о коллективных договорах рабочих с предпринимателями.

Для латиноамериканской страны того времени это были немалые сдвиги. Насколько они сделали Биллингхерста популярным среди рабочих, настолько он стал ненавистен миру дельцов и капиталистов, местных и иностранных. Они присоединились к военным, составив общую оппозицию президенту. К ней примкнули и гамоналы, имевшие связи с теми и другими, а также собственные и нешуточные претензии к президенту.

¹ Pike F. B. The Modern History of Peru. L., 1976. P. 183—184.

Трудно сказать, отзываясь на жалобы индейцев-общинников или используя их, чтобы ослабить гамоналов, но в 1912 г. президент направил в Сьерру майора Теодомиро Гутьереса расследовать положение тамошних дел. Вернувшись, Гутьерес издал книгу, в которой разоблачал грабительскую политику гамоналов. Те ответили клеветнической кампанией в конгрессе, задевавшей правительство. Они обвиняли правительство в подстрекательстве индейцев к бунту. Одновременно вместе с военными они готовили заговор для свержения президента, не желавшего быть их послушной марионеткой. Утром 4 февраля 1914 г. участвовавшие в заговоре военные части штурмом взяли президентский дворец. Биллингхерст вскоре умер в изгнании.

Гутьерес, метис по происхождению, глубоко проникшийся сочувствием к притесняемому индейцам, после свержения президента справедливо счел, что их положение теперь многократно ухудшится, не говоря уже о прямой мести гамоналов жалобщикам. Гутьерес принял имя Румимака, распространенное у индейцев кечуа, и поднял восстание. Оно быстро и широко распространилось, охватив десятки тысяч людей. Однако почти безоружные отряды повстанцев были разбиты правительственными войсками. Последовала страшная резня, которой гамоналы закрепляли свое пошатнувшееся господство в Сьерре.

В результате государственного переворота и подавления индейского восстания страна оказалась отброшенной назад к «бюрократическому цезаризму», контролируемому латифундистами и иностранным капиталом. При этом обнаруживалось растущее проникновение в страну капитала США. Американские инвестиции, составлявшие в 1847 г. 6 млн. долл., к 1914 г. возросли до 63 млн. На США в этом году приходилось более $\frac{1}{3}$ перуанского экспорта.

Когда началась первая мировая война, продукты перуанского экспорта, включая хлопок, ставший тогда одним из главных предметов торговли, сделались весьма дефицитными и приносили немалые доходы. Однако, как в период селитряного бума, оживление экономики оказалось кратковременным и, как тогда, не принесло стране, где сохранялись прежняя социально-экономическая структура и политический климат, реального возрождения и тем более процветания.

ВЕНЕСУЭЛА В 1830—1914 ГГ.

Движение за отделение от Колумбии приобрело особый размах в Венесуэле, где его возглавил генерал Хосе Антонио Паэс. Еще в 1826 г. при активном участии Паэса в крупном центре Валенсии (к западу от Каракаса) вспыхнули волнения, вызванные недовольством венесуэльцев централистской политикой Боливара. «Освободителю» с трудом удалось восстановить свой контроль над Венесуэлой. Сепаратистские тенденции значительно усилились в связи с роспуском Учредительного собрания и установлением в августе 1828 г. личной диктатуры Боливара. В ноябре 1829 г. народные собрания в Каракасе и Валенсии открыто высказались за полный разрыв с Колумбией, а 13 января следующего года Паэс сформировал временное венесуэльское правительство.

Открывшийся 6 мая 1830 г. в Валенсии Учредительный конгресс провинций Венесуэлы принял окончательное решение о выходе из колумбийской федерации и 22 сентября утвердил конституцию новой республики. Она провозглашала полную независимость «венесуэльской нации» в границах бывшего генерал-капитанства. Государство делилось на провинции, последние — на кантоны, а те — на округа. Законодательную власть осуществлял двухпалатный конгресс, состоявший из сената (по два сенатора от каждой провинции) и палаты представителей (один от каждых 20 тыс. жителей), исполнительную — президент, являвшийся также верховным главнокомандующим вооруженными силами.

Президент, вице-президент, сенаторы и депутаты избирались сроком на 4 года открытым голосованием провинциальными коллегиями выборщиков, которые предварительно выбирались населением по округам. Правом участия в первичных выборах, равно как гражданскими правами вообще, пользовались лица, достигшие 21 года (или женатые), грамотные, имевшие годовой доход не менее 50 песо от недвижимой собственности либо 100 песо от других занятий. Для кантональных выборщиков, избиравшихся по одному от каждых 4 тыс. жителей, устанавливался еще более высокий возрастной и имущественный ценз: соответственно 25 лет и годовой доход от 200 до 400 песо.

Сохранив имущественный (хотя и сниженный по сравнению с конституцией 1819 г.) и введя обязательный образовательный ценз для выборщиков, конституция фактически лишала гражданских прав широкие слои населения (особо оговаривалось лишение прав домашних слуг). Вместе с тем в ней нашли место и некоторые либеральные веяния, отразившиеся в конституциях Венесуэлы и Великой Колумбии, принятых в Ангостуре (1819) и Кукуте (1821).

Так, в отличие от законодательных актов других испаноамериканских стран католицизм не был объявлен государственной религией. Кое в чем конституция 1830 г. пошла даже дальше: она запретила переизбрание президента на следующий период, сократила срок полномочий сенаторов до 4 лет, помимо декларированных ранее демократических свобод и норм буржуазного права отменила фуэро и привилегии военных и духовенства при налогообложении.

С установлением независимости экономическая структура Венесуэлы существенно не изменилась. В стране по-прежнему преобладала и даже росла крупная земельная собственность. Но она перешла в руки новых владельцев. Земли испанской короны и роялистов, конфискованные на основе декретов, изданных в 1817 г. Боливаром, достались главным образом генералам и старшим офицерам. Поскольку военнослужащие освободительной армии наделялись землей в зависимости от чина, размер участка, полагавшегося генералу, в 50 раз превышал солдатский. К тому же земельные спекулянты и высокопоставленные военные за бесценок скупали у рядовых солдат сертификаты на причитающиеся им наделы. Многие стали крупными землевладельцами и богатыми людьми. Среди них были сам Паэс, прославленные генералы Франсиско Бермудес, Сантьяго Мариньо, братья Монагас и др. Рост латифундий происходил также за счет земель, принадлежавших индейским общинам, экспроприации владений которых способствовал декрет 15 октября 1830 г. о продаже пустующих земель.

После отделения от Великой Колумбии и конституирования самостоятельного венесуэльского государства к власти пришло правительство Паэса (1831—1835), выражавшего интересы латифундистов, которые стремились сохранить свое господство и феодальные методы эксплуатации крестьянства. С именем этого типичного представителя военного каудильизма связана целая эпоха истории Венесуэлы: по истечении срока своих полномочий он и в последующие годы продолжал играть решающую роль в политической жизни республики, в 1839 г. вновь стал президентом, а затем добился избрания на этот пост своего верного сторонника, ветерана освободительной войны генерала Карлоса Сублетта (1843—1847).

В период долголетнего правления Паэса и его преемников страна пережила глубокий экономический и социальный кризис, вызванный последствиями войны за независимость. В результате военных действий хозяйство пришло в упадок. Прежде процветавшие сельские районы интенсивного развития плантационных культур подверглись опустошению и обезлюдели. Экономические связи между различными провинциями нарушились. Утечка капиталов, нехватка рабочей силы, узость внутреннего рынка привели к резкому падению производства индиго, хлопка, какао, кофе, табака, кож.

Хотя внешняя торговля не была больше скована запретами и ограничениями, ее объем также уменьшился, ибо неоставало экспортной продукции, а ввоз иностранных товаров подрывал слабую местную промышленность. Финансовая система была дезорганизована. поголовье скота, составлявшее в 1812 г. 4,5 млн. голов, сократилось к 1823 г. до 256 тыс. Крайне отрицательно сказалась систематическая убыль населения в ходе войны и от эпидемий. В итоге к 1838 г. его численность, достигшая 945 тыс. человек, составляла всего две трети того, что могло бы быть при нормальном приросте.

В условиях сохранения латифундизма и феодальных пережитков социальная структура общества не претерпела существенных изменений. В хозяйственной и политической жизни по-прежнему доминировала привилегированная верхушка, насчитывавшая до 10 тыс. крупных землевладельцев, богатых купцов, высокопоставленных чиновников. В составе господствующей олигархии произошли лишь персональные перемещения вследствие вытеснения части бывшей колониальной аристократии руководителями освободительной войны.

На противоположном полюсе находились примерно 50 тыс. негров-рабов, процесс частичного освобождения которых (предусмотренного законом 1821 г.) шел крайне медленно и постепенно, а подчас зигзагообразно. Так, изданный 2 октября 1830 г. по настоянию рабовладельцев «Закон об освобождении» означал шаг назад, так как обязывал детей рабов, родившихся после 21 июля 1821 г., работать на хозяев своих матерей не до 18 лет (как прежде), а до 21 го-

да. Остальное население составляли крестьяне, ремесленники, средние слои горожан (по своей расово-этнической принадлежности — испано-индейские метисы, мулаты, креолы, индейцы, свободные негры). Все они юридически считались свободными, но практически в силу имущественного и образовательного ценза, как правило, не пользовались гражданскими правами. Среди трудящихся масс преобладало крестьянство, в подавляющем большинстве — безземельное и потому оказавшееся в кабальной зависимости от крупных землевладельцев в качестве арендаторов или батраков (апарсеро, испольтики-медиаанеро, пеоны).

Несмотря на то что латифундизм, сохранение докапиталистических форм эксплуатации, застойные явления в хозяйстве способствовали консервации прежней социально-экономической структуры, в 30—40-х годах появились признаки усиления элементов капитализма в экономике Венесуэлы: рост товарно-денежных отношений, зарождение мануфактурного производства, более интенсивное развитие плантационного хозяйства с широким применением наемного труда. Заметно выросла внешняя торговля. Весьма важное значение имело вовлечение страны в орбиту мирового капиталистического рынка, поглощавшего свыше 80 % товарной продукции венесуэльского земледелия и скотоводства. Особенно увеличился экспорт кофе (вывоз которого к середине 40-х годов возрос по сравнению с началом 30-х годов примерно в 2,5 раза), а также табака и кож.

Исходя из интересов господствующих классов, правительства Паэса и его ставленников проводили политику, имевшую целью обеспечить подъем и стабилизацию экономической жизни. Одним из первых шагов в этом направлении явилось открытие для внешней торговли 10 венесуэльских портов и, кроме того, было разрешено вывозить товары еще через 6 портов (1830). Чтобы стимулировать рост сельскохозяйственного производства, экспортируемые кофе, какао, хлопок, сахар, водка, пшеница, мука в течение нескольких лет не облагались пошлинами, а импорт плантационных продуктов, соли, меда, водки запрещался. С целью создать условия для более быстрого прироста поголовья скота временно был прекращен вывоз лошадей и коров.

Развитию экономики способствовали также отмена алькабалы (1831), ликвидация табачной монополии (1833), упразднение церковной десятины (1833), основание Национального банка (1841), строительство дорог и каналов, развертывание мелиоративных работ, поощрение иммиграции. Изданный в 1834 г. по требованию крупных купцов и спекулянтов закон о свободе контрактов, отменяя запрещение ростовщичества и ограничение ссудного процента, служил интересам торгово-ростовщического капитала.

К началу 40-х годов XIX в. на политической арене обозначились две группировки, которые часто называют партиями, хотя в действительности это были скорее политические течения — консерваторы и либералы. На основе этих течений не были созданы партии в собственном смысле слова, с постоянным составом и четкой программой. Идеи их приверженцев соответствовали всего лишь определенным, находившимся еще в процессе становления, тенденциям общественной жизни. Частыми были случаи перехода из одной группировки в другую, а среди сторонников одного и того же направления существовали серьезные разногласия.

В целом консерваторы выражали интересы земельной олигархии, верхушки торговой буржуазии, католической церкви, добивавшихся максимальной централизации власти. Их лидерами являлись Паэс, Хуан Висенте Гонсалес, Педро Хосе Рохас и др. Либералы представляли буржуазные элементы, владельцы плантаций, связанных с внешним рынком, часть интеллигенции. Они выступали за проведение социально-экономических реформ антифеодалного характера и демократизацию политической системы на федералистских нача-

лах. Среди их руководителей выделялся Антонио Леокадио Гусман, издававший с 1840 г. газету «Эль Венесолано». Будучи рупором либеральной оппозиции, газета резко критиковала консерваторов, бесменно удерживавших власть с 1830 по 1847 г., выдвигала принцип обязательной сменяемости должностных лиц.

Политическая борьба значительно обострилась в связи с предвыборной кампанией 1846 г. Под влиянием пропаганды либералов, умело использовавших народное недовольство политикой консервативного правительства, в сентябре 1846 г. в провинции Карабобо вспыхнуло восстание, которое возглавил Франсиско Хосе Ранхель. К восставшим присоединились некоторые представители радикального крыла либералов, в том числе бывший торговец скотом Эсекиэль Самора, ставший вскоре вождем повстанцев. В его отряды вступали крестьяне, ремесленники, рабы.

Социальный характер движения напугал не только правительство, но и большую часть либералов во главе с Гусманом, поспешившим отмежеваться от восстания. Либералы сумели собрать на президентских выборах большинство голосов. Но поскольку ни один из кандидатов не получил требуемых двух третей, вопрос должен был решать конгресс. При поддержке консерваторов президентом оказался избран генерал Хосе Тадео Монагас (1847—1851). Ему удалось подавить восстание. Ранхель погиб в бою, а Самора был схвачен и приговорен к смертной казни, замененной впоследствии десятилетним тюремным заключением.

Стремясь расширить базу своего правительства, Монагас, несмотря на протесты и возражения консерваторов, пытался заручиться содействием либералов. Он включил их лидеров в состав кабинета, а некоторых назначил губернаторами провинций, разрешил Гусману, ранее высланному из страны, вернуться, и даже поддержал его кандидатуру на пост вице-президента республики. Сокрушив консервативную оппозицию в конгрессе, Монагас в январе 1848 г. фактически установил режим личной диктатуры, а когда его враги под предводительством Паэса перешли к вооруженной борьбе, разгромил их. В мае 1850 г. Паэс был изгнан из Венесуэлы.

Подавив сопротивление своих противников, Монагас продолжал контролировать политическую жизнь и в годы правления своего брата Хосе Грегорио Монагаса (1851—1855), а в 1855 г. добился переизбрания на следующий срок. Враждебный этому режиму блок либералов и консерваторов, желая приобрести популярность среди широких кругов венесуэльского общества, выдвинул лозунг отмены рабства. В этих условиях правительство, учитывая, что большинство землевладельцев уже успели осознать невыгодность рабского труда, в 1854 г. издало закон, упразднявший рабство. 18 апреля 1857 г. конгресс принял новую конституцию, согласно которой срок полномочий президента увеличивался до 6 лет, без ограничений переизбрания. В порядке уступки церкви римско-католическая религия признавалась государственной. 20 апреля Х. Т. Монагас был переизбран на шестилетний период.

Перед лицом явного стремления президента увековечить свою власть, роста недовольства народных масс и надвигающихся социальных потрясений произошло дальнейшее сближение консерваторов и либералов. В начале марта 1858 г. губернатор провинции Карабобо Хулиан Кастро поднял в Валенсии антиправительственный мятеж, объявив о свержении Монагаса и аннулировании конституции 1857 г. 15 марта Монагас был вынужден отказаться от власти и его место занял генерал Кастро, сформировавший коалиционное правительство, действовавшее под девизом «забвения прошлого». Однако уже на Учредительном собрании, открывшемся 5 июля в Валенсии, обнаружились серьезные разногласия.

Они проявились с особой остротой при обсуждении проекта новой конститу-

ции, принятой 31 декабря 1858 г. Предусматривая некоторую либерализацию избирательной системы (отмена имущественного и образовательного ценза, замена двухстепенного голосования прямым и тайным), ограничивая срок полномочий президента и вице-президента 4 годами, без права переизбрания, гарантируя свободу совести, конституция вместе с тем существенно расширяла права провинций. Если прежде их губернаторы назначались правительством, то теперь они стали избираться местным населением, что привело к укреплению позиций крупных землевладельцев, составлявших ядро консервативной группировки. Опираясь на нее, Х. Кастро поддержал кандидатуру консерватора Мануэля Фелипе де Товара на должность вице-президента, издал декрет о высылке Саморы, Фалькона, Гусмана, Хоакина Эрреры и других лидеров либералов.

Между тем во второй половине 1858 г. вспыхнули народные волнения в западных провинциях Карабобо, Португеса, Баринас, Апуре. В этой ситуации либералы, находившиеся в изгнании на Антильских островах, решили взяться за оружие. 15 октября на о. Сан-Томас они учредили Патриотическую хунту Венесуэлы под председательством генерала Хуана К. Фалькона и одобрили программу, главным пунктом которой было требование федерации, т. е. полной административной автономии провинций. Объективно этот лозунг выражал стремление либерально настроенных буржуазно-латифундистских кругов и интеллигенции к общей демократизации страны. Поэтому он нашел отклик среди широких масс, воспринявших его как призыв к борьбе за социальное равенство. Либералы добивались также проведения ограниченных буржуазных реформ в рамках существующего строя.

20 февраля 1859 г. группа революционной молодежи с вестом Саморы подняла восстание в Коро, явившееся началом кровопролитной гражданской войны, которая продолжалась более четырех лет и вошла в историю как «Война федерации». Высадившись в Коро и объявив о преобразовании этой провинции в штат федерации, Самора двинулся на юго-восток, в провинцию Яракуй, а оттуда — на юг, в льянос, где к середине 1859 г. были образованы штаты Баринас, Апуре, Португеса. В июле на северо-западе страны начал военные операции Фалькон.

Хотя война возникла как вооруженная борьба между либералами и консерваторами (которых стали соответственно называть федералистами и централистами¹), вскоре обнаружилось, что она имеет глубокую социальную подоплеку. По своему характеру это было фактически, прежде всего, крестьянское движение, направленное против гнета крупных собственников, нередко сопровождавшееся разделом земель и носившее отчасти расовый оттенок, что отражало ненависть «цветных» низов к креольской элите.

«Если рассматривать исторические события с внешней стороны, — указывал известный венесуэльский писатель Ромуло Гальегос, — ...то это была политическая борьба либералов с олигархами, и велась она за овладение властью. Но, в сущности, если понимать эти события как проявление жизненной необходимости в историческом развитии народов, то это была беспощадная борьба между рабством, в котором по существу все еще находились голодные, озлобленные, но непокоренные народные массы, и привозной цивилизацией — теми с виду безупречными законами и конституциями, что были призваны ограждать интересы господствующего класса»².

Встревоженный успехами федералистов, президент Х. Кастро пытался лавировать между враждующими лагерями, вследствие чего был смещен кон-

¹ Поскольку консерваторы отстаивали положения конституции 1858 г., они именовали себя также «конституционалистами».

² Гальегос Р. Бедный негр. М., 1964. С. 242—243.

серваторами. Занявший его место М. Ф. де Товар оказался не в состоянии помешать дальнейшему распространению восстания. После объединения сил Саморы и Фалькона правительственным войскам 10 декабря 1859 г. был нанесен сокрушительный удар в сражении при Санта-Инес (юго-восточнее г. Баринаса). Затем федералисты по настоянию Саморы, представлявшего радикальную тенденцию в движении и склонного в отличие от умеренного и нерешительного Фалькона к наступательной тактике, направились на северо-восток. Вступив в провинцию Кохедес, они в январе 1860 г. овладели г. Сан-Карлос, в боях за который погиб Самора. Хотя в середине февраля «конституционалистам» удалось, пользуясь колебаниями и медлительностью Фалькона, одержать внушительную победу при Копле, они все же не добились решающего перевеса. Несмотря на неудачи федералистской армии, вся страна была охвачена партизанской войной.

В этой обстановке часть консерваторов — сторонники бывшего президента Паэса, вернувшегося в марте 1861 г. на родину после многолетнего пребывания в США, — выступала за установление сильной власти. Под их давлением Товар в мае сложил свои полномочия, и вслед за кратковременным правлением его преемника Педро Гуаля 10 сентября 1861 г. всей полнотой гражданской и военной власти был облечен Паэс, диктатура которого не продержалась, однако, и двух лет.

Предпринятые престарелым диктатором попытки урегулировать вооруженный конфликт путем переговоров с Фальконом провалились, а возобновившиеся после этого военные операции не принесли успеха и не изменили соотношения сил. К началу 1863 г. большая часть страны контролировалась повстанцами-федералистами, отряды которых доходили до самой столицы. Тем не менее, напуганные размахом народного движения руководители либералов, имевшие возможность продиктовать свои условия мира, согласились на компромисс с консерваторами. В соответствии с договором, подписанным 22 мая 1863 г. в Каракасе, Паэс обязался сложить полномочия перед Национальной ассамблеей, состоящей из равного числа представителей обеих воюющих сторон, которая должна была назначить временное правительство.

17 июня ассамблея избрала Фалькона временным президентом, а его ближайшего сподвижника Антонио Гусмана Бланко (сына выдающегося либерального деятеля А. Л. Гусмана) вице-президентом венесуэльской федерации. 13 августа Паэс покинул Венесуэлу — на этот раз навсегда. В декабре открылось Учредительное собрание, принявшее 28 марта 1864 г. конституцию, которая узаконила федеративный принцип организации государства — Соединенных Штатов Венесуэлы.

Хотя «война федерации» завершилась сговором соперничающих группировок господствующего класса и в итоге ее как будто не оказалось ни победителей, ни побежденных, она имела серьезные последствия. Было покончено с консервативной олигархией и к власти пришли буржуазно-латифундистские элементы, понимавшие необходимость социально-экономических преобразований буржуазного характера. Немало было сделано для преодоления сословных и расовых предрассудков — живучего наследия колониальной эпохи.

Относительная самостоятельность штатов способствовала росту сепаратистских, центробежных тенденций, носителями которых являлись местные каудильо — преимущественно генералы и офицеры, командовавшие войсками во время недавней войны. Во второй половине 60-х годов в стране царил хаос и анархия, политическая неустойчивость; в штатах Арагуа, Карабобо, Гуарико, Барселона, Кумана, Кохедес, Португеса, Апуре, Боливар происходили антиправительственные выступления. Они достигли кульминации в мае — июне 1868 г., когда мятежники под предводительством Хосе Тадео Монагаса подняли голубой флаг и с боем овладели Каракасом. «Голубая революция» свергла

режим Фалькона и привела к созданию нового правительства на основе соглашения между либералами и консерваторами. Но коалиция оказалась недолговечной: после смерти Монагаса (ноябрь 1868 г.) власть перешла в руки консерваторов. Тогда либералы, объединившиеся вокруг Гусмана Бланко, начали военные действия, и в апреле 1870 г. их отряды заняли столицу.

Эти события открыли эру долголетней «либеральной» диктатуры Гусмана Бланко, в течение двух десятилетий игравшего решающую роль в жизни страны, занимая пост президента (1870—1877, 1879—1884, 1886—1888) или ставя во главе государства своих приверженцев. В эти годы правительство уделяло большое внимание городскому и железнодорожному строительству, основало много школ и других учебных заведений. В ответ на поддержку церковью противников нового режима оно осуществило ряд мер антиклерикального характера: подтвердило принцип свободы вероисповедания, конфисковало собственность монастырей и пустило ее в распродажу, ввело государственную регистрацию актов гражданского состояния, секуляризировало кладбища, закрепило за государством право патроната и т. д. Гусман Бланко выслал из страны архиепископа Каракаса Гевару и добился согласия Ватикана избрать на вакантный пост прелата, удобного светским властям.

Поощряя проникновение иностранного капитала, венесуэльское правительство заключило контракты о займах с европейскими и североамериканскими компаниями, которым были предоставлены выгодные концессии. Наиболее прочные позиции захватили английские капиталисты, чьи инвестиции в Венесуэле составляли в 1880 г. 1,1 млн. фунтов стерлингов, вложенных в железнодорожный транспорт и горнодобывающую промышленность.

В конце XIX в. усилилась экспансия монополий США, получивших права на судоходство по Ориноко, эксплуатацию крупных земельных участков в дельте этой реки, разработку золотых рудников и залежей асфальта. В связи с этим резко обострилось англо-американское соперничество, особенно после открытия в 70-х годах нефтяных месторождений. Оно проявилось весьма отчетливо в период англо-венесуэльского конфликта, возникшего из-за спорной территории на границе между Венесуэлой и Британской Гвианой и приведшего к разрыву дипломатических отношений между двумя странами (1887).

Вмешавшись в пограничный спор, правительство США устами государственного секретаря Олни в 1895 г. заявило, что захват какой-либо части венесуэльской территории Англией явится нарушением доктрины Монро, и потребовало проведения международного арбитража по спорному вопросу. Под давлением Вашингтона британский кабинет вынужден был пойти на уступки и в феврале 1897 г. заключил соглашение с правительством Хоакина Креспо (1892—1898) об условиях третейского разбирательства. Оно завершилось в 1899 г. решением о присоединении большей части спорного района к Британской Гвиане.

На рубеже XIX и XX вв. к власти пришел Сиприано Кастро (1899—1908), который возглавил движение за «либеральную реставрацию», зародившееся на западе Венесуэлы — в Андах. Именуя себя либералом и выдвигнув заманчиво звучащий лозунг «Новые люди, новые идеи, новые методы», он на первых порах приобрел популярность среди различных слоев общества. Но, взяв в свои руки бразды правления, С. Кастро, выражавший интересы крупных землевладельцев, фактически установил деспотический режим. Безжалостно подавляя всякую оппозицию, президент вместе с тем оказывал противодействие домогательствам иностранных компаний и пресекал их попытки вмешиваться во внутренние дела страны. Правительство отказалось признать иски европейских кредиторов, добивавшихся уплаты государственных долгов и возмещения ущерба, причиненного им в результате происходивших в Венесуэле волнений и беспорядков.

Тогда Англия, Германия и Италия в декабре 1902 г. предъявили ультиматум с требованием немедленного удовлетворения их финансовых претензий, а не получив ответа, отозвали своих дипломатических представителей из Каракаса. Вслед за тем военные суда трех держав блокировали венесуэльские порты, бомбардировали Пуэрто-Кабелью и потопили несколько канонерок. Немецкие корабли подвергли интенсивному обстрелу крепость Сан-Карлос, прикрывавшую вход в озеро Маракайбо. «Выколачивают долги из Венесуэлы (бомбардировкой): Германия + Англия + Италия», — отмечал В. И. Ленин¹.

По призыву С. Кастро десятки тысяч добровольцев влились в ряды армии и вступили в отряды волонтеров. Решимость патриотов дать отпор агрессии раздвигала и некоторые оппозиционные деятели. Однако другие противники президента рассчитывали использовать затруднительное положение правительства для его свержения или по крайней мере выделения восточной части республики, где они действовали особенно активно, в самостоятельное государство. Мятежники во главе с крупным коммерсантом Матосом, поддерживавшие связи с Англией, Германией и Италией, настаивали на принятии требований держав. При сложившейся внутривосточной ситуации и отсутствии национального единства Венесуэла вынуждена была пойти на уступки.

Немаловажную роль в исходе Венесуэльского кризиса сыграли США. Претендуя на преобладающее влияние в Карибском бассейне, они усматривали в действиях европейских держав угрозу своим притязаниям и торговле, хотя и сами добивались от правительства Кастро погашения задолженности. В обстановке обострения межимпериалистического соперничества администрация Т. Рузвельта вмешалась в конфликт. В Карибском море были сосредоточены крупные военно-морские силы США под командованием адмирала Дьюи.

29 декабря 1902 г. министр иностранных дел Аргентины Драго направил Вашингтонскому правительству ноту, где заявил о недопустимости вооруженной интервенции или оккупации территории американских стран европейскими государствами с целью взимания долгов. «Доктрина Драго» встретила сочувствие в Латинской Америке, но США уклонились от определенного ответа. Однако под их давлением державы согласились принять предложение президента С. Кастро о передаче спора на международный арбитраж.

В соответствии с протоколом, подписанным 13 февраля 1903 г. в Вашингтоне при посредничестве североамериканских дипломатов, Венесуэла признала в принципе обоснованность предъявленных ей претензий, а блокада ее побережья была снята. Платежи должны были осуществляться путем отчисления 30 % таможенных сборов портов Ла-Гуайры и Пуэрто-Кабелью, причем при распределении этой суммы между кредиторами преимущественные права по решению Гаагского международного трибунала предоставлялись блокировавшим державам.

Первое десятилетие XX в. ознаменовалось резким усилением экономической экспансии великих держав в Венесуэле. Наибольшую активность проявляла в тот период Англия. В 1907 г. англо-голландский концерн «Ройял Датч Шелл» и его филиалы через подставных лиц — венесуэльцев получили выгодные концессии на добычу нефти в штатах Сулия, Фалькон, Лара и других районах. Стремясь вытеснить конкурентов, капиталовложения которых, превысив к 1912 г. 41 млн. долл. (59 % всех вложений), намного опережали инвестиции США (4 % общей суммы), американские монополии форсировали свое проникновение в страну. В связи с тем, что режим С. Кастро пытался ограничить их деятельность и аннулировал некоторые предоставленные ранее концессии, они стали решительно поддерживать его противников. Пользуясь отъездом тяжело больного диктатора для лечения в Европу, вице-президент Хуан Висенте Гомес

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 669.

при содействии США, пославших военные корабли в венесуэльские воды, 19 декабря 1908 г. произвел государственный переворот.

Кастро был свергнут, по словам венесуэльского историка Ф. Брито Фигероа, «не за деспотизм и не за кровавые оргии, имевшие место во время его пребывания на посту главы государства, но лишь для того, чтобы посадить на его место другого деспота, другого помещика-каудильо, который был бы совершенно лишен национального достоинства и проводил бы политику концессий без каких-либо ограничений»¹. Выполнив все финансовые требования североамериканских компаний, Гомес широко открыл им двери в Венесуэлу, в частности предоставил права на добычу нефти.

Долголетняя мрачная диктатура невежественного тирана Гомеса (1909—1935), выражавшего интересы латифундистов, крупной буржуазии и иностранного капитала, характеризовалась жестоким террором по отношению к трудящимся массам и беспощадной расправой с прогрессивными силами. В тюрьмах томилось множество политических заключенных. Среди них было немало руководителей зарождавшегося рабочего движения. Вслед за стачками портовиков Ла-Гуайры и трамвайщиков в 1909 г. образовалась Ассоциация рабочих и ремесленников столичного округа. В марте 1914 г. вспыхнула общенациональная забастовка телеграфистов, охватившая наряду с Каракасом Валенсию, Трухильо, Маракайбо и восточные районы. Все эти выступления подавлялись властями.

В стране процветали протекционизм и коррупция. Правительство пошло на значительные уступки церкви, которая снова получила возможность влиять на школьное образование. Были установлены дипломатические отношения с Ватиканом. Принятая в 1914 г. конституция ограничила избирательное право различными цензами, а срок полномочий президента увеличила до 7 лет. Единственной политической партией являлась созданная диктатором организация «Кауса де ла реабилитасьон насьональ» («Дело национального восстановления»).

В качестве идеологической базы режима его апологет Лауреано Вальенилья Ланс, занявший в 1915 г. пост редактора газеты «Эль нуэво диарио» — официального органа правящей партии, — выдвинул теорию «демократического цезаризма» (1919). Суть ее сводилась к тому, что только авторитарная власть, осуществляемая сильной личностью («демократическим цезарем», «необходимым жандармом»), в состоянии обеспечить экономический и социальный прогресс, порядок и стабильность, уберечь семью, общество и государство от тлетворного влияния «демагогов, якобинцев, анархистов, большевиков».

Для экономического положения Венесуэлы в первое десятилетие правления Гомеса большое значение имел дальнейший рост иностранных капиталовложений. Хотя доминирующие позиции в венесуэльской экономике продолжала сохранять Англия, вторжение монополий США осуществлялось весьма быстрыми темпами, особенно в нефтедобывающей промышленности, где их удельный вес неуклонно повышался. Положительно сказалась на хозяйственной жизни страны начавшаяся мировая война. В условиях сложившейся благоприятной рыночной конъюнктуры значительно увеличился вывоз кофе, какао, каучука, кож, причем из года в год все большая часть вывозимой продукции приходилась на долю США. Объем экспорта возрос с 1914 по 1919 г. на 130 %, а стоимость его — на 240 %. Если в 1908—1909 гг. превышение государственных доходов над расходами составило всего 2,4 млн., а в 1914—1915 гг. — 5,7 млн. боливаров, то в 1919—1920 гг. оно достигло 33 млн. Но за счет высоких прибылей обогащались преимущественно господствующие классы, в первую очередь правящая олигархия.

¹ Брито Фигероа Ф. Венесуэла XX века. М., 1969. С. 24.

КОЛУМБИЯ В 1830—1914 ГГ.

Установление личной диктатуры Боливара, продиктованное его стремлением предотвратить распад Великой Колумбии, вызвало сопротивление не только в Венесуэле и Кито, но и в самой Кундинамарке. Рост оппозиции нашел выражение в многочисленных заговорах и восстаниях. 25 сентября 1829 г. заговорщики проникли в президентский дворец в Боготе с целью убить «Освободителя», однако ему удалось спастись. В том же месяце вспыхнули антиправительственные мятежи в Попаяне и Антьокии. Хотя они были подавлены, влияние и популярность Боливара неуклонно падали. Усиление сепаратистских тенденций привело к отделению Венесуэлы и Кито (май 1830 г.). Еще до этого Боливар заявил о своей отставке и 8 мая покинул столицу. Его преемником на посту президента Колумбии (существовавшей теперь практически лишь в границах бывшего департамента Кундинамарка) конгресс избрал Хоакина Москеру, отстраненного вскоре генералом Рафаэлем Урданетой, который 5 сентября взял власть в свои руки.

Но брожение и анархия в стране продолжались. На юге восстали войска под командованием генералов Обандо и Лопеса; провинции, расположенные в долине р. Кауки, захватил Эквадор; во многих районах Кундинамарки, Магдалены, Антьокии население выступало против узурпатора. В апреле 1831 г. Урданета вынужден был сложить свои полномочия, а в октябре собрался национальный конгресс, принявший 29 февраля 1832 г. конституцию нового государства — республики Новая Гранада.

Согласно конституции законодательную власть осуществлял двухпалатный конгресс, состоявший из сената и палаты представителей. Главой исполнительной власти являлся президент, выбиравшийся народным голосованием на 4 года без права переизбрания. При нем имелся — в качестве совещательного органа — государственный совет из семи членов, назначаемых конгрессом на такой же срок. Президента, вице-президента, сенаторов и депутатов избирали коллеги выборщиков, куда входили грамотные мужчины, достигшие 25 лет (женатые с 21 года), кроме слуг и поденщиков. В административном отношении страна была разделена на 15 провинций, управляемых губернаторами, которые назначались президентом. Провинции в свою очередь делились на кантоны, а те — на приходы, возглавляемые алькальдами.

Временным президентом Новой Гранады впредь до конституционных выборов конгресс подавляющим большинством голосов заочно избрал Франсиско де Паула Сантандера, находившегося в эмиграции. По возвращении на родину он в октябре 1832 г. приступил к исполнению своих обязанностей и вскоре был единодушно выбран на предусмотренный законом четырехлетний период.

В политике нового правительства видное место занимали усилия по нормализации отношений с соседними государствами. Одним из первых шагов явилось урегулирование крайне обострившегося конфликта с Эквадором. Образовавшееся в Кито правительство генерала Флореса аннексировало, как указывалось, юго-западную часть Новой Гранады (долину р. Кауки), и в октябре 1831 г.

эквадорский конгресс объявил ее частью территории Эквадора. В конце года в Попаян были направлены новогранадские войска, в дальнейшем, при поддержке местного населения, изгнавшие эквадорцев также из Чоко, Пасто и Буэнавентуры. В декабре 1832 г. Новая Гранада и Эквадор заключили договор о мире, дружбе и союзе, согласно которому обе стороны взаимно признали независимость и суверенитет друг друга в границах, существовавших прежде между Новой Гранадой и Кито.

На протяжении двух лет Новая Гранада вела переговоры с Венесуэлой с целью уладить разногласия, возникшие из-за споров о порядке погашения государственного долга Великой Колумбии. В конце концов пришли к соглашению, что половину суммы, следуемой иностранным кредиторам, выплатит Новая Гранада, а вторую половину — Венесуэла и Эквадор. Достигнутая договоренность была зафиксирована в документе, подписанном в декабре 1834 г. Но новогранадский конгресс отказался его ратифицировать в связи с негативным отношением венесуэльского парламента к договору о дружбе, союзе, торговле, мореплавании и границах между двумя странами, заключенному годом раньше (отказ конгресса Венесуэлы от ратификации этого договора объяснялся притязаниями на небольшую территорию Сан-Фаустино по правому берегу р. Тачира).

Ко времени очередных президентских выборов на политической арене Новой Гранады выступали три основных течения. Различия между ними нашли внешнее выражение в позиции по вопросу о кандидатуре на пост главы государства. Сторонники Сантандера считали, что для укрепления власти и повышения ее авторитета президентом должен стать обязательно военный. По мнению «цивилистов», на этот пост, напротив, следовало выдвинуть гражданское лицо. Группировка, объединявшая бывших приверженцев Боливара, также поддержала кандидата умеренного крыла «цивилистов» вице-президента Хосе Игнасио Маркеса. На выборах 1837 г. ни одна из кандидатур не собрала требуемого абсолютного большинства голосов, вследствие чего вопрос был передан на рассмотрение конгресса, который высказался в пользу Маркеса, получившего при голосовании относительное большинство.

На протяжении первой половины своего правления (1837—1841) новый президент принял меры к восстановлению порядка в стране и упорядочению экономики. Был издан уголовный кодекс, установлены торговые отношения с Испанией. Однако предпринятые властями в 1839 г. попытки закрыть обезлюдившие монастыри в провинции Пасто вызвали вооруженное сопротивление местного населения. Оно было подавлено правительственными войсками, но в середине 1840 г. снова вспыхнул мятеж под флагом защиты католической религии. Его руководитель генерал Обандо провозгласил себя «верховным главнокомандующим армии Пасто». При содействии эквадорских войск мятежников удалось разгромить, но восстания продолжались во многих провинциях.

В их подавлении заметную роль сыграл генерал Эрран, ставший следующим президентом республики (1841—1845). Ему удалось добиться прекращения кровопролитной гражданской войны, в результате которой хозяйство Новой Гранады пришло в упадок, а ее финансовое состояние стало катастрофическим. Губительные последствия имела эпидемия оспы. В деятельности правительства Эррана главное место занимали усилия по стабилизации положения страны. Значительное внимание уделялось развитию высшего и среднего образования, система которого подверглась полной реорганизации. В 1843 г. была принята очередная конституция, предусматривавшая централизацию управления государством и расширение prerogative президента.

В 1845 г. на этот пост был избран видный представитель оппозиции, противостоявшей правящей группировке, генерал Томас Сиприано де Москера (1845—1849). Активный участник войны за независимость, адъютант и один из ближайших помощников Боливара, он сыграл выдающуюся роль в политичес-

кой жизни своей родины в качестве крупного государственного деятеля — министра, губернатора, сенатора и неоднократного президента. Его характер, взгляды, поступки отличались крайней противоречивостью: несомненный ум и незаурядные способности сочетались в нем с мелочным тщеславием, высокомерием, грубостью и даже жестокостью. Склонный к демагогии, Москера умел подчас быстро приобрести популярность, но мог столь же легко пробудить ненависть к себе.

Вторая половина 40-х годов ознаменовалась рядом полезных начинаний: мерами по развитию судоходства по р. Магдалене, упорядочением денежного обращения, улучшением деятельности почты, строительством шоссейных дорог, модернизацией оборудования учебных заведений и обсерватории, усовершенствованием типографского дела, поощрением европейской иммиграции. Отказ от протекционизма и введение свободы торговли (1847) вызвали приток иностранных товаров, с которыми, однако, не могла конкурировать продукция зарождавшейся местной промышленности. В результате многие предприятия закрылись, а их персонал оказался без работы.

12 декабря 1846 г. правительство Москера заключило договор с США, которые в поисках кратчайшего морского пути к западному побережью Америки и в Азию проявляли растущий интерес к Центральной Америке с точки зрения возможности прорытия межокеанского канала. Согласно этому договору администрация президента Полка добилась права свободного и беспошлинного транзита через Панамский перешеек. США в свою очередь обязались гарантировать суверенитет Новой Гранады над перешейком и его полную нейтрализацию. Основанная позднее американская Компания Панамской железной дороги получила концессию на строительство железнодорожного пути от Атлантического до Тихоокеанского побережья¹.

Президентские выборы 1849 г. проходили в обстановке острого экономического кризиса, сопровождавшегося резким обнищанием трудящихся, ростом безработицы, требованиями возврата к протекционистской системе. К тому времени завершился начавшийся еще в 30-е годы процесс формирования двух традиционных политических партий — консервативной и либеральной (как и в Венесуэле, весьма далеких от того, что понимается под словом партия в наши дни). Первая выражала в основном интересы крупных землевладельцев, высшей церковной иерархии, реакционной верхушки армии, вторая представляла зарождавшуюся торгово-промышленную буржуазию, средних и мелких земельных собственников, часть среднего и высшего звена офицерства. В итоге ожесточенной борьбы, после нескольких туров голосования, победу одержали либералы. К власти пришли буржуазные силы, желавшие покончить с пережитками колониальной структуры в политической и экономической области.

С ними была связана численно небольшая, но влиятельная прослойка обуржуазившейся земельной аристократии, которая занималась разведением скота на экспорт, добычей золота и серебра, выращиванием табака, сахарного тростника и других плантационных культур. Скотоводство и табаководство являлись важнейшими отраслями сельского хозяйства. О темпах их развития свидетельствовал быстрый рост объема вывозимой продукции. Так, экспорт кож увеличился с 1834 по 1844 г. в 2¹/₂ раза, а стоимость вывоза табака выросла за эти годы в 21 раз.

Либералы добились успеха в значительной мере благодаря поддержке со стороны «Демократического общества», основанного в Боготе во второй половине 40-х годов. Оно объединяло главным образом ремесленников, страдавших от конкуренции заграничных товаров и тщетно взывавших о помощи к прави-

¹ Он вступил в строй 28 января 1855 г., когда в Панаму прибыл первый поезд из порта Колон. В сентябре следующего года американские войска временно оккупировали Панаму.

тельству Москеры. Именно под их давлением конгресс, несмотря на преобладание в нем консерваторов, 7 марта 1849 г. высказался в пользу либерального кандидата генерала Хосе Иларио Лопеса. Заботясь об укреплении и расширении своей массовой базы, новое правительство поощряло создание на периферии мелкобуржуазных «Демократических обществ» по образцу столичного. Это облегчило либералам завоевание большинства мест в конгрессе на выборах 1849 г.

Правительство Лопеса (1849—1853) провело ряд важных преобразований, необходимых, чтобы обеспечить условия для дальнейшего развития капитализма. Оно начало со смещения видных консервативных деятелей с государственных должностей и командных постов в армии. Тесные связи консерваторов с церковью и открытое вмешательство последней в политическую жизнь побудили либералов к мерам антиклерикального характера. В мае 1850 г. правительство удалило из Новой Гранады иезуитов, которые, возвратившись в страну несколькими годами раньше, пытались подчинить своему влиянию систему народного образования. Год спустя последовал декрет о передаче государству облагаемой налогом собственности церкви и духовных корпораций. С целью развития светской школы были открыты новые учебные заведения, издан закон об обязательном и бесплатном начальном обучении. Конгресс отменил все привилегии духовенства (фуэро), ввел гражданский брак. Когда прелаты церкви, подстрекаемые римской курией, попробовали протестовать, сенат вынес в июне 1852 г. решение о немедленном изгнании архиепископа Мануэля Хосе Москеры и епископов Картахены и Памплоны.

22 июня 1850 г. правительство предоставило индейцам право продажи своей части общинной земли, юридически находившейся в коллективном владении (ресгурдо). Но эта реформа отнюдь не способствовала разрешению аграрной проблемы, возникшей вследствие крайне неравномерного распределения земельного фонда среди населения. В большинстве случаев участки, продаваемые индейцами, скупали за бесценок латифундисты и спекулянты. Таким образом поляризация еще больше усиливалась. С одной стороны, происходил рост крупного землевладения, с другой — шел процесс обезземеливания, обнищания и деградации индейского крестьянства, дробления наделов, превращения вчерашних мелких собственников в издольщиков, арендаторов или батраков. В итоге значительная часть прежде обработывавшихся земель стала использоваться менее интенсивно, что привело к снижению экономического потенциала. Напротив, ликвидация табачной монополии была экономически полезной мерой, так как стимулировала расширение производства этой культуры.

21 мая 1851 г. конгресс, несмотря на возражения консерваторов, издал закон о полной и окончательной отмене рабства, с выплатой денежной компенсации бывшим рабовладельцам. Была также объявлена свобода печати, упразднена смертная казнь за политические преступления, отменена десятина, учреждена специальная картографическая комиссия, составившая в дальнейшем первую полноценную карту республики.

Реформы, проводившиеся в период президентства Лопеса, вызвали противоречивую реакцию. В среде либералов на этой почве произошел раскол. Все они в целом выступали за проведение преобразований. Но умеренное крыло предлагало действовать осторожно, не спеша, сохраняя при этом сильную центральную власть (за что противники прозвали их «драконовцами»), тогда как радикальная фракция была настроена гораздо решительнее и требовала более быстрого осуществления необходимых реформ. Многих радикалов (особенно молодежь) вдохновляли пример и идеи французской революции 1848 г. Широко пользуясь революционной фразеологией, оперируя лозунгами свободы, равенства и братства, они часто ссылались на Евангелие, как источник, откуда заимствованы эти понятия, и поминали в данной связи Христа, принявшего мученический венец на Голгофе. Поэтому их прозвали «голгофцами».

Предметом ожесточенных споров внутри либеральной партии являлся, в частности, вопрос о свободе торговли. Обе группировки в принципе высказывались в пользу такой системы. Но радикалы настаивали на ее немедленном введении без всяких ограничений, для чего добивались полной отмены всех ввозных пошлин. Умеренные же полагали, что к этой цели следует продвигаться медленно, путем постепенного снижения таможенных тарифов. Разногласия между ними еще больше углубились вследствие расхождений по поводу того, как поступить с участниками мятежа, поднятого в 1851 г. на юге Новой Гранады консерваторами-рабовладельцами: одни считали необходимым наказать их, другие были настроены примирительно.

На очередных президентских выборах при поддержке армии победил кандидат «драконовцев» генерал Хосе Мария Обандо, приступивший 1 апреля 1853 г. к исполнению своих обязанностей. Однако в конгрессе большинство сохранили «голгофцы», которые систематически отвергали предложения правительства. По их настоянию 21 мая конгресс принял новую конституцию, провозгласившую всеобщее прямое избирательное право при тайном голосовании, свободу слова, печати, собраний, равенство перед законом, неприкосновенность личности, имущества и жилища, свободу вероисповедания. Церковь отделялась от государства и вмешательство последнего в церковные дела не допускалось. Должности губернаторов провинций, ранее назначавшихся президентом, стали выборными. Таким образом конституция предусматривала известную децентрализацию власти и сужение полномочий правительства. Этому способствовала также последующая отмена государственного патроната над церковью.

Действия конгресса вызвали недовольство как консерваторов, так и умеренных либералов. Вместе с тем противники Обандо, пользуясь положениями конституции 1853 г., добились перехода в их руки губернаторских постов в ряде провинций и существенного увеличения своего парламентского представительства. Мелкобуржуазные городские «Демократические общества», в прошлом поддерживавшие либералов, стали настойчиво требовать от властей восстановления покровительственных таможенных тарифов. Определенные армейские круги усматривали в наметившейся децентрализации государственной структуры потенциальную угрозу своим позициям. Таким образом, социальная база правительства неуклонно сужалась. В этой критической ситуации Обандо проявил пассивность и нерешительность.

17 апреля 1854 г. ремесленники Боготы и воинские части столичного гарнизона во главе с бывшим главнокомандующим генералом Мело вышли на улицы. Президент Обандо, отвергший предложение установить революционную диктатуру, был арестован, а конституция аннулирована. Восставшие от имени «народа Боготы» объявили диктатором Мело. Вслед за тем антиправительственные силы взяли верх во многих провинциях, но, будучи плохо организованы и не имея четкой позитивной программы, оказались не в состоянии координировать свои действия и закрепить достигнутые успехи.

Желая восстановить конституционный строй, обе традиционные политические партии на время объединились. Их войска, разгромив армию Мело, в начале декабря 1854 г. вошли в Боготу. Бразды правления впредь до очередных выборов оказались в руках умеренного консерватора Мальярино, который в 1855—1857 гг. провел важную административную реформу, преобразовав 35 провинций в 8 самоуправляющихся штатов.

Хотя президентские выборы 1857 г. формально считались всеобщими, сохранение высокого имущественного и образовательного ценза фактически устранило от участия в них большинство населения. Продолжавшиеся споры между враждующими фракциями либералов помешали им выдвинуть единого кандидата, что облегчило победу представителю консерваторов Мариано Оспины Родригеса (1857—1861).

22 мая 1858 г. была принята новая федералистская конституция, согласно которой страна стала именоваться Гранадской конфедерацией, являвшейся союзом автономных штатов. Каждый из них имел собственную конституцию, законодательное собрание и другие органы власти, пользуясь всеми правами, за исключением тех, которые признавались прерогативой президента, федерального конгресса или верховного суда. Однако вскоре консервативное правительство урезало автономии штатов, в частности, присвоило себе функции контроля над выборами губернаторов и местными таможнями. Иезуиты вновь получили разрешение вернуться в страну и заняться миссионерской и педагогической деятельностью. В тех штатах, где правили либералы, консерваторы пытались оттеснить их, не останавливаясь перед применением силы.

Тогда сторонники либералов в свою очередь взялись за оружие и установили господство над штатом Боливар, изгнав оттуда своих противников. Правительство поспешило ввести чрезвычайное положение и поручило подавление восстания экс-президенту генералу Эррану. Опираясь на консервативное большинство конгресса, оно добилось принятия закона о поддержании общественного порядка, предусматривавшего уголовную ответственность должностных лиц штатов за нарушение мира и спокойствия или неподчинение федеральным законам и властям.

Однако все усилия оказались тщетными. Более того, они лишь способствовали активизации либеральной оппозиции. В 1860 г. антиправительственные волнения распространились и на некоторые другие штаты. В мае Каука, а вслед за тем Магдалена и Боливар, требуя полного суверенитета, вышли из состава конфедерации. В ходе разгоревшейся гражданской войны, шедшей с переменным успехом, силы либералов возглавил губернатор Кауки, бывший президент Томас Сиприано де Москера. В июле 1861 г. его войска овладели Боготой, захватив в плен большую часть армии и многих высших чиновников, включая Оспину, срок полномочий которого уже истек.

Вторично заняв пост главы государства, Москера объявил себя временным президентом и верховным главнокомандующим. Ему пришлось еще больше года вести вооруженную борьбу против консерваторов, закончившуюся лишь в октябре 1862 г. Однако основное внимание новое правительство уделяло внутриполитическим проблемам. Оно национализировало собственность религиозных корпораций, закрыло монастыри, опять запретило деятельность иезуитского ордена, конфисковало его имущество и выслало иезуитов. Собравшийся в столице конгресс уполномоченных штатов принял 20 сентября 1861 г. «Пакт Союза», который провозгласил штаты суверенными и независимыми политическими образованиями, составляющими «Соединенные Штаты Колумбии». Он определял круг вопросов, передаваемых штатами в ведение центрального правительства, предусматривал разделение власти и гарантии личных свобод.

По завершении военных действий 4 февраля 1863 г. в небольшом городке Рионегро (восточнее Антьюкии) открылось Учредительное собрание, созданное для пересмотра конституции. Консерваторы, потерпевшие в ходе войны сокрушительное поражение, там не были представлены. Все депутаты являлись либералами. Но поскольку они и тут разделились на две примерно равные по численности группы, обсуждение внесенных конституционных проектов вызвало горячие споры. После продолжительных и бурных дебатов собрание 8 мая одобрило, наконец, так называемую «конституцию Рионегро», закрепившую за государством наименование Соединенные Штаты Колумбии. Таким образом, на политической карте Южной Америки снова появилось прежнее название Колумбия, отсутствовавшее в течение трех десятилетий.

В отличие от всех предшествующих конституций преамбула основного закона 1863 г. не упоминала имени бога, а содержала формулу «именем и по уполномочию народа...». Подтверждались полная автономия и суверенитет штатов

(включая право самим определять порядок избрания депутатов и сенаторов федерального конгресса), гарантировались гражданские свободы, в том числе свобода совести, устанавливался государственный контроль над церковью. Выборы президента осуществлялись штатами, причем каждый из них получал всего один голос. Период пребывания главы государства в должности ограничивался двумя годами, а переизбрание его на следующий срок не допускалось. Сложная процедура изменения конституции (для этого требовалось единогласное решение сената, при принятии которого представители каждого штата располагали одним голосом, либо постановление конвента, созываемого по требованию законодательных собраний всех штатов) весьма затрудняла ее пересмотр. Не удивительно, что она оставалась в силе на протяжении почти четверти века.

Перед тем, как завершить свою работу, Учредительное собрание продлило мандат президента Москеры до 1 апреля 1864 г. Его преемником стал лидер радикалов Мурильо Торо (1864—1866), однако два года спустя к власти опять пришел Москера. К тому времени, в условиях резкого обострения противоречий между либералами и консерваторами и продолжающегося раскола в рядах либеральной партии, разногласия между правительством и конгрессом вылились в открытый конфликт. Парламентарии отклоняли правительственные законопроекты один за другим. Президент в свою очередь поставил под сомнение законность избрания ряда членов конгресса и требовал проверки их полномочий.

Конфронтация достигла апогея в связи с внешнеполитическими акциями Москеры, обусловленными первой Тихоокеанской войной, которую Испания вела в 1865—1866 гг. против коалиции Чили, Перу, Эквадора и Боливии. Официально Колумбия объявила о своем нейтралитете в этой войне. Но в августе 1866 г. правительство за спиной конгресса заключило секретный договор с Перу об оборонительном союзе против Испании. Когда это стало известно, политические противники президента, обвинив его в нарушении конституционной процедуры, решили воспользоваться удобным моментом, чтобы свести с ним счеты. Желая опередить своих врагов, Москера 29 апреля 1867 г. ввел военное положение, объявил о закрытии сессии конгресса, распорядился арестовать ряд руководителей оппозиции и увеличить численность армии.

Однако эти меры не помогли. Не прошло и месяца, как заговорщики во главе с генералом Сантосом Акостой в ночь на 23 мая совершили государственный переворот. Взятый ими под стражу Москера через несколько месяцев предстал перед сенатом, приговорившим его за нарушение конституции и злоупотребление властью к двум годам тюремного заключения (замененным в дальнейшем высылкой).

В последующие годы у власти находились «голлгофцы», которые стали называть себя радикальной партией. Пост президента последовательно занимали Сантос Акоста (1867—1868), генералы Сантос Гутьеррес (1868—1870) и Эусторхио Сальгар (1870—1872), М. Мурильо Торо (1872—1874), Сантьяго Перес (1874—1876). Это десятилетие было эпохой сравнительно мирного развития, когда острота борьбы партий и группировок заметно притупилась, а хозяйство страны постепенно восстанавливалось после гражданских войн и потрясений предшествующего периода.

Но затишье продолжалось недолго. Уже в связи с президентскими выборами 1876 г. произошел раскол правящей партии, в результате чего ни один из трех выдвинутых кандидатов не получил требуемого большинства голосов. Вопрос был передан на рассмотрение конгресса, который избрал правительственного кандидата Акилео Парру (1876—1878). Тогда консерваторы подняли мятеж, и в июле 1876 г. вновь началась кровопролитная гражданская война, длившаяся до конца апреля следующего года. Она закончилась поражением консерваторов. Военные действия, сопровождавшиеся огромными разрушениями, еще больше подорвали колумбийскую экономику. Большие расходы на содержание

многочисленной армии привели государственные финансы в катастрофическое состояние.

Во время правления генерала Хулиана Трухильо (1878—1880) главную роль фактически играл министр экономики Рафаэль Нуньес — опытный политический деятель и дипломат, возглавивший отколовшуюся от радикалов партию «независимых». Став в 1880 г. президентом, он призвал к «возрождению» страны и с этой целью наметил обширную программу, предусматривавшую прежде всего рост производства основных экспортных культур. Среди них после отмены табачной монополии первое место вплоть до конца 60-х годов занимал табак. Однако вследствие ухудшения его качества, а также из-за конкуренции спрос на него на европейском рынке стал падать. Зато увеличился вывоз хины (достигший максимального объема в начале 80-х годов) и индиго. Но разведение индиго требовало крупных капиталовложений, которыми правительство не располагало. Поэтому особого распространения выращивание этой культуры не получило. К тому же цены на индиго и хину на мировом рынке снизились. В результате разведение и экспорт обоих продуктов оказались для Колумбии невыгодными. Их место в вывозе постепенно начал занимать кофе.

Значительному расширению кофейных плантаций в середине XIX в. способствовали как исключительно благоприятные климатические и географические условия, так и резкое сокращение производства кофе на Кубе и других Антильских островах. Рост кофейного производства привел к изменению облика ряда западных районов республики — Антьокии, Кальдас и др. Нуньес уделял также большое внимание развитию промышленности. При нем был основан Национальный банк.

В политическом плане он стремился заменить федералистское устройство государства централистским, добился издания закона о праве федерального правительства вмешиваться во внутренние дела штатов.

Нуньес рассчитывал продолжить осуществление намеченной программы при своем преемнике — престарелом Франсиско Хавьере Сальдуа, в администрации которого он занял пост первого заместителя президента. Но вопреки ожиданиям Сальдуа попробовал проявить самостоятельность, вследствие чего между ним и Нуньесом возникли трения. Однако, пробыв президентом менее 9 месяцев, он в декабре 1882 г. умер. Главой государства при поддержке всесильного Нуньеса стал второй заместитель покойного президента Хосе Эусебио Оталора (1882—1884).

С приближением очередных выборов радикалы, опасаясь возвращения к власти Нуньеса, вступившего в союз с консерваторами, повели кампанию за продление мандата Оталоры. Но голосами «независимых» либералов и консерваторов, объединившихся в так называемую Национальную партию, 5 февраля 1884 г. президентом вторично выбрали Нуньеса (1884—1894). Сформировав коалиционное правительство из представителей различных партий, он приступил к реализации своего старого плана преобразований, но не успел почти ничего предпринять в этом направлении из-за вспыхнувшей в конце 1884 г. гражданской войны.

Толчком к ней послужили события в штате Сантандер, где главой исполнительной власти был избран кандидат радикалов. Поскольку центральное правительство отказалось признать итоги выборов, радикалы Сантандера, а вслед за ними и ряда других штатов, взялись за оружие. Начался очередной тур борьбы за власть, обусловленный прежде всего тем, что радикальное крыло либералов усматривало в укреплении Национальной партии угрозу своим позициям.

Нуньес объявил всеобщую мобилизацию и, распустив конгресс, фактически установил свою диктатуру (январь 1885 г.). Тем не менее его противникам удалось на первых порах добиться некоторых успехов. Удерживая большую часть Атлантического побережья, они в мае попытались овладеть крепостью Картахе-

ной, находившейся в руках правительственных войск, однако потерпели неудачу. За ней последовали дальнейшие поражения, и 26 августа капитулировали последние остатки армии радикалов.

11 ноября по инициативе правительства в Боготе собрался Национальный совет, созданный для обсуждения программы реформ. Членов его назначили губернаторы штатов (по два от каждого), и все они представляли правящую коалицию. Первым шагом совета явилась отмена конституции 1863 г. До принятия нового основного закона совет избрал Нуньеса президентом на шестилетний срок. Штат Кундинамарка был преобразован в федеральный округ. После длительного обсуждения проекта, составленного ученым, писателем и политическим деятелем Мигелем Антонио Каро, 4 августа 1886 г. совет утвердил новую конституцию.

Согласно этой конституции, действующей со многими изменениями и поныне, страна получила название Республика Колумбия. Прежняя федеративная система государственного устройства уступила место унитарной, а автономные штаты были преобразованы в департаменты, управляемые губернаторами, которые назначались президентом. Высшую законодательную власть осуществлял двухпалатный конгресс, исполнительную — президент, избираемый прямым голосованием на 6 лет, без права переизбрания на следующий срок. Кабинет министров, назначавшийся президентом, нес ответственность только перед ним. Конституция декларировала демократические свободы. Избирательное право, предоставлявшееся лишь мужчинам, достигшим 21 года и имевшим профессию либо постоянное занятие, ограничивалось образовательным и имущественным цензом. Так, чтобы баллотироваться на пост президента или сенатора, надо было иметь годовой доход не менее 2 тыс. песо.

В смысле отношений между государством и церковью конституция 1886 г. означала шаг назад. Ее преамбула в отличие от предыдущей конституции содержала формулу «Именем Бога, верховного источника всякой власти». Несмотря на провозглашение свободы вероисповедания¹ и оговорку о том, что католическая религия не является государственной, она объявлялась религией колумбийской нации, главным критерием «справедливости и несправедливости, добра и зла». Светским властям вменялось в обязанность охранять ее и обеспечить уважение к ней, как к существенному элементу общественного порядка. Признавая полную независимость церкви от государства, правительство отказывалось от какого бы то ни было контроля над ее деятельностью. Вся система народного образования должна была строиться на догмах католицизма.

Предоставленные церкви широкие права и привилегии подтверждались и конкретизировались в конкордате, заключенном правительством Нуньеса с Ватиканом 31 декабря 1887 г. Он предусматривал, в частности, неприкосновенность церковного имущества, обязательное преподавание закона божьего и теологии во всех учебных заведениях, восстановление церковного брака как акта, имеющего юридическую силу, выплату денежной компенсации за экспропрированную собственность церкви.

В лице Нуньеса у власти оказался способный и честолюбивый политический деятель, отличавшийся крайней беспринципностью и склонностью к демагогии. На протяжении своей долгой и весьма извилистой карьеры он многократно резко менял курс, исходя из конъюнктурных соображений, личных интересов и иных причин. Вступив официально 4 июня 1887 г. в должность президента, Нуньес вскоре поселился на своей вилле в Картахене, откуда твердой рукой управлял государственным кораблем. Провозглашенная им в свое время политика «воз-

¹ Гарантировалась «свобода всех религиозных культов, не противоречащих христианской морали».

рождения» первоначально пользовалась поддержкой не только консерваторов, но и многих либералов.

Однако через несколько лет стало очевидно, что страна вновь переживает экономический кризис, сельское хозяйство пришло в упадок, инфляция усилилась, во всех звеньях административного аппарата царит коррупция. Под влиянием явного провала широковещательных планов Нуньеса политическая база его режима заметно сузилась, о чем свидетельствовал, в частности, распад Национальной партии. Используя находившиеся в его руках рычаги власти, президент в 1892 г. еще сумел добиться переизбрания. Но в январе следующего года растущее недовольство вышло наружу. В Боготе вспыхнули волнения голодающего населения, против которого правительство бросило войска и полицию. Начались гонения на либеральную печать. Либералы в свою очередь готовились к вооруженному выступлению. В сложившейся ситуации Нуньес решил вернуться из Картахены в столицу, но этому помешала его внезапная смерть (18 сентября 1894 г.).

Его преемнику вице-президенту Каро (1894—1898) удалось в результате двухмесячной кампании подавить восстание, поднятое либералами в январе 1895 г. Но вследствие острых разногласий среди консерваторов Каро не смог сохранить власть по истечении срока своих полномочий. На очередных выборах победу одержала компромиссная кандидатура престарелого и политически бесцветного Мануэля Антонио Санклемента (1898—1890). Новый президент являлся чисто символической фигурой. Фактически бразды правления сразу же оказались в руках энергичного вице-президента Хосе Мануэля Маррокина.

Поскольку политическая ситуация в стране оставалась неустойчивой, а ее экономика по-прежнему переживала упадок, либералы в июле 1899 г. опять предприняли неудачную попытку восстания. Разгромив мятежников, правительство 18 октября ввело осадное положение. Эта акция послужила сигналом к началу самой кровопролитной и опустошительной в истории Колумбии «тысячедневной войны», длившейся свыше трех лет. На первых порах вооруженная борьба шла с переменным успехом. Военные действия сопровождалось разрушением городов и селений, реквизициями скота и продовольствия, разорением кофейных плантаций, массовым обнищанием населения. После внушительной победы, одержанной правительственными войсками в многодневном сражении при Палонегро (май 1900 г.), наступила пауза, продолжавшаяся около полугода.

Пользуясь временным затишьем, сторонники Маррокина сместили президента Санклемента. Чтобы нейтрализовать либералов, они пообещали им ряд уступок. В результате государственного переворота, совершенного при поддержке столичного гарнизона 31 июля 1900 г., президентом стал Маррокин. Но он и не подумал выполнить обещания, данные либералам. Поэтому боевые операции вскоре возобновились. Особенно ожесточенный характер они приняли в департаменте Бояка, где либералы действовали весьма успешно. Их армия, оборонявшая небольшой город Читу, расположенный высоко в Андах, в середине января 1901 г. отбросила превосходящие силы противника, имевшие четырехкратный численный перевес.

Важную победу одержали войска либералов и на Панамском перешейке. Там издавна были сильны сепаратистские тенденции. Географическое положение и специфика исторического развития обусловили относительную самостоятельность Панама и ее более тесную связь с международной торговлей по сравнению с остальными колумбийскими провинциями. На протяжении XIX в. панамцы неоднократно пытались отделиться от Новой Гранады, а в дальнейшем Колумбии, или добиться хотя бы подлинной автономии в рамках федеративного государства. К этому их толкала и политика жесткой административной и экономической централизации, проводимая правительством республики, особен-

но после принятия конституции 1886 г. и прихода к власти консерваторов. Следует учитывать также тяжелые для Панамы последствия частых гражданских войн.

Рост сепаратистского движения на перешейке на рубеже XIX и XX вв. благоприятствовал действиям либералов в этом районе. В конце июля 1902 г. они блокировали пятитысячную армию консерваторов, сосредоточенную в Агуадульсе, и через месяц вынудили ее к капитуляции. Таким образом, либералы практически установили контроль над всей панамской территорией, за исключением главных портовых городов Панамы и Колона, а также соединяющей их железной дороги¹, охраняемых морской пехотой США.

Встревоженное успехами либеральной оппозиции, правительство Маррокина обратилось к Вашингтонской администрации с просьбой об оказании военной помощи для восстановления статус-кво в Панаме. Но еще ранее к ее побережью направились военно-морские суда США, высадившие десант. Прибывший на перешеек представитель президента Т. Рузвельта контр-адмирал Кейзи воспротивился перевозке колумбийских правительственных войск по железной дороге из Колона в Панаму.

21 ноября 1902 г. на борту американского крейсера «Висконсин» было подписано перемирие, означавшее окончание трехлетней гражданской войны в Колумбии. Она нанесла стране огромный урон: парализовала производство, нарушила коммуникации, подорвала торговлю, вызвала резкое усиление инфляции. В ходе ее погибло не менее 100 тыс. человек.

Однако прекращение боевых операций отнюдь не привело к устранению или смягчению противоречий между Панамой и правительством в Боготе. Напротив, в условиях послевоенной разрухи отношения еще больше обострились и стремления панамцев к государственной независимости усилились. Ростом сепаратистского движения не замедлили воспользоваться в своих интересах правящие круги США, располагавшие к тому времени довольно прочными экономическими позициями в Колумбии.

Североамериканские капиталы, интенсивное проникновение которых происходило во второй половине XIX в., вкладывались главным образом в сельское хозяйство, горнодобывающую промышленность, транспортные предприятия. В результате слияния ряда компаний в 1899 г. образовалась крупная «Юнайтед фрут компани», постепенно монополизировавшая закупки бананов и других фруктов, особенно в Панаме, предоставлявшая ссуды владельцам плантаций и т. д. Общая сумма инвестиций США в Колумбии достигла к концу столетия примерно 14 млн. долл.

Неуклонно возрастающая экономическая зависимость южноамериканской республики позволяла Вашингтонскому правительству все более настойчиво требовать от нее согласия на прорытие меж океанского канала через колумбийскую территорию. Вдохновленная победой в испано-американской войне 1898 г. администрация США, стремясь к захвату новых рынков, источников сырья и сфер приложения капитала, с начала XX в. форсировала планы строительства в Центральной Америке искусственного водного пути, который соединил бы два океана. Наличие такого судоходного канала существенно сократило бы коммуникации между атлантическими портами США и западным побережьем Америки, Океанией, Дальним Востоком, а также имело бы важное стратегическое значение с точки зрения установления контроля североамериканцев над всем Карибским бассейном.

После длительных дипломатических переговоров Англия по настоянию США согласилась аннулировать компромиссный договор Клейтона — Булвера

¹ Панамская железная дорога была выкуплена в 80-х годах французской «Всеобщей компанией по строительству меж океанского канала», но руководящие должности в ее управлении американцы сохранили за собой.

1850 г., в соответствии с которым обе державы обязались не добиваться исключительных прав на будущий канал. Новый договор, подписанный 18 ноября 1901 г. государственным секретарем Хэем и британским послом в Вашингтоне Паунсфотом, признавал за американской стороной право на строительство меж-океанского канала, а в дальнейшем его эксплуатацию и охрану. В июне 1902 г. конгресс США принял «акт Спунера», уполномочивший президента Т. Рузвельта приобрести у французской «Новой компании Панамского канала» все концессионные права и имущество, а также обеспечить условия для сооружения канала через Панамский перешеек. В том же году была достигнута соответствующая предварительная договоренность с Францией.

Однако замыслы США встретили решительное противодействие со стороны Колумбии. Правда, под нажимом Вашингтона правительство Маррокина дало своему поверенному в делах Эррану директиву подписать соглашение, подготовленное в основном на базе предложений государственного департамента. Согласно этому документу, датированному 22 января 1903 г., Колумбия разрешала французской компании переуступить свои права США, причем концессия предоставлялась на 100 лет (при желании срок аренды мог быть продлен). Для постройки канала отводилась полоса панамской территории шириной 10 км. За Соединенными Штатами признавалось право учреждать в этой зоне свои суды, в случае необходимости вводить туда войска, обеспечивать безопасность канала, а также свободно пользоваться всеми колумбийскими портами. США должны были выплатить Колумбии единовременную компенсацию в размере 10 млн. долл., а начиная с 10-го года действия договора вносить ежегодно арендную плату по 250 тыс. долл.

Но неравноправный договор Хэя — Эррана вызвал крайнее возмущение колумбийской общественности, справедливо усмотревшей в нем грубое нарушение национального суверенитета. Он подвергся резкой критике на сессии конгресса, где оппозицию правительству в данном вопросе возглавил бывший президент Каро. По его инициативе сенат 12 августа 1903 г. единодушно отказался ратифицировать договор. Вместе с тем конгресс в принципе санкционировал возобновление переговоров с США о заключении другого соглашения на приемлемых для Колумбии условиях. 1 ноября президент Маррокин публично объявил о готовности правительства к таким переговорам. Однако вашингтонская администрация в них уже не нуждалась, так как в Белом доме решили действовать иначе, пользуясь выгодной ситуацией, сложившейся на самом перешейке.

Отклонение договора Хэя — Эррана колумбийским сенатом вызвало недовольство панамцев, связывавших с прорытием меж-океанского канала надежды на экономический прогресс и политическую автономию, а в перспективе и полную независимость Панама. Эта акция послужила толчком к усилению сепаратистского движения, в котором участвовал ряд представителей местной олигархии. В созданной ими «революционной хунте» заметную роль играл 70-летний Мануэль Амадор Герреро — врач по профессии, в течение многих лет состоявший на службе в компании Панамской железной дороги. При содействии французского предпринимателя Филиппа Бюно-Варильи (одного из главных акционеров «Новой компании Панамского канала» и владельца газеты «Матэн») хунта заручилась поддержкой правящих кругов США, рассчитывавших использовать отделение Панама в своих целях.

Обеспокоенное положением на перешейке, правительство Колумбии распорядилось срочно послать подкрепления панамскому гарнизону. На рассвете 3 ноября 1903 г. они высадились в порту Колон, куда накануне вошел североамериканский крейсер «Нэшвил», капитан которого имел инструкции не допускать переброски колумбийских войск в г. Панаму. В соответствии с этим указанием железнодорожные служащие-американцы заранее угнали весь подвижной состав на другой конец линии. В тот же день в г. Панаме заговорщики, предва-

рительно подкупив большинство солдат и офицеров, арестовали начальника гарнизона и губернатора департамента, что символизировало разрыв всяких отношений с властями в Боготе. Колумбийский контингент, оставшийся в Колоне, после высадки на берег десанта морской пехоты США вынужден был покинуть порт и вернуться обратно в Картахену.

4 ноября образованная сепаратистами временная правительственная хунта провозгласила независимость Панамской республики. Уже 6 ноября США признали ее как суверенное государство и, направив к панамскому побережью дополнительные крупные военно-морские силы, заявили, что воспротивятся любой попытке Колумбии оккупировать перешеек. Поставленное перед свершившимся фактом правительство Маррокина проявило нерешительность и, продолжая протестовать, фактически примирилось с отделением Панамы.

Между тем администрация Рузвельта форсировала заключение договора о строительстве канала. Проект его был срочно разработан государственным департаментом. 18 ноября Хэй и Бюно-Варилья, назначенный панамским посланником в Вашингтоне, подписали договор, носивший еще более грабительский характер, чем даже договор Хэя — Эррана. США получили в вечное пользование зону шириной 16 км¹ для сооружения и последующей эксплуатации меж-океанского канала. За ними признавались навечно вся полнота власти в указанной зоне, право держать там войска и возводить укрепления, а также монополия на любые водные или сухопутные средства сообщения между Карибским морем и Тихим океаном в пределах территории Панамы. Сумма денежной компенсации и порядок выплаты ее оставались такими же, как по договору Хэя — Эррана.

Согласившись на заключение униженного договора Хэя — Бюно-Варилья, правящая панамская олигархия продолжала идти по пути предательства национальных интересов. Принятая в феврале 1904 г. конституция республики по существу предоставила Соединенным Штатам право применять вооруженную силу для поддержания порядка в любой части страны. Первым президентом Панамы на основе конституции был избран М. Амадор Герреро (1904—1908).

При нем началось строительство канала, осуществлявшееся военным министерством США. Пользуясь правами, приобретенными по договору 1903 г., американские монополии усилили свое проникновение в панамскую экономику. Вместе с тем США бесцеремонно вмешивались и в политическую жизнь нового государства. По их настоятельной «рекомендации» правительство Амадора распустило армию. В 1908 и 1912 г. они навязали свое «наблюдение» над президентскими выборами в Панаме. В 1914 г. строительные работы, наконец, завершились и 16 августа по Панамскому каналу прошло первое судно. Но вследствие оползней официальное открытие его задержалось надолго — до середины 1920 г.

Эта продолжительная задержка объяснялась, однако, не только причинами технического характера. Она была связана также с затяжным кризисом в отношениях между США и Колумбией — страной, расположенной в непосредственной близости от канала.

Колумбийский президент генерал Рафаэль Рейес (1904—1909), распустив конгресс, добившись продления срока своих полномочий до 10 лет и упразднив пост вице-президента, фактически установил личную диктатуру. Этим он вызвал недовольство как со стороны либералов, так и среди консерваторов. Оно обострилось, когда 9 января 1909 г. правительство заключило договоры с США и Панамой, согласно которым Колумбия обязалась признать независимость последней, получив за это в качестве возмещения 2,5 млн. долл. Договоры вызвали массовые демонстрации протеста. Политические противники Рейеса из либеральной и консервативной партий объединились в «Республиканский союз». Кон-

¹ А также группу островов Панамского залива.

гресс отверг договоры, а президент в июне 1909 г. тайно выехал за границу.

Конституционная ассамблея, собравшаяся в Боготе 15 мая 1910 г., сократила срок полномочий главы государства до 4 лет и избрала на этот пост Карлоса Э. Рестрепо (1910—1914), представлявшего блок либералов и консерваторов. Впоследствии этот блок распался, однако правительство Рестрепо сумело все же добиться некоторой стабилизации экономики страны. После длительных переговоров оно в апреле 1914 г. заключило с США договор об урегулировании спорных вопросов. Администрация президента Вильсона выражала «искреннее сожаление» в связи с событиями, происшедшими в 1903 г. на Панамском перешейке, соглашалась выплатить Колумбии денежную компенсацию в размере 25 млн. долл., а также предоставить колумбийским властям и гражданам право пользования каналом на таких же условиях, как американским властям и гражданам. Колумбия в свою очередь признавала независимость Панамы.

Колумбийский конгресс ратифицировал этот договор, но в сенате США он натолкнулся на сопротивление, обсуждался в течение долгого времени и был ратифицирован в сильно урезанном виде уже после первой мировой войны.

Для Колумбии военные годы, когда у власти находилось консервативное правительство Хосе Висенте Кончи (1914—1918), объявившее нейтралитет, явились периодом быстрого экономического развития. Его основой стало существенное увеличение вывоза продукции сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности. Одновременное сокращение импорта готовых изделий способствовало росту текстильной, пищевой и других отраслей обрабатывающей промышленности. Большое значение имело открытие в это время богатых месторождений нефти.

Первые концессии на их разработку предоставлялись колумбийским гражданам, однако вскоре перешли в руки североамериканских нефтяных компаний. В 1919 г. в стране был создан филиал могущественной «Стандард ойл компани» — «Эндиан нэшнл корпорейшн». Приобретение концессий на добычу нефти стало одной из основных форм проникновения монополий США в экономику Колумбии.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Генерал-капитанство Гватемала, на территории которого в 1823 г. образовалось федеративное государство Соединенные провинции Центральной Америки, по конституции 1824 г. получившее название Федерация Центральной Америки, было самой бедной и слабо развитой частью испанской колониальной империи в Западном полушарии. К этому прибавились разорение и политические неурядицы, которые сопутствовали борьбе между сторонниками Испании и патриотами. Федерация с самого начала оказалась стоящей на грани распада. Она была спасена от этого в значительной степени энергией Франсиско Морасана (1792—1842).

Морасан — сын торговца из г. Тегусигальпа в Гондурасе. Самоучкой приобрел образование. Рано включился в национально-освободительное движение. С 1824 г. занимал высокие посты в правительстве Гондураса. Придерживался либеральных взглядов и всеми силами стремился объединить страны Центральной Америки, крепко спаянными повести их по пути прогресса, освободив от пут феодализма и клерикальной реакции.

В сентябре 1826 г. президент федерации Мануэль Хосе Арсе совершил государственный переворот, который привел к преобладанию влияния консерваторов и фактической отмене либеральной конституции 1824 г. Духовенство вновь получило право на гарантируемый правительством сбор десятины. Была введена строгая цензура, урезаны гражданские права. На поверхности политической жизни появились испанцы, монархисты и реакционные священники. Латифундисты, занимавшие господствующее положение во времена генерал-капитанства, быстро возвращали его себе.

Так как резиденция центрального правительства находилась в Гватемале — самом сильном государстве федерации, Арсе прежде всего распустил местное правительство и создал новое, состоявшее из консерваторов и покорное его воле. Иначе говоря, располагая верховной властью, он приобрел возможность распоряжаться лучшей армией федерации.

Переворот, осуществленный консерваторами, не мог не встретить сопротивление либералов, которые до этого главенствовали в политической жизни страны, выдвинувшись вперед, как и в других странах Латинской Америки, во время освободительной борьбы против Испании. Местные либеральные правительства отказывались признавать изменения, произведенные Арсе. Чтобы подчинить их, узурпатор пустил в дело федеральную армию. Когда она вторглась на территорию Гондураса, против нее выступил отряд местных патриотов, которыми руководил Морасан. Вынужденный отступить перед превосходящими силами, отряд ушел в Никарагуа. Получив здесь подкрепления, он вернулся на родину. Противники встретились в долине Ла Тринидад. 1 мая 1827 г. Морасан одержал блистательную победу и вскоре его войска заняли столицу Гондураса г. Комаягуа. Морасан возглавил местное правительство.

Весной 1828 г., после того как было организовано заново и укрепилось либеральное правительство в Гондурасе, его армия под командованием Морасана

пошла на выручку сальвадорских либералов. Арсе осаждал Сан-Сальвадор, столицу страны. В октябре армия Арсе была вытеснена из Сальвадора. «Союзная армия — защитница законов» в начале февраля 1829 г. выступила в поход на столицу федерации. Через два с половиной месяца она вошла в г. Гватемалу. Арсе и его приспешников арестовали. Восстановили федеральную конституцию. Временным президентом федерации назначили бывшего главу правительства Гватемалы Хосе Баррундию.

Либералы победили, но их ожидали большие трудности. Давали о себе знать сепаратистские тенденции, тайно и явно оказывали сопротивление консерваторы. Их союзники — церковные иерархи — использовали религиозный фанатизм обывателей и темных крестьян-индейцев для антиправительственной пропаганды. Национальная ассамблея Гватемалы была вынуждена принять декрет, который предписывал покинуть страну сотням монахов, священников, а также Арсе и другим реакционерам.

22 июля 1829 г. собрался федеральный конгресс. В предшествующий этому событию период Морасан делал все возможное, чтобы укрепить федерацию и содействовать ее экономическому развитию. Высоко оценивая его усилия в этом направлении и его несомненные военные заслуги, конгресс избрал Морасана президентом федерации. В сентябре 1830 г. он приступил к исполнению своих обязанностей.

На посту президента Морасан проявил себя самоотверженным патриотом. Он один из первых распознал опасность, которая крылась для Латинской Америки в рано проявившихся экспансионистских тенденциях внешней политики США. Он был горячим поборником осуществления проектов строительства меж-океанского канала через Никарагуа, видя в этом один из путей к экономическому развитию и процветанию Центральной Америки. Он твердо верил в либеральные принципы своего времени и стремился воплотить их в жизнь на посту главы федерации. В то же время как политик Морасан питал иллюзии, веря в то, что несомненная, как ему казалось, разумность и справедливость исповедуемых им идеалов сама по себе во многом преобразует общество. Он не покусился на социально-экономические основы управляемой им федерации, на главные привилегии и землю церкви. Так он сохранил силу своих врагов и главных эксплуататоров и притеснителей. Поэтому естественный союзник Морасана — основная масса народа, — объективно наиболее заинтересованный в осуществлении либеральных идеалов, не видя изменений в своей судьбе, далеко не всегда отзывался на призывы президента. Более того, он нередко оказывался на стороне его врагов, подстрекаемый духовенством и помещиками.

И все же Морасан сделал для Центральной Америки больше, чем кто-либо другой. Особое значение имели проведенные им реформы: судебная, введившая институт присяжных; образования, в результате которой были созданы два университета (в Сальвадоре и Никарагуа); церковная, введившая — во изменение 11-й статьи конституции — свободу вероисповедания, что для Латинской Америки того времени было очень смелым и прогрессивным шагом.

Усилия Морасана продвинуть страну вперед и хоть в какой-то мере затронуть привычные установления и отношения наткнулись на оппозицию консерваторов, да и немало числа либералов, чья партийная принадлежность определялась главным образом честолюбивыми или корыстными мотивами. Любая оппозиция вырастала в опасность для государства: в условиях еще неокрепших связей между составлявшими его частями. Любая оппозиция имела поддержку католического духовенства, взбешенного утратой их церковью официального статуса единственной законной церкви государства и имевшего огромное влияние на народные массы. Любая оппозиция вырастала в грозную опасность в связи с тем, что испанцы, сохранявшие за собой

близкую Кубу, поддерживали любой заговор, направленный против правительства либералов. То там, то здесь вспыхивали мятежи.

К концу 1831 г. в руках мятежников оказалось все Атлантическое побережье страны. На их сторону перешел глава правительства Сальвадора. Арсе со своими сторонниками двигался в глубь Гватемалы от мексиканской границы. Энергичными военными действиями Морасан разгромил мятежников. И когда казалось, что опасность миновала, — возникла новая, потенциально более грозная. Народные массы, не ощущая перемен к лучшему в своем положении труженников и граждан, подстрекаемые консерваторами, разоряемые непрерывными военными кампаниями и всевозможными поборами со стороны государства и помещиков, все больше поддавались агитации реакционных священников, провяляли недовольство правительством.

Первым тревожным знаком было восстание индейцев, поднятое в 1833 г. в Сальвадоре Анастасио Акино. Следующим — оживление деятельности сепаратистов, которые убеждали население своих стран, что все зло и все невзгоды — в чрезмерной централизации и неспособности федерального правительства обеспечить местные нужды и интересы.

Восстание Акино, незначительное по своим масштабам, было подавлено. Его самого расстреляли. Сепаратисты еще не взяли верх в своих странах. Но было очевидно: власть центрального правительства ослабевает, федерации грозит распад. Чтобы исправить положение, Морасан и его соратники задумались над переустройством федерации. Выдвигался проект сокращения числа составлявших ее государств за счет полного объединения некоторых из них. Другой проект предусматривал ликвидацию федерального объединения отдельных государств. Предполагалось создание единого центральноамериканского государства, разделенного на территориально-административные единицы с более или менее равным числом жителей.

Во время бурного обсуждения этих проектов проходили новые президентские выборы. Хотя проекты вызвали много возражений со стороны сепаратистов, идея если не единого государства, то федерации еще жила. Морасан продолжал пользоваться авторитетом самого достойного и способного руководителя страны. Он вновь был избран президентом и в феврале 1835 г. начался второй четырехлетний срок его правления.

Оставшись у власти, Морасан опубликовал проект новой конституции. В нем в более мягких формах воплощались идеи обсуждавшихся ранее проектов. Конституция предусматривала перенесение столицы федерации в Сан-Сальвадор — ближе к океану и географическому центру страны, подальше от местного правительства Гватемалы, которое в значительной мере контролировало до этого центральное правительство. Государства — члены федерации не могли иметь свои собственные вооруженные силы, облагать налогами торговлю между собой и иностранцами (то и другое переходило в ведение федеральных властей) и взимать пошлины внутри границ федерации. Члены федерации лишились также права предоставлять убежище в данном государстве федерации лицам из другого ее государства, что должно было служить пресечению заговорщической деятельности. Конституция подтверждала свободу вероисповедания и право на иммиграцию.

Для консерваторов, черпавших свои основные силы среди сепаратистов, стало совершенно ясно, что принятие новой конституции подорвет их позиции и укрепит центральную власть. Они развернули против этой конституции отчаянную борьбу по всей стране, заблокировали прохождение ее проекта в конгрессе, использовали в качестве средства контрпропаганды постигшее страну несчастье — эпидемию холеры. Распространившаяся эпидемия косила тысячи людей, прервала связи между населенными пунктами, нанесла этим, кроме прочего, огромный ущерб экономике федерации. Враги новой конституции, и прежде всего

духовенство, представляли все происходившее наказанием за грехи и отступление от веры главы центрального правительства, «еретика» Морасана. Грозя «карой Господней» они вынуждали людей отказываться от лекарств, несущих «порчу», а то и просто обвиняли чиновников и врачей, посланных для помощи населению, в намеренном отравлении и заражении «верных слуг Бога».

Отдельные выступления групп религиозных фанатиков против правительства постепенно учащались и расширялись. В мае 1837 г. вспыхнуло восстание индейцев в Гватемале. Его возглавил сержант Рафаэль Каррера. Он объявил, что намерен восстановить прежние права католической церкви.

Страной в то время управлял Мариано Гальвес — один из виднейших политических деятелей Центральной Америки, председатель первого федерального конгресса, либерал по убеждениям. Его политика в местных масштабах совпала с прогрессивной политикой Морасана. Оппозиция консерваторов правительству Гальвеса после восстания индейцев сильно возросла. Это позволило Каррере в начале февраля 1838 г. занять гватемальскую столицу.

Он появился там, одетый в мундир испанского генерала. Его люди учинили в городе страшный разбой. От «спасителя веры» удалось избавиться с большим трудом, после того как ему было передано значительное количество оружия и вручена большая сумма денег. Получив желаемое, Каррера увел своих индейцев в их родные горы.

Этим, вероятно, и закончилась бы «гватемальская Вандея». Но опираясь на нее, консерваторы повели против Гальвеса решительную борьбу. Не находя достаточной поддержки у либералов, президент подал в отставку. Морасан, который понимал, что это, как и предшествующий успех Карреры, непременно послужит стимулом к повсеместной активизации врагов федерального правительства, возглавил находившиеся в его распоряжении войска и направился в Гватемалу. Развернутые там операции протекали успешно. Ликвидировать, однако, армию Карреры не удалось. Пришли известия, что 30 апреля 1838 г. консерваторы захватили власть в Никарагуа и объявили о выходе этой страны из федерации. Морасан поспешил в Сан-Сальвадор.

В новой столице его ждал еще один удар. Пользуясь отсутствием президента и политическими затруднениями центрального правительства, его враги сумели сплотиться, появилось немало колеблющихся, некоторые перебежали в лагерь противника. Когда Морасан появился в Сан-Сальвадоре, он фактически оказался в изоляции, и 31 мая федеральный конгресс принял решение, которое предоставляло государствам — членам федерации право избирать любую форму правления, лишь бы оно было республиканским. Это санкционировало отделение Никарагуа от федерации и создание там консервативного правительства, развязывало руки консерваторов, готовивших перевороты в других странах. Действительно, вскоре они пришли к власти в Коста-Рике и Гондурасе, немедленно объявив о выходе из федерации.

Морасан действовал решительно, несмотря на явно ненадежный тыл. Учитывая, что отделившимся государствам еще потребуется время для организации власти и создания собственных армий, а также то, что именно мятеж Карреры послужил толчком к расколу, а его партизанская армия составляет пока главную силу сепаратистов, президент вернулся в Гватемалу, где возобновил военные действия. Разгром Карреры был близок. В декабре 1838 г. дело шло к капитуляции мятежников. Но к этому времени отколовшиеся государства заключили между собой союз для совместных военных действий против Морасана. Стала распадаться федеральная армия. К тому же в феврале заканчивался срок правления президента. Все это вынудило его вновь вернуться в Сан-Сальвадор, в направлении которого двигались уже войска союзников.

Морасан опередил их. Проявив нечеловеческую энергию, он сумел повести за собой сальвадорцев и разгромить наступавшего противника. Однако сил

вновь подчинить отколовшиеся государства было недостаточно, их хватало лишь на то, чтобы отражать не прекращавшиеся нападения врагов. Ему остался верен только Сальвадор, где его в июле 1839 г. избрали президентом этой страны.

Морасан не мог смириться с гибелью возрожденной им федерации. Он предпринял военную экспедицию в Гондурас, но она не увенчалась успехом. Тем временем Каррера, восстановив свою армию и увеличив ее, сделался хозяином Гватемалы. Более того, он претендовал на то, чтобы ему подчинялись правительства соседних государств. Морасан пошел ва-банк. Он начал военную кампанию против Гватемалы и сумел с ходу занять ее столицу. Ненадолго. Вынужденный отступить, он узнал, что на помощь Каррере идут армии Никарагуа и Гондураса. Пришлось отступать дальше, неся потери, теряя разбежавшиеся отряды. Понимая, что война проиграна, Морасан, вернувшись в Сальвадор, отказался от власти. 8 апреля 1840 г. вместе со своими верными соратниками он удалился в изгнание. Коста-Рика не захотела принять их, желая, как раньше, оставаться в стороне от борьбы, захватившей другие страны Центральной Америки. Изгнанников приютила Колумбия.

Прежде чем расчлененная федерация попала в руки религиозного фанатика и реакционера, а также иностранных политиков и дельцов, она пережила трагическую агонию. Морасан сделал отчаянную попытку оживить ее.

В 1841 г. англичане оккупировали главный порт Никарагуа Сан-Хуан дель Норте. Правительство этой страны обратилось к бывшим членам федерации за помощью. Узнав об этом, Морасан, собрав добровольцев, нанял судно и добрался на нем до Сальвадора. Здесь он нашел немало людей, желавших присоединиться к его отряду. Однако правительство не хотело осложнений и настояло на отъезде добровольцев. Они отплыли в Коста-Рику, где в то время шла война между либералами и консерваторами. Морасан возглавил силы либералов и принес им победу. Его объявили главой правительства.

Морасан считал свое присутствие в Коста-Рике временным. Он готовился к борьбе за восстановление единства Центральной Америки. Для этого он создавал экспедиционную армию, поэтому дал Коста-Рике флаг и герб федерации, а также объявил ее частью предполагаемой Центральноамериканской республики. Немало костариканцев поддерживало проекты Морасана, но местные купцы, чиновники и офицеры, не желавшие в случае возрождения федерации оказаться на втором плане, встречали эти проекты в штыки. Их оппозиция усиливалась тем, что они сосредоточивались в столице страны г. Сан-Хосе, а также тем, что против проектов Морасана были все центральноамериканские правительства.

Когда Морасан отправился инспектировать экспедиционную армию, находившуюся в порту Пунтаренас, его противники подняли в столице восстание. Оно произошло 11 сентября 1842 г. Правительственные войска были за пределами Сан-Хосе. Мятежникам удалось настроить его жителей против Морасана, которого они представляли честолюбцем, желавшим кровью костариканцев добиться личной славы. Оба эти обстоятельства содействовали легкой победе восставших. Морасан поспешил в столицу, где завязался жестокий бой, длившийся три дня. В последний из этих дней он был взят в плен. 15 сентября его расстреляли на центральной площади города.

Центральная Америка лишилась своего вдохновенного и бескомпромиссного патриота, а с ним последней надежды на то, что в обозримом будущем на ее территории возникнет единое сильное независимое государство. Кроме отсутствия вождя, раздробленности и слабости государств, недавно составлявших федерацию, об этом говорили события, происходившие в наиболее сильном из них — Гватемале.

Власть Карреры над этой страной была официально утверждена избранием

его в президенты (1844). С этого момента началось «мрачное тридцатилетие» в истории гватемальского и других народов Центральной Америки.

Грубый и невежественный, фанатично преданный католической церкви, властолюбивый и жестокий Каррера подчинил страну тиранической диктатуре. Высшие классы он заставил заискивать, низшие — поставил в положение крепостных. Первые легко сносили свое унижение, пользуясь благами, которые давало им обеспеченное диктатурой их господство над подчиненными и эксплуатируемыми. Вторые ненавидели своих угнетателей, но какое-то время уповали на то, что бывший сержант, руководивший восстанием индейцев, сохранивший многие привычки престонородья, верующий в милосердного Христа, разобравшись в делах государства, обуздает ненасытных зарвавшихся сеньоров. Эту иллюзорную мечту поддерживали в народе священники.

Церковь вообще курила Каррере фимиам. Было за что! Он поддерживал ее авторитет. Он восстановил ее во всех прежних правах. Он вернул ей земли и сбор десятины. Он разрешил приехать в страну иезуитам, которых изгнали из Латинской Америки короли Пиренейского полуострова. В Гватемалу были перевезены и там захоронены останки бывшего архиепископа, заклятого врага либералов, жившего при их правлении в изгнании. Разрастались и увеличивались в числе монастыри. За все это в 1853 г. папа Пий IX наградил Карреру крестом Св. Георгия и отпустил ему возможные грехи.

Усиление гнета, который испытывал при диктатуре народ, а также неумиравшие либеральные настроения бывших сторонников федерации и городской молодежи послужили питательной средой для развития оппозиционных настроений. Их поддерживала газета либералов «Республиканский альбом». Дополнительным стимулом к этому послужили революционные события во Франции. Постепенно разрозненные стихийные выступления крестьян стали сливаться с попытками либералов организовать повстанческие отряды на границах страны. Чтобы парализовать разрастающееся движение, диктатор прибег к демагогическому шагу. В августе 1848 г. он созвал Законодательное собрание и представил ему просьбу об отставке и разрешении покинуть страну. Вероятно, он надеялся, что его будут умолять взять просьбу обратно. Но выразив президенту благодарность за «заслуги перед родиной», собрание удовлетворило его просьбу.

Решение было принято под влиянием общего тогдашнего настроения в стране, прежде всего в ее немногочисленных городах, под влиянием горячих призывов либералов в конгрессе, при усталости «аристократического» окружения диктатора от его самоуправства. Настроения были таковы, что диктатор счел за лучшее не показывать своего разочарования или вступать в конфликт. Сделав хорошую мину, он выехал из страны. Когда это случилось, консерваторы быстро поняли, что в создавшихся условиях либералы не замедлят вступить в борьбу за власть. Перед консерваторами вставала пугающая картина либерального правления времен Морасана. Они сплотились, чтобы сохранить свое господствующее положение.

Им на помощь вновь пришла «гватемальская Вандея». Ее возглавляла церковь, которая использовала в своих целях недовольство крестьянских масс. Те поняли случившееся (при сильном усердии священников и агентов Карреры) как незаконное изгнание «их Карреры». Вспыхнуло несколько восстаний. Восставшие требовали возвращения президента, которому сеньоры мешали оказывать помощь народу и который, возвратившись и опираясь на народ, наконец, восстановит справедливость. Пока сводились счеты с наиболее ненавистными помещиками, громились усадьбы. Консерваторы горько жалели, что уступили во время работы Законодательного собрания напору либералов.

Просчитавшийся Каррера вовсе не собирался навсегда расставаться с любимейшей ему властью. Он жил в Мексике неподалеку от гватемальской границы, следя за происходившим, собирая сторонников, принимая поступающие

изъявления преданности от многих консерваторов. Через год после отъезда, когда отряды повстанцев стали все ближе подходить к столице, он счел, что настало время действовать. Во главе отряда своих сторонников диктатор перешел гватемальскую границу. Не встретив сопротивления, 7 августа он вступил в столицу. Напуганные либералы частью бежали, частью безропотно покорились. Консерваторы, участвовавшие в «изгнании» президента, подобострастно каялись, другие провозглашали его «спасителем отечества». В руках диктатора оказалась власть, которой никто не мог и не смел прекословить. И тем не менее Каррера не заставлял избирать его президентом. Формально он был только главнокомандующим армии. Он наводил порядок с тем, чтобы его попросили стать президентом, что позволило бы ему опираться не только на силу, но и на авторитет «отца нации». Так и случилось. В октябре 1851 г. рептильное Законодательное собрание избрало его президентом, а в 1854 г. — пожизненным президентом.

Все это время реакции и политической стагнации экономика страны почти не развивалась. Единственным достижением являлось расширение посадок кофейных деревьев (впервые были завезены в 1834 г.). Экспорт кофе обогатил латифундистов, в чьих руках были обширные земли, денежные средства и рабочие руки, облегчил положение казны. То и другое усилило соответственно власть помещиков и диктатора. Восставшие когда-то в его пользу крестьяне несли все тяготы этой власти. И все же, находясь в плену невежества, церкви и страха, они, порой остро ненавидя Каррера, не могли освободиться от своих прежних иллюзорных о нем представлений и авторитета его неограниченной власти.

При Каррере Гватемала являлась средоточием и опорой реакции в Центральной Америке, главным препятствием на пути тех, кто пытался возродить федерацию. Угрожая вторжением своей армии — сильнейшей среди армий бывших членов этой федерации — Каррера заставлял преследовать соратников Морасана, следил, чтобы в соседних государствах не утвердились приверженцы объединения, считая это угрозой своей диктатуре и своему влиянию на правительства остальных стран Центральной Америки. Однако идея федерации жила в умах и сердцах патриотов, которые понимали, что без единства Центральная Америка обречена на хозяйственную отсталость, на территориальные и прочие притязания со стороны Мексики и Колумбии, на экономическую и политическую экспансию со стороны держав Европы и США. Эту идею поддерживали некоторые государственные деятели и политики стран Центральной Америки.

Пока Каррера был в изгнании и пока он заново утверждал свою власть в Гватемале, либералы Сальвадора и Гондураса сумели приобрести в этих странах преимущественное политическое влияние и образовать там либеральные правительства. В 1851 г. армии этих правительств вступили на территорию Гватемалы, ставя своей целью свержение Карреры, что рассматривалось как первый шаг на пути к будущему объединению. Однако армия диктатора без труда разбила наступавших противников. Победа дала ему возможность поставить в побежденных странах угодных ему правителей из числа наиболее реакционных политических деятелей Сальвадора и Гондураса, вернуть себе господствующее политическое влияние в Центральной Америке.

Смелый и решительный в борьбе со слабыми противниками, Каррера проявил трусость в отношении сильного. В 1859 г. он отдал Англии спорную область Белиз на севере страны, право на которую отстаивали все предшествовавшие правительства Гватемалы. При этом границы Белиза были расширены без всякой для нее компенсации. Это было своего рода знаком слабости и антипатриотизма, тем более недостойного, что Гватемала была сильнейшим государством региона. Что могли после этого противопоставить угрозам Англии или США правительства других государств Центральной Америки, не имея современных армий, настоящей поддержки в народе, солидарности соседей, растленные бес-

принципной борьбой за власть, не имевшие уверенности в прочности своего положения. И они легко уступали диктату богатой Англии, соглашаясь на неравноправные торговые договоры, договоры на строительство железных дорог, на пользование своей территорией и портами.

Ко времени захвата англичанами Белиза началось решительное проникновение в Центральную Америку Соединенных Штатов. При этом Вашингтон поощрял заключение всякого рода частных коммерческих сделок, которые поддерживал при помощи своей дипломатии. Вашингтон поощрял также пиратские действия своих граждан — флибустьерские рейды на территорию стран Центральной Америки. При представившейся возможности в Белом доме надеялись использовать эти действия в целях экспансии, как это произошло в свое время в Техасе. Крупнейшей операцией подобного рода была авантюра Уильяма Уокера.

Позорную роль сыграл неудачный кандидат в президенты Никарагуа от либералов Франсиско Кастельянос. Он предложил флибустьеру Уокеру, который ранее участвовал в рейдах на мексиканскую территорию, помочь ему захватить «законную» власть. Уокер охотно согласился и сразу же начал набирать всякий сброд для планируемой экспедиции.

В июне 1855 г. силы Уокера высадились на никарагуанском побережье. В августе они заняли г. Гранаду, тогдашнюю столицу республики, взяв в плен нескольких членов ее правительства. Либералы все это время сотрудничали с Уокером. Однако укрепившись в Гранаде, он перестал с ними считаться и фактически страна оказалась во власти авантюриста. Бесчинства банды Уокера, обиды, наносимые либералам, беспардонность приезжавших американцев (им были даны невиданные льготы на колонизацию земель Никарагуа), а также слухи о намерении флибустьеров завоевать всю Центральную Америку и превратить ее в колонию США пробудили солидарность центральноамериканских правительств.

Первым выступило правительство Коста-Рики, возглавляемое Хуаном Рафаэлем Мора. После неудачи дипломатических демаршей в Вашингтоне, Париже и Лондоне он начал военные действия, рассчитывая на поддержку Сальвадора и Гватемалы. Поддержка не пришла, а на армию после первых авангардных боев обрушилась эпидемия холеры, охватив потом всю окружающую территорию. Мора был вынужден отдать приказ об отступлении.

Не победа, только первый смелый шаг в борьбе против иностранного вторжения означал многое. Этого не понял Уокер. Этого не поняли в Вашингтоне, официально признав правительство авантюриста, прикрывавшегося подставным президентом Патрисио Ривасом. Как только это произошло, Уокер сам занял президентский пост. Спала последняя завеса, прикрывавшая интервенцию. Либералы, которые сотрудничали с авантюристом, бежали из столицы, отчасти боясь расправы, отчасти разочарованные в своих расчетах стать правителями страны с его помощью. Вступление на президентский пост Уокер ознаменовал восстановлением рабства.

Такой поворот событий привел в движение правительства Гватемалы, Сальвадора и Коста-Рики. На севере Никарагуа формировал военные отряды Патрисио Ривас. В сентябре 1856 г. союзная гватемальско-сальвадорско-никарагуанская армия, наступая с севера, подошла к Гранаде и после трехнедельной осады овладела ею. Оставляя город, флибустьеры подожгли и разрушили его. К этому времени с юга выступила во главе с Мора армия Коста-Рики. Вскоре в руках флибустьеров остался только г. Ривас, и они оказались отрезанными от океанского побережья. Полный их разгром предотвратил капитан американского фрегата, предостерегший костариканцам, наступавшим в этом направлении, во избежание лишних жертв, вывезти флибустьеров из страны. Хотя дело последних было явно проиграно и к месту военных действий с севера уже подходила союзная армия, Мора по причинам, которые остаются невыясненными, согласился на предложение. Кровопролитие этим было действительно приостанов-

лено, но то был весьма опасный прецедент вмешательства кораблей военного флота США во внутренние дела стран Центральной Америки.

Счастливо спасшийся Уокер в ноябре 1857 г. с отрядом флибустьеров вновь совершил рейд на территорию Никарагуа, но безуспешно. После подобного же рейда в Гондурас летом 1860 г. он был схвачен вмешавшимися в конфликт английскими моряками. Те передали Уокера властям Гондураса, и он был расстрелян.

В 1860 г. президентом Сальвадора был избран соратник и последователь Морасана Херардо Барриос. Он всеми силами старался продвинуть свою страну вперед как в области просвещения, так и в экономическом отношении. Одновременно он вел дипломатические переговоры с главами соседних государств, убеждая начать объединение Центральной Америки. Каррера, не дожидаясь результата этих переговоров, летом 1863 г. во главе своей армии вторгся в пределы Сальвадора и в октябре занял его столицу. Барриос спасся, бежав в США.

В конце 1864 г. бывший президент перебрался в Коста-Рику, надеясь вновь начать борьбу. Но здесь, чтобы не осложнять отношений с соседями, Барриоса попросили покинуть страну. Когда он высадился в Никарагуа, беглеца выдали властям Сальвадора, где правил тогда ставленник Карреры. 29 августа 1865 г. Барриос был расстрелян, пройдя путь, напоминавший путь Морасана.

За четыре месяца до этого умер Рафаэль Каррера. В президентском кресле его заменил консерватор Висенте Серна. Он не устраивал тех консерваторов, которые сами рассчитывали наследовать власть после смерти диктатора, и тех, которые надеялись занять при новом президенте более высокие посты, чем доставшиеся им. Он не устраивал ожививших свою деятельность либералов, которые испытывали сильное влияние революции в Мексике и победы Севера над Югом в Соединенных Штатах. Собрав свои силы на мексиканской территории, либералы выступили против Серны и вскоре захватили власть в стране. Президентом стал Мигель Гарсиа Гранадос.

Гватемала постепенно оживала. Правительство стимулировало развитие местной промышленности, образования, ограничивало вмешательство церкви в деле государства. Но Гарсиа Гранадос не проявлял должной решительности, а консерваторы не хотели мириться с изменившимся положением, особенно духовенство. Начались мятежи. Их подавлением энергично руководил Хусто Руфино Барриос, которому временно поручили исполнять должность президента. Не теряя времени, он употребил оказавшуюся в его распоряжении власть для возвращения страны на путь, который наметил когда-то Морасан,— в направлении буржуазно-демократического развития. Он, в частности, изгнал из страны иезуитов, закрыл монастыри, ввел свободу слова и печати.

На выборах 1873 г. Х. Р. Барриос победил и теперь возглавил страну на полный президентский срок. Сразу же был принят чрезвычайно важный закон о секуляризации церковных земель, восстановлена свобода вероисповедания, введено обязательное бесплатное начальное образование, открыты технические и гуманитарные училища, реформирован университет, введен новый гражданский кодекс, роздано значительное количество земли из государственных фондов для создания мобильного сельского хозяйства фермерского типа, установлена линия телеграфа, построено несколько новых железных дорог, улучшены грунтовые, построены новые школы. В 1879 г., когда Барриоса избрали президентом на второй срок, страна получила конституцию, утверждавшую буржуазно-демократические свободы.

При правлении Барриоса Гватемала сделалась самой передовой страной Центральной Америки. И не только в сфере внутренней политики. Правительство Барриоса помогало кубинцам в их освободительной войне против Испании, сумело урегулировать пограничные споры с Мексикой, всегда благосклонно встречало позитивные перемены, происходившие у соседей.

Поверив в себя, в свою страну и в благоразумные намерения глав других государств Центральной Америки, Х. Р. Барриос поставил себе целью объединить ее во что бы то ни стало. Он обращался к президентам, призывая совместно разработать программу осуществления этой цели. Они отмачивались или присылали для переговоров представителей, не снабженных необходимыми полномочиями. Тогда в 1883 г. Барриос призвал всех либералов Центральной Америки приступить к делу, взяв его в свои руки. Чтобы его не заподозрили в личных честолюбивых амбициях, Барриос заранее отказывался от всяких претензий на верховное руководство объединенным государством.

Сторонники объединения восприняли это воззвание как сигнал действовать помимо воли своих правительств и в расчете на помощь сильной Гватемалы, если власти других государств не проявят активности в нужном направлении. Те в свою очередь расценили воззвание как покушение на их власть. Они обвинили Барриоса в провоцировании межгосударственной и гражданской войны во всей Центральной Америке.

Идея объединения стран этого региона в одно государство была ненавистна США и Англии, которые, преследуя свои корыстные цели, все глубже проникали в жизнь центральноамериканских республик.

Барриос оказался перед лицом многочисленных противников, включая внутренних, прежде всего церковников, давно готовых поддержать любую попытку свержения президента. Помощь его врагам оказывал реакционный правитель Мексики Порфирио Диас. Против Барриоса действовали английские и американские дипломаты. Те, на кого рассчитывал президент за пределами Гватемалы, были разобщены и не располагали большими силами.

Когда Барриос в феврале 1885 г. издал декрет, которым провозглашал создание в Центральной Америке единой республики, а себя ее главнокомандующим, он получил помощь гораздо меньшую, чем ожидал. Его поддержало правительство только одной страны — Гондураса. В гватемальскую армию вошел корпус сальвадорцев. Это составило 14,5 тыс. солдат, которых Барриос и повел в бой за единую Центральную Америку, способную противостоять притязаниям ее южного и северного соседей, политике Англии и США, которые вели тогда борьбу за строительство межокеанского канала через Никарагуа. Выигравший стал бы господином Центральной Америки.

30 марта 1885 г. армия Гватемалы вступила на территорию Сальвадора, а 2 апреля в бою у Чальчуапы Барриос был смертельно ранен. Он умер не приходя в сознание. Существует подозрение, что его убил кто-то из личных или политических врагов (из рядов его собственной армии), воспользовавшись завязавшейся перестрелкой. Как только Барриос скончался, армия получила приказ отходить. Гватемальское правительство отменило февральский декрет.

Барриос действовал, исходя из благородных высоких побуждений. Но цели, которые он ставил перед Гватемалой и Центральной Америкой, не достигнутые после войны за независимость, в его время достигнуть было много труднее. Погас революционный дух той эпохи. Политические лидеры, многократно изменявшие своим призывам, в значительной мере утратили авторитет в народе и даже самым честным нелегко было его приобрести. Закрепилась политическая раздробленность. Усилилось подчинение стран региона иностранным державам, которые использовали свое влияние на республики Центральной Америки, поработавшая их экономически; поддерживая местных помещиков, ретрограды во имя собственных интересов поступались национальными. Кроме того, на пути к достижению своих целей Барриос в ряде случаев действовал скорее как каудильо, нежели как глава государства, взвешивавший все «за» и «против», соображаясь с хорошо изученным положением вещей. Он часто полагался только на свой пример, на свою волю, когда многое говорило, что для достижения цели необходимы подготовительная работа и выгодное стечение обстоятельств, кото-

рые позволили бы сделать народы Центральной Америки не пассивными, а активными союзниками в достижении искомой цели.

То был исторический груз, легший на Центральную Америку и ее крупнейших политических деятелей. И они заслуживают тем большего уважения, что стремились, как могли, сбросить этот непомерный груз с себя и своих стран, трагически погибая в неравной борьбе, но устанавливая ту замечательную духовную связь между народами Центральной Америки, которая позволяла им бороться, не теряя надежды в тяжелые годы «банановых республик».

Черенки бананов были завезены в Латинскую Америку испанцами в 1516 г. Здесь это растение хорошо прижилось и постепенно становилось распространенным продуктом питания. На рынках европейских стран и США бананы стали появляться только в 60—70-е годы XIX в. Впервые торговля ими на широкую ногу была поставлена в 1885 г., когда американские дельцы основали «Бостон фрут компани». В 1889 г. эта компания объединилась с другими американскими компаниями по продаже бананов. Вместе они создали «Юнайтед фрут компани». Используя свои денежные средства и всевозможные интриги, она приобрела в Центральной Америке обширные земли, которые превращала в банановые плантации, и постепенно стала монополистом по доставке бананов в США.

В 1912 г. на арену бананового бизнеса вышла мощная «Куйямель фрут компани». Старая и новая компании, ведя конкурентную борьбу между собой, все глубже проникали в страны Центральной Америки. Они сделались основными работодателями, что при их монопольном положении позволяло им устанавливать предельно низкую заработную плату и жесточайший губительный режим труда на плантациях. Они добивались концессий на строительство железных дорог, которые проводили в нужных им направлениях, не считаясь с интересами государств, по территории которых проходили эти дороги, устанавливали высокие цены на билеты и высокие тарифы на перевозку не принадлежавших им товаров. Они почти полностью завладели внешней торговлей стран Центральной Америки. Они подкупали местную администрацию и заставляли ее действовать по их приказам. Нанимаемые ими банды терроризировали рабочих плантаций, предотвращая попытки последних защитить себя от невиданной эксплуатации, безжалостно расправляясь с теми, кто все же предпринимал такие попытки.

Американские банки, связанные с фруктовыми компаниями, предоставляли правительствам займы под огромные проценты, выплата которых разоряла казну стран-должников. Так государства Центральной Америки превращались в «банановые республики», чья жизнь оказалась прочно связанной с выращиванием бананов, в то время как земля, на которой росли эти бананы, и огромные прибыли, которые приносил сбыт бананов, а также судьба народов Центральной Америки попали в руки монополий. Влияние, богатство и власть этих монополий особенно увеличились в годы, предшествовавшие первой мировой войне 1914—1918 гг. К тому времени они выросли в «зеленые чудовища», как их стали называть, безжалостно грабившие страны Центральной Америки и всячески препятствовавшие стабилизации их политической жизни.

Это в значительной мере произошло потому, что после 1885 г. центрально-американские государства, слабые, разъединенные и отсталые, во многом утратившие вдохновляющее стремление, которое олицетворял Хусто Руфино Барриос, оказались неспособными наверстать упущенное в экономическом и политическом развитии, противостоять экспансии европейских держав и США.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА КУБИНСКОГО НАРОДА В XIX В. И ПЕРВЫЕ ГОДЫ РЕСПУБЛИКИ

Со времени открытия Кубы Колумбом на этом острове непрерывно шла освободительная борьба. Ее упорно вели индейцы, оставив потомкам имена мужественных вождей Атуэя и Гуама. Восставали против рабства негры. Свободные колонисты отстаивали свои гражданские права. Но индейцы были истреблены, а выступления негров-рабов и борьба свободного населения против колониального режима не слились в единый поток, что позволяло Испании удерживать остров в своих руках.

На протяжении длительного времени установленные мадридским правительством запреты, ограничения, принудительная регламентация и многочисленные налоги препятствовали росту производительных сил Кубы, ее экономическому и социальному прогрессу. Понимая это, кубинские патриоты стремились к освобождению своей родины от испанского господства и превращению ее в суверенное государство. В обстановке общего подъема революционного движения в Европе и Америке под непосредственным влиянием революции рабов на Гаити, событий 1808—1810 гг. в Испании и особенно начавшейся войны за независимость испанских колоний на Американском континенте они организовали несколько заговоров и восстаний.

Первый такой заговор против испанских властей под руководством Рамона де ла Лус и Хоакина Инфанте относится к 1809—1810 гг. Наряду с креолами в нем участвовали также свободные негры и рабы. Заговор был раскрыт, многие его участники осуждены на каторжные работы, а негры-рабы подвергнуты телесным наказаниям. Вскоре возникло новое тайное общество, во главе которого стоял свободный негр Хосе Антонио Апонте, плотник по профессии. Апонте и его единомышленники готовили восстание под лозунгами отмены рабства и установления независимости. Деятельность заговорщиков стала известна колонизаторам. Руководители заговора были схвачены и казнены. В начале 1812 г. в различных районах Кубы было предпринято еще несколько неудачных попыток поднять восстание.

В начале 20-х годов сторонники независимости, связанные с колумбийскими патриотами, создали заговорщическую организацию «Солнце и лучи Боливар», возглавлявшуюся молодым офицером Хосе Франсиско Лемусом. Среди ее участников были как белые, так и «цветные», в большинстве своем принадлежавшие к неимущим слоям общества. После раскрытия заговора (1823) его организаторы были высланы с Кубы. В 1826 г. Франсиско Агуэро Веласко и Мануэль Андрес Санчес также при поддержке из Колумбии попытались поднять антииспанское восстание в Пуэрто-Принсипе (Камагуэй), но потерпели неудачу и были повешены. Два года спустя кубинские патриоты основали в Гаване тайное общество «Великий легион Черного орла», которое поддерживало связь с Мексиканской республикой. Несмотря на строгую конспирацию, испанские власти обнаружили его, часть заговорщиков была казнена, а остальные брошены в тюрьму или отправлены на каторгу.

Неудачный исход всех попыток организации восстания против Испании обусловливался ограниченностью социальной базы антииспанских выступлений. Имущие классы острова и особенно креольская верхушка не поддерживали освободительное движение.

На рубеже XVIII—XIX вв. кубинская экономика переживала подъем, вызванный бурным ростом производства сахара и кофе (объем продукции сахара только с 1790 по 1815 г. увеличился почти в три раза). Кубинский сахар и кофе пользовались огромным спросом в Европе и США в значительной мере в связи с прекращением производства этих продуктов на Гаити, где бушевала революция рабов, шла многолетняя война. Оттуда на Кубу иммигрировали богатые французские и испанские креолы, имевшие большой опыт ведения плантационного хозяйства и располагавшие необходимыми материальными средствами. Для новых плантаций и инхению требовалось большое число рабочих рук. Поэтому увеличился ввоз негров-рабов. В середине 70-х годов XVIII в. рабы составляли около 25% общего числа жителей острова. По переписи 1827 г. их численность превысила 40%.

Плантационное рабовладельческое хозяйство, являвшееся основой кубинской экономики, обеспечивало землевладельцам-креолам высокие прибыли. Напуганные революцией на Гаити и выступлениями против рабства на самой Кубе, они опасались, что революционная борьба за независимость в их стране может привести к освобождению рабов и другим социальным преобразованиям, которые лишат их господствующего положения. Поэтому, тяготясь своим бесправным положением и зависимостью от метрополии, они добивались лишь проведения отдельных реформ в рамках колониального режима. В испанской монархии они видели надежную гарантию сохранения рабства.

Позицию помещиков разделяли связанные с ними купцы, духовенство, офицеры. Лояльность этих кругов к Испании была закреплена более гибкой, чем в других колониях, политикой мадридского правительства, которое во имя сохранения своего господства на Кубе пошло на некоторые уступки креолам (отмена табачной монополии, предоставление острову права свободной торговли с иностранными государствами и т. д.). Происпанские и промонархические настроения среди имущих классов Кубы поддерживались также тем, что здесь нашли пристанище многие реакционеры-роялисты, бежавшие с континента и Гаити. На Кубе непрерывно находилось большое число испанских войск, которые концентрировались на острове для последующей отправки в восставшие колонии.

Не увенчались успехом планы освобождения Кубы, которые подготавливались в середине 20-х годов правительствами Мексики и Колумбии. Разногласия по этому вопросу между этими государствами, а также влияние США и других держав, предпочитавших чтобы Куба осталась в руках Испании, помешали осуществлению этих планов.

Таким образом, когда почти во всей Испанской Америке патриоты с оружием в руках сражались за независимость, Куба оказалась оплотом колонизаторов и плацдармом для их контрнаступления против испано-американской революции. Специальным указом Фердинанда VII Куба в 1824 г. получила официальное название «неизменно верного острова».

Движение против испанского господства на Кубе оживилось в период революционных событий 1834—1843 гг. в Испании, когда наиболее передовые представители кубинского населения выступили за введение на острове более свободного режима. Эти люди получили название либералов. Так как они представляли интересы кубинских рабовладельцев и в подавляющем большинстве сами были рабовладельцами, то они не шли дальше просьб о проведении реформ, которые оградили бы свободное население острова от чрезмерных тягот. О независимости Кубы они не помышляли. Движение либералов стимулирова-

лось надеждами на то, что в результате испанской революции на Кубу будет распространена испанская конституция (но с непременным условием, чтобы она не касалась рабов).

Испанское правительство, понимая слабость кубинских либералов, которых оно держало под страхом карательных мер и могло всегда припугнуть отменой рабства на острове, не посчиталось с их робкими претензиями. Куба не только не увидела реформ, но в назидание либералам был принят ряд мер террористического характера, направленных против всяких попыток поднять голос в пользу каких-либо нововведений. Некоторые либералы заплатились за свои крамольные мысли высылкой с острова и другими наказаниями.

Меры английского правительства против работорговли и отмена рабства в английских владениях (1838); запреты, наложенные Испанией (под нажимом Англии) на торговлю рабами (1835, 1845); агитация аболиционистов в Испании и в соседних с Кубой английских колониях, в США и на Гаити; союз пяти великих держав (Австрии, Англии, Пруссии, Франции и России) против работорговли (1842); рост негритянского населения Кубы за счет массового ввоза негров в первой половине 40-х годов (на миллион жителей приходилось более 536 тыс. рабов); частые восстания рабов на Кубе (1838—1844) — все это внушило рабовладельцам еще больший, чем прежде, страх за судьбы рабства, за собственную жизнь на острове, где можно было ждать всеобщего негритянского восстания.

Этот страх и утрата надежды на политические уступки со стороны Испании при растущем недовольстве колониальным режимом создали почву для возникновения в среде кубинских рабовладельцев идеи о присоединении Кубы к США. Виднейшим пропагандистом этой идеи был Гаспар Бетанкур Сиснерос. Его сторонники — аннексионисты — считали, что под эгидой американских рабовладельцев можно будет сохранить рабство и найти защиту в случае восстания рабов. Они полагали, что присоединение к США вместе с открытием широкого и выгодного американского рынка принесет им гражданские и политические права, которыми пользовались американские рабовладельцы.

Среди либералов нашлись люди, которые выражали сомнение в выгодности и целесообразности присоединения Кубы к США. Кроме опасности восстания рабов, опасности карательных мер со стороны Испании, а также Англии и Франции, выступавших против посягательств США на Кубу, для кубинских рабовладельцев при попытке присоединения к США могли возникнуть затруднения, связанные с ростом в этой стране аболиционистского движения. Все эти обстоятельства не ускользали от внимания крупнейших представителей кубинских либералов — Хосе Антонио Сако и Доминго Дельмонте. Кроме того, Сако поднял вопрос о возможной судьбе кубинцев (он имел в виду свободное население острова) в случае присоединения Кубы к Соединенным Штатам Америки. Он считал, что аннексия поставила бы кубинцев перед опасностью оказаться на положении третируемого меньшинства, а также утратить родной язык, привычные нравы, традиции, т. е. присущие кубинцам национальные черты. Перу Сако, находившемуся в то время в эмиграции, принадлежал ряд памфлетов, направленных против идеи аннексии Кубы Соединенными Штатами, в защиту кубинской национальной самобытности. Сако писал: «Жить иностранцем на своей родине было бы для меня самой страшной жертвой».

Сознание опасности росло по мере того, как в США кампания за захват острова принимала все более разнузданный характер, особенно в 1854—1855 гг., выявляя расистские и колониалистские стремления американских экспансионистов. Среди либералов, разделявших в той или иной мере опасения Сако, постепенно стало складываться убеждение, что освобождение Кубы от колониального гнета неотделимо от освобождения рабов. К такой точке зрения в 1854 г. все больше склонялся страстный сторонник свободы Кубы Доминго Гоикура.

На те же позиции постепенно становилась, хотя и очень непоследовательно, действовавшая в США Кубинская хунта, состоявшая из проживавших там кубинцев-эмигрантов. Пути аннексионистов США и наиболее передовых людей Кубы расходились все дальше.

Процесс этого расхождения, а также аболиционистские тенденции некоторых кубинских либералов были притушены вновь возникшими надеждами на проведение Испанией реформ в колониальном управлении. Надежды эти возникли в период испанской революции 1854—1856 гг. и опять оказались несбыточными. Кубинцы не получили от испанского правительства никаких реформ. Казалось, это новое разочарование должно было бы послужить развитию освободительного и аболиционистского движения, но этого не произошло. Обычная пассивность либералов питалась в то время рядом дополнительных источников.

В законодательных актах испанской революции подтверждалась неприкосновенность собственности рабовладельцев на их рабов. На Кубе тогда наблюдался хозяйственный подъем, связанный с возросшим на мировом рынке спросом на сахар, который являлся главным продуктом, производимым на острове. В 1859—1862 гг. генерал-капитаном Кубы был «либеральный» Франсиско Серрано. Кубинские рабовладельцы временно примирились с колониальным режимом.

Что касается кубинских аннексионистов, то их веру в возможность осуществления вынашиваемых планов подрывали развернувшаяся во второй половине 50-х годов острая политическая борьба в Соединенных Штатах по вопросу о рабстве и восстание Джона Брауна (1859), редкая для Испании тех лет стабильность правительства О'Донелля (1858—1863), явная невозможность для США начать захват острова в условиях внутренней борьбы, твердая позиция Англии и Франции по вопросу о принадлежности Кубы (они хотели ее видеть по-прежнему в руках Испании).

Таким образом, к началу 60-х годов, когда в Соединенных Штатах вспыхнула гражданская война, кубинские рабовладельцы отказались по существу от какой бы то ни было реальной оппозиции Испании и одновременно в значительной мере разуверились в возможности для США осуществить аннексию Кубы.

Гражданская война в США приковала внимание всех кубинцев — свободных и невольников. В непосредственной близости от острова развертывалось огромное сражение, в ходе которого решалась судьба рабства в одной из крупнейших стран мира. Эта война оказала определенное влияние на развитие среди кубинцев сепаратистских и республиканских настроений. Вновь родилось движение за реформы, теперь чаще называемое реформизмом. Но политика испанских властей на острове, заключавшаяся в жестоком преследовании всякого проявления недовольства существующим режимом, мешала установлению контактов между противниками этого режима. Куба в это время была местом, где в предвидении войны с США сосредоточивалась значительная часть испанских войск (Испания, не вступая в войну, поддерживала южан), что, несомненно, удерживало многих от активных выступлений. Реформизм всплыл на поверхность и стал внешне доминирующим движением к концу войны в США и в последующие два года.

Деятельность реформистов была бесплодна. Настаивая на нововведениях (уменьшение налогов, представительство Кубы в кортесах), они не допускали мысли об отмене рабства. Это с очевидностью обнаружилось во время работы Информационной хунты, созданной испанским правительством для выяснения претензий кубинцев. Когда в Мадриде увидели, что реформисты по-прежнему боятся затронуть вопрос о рабстве, там быстро поняли их полное бессилие. 12 февраля 1867 г. в разгар работы хунты испанское правительство опубликовало декрет, прямо противоположный рекомендациям экономической комиссии хунты. Декрет вводил на Кубе новый налог, явившийся дополнительным бреме-

нем для кубинского населения, тем более в условиях тогдашнего мирового экономического кризиса. Новый генерал-капитан драконовскими мерами пресекал деятельность кубинских патриотов.

Правильно поняв бессилие реформистов, Испания недооценила революционные возможности кубинского народа. Крах хунты, экономический кризис 1867 г., декрет о новом налоге, усилившиеся репрессии не оставляли больше места для иллюзий. После Гражданской войны в США с рабством было покончено. На острове давно давали знать о себе растущие зачатки буржуазных отношений, что происходило в условиях бурного развития таких отношений в Европе и в США, в условиях кризиса рабовладельческой системы хозяйства, ее отмирания. Куба и Бразилия оставались последними из стран, где эта система еще главенствовала. Наиболее дальновидные плантаторы Кубы более или менее ясно понимали обреченность рабовладения, понимали, что лучше освободить рабов и освободиться от испанского гнета, чем поддерживать становившееся невыгодным рабовладельческое хозяйство при сохранении этого гнета.

10 октября 1868 г. на Кубе вспыхнуло восстание. Его возглавил адвокат Карлос Мануэль де Сеспедес. Подняв на борьбу людей своего инхенио, он одновременно освободил принадлежавших ему рабов и включил их в свой отряд. В местечке Яра, куда отправился отряд, был брошен клич ко всем кубинцам: «Да здравствует свободная Куба!» Вскоре воссталась вся провинция Орьенте. «Независимость или смерть!» — стало девизом восставших.

После года борьбы, в апреле 1869 г., повстанцы собрали Учредительную ассамблею, где была принята первая кубинская конституция. Согласно этой конституции отменялось рабство и Куба провозглашалась суверенной независимой республикой. Первым ее президентом был избран Карлос Мануэль де Сеспедес.

Обнародование конституции способствовало притоку новых сил в армию повстанцев. Недавние рабы — негры и мулаты — увидели в республике свою настоящую родину. Кубинцы проявляли невиданный героизм перед лицом превосходящего и чрезвычайно жестокого противника. Но тяжелая неравная борьба истощала силы, а это порождало разногласия, ранее отступавшие на второй план перед общим стремлением покончить с колониальным игом. В 1877 г. повстанцев постигла большая неудача. Испанцы захватили в плен их президента Эстрада Пальму, избранного в 1875 г., и еще нескольких республиканских деятелей. Это дало повод к новым разногласиям. Главнокомандующий армией патриотов Максимо Гомес подал в отставку. 8 февраля 1878 г. группа членов палаты представителей Кубинской республики объявила о самороспуске палаты и принятии мирных предложений, полученных от командующего испанскими войсками генерала Арсенио Мартинеса Кампоса. Через два дня в Санхоне был подписан пакт о прекращении военных действий. Санхонский пакт не был полным поражением. Мадрид вынужден был пойти на уступки.

Амнистия коснулась всех участников восстания, Куба получила более широкие права в области муниципального управления и судопроизводства. В 1880 г. было объявлено о частичной отмене рабства.

Подобный исход долгой тяжелой борьбы не мог удовлетворить наиболее радикальных участников Десятилетней войны. Но их попытка возобновить войну («Малая война» 1879—1880 гг.) оказалась неудачной.

Десятилетняя война внесла в жизнь Кубы большие перемены. Восстановление рабовладения оказалось настолько опасным для колонизаторов, что они не рискнули надеть кандалы на негров, освобожденных повстанцами. В 1886 г. рабство было отменено на всем острове. Многолетняя совместная борьба за независимость и отмена рабства содействовали национальному единению кубинцев, формированию кубинской нации из различных этнических групп и рас.

Освобождение негров подтолкнуло развитие капиталистических отноше-

ний. Но на пути этого развития стоял еще колониальный режим. Испания консервировала феодальные отношения, насильственными мерами препятствовала возникновению и росту кубинской промышленности, стимулировала дальнейшую узкую специализацию кубинского хозяйства, которое не обеспечивало население предметами первой необходимости. Куба все больше становилась страной монокультуры, где почти вся экономическая жизнь сосредоточивалась на выращивании сахарного тростника и его обработке.

Политика метрополии приносила выгоды испанским помещикам и предпринимателям, которые по высоким ценам сбывали необходимые Кубе сельскохозяйственные продукты и промышленные изделия, а также испанским купцам, которые втридорога продавали кубинцам испанские и заграничные товары, наживались на экспорте кубинского сахара. Торговля кубинцев с иностранцами облагалась колоссальными пошлинами. Такая политика наносила значительный ущерб кубинским землевладельцам, торговцам и предпринимателям, обрекала на нищенское существование трудовую люд, обремененный к тому же непосильными налогами. А так как испанские власти были неспособны найти иные средства, кроме насилия, чтобы подавить поднимавшееся против них возмущение, то это только стимулировало недовольных к активной борьбе за освобождение от чужеземного произвола.

Опыт двух освободительных войн многому научил кубинских патриотов. После Малой войны их возглавил Хосе Марти, который убеждал своих соратников в необходимости тщательной подготовки нового выступления против Испании.

Хосе Марти родился 28 января 1853 г. в бедной семье младшего офицера испанской армии. Юность его протекала под влиянием освободительной Десятилетней войны. За вольнолюбивые стихи, за участие в столкновении с испанскими волонтерами юноша был арестован и заключен в тюрьму. Друзьям молодого поэта удалось добиться для него замены тюремного заключения высылкой в Испанию. Здесь он учился в Мадридском и Сарагосском университетах, блестяще закончил два факультета: права и философско-филологический. Но Марти не только учился. Он продолжал борьбу за освобождение своей родины острыми политическими статьями.

Чтобы быть ближе к Кубе, Марти в 1874 г. уезжает в Мексику. Он изучает быт этой страны, социальные отношения, становится горячим защитником угнетенных индейцев. Значительную часть своего времени Марти посвящает писательскому труду, театральной и литературной критике.

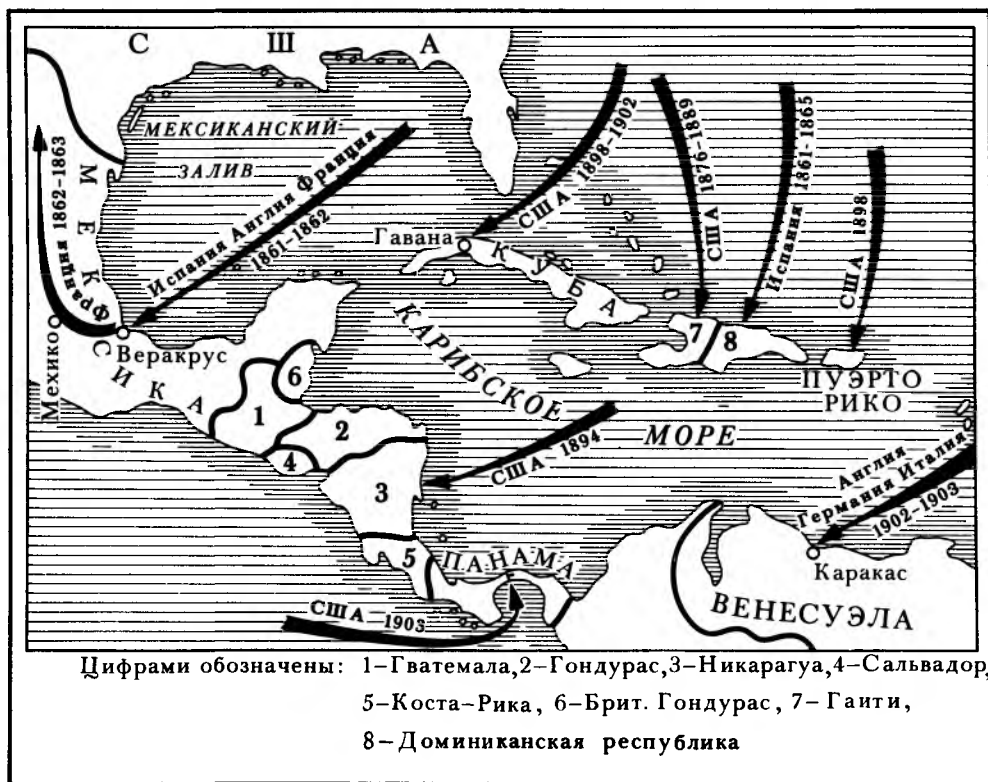
После установления в Мексике реакционного режима Порфирио Диаса Марти был вынужден переехать в Гватемалу (1876). Здесь он стал профессором Педагогического института и быстро завоевал репутацию прекрасного педагога.

В 1878 г. закончилась Десятилетняя война. Воспользовавшись объявленной амнистией, Хосе Марти вернулся на родину. Он принимает активное участие в подготовке Малой войны. Но колониальные власти арестовывают его и отправляют в Испанию.

Обманув бдительность полицейских, Хосе Марти уезжает в США. Пробыл он там недолго. Его влечет Латинская Америка. Он избрал Венесуэлу. Но там, как и в Мексике и в Гватемале, правил диктатор. Марти возвращается в США.

Почти пятнадцать лет прожил Хосе Марти в Соединенных Штатах. Он преподавал, переводил, издавал, но все эти годы был очень беден. И все время боролся за свободу Кубы: пером и словом, своим огромным организаторским талантом, своим пламенным патриотизмом. Наблюдая жизнь США, Марти с уважением и симпатией говорил об американском народе. Но он безжалостно бичевал экспансионистскую политику Вашингтона.

Кубинская революционная партия, возглавляемая Марти, партия, объединившая и подготовившая кубинцев к решительной борьбе за свободу, была

Агрессия США и европейских держав в странах Карибского бассейна (вторая половина XIX — начало XX в.)

создана в апреле 1892 г. Программа партии включала аграрную реформу (путем конфискации у помещиков невозделанной земли), ликвидацию расовой дискриминации, равноправие граждан и другие демократические преобразования. Со всем пылом своего горячего сердца, своей безграничной любви к родине Марти отдался делу организации восстания, которое должно было охватить всю страну и принести народу победу.

24 февраля 1895 г. восстание началось. К несчастью для кубинского народа вскоре после прибытия на остров, 19 мая 1895 г., в бою у Дос Риос погиб Хосе Марти. Но созданная им партия повела народ дальше. Кубинцы были полны решимости продолжать борьбу, во главе которой оказались теперь военные руководители восстания. Это были славные ветераны Десятилетней войны, талантливые полководцы, люди беспримерной личной храбрости: главнокомандующий Освободительной армией генерал Максимо Гомес и его помощники и соратники Антонио Масео и Калисто Гарсиа.

В сентябре 1895 г. на освобожденной от испанцев территории патриоты созвали Учредительное собрание, которое приняло временную конституцию, провозглашавшую независимость Кубы и создание Кубинской республики.

Управлявший в то время островом генерал-капитан Мартинес Кампос сообщал в Мадрид о серьезности положения и настаивал на немедленном проведении реформ. Но испанское правительство и слышать не хотело о реформах. Мартинес Кампос был отозван, а генерал-капитаном назначен Валериано Вейлер. 10 февраля 1896 г. он высадился на Кубе, и с этого дня началась кровавая эпопея его правления. Он был первым, кто ввел концентрационные лагеря. Ку-

бинцам, лишенным возможности добывать средства к существованию, выдавались мизерные пайки, и они умирали от голода. Чрезмерная скученность в зонах концентрации приводила к болезням, убиравшим ужасный конец. Оставшиеся в деревнях и послушавшиеся приказа, рассматривались как повстанцы, расправа с которыми была чрезвычайно жестокой. Повстанцев, как правило, в плен не брали, расстреливая на месте. Беспощадное применение этих драконовских мер привело к катастрофическому сокращению численности населения острова и вселило в кубинцев неистребимую ненависть к испанским карателям. Поэтому, когда повстанческая армия понесла новую тяжелую утрату — 7 декабря 1896 г. в бою у Сан-Педро, недалеко от Гаваны, погиб Антонио Масео, — она не поддавалась унынию, а мобилизовала все свои силы на решительную борьбу. В нее вливались новые бойцы. По всему острову действовали партизанские отряды. Испанские войска всегда и везде были окружены невидимым врагом. Солдаты гибли в боях, дезертировали, их косила сотнями желтая лихорадка. Они не рисковали выходить за пределы городских стен. Испанское владычество на Кубе рушилось окончательно. И в этот момент Куба оказалась оккупированной американскими войсками.

В конце XIX в. США превращались в страну трестов, господства финансового монополистического капитала. По мере развития этого процесса росло стремление американских капиталистов к экспансии, все агрессивнее становилась внешняя политика. Активизировалось проникновение США на Кубу. Оно началось с вложения капиталов в сахарную промышленность и табачные плантации, а позже — в железные дороги, шахты, торговлю, постройку судов и т. д.

На Кубе изготовлялся сахар-сырец, рафинирование которого производилось на заводах США. И именно эти заводы в конце XIX в. были основными, если не единственными потребителями продукции кубинской сахарной промышленности. Таким образом, главная отрасль кубинского хозяйства, а следовательно, экономическая жизнь Кубы оказалась в огромной мере зависимой от США.

Во время восстания, начавшегося на острове в 1895 г., американское правительство развернуло антииспанскую кампанию в печати и конгрессе, допустило деятельность кубинских революционеров на территории США, стремясь завоевать доверие к себе кубинцев и содействовать расшатыванию испанского господства на Кубе. При этом США официально придерживались нейтралитета и не признавали восставших воюющей стороной. Так американская дипломатия обеспечивала, насколько это было возможно, неприкосновенность американского имущества на Кубе, наносила дополнительный удар Испании и не брала на себя никаких обязательств в отношении кубинцев. Одновременно в Вашингтоне готовились вмешаться в борьбу, шедшую на острове, чтобы обеспечить себе там господствующие позиции.

Зима 1897/98 г. прошла для правительства США в приготовлениях к войне, всю весну оно старалось спровоцировать Испанию на разрыв дипломатических отношений. 23 апреля долго уступавший и отступавший Мадрид, спасая остатки своего престижа, объявил войну Соединенным Штатам. Через два дня американский конгресс объявил войну Испании (военные действия американцы начали 21 апреля).

Истинное отношение Вашингтона к событиям на Кубе не являлось секретом для кубинцев. О корыстности американской политики, о презрении к кубинцам американских государственных деятелей, об опасности вмешательства США в испано-кубинскую войну многократно предупреждали свой народ Хосе Марти и Антонио Масео.

Но в 1898 г. с кубинцами уже не было ни Марти, ни Масео. Многие кубинцы надеялись увидеть в американцах друзей и соратников по оружию (сделала свое дело американская пропаганда). Эту надежду в них все время поддержи-

вал представитель кубинского правительства в столице США Эстрада Пальма. 24 апреля 1898 г. Правительственный совет объявил о признании Соединенных Штатов союзником Кубинской республики.

1 мая 1898 г. американская тихоокеанская эскадра адмирала Дьюи под покровом темноты ворвалась в бухту столицы Филиппин Манилы и пустила на дно стоявший там без должной охраны и устаревший в военном отношении испанский флот адмирала Монтехо. При этом американцы не потеряли ни одного человека и обеспечили себе контроль над морскими коммуникациями в районе Филиппинского архипелага. Это не очень походило на защиту кубинцев, ради которых США якобы вступили в войну.

В Вест-Индии американцы долго не решались высадиться на принадлежавшие испанцам Антильские острова. Их колебания кончились, когда неосмотрительно вышедшая из Сантьяго-де-Куба плохо снаряженная испанская эскадра адмирала Серверы фактически без потерь была полностью разгромлена американским флотом адмиралов Семпсона и Шлея (3 июля 1898 г.). Гибель эскадры Серверы развязала руки американским силам вторжения. Начатая ими еще 22 июня робкая высадка войск неподалеку от Сантьяго развернулась в большую десантную операцию.

Испанцы, удрученные гибелью своей эскадры, окруженные в городах кубинской Освободительной армией, не решились на активные действия против американского десанта. Предвидя штурм Сантьяго, 22 июля испанцы решили прекратить сопротивление.

10 декабря 1898 г. между Испанией и Соединенными Штатами был подписан в Париже мирный договор. Испания отказывалась от всех прав на Кубу, уступала Соединенным Штатам остров Пуэрто-Рико и остальные свои владения в Вест-Индии, остров Гуам из группы Марианских островов и также Филиппинские острова.

В этом договоре ни слова не говорилось о независимости Кубы, о сроках пребывания на Кубе американских войск, занявших к этому времени все важнейшие пункты на острове. Для того чтобы окончательно подчинить его себе, США решили распустить кубинскую армию — главную силу революции, стража независимости страны. Когда Гомес узнал о таком решении американских властей, он направил им решительный протест.

Глубокое возмущение кубинской армии и кубинского народа политикой Соединенных Штатов легко могло вылиться в восстание. В Вашингтоне были очень обеспокоены. В январе 1899 г. президент Мак-Кинли срочно послал на остров своего эмиссара Портера. Тот заверил кубинцев, что США готовы отдать приказ об эвакуации войск и предоставить Кубе независимость. Портер сумел убедить Гомеса. Главнокомандующий кубинской армией согласился на ее роспуск. Этим была ликвидирована последняя возможность создания республики, организация и вся жизнь которой не зависели бы от Соединенных Штатов.

США использовали свое вступление в войну, чтобы получить формальные основания для оккупации острова. Они легко осуществили эту оккупацию, потому что испанские войска были по существу разбиты кубинцами. Последние, считая американцев союзниками, разрешили им занять главные пункты острова. Когда оккупация была осуществлена, сопротивление кубинцев в военном отношении было уже чрезвычайно затруднено. В то же время оккупанты стремились разжечь противоречия среди различных классов и слоев кубинского общества, препятствуя возможности возникновения действенного и организованного политического сопротивления.

Пользуясь военно-политической властью на острове, американцы устранили все препятствия для проникновения туда американских капиталов, что позволило им подчинить своему влиянию и контролю всю кубинскую экономику.

Только после трех лет оккупации Соединенные Штаты разрешили кубинцам

составить конституцию будущей республики, обещав вывести с острова свои войска. 14 февраля 1901 г. кубинское Учредительное собрание одобрило обсуждавшийся текст конституции. Но 25 февраля в американский конгресс сенатором Платтом было внесено предложение, обуславливавшее характер будущих отношений между Соединенными Штатами и Кубой. Сессия конгресса заканчивалась. Поэтому предложение Платта было сформулировано как поправка к обсуждаемому вопросу об ассигнованиях на американскую армию и вошло в историю под названием «поправки Платта». 2 марта 1901 г. она была принята конгрессом и утверждена президентом США.

По условиям «поправки Платта» США узурпировали право контроля над внешней политикой Кубы, ей было запрещено заключать договоры с иностранными державами и брать у них займы без санкции американского правительства. США присвоили себе также право контролировать внутреннюю политику Кубы. Они брали на себя полицейские функции по установлению на острове порядка в случае возникновения на нем «волнений», которые США сочтут нежелательными, а потому вызывающими «необходимость» дипломатической или военной интервенции. Куба обязывалась передать в аренду Соединенным Штатам определенные участки своей территории для создания военно-морских баз. Иначе говоря, на Кубе по существу устанавливался режим американского протектората.

Кубинское Учредительное собрание отказывалось признать правомерность «поправки Платта». Тогда правительство США пригрозило продлением оккупации, что сломило сопротивление членов собрания, не располагавшего силами для действенного отпора.

«Поправка Платта» и экономическое господство американского капитала на Кубе превращали эту страну в полуколонию США. Используя свое влияние и пребывание на острове своих войск, американское правительство провело первые президентские выборы, обеспечив победу Эстраде Пальме, в верности которого было совершенно уверено. В итоге выборов 24 февраля 1902 г. он стал первым президентом Кубинской республики.

20 мая над страной взвились кубинские флаги. Эстрада Пальма вступил в должность президента. Американские войска покинули остров. Но кубинскому народу предстояло еще долго идти по пути борьбы.

День 20 мая тем не менее большой и знаменательный день для кубинского народа. Возникло национальное кубинское государство. Куба уже не была испанской колонией. Она перестала быть оккупированной страной. В новом государстве установился республиканский строй.

Кубинский народ принял на свои плечи тяжелое бремя «поправки Платта» но надеялся, что после ухода американских войск сможет, используя факт создания республики, начать борьбу за настоящую независимость и прогрессивные преобразования.

Конституция провозглашала свободу вероисповедания (церковь была отделена от государства), собраний, печати, петиций, организаций. Все граждане объявлялись равными перед законом. Избирательное право предоставлялось всем лицам мужского пола, которым исполнился 21 год. Декретировалось обязательное начальное образование. По сравнению с испанским колониальным режимом и режимом оккупации установленный порядок был прогрессом. Однако прогресс этот был относительным и в значительной мере мнимым.

Оккупанты содействовали сохранению прежнего имущественного неравенства, обеспечили переход политической власти в руки имущих классов. Неграмотность бедняков лишила многих из них возможности даже узнать о правах гражданина республики.

Правительство Эстрады Пальмы сразу же выступило в роли защитника предпринимателей. Конгресс, со своей стороны, занялся обеспечением новых

выгод для имущих. Был принят закон о повышении жалованья высшим государственным служащим. При распределении сумм, причитавшихся ветеранам войны, проводились самые хитроумные комбинации в пользу тех, кому было поручено распоряжаться этим распределением. Заем, полученный от США в 1904 г., служил установлению прямой финансовой зависимости Кубы от американского капитала.

22 мая 1903 г. между Соединенными Штатами и Кубой был заключен Постоянный договор, которым «поправка Платта» прочно закреплялась. Иначе говоря, Куба признавала свою постоянную зависимость от Соединенных Штатов, их право на вмешательство в свои внутренние и внешние дела.

В феврале 1904 г. на Кубе происходили первые (частичные) выборы после оккупации. В предвыборной кампании особенно ярко проявились претензии Консервативной и Либеральной партий на политическое влияние в стране. Авторитет этих буржуазно-помещичьих партий, возглавляемых состоятельными людьми, основывался главным образом на их участии в Освободительной войне. Но революционных идей этой войны они не разделяли или отступились от них в критические дни 1898 г. и в период оккупации. Главной целью обеих партий была борьба за власть. Консервативная партия объединила тех, кто сумел захватить наиболее выгодные места при новом режиме и хотел их сохранить за собой; либеральная партия — тех, кто оказался обделенным или претендовал на большее. Выборы принесли победу консерваторам.

Так как в первый же год правительство показало себя откровенным защитником эксплуататорских классов и на глазах рабочих столицы развернулась неблагоприятная картина деятельности «народных представителей» — конгрессменов, наиболее сознательные пролетарии и люди из среды прогрессивной интеллигенции ощущали все большую потребность в собственной партии. Инициатива была проявлена Карлосом Балиньо, соратником и другом Хосе Марти. В январе 1904 г. была создана Рабочая партия, провозгласившая своей целью проведение самостоятельной политики в защиту интересов рабочего класса и всех трудящихся и эксплуатируемых.

В 1905 г. Рабочая партия провозгласила свою приверженность марксистскому учению, заявила о солидарности с программой Интернационала, приняла название Рабочей социалистической партии. Печатным органом партии была еженедельная газета «Ла Вос обрера» («Голос рабочего»).

Рабочая социалистическая партия в момент ее создания была малочисленной организацией, деятельность которой не выходила далеко за пределы пропаганды среди рабочих социалистических идей, опыта борьбы пролетариата передовых стран Европы. Это было нелегким делом, так как в рабочем движении укрепились занесенные главным образом из Испании анархистские и анархо-синдикалистские идеи, сказывалось влияние американского тред-юнионизма. Традиционным было объединение рабочих по цеховому признаку, часто внутри одной и той же отрасли промышленности¹, их участие в земляческих организациях², сосредоточение деятельности на решении экономических вопросов, отрицание политической борьбы, признание стачки главным и единственным по существу оружием рабочего класса. Коренная причина этого крылась в слабом развитии кубинской промышленности. К собственно городскому пролетариату принадлежали по существу только табачники, строители и железнодорожники, да и те, если говорить о кубинцах, были в значительной мере еще новичками, только что оторвавшимися от деревни. На подсобных работах в этих отраслях промышленности зачастую использовались лишь сезонники.

¹ У табачников, например, существовали организации: сушильщиков, сортировщиков, крутильщиков, упаковщиков, резальщиков, маркировщиков, оберточников.

² Астурийский центр, Галисийский центр, Испанский центр и т. д., которые включали представителей различных социальных групп.

В 1905 г. на Кубе должны были состояться президентские выборы. Консерваторы, называвшие теперь себя умеренными, предложили Эстраде Пальме избрание на второй срок. Он дал согласие. При существовавшей государственной системе, где от президента зависели все высшие назначения, его согласие было гарантией победы умеренных.

Хосе Мигель Гомес, кандидат либералов в президенты, и кандидат от либералов в вице-президенты Альфредо Сайас, которые недавно становились перед своими избирателями в позу противников «поправки Платта», обратились за помощью к США, требуя вмешательства в свою пользу. Так как Соединенные Штаты были довольны политической Эстрады Пальмы, а следовательно, его избрание на второй срок им было выгодно, они не вняли призыву. 1 декабря 1905 г. Эстрада Пальма стал вновь президентом.

Либералы 16 августа 1906 г. подняли на вооруженную борьбу против правительства своих сторонников в провинции Пинар-дель-Рио. Восстание распространилось на значительную часть страны, так как первое кубинское правительство не оправдало надежд на быстрый прогресс республики, породило политический карьеризм и коррупцию. Вскоре повстанцы подошли к Гаване.

Эстрада Пальма, пренебрегая национальной честью, призвал США выступить в его защиту. Не отставали от него и либералы. Их лидеры просили президента Теодора Рузвельта назначить комиссию из американцев для расследования обстоятельств, связанных с выборами, и предписать кубинскому правительству проведение новых.

19 сентября на Кубу прибыли секретарь по военным делам (военный министр) США Тафт и помощник государственного секретаря Роберт Бэкон. К берегам Кубы подошло 6 военных кораблей США и был высажен десант в Сьен-фуэгосе.

Начались переговоры между Тафтом, президентом и либералами. Эстрада Пальма высказал намерение покинуть пост президента. Американские эмиссары только и ждали этого момента. 29 сентября 1906 г. Тафт опубликовал прокламацию, в которой объявлял об установлении в ближайшее время на острове правительства, назначенного Соединенными Штатами из американских граждан. Временно всю власть взял на себя сам Тафт. 2000 американских солдат высадились в Гаване и расположились в окрестностях кубинской столицы. Несколько позже на Кубу прибыло еще 5600 солдат, размещенных гарнизонами в различных частях острова. В его водах стояли американские военные корабли.

Эстрада Пальма приветствовал прокламацию Тафта. Либералы восприняли ее как свою победу, как правомерный акт Вашингтона. При самой активной поддержке либералов американцам удалось без особого труда отобрать у повстанцев оружие.

13 октября на остров прибыл человек, получивший в Вашингтоне титул «временного правителя Кубы и главнокомандующего сухопутными и морскими силами умиротворения», — Чарльз Мэгун. Расхищение кубинской казны, покровительство американским дельцам — основные черты, отличавшие его управление Кубой. Режим, установленный на острове, был режимом военной оккупации.

Первыми в защиту своих прав после установления оккупационного режима выступили строительные рабочие Гаваны. Они потребовали 8-часового рабочего дня и повышения заработной платы. Союз каменщиков и подмастерьев объявил забастовку. Она длилась больше месяца и принесла рабочим скромный успех — была немного повышена зарплата отдельным категориям строителей.

Рабочие-табачники боролись за улучшение условий труда и за его оплату не обесцененными кубинскими (испанскими), а американскими деньгами. 20 февраля 1907 г. была прекращена работа на фабрике «Иха де Кабаньяс-и-Карбахаль», входившей в объединенный англо-американский табачный трест Бокка, а затем на других табачных фабриках. Для организованного проведения

забастовки был избран руководящий комитет. Начался сбор материальных средств в помощь бастующим. Объявленный табачными фабрикантами локаут не поколебал решимости стачечников. Наоборот, стачка расширялась. Она продолжалась 145 дней. В середине июля хозяева согласились удовлетворить требования рабочих. «Денежная стачка», как принято ее называть, была крупной победой кубинского рабочего класса. Она показала рабочим, что в борьбе с хозяевами они вышли победителями благодаря своему единству, солидарности и сплоченности.

В мае 1908 г. оккупационные власти издали приказ о проведении в августе муниципальных и провинциальных выборов. Раскол либералов позволил консерваторам одержать победу. Они заняли большинство мест в муниципальных органах, получили губернаторские посты в трех из шести провинций. Поражение объединило либералов и на проходивших 14 ноября 1908 г. выборах им удалось провести своих кандидатов: Хосе Мигель Гомес стал президентом, Альфредо Сайас — вице-президентом.

На всех стадиях выборы проходили под контролем американских офицеров и в соответствии с изданными Мэгунум инструкциями. После выборов Мэгун пробыв на острове еще месяц, «работая совместно» с новым кубинским правительством. В начале января началась эвакуация американских войск. 28 января Мэгун покинул Кубу, оставив пустую казну, обогатив американских дельцов, насадив невиданную коррупцию, навязав новому правительству заем в 16,5 млн. долл. Перед отъездом он получил от Гомеса заверение, что правительство «будет точно выполнять договор, заключенный между Соединенными Штатами и Республикой Кубой».

Гомес пришел к власти, имея весьма скромное состояние. Он ушел с поста президента, построив себе роскошный дворец и поместив в прибыльные предприятия 8 млн. долл. В условиях бедственного финансового положения страны он расширил штаты государственных служащих с единственной целью обеспечить синекурами своих друзей и приверженцев. Расхищение государственной казны сопровождалось разбазариванием национальных богатств. Они переходили к американским капиталистам. За свою жадность к деньгам и неразборчивость в средствах их приобретения Гомес получил прозвище «акула».

Правительство Гомеса извлекло урок из падения Эстрады Пальмы и решило создать регулярную армию и флот, которые могли бы более прочно поддерживать существующий порядок. Эта цель достигалась тем, что военнотрудовые (набиравшиеся, как и в США, на основе вербовки) были поставлены в привилегированное положение по отношению к народным массам и применялись как полицейская сила, пользующаяся полной безнаказанностью. Эта цель достигалась также тем, что в чрезвычайно раздутый офицерский корпус принимались люди из зажиточных слоев кубинского общества. При этом, начиная с Гомеса и после него, офицеры подбирались главным образом из приспешников президента, находившегося у власти.

Заем, полученный правительством Гомеса в США, был предназначен, в частности, на финансирование работ по благоустройству Гаваны (канализация, тоннели, мостовые, тротуары и т. д.). Трудовой день на этих работах длился 11 часов. Зарплата была низкой. Американская компания, осуществлявшая строительство, совершенно не заботилась об охране труда. Однажды при прокладке тоннеля погибло двое рабочих и несколько было ранено. Это переполнило чашу терпения.

Инициаторами движения протеста против невыносимых условий труда выступили члены Социалистического объединения Гаваны (гаванское отделение Социалистической партии). 15 июля была объявлена забастовка с требованием повышения заработной платы на 25—30 сентаво в день, проведения мер по охране труда. Забастовка была поддержана кампанией солидарности на многих

предприятиях Гаваны. Тогда по приказу министра внутренних дел Мачадо полиция арестовала руководителей стачки Виейтеса и Чакона. К работе приступили охраняемые полицией штрейкбрехеры. Стачка была подавлена.

Несмотря на провозглашенное конституцией равенство всех граждан, несмотря на свои заслуги в Освободительной войне, кубинские негры фактически были лишены возможности занимать общественные и государственные должности, в то время как бывшие сторонники колониального режима пробрались к власти. Негров отделяли в государственных и не принимали в частные школы. Им ставили препятствия при найме на работу. Все это сопровождалось каждодневными оскорблениями со стороны белых расистов.

Неудивительно, что значительную часть армии либералов во время их восстания составляли негры. Однако либералы, обещавшие неграм истинное равноправие, ничего не сделали для этого, и на муниципальных выборах в августе 1908 г. все кандидаты-негры были забаллотированы. Это показало неграм истинное отношение к ним их соратников по партии.

7 августа в доме ветерана Освободительной войны Эваристо Эстеноса собрались его товарищи. Проанализировав результаты муниципальных выборов, они пришли к заключению, что «неграм не приходится ожидать от существующих партий улучшения своего положения».

В принятой программе совершенно определенно говорилось, что намечаемые меры вызваны не расовой ненавистью или стремлением к каким-то особым привилегиям, что осуществление этих мер не отрицает возможности различных политических убеждений у членов объединения (либералов или консерваторов), что негры «не собираются никем управлять, но хотят, чтобы ими хорошо управляли». В общих вопросах кубинской жизни «Независимое объединение цветных» считало себя продолжателем дела Освободительной войны, которое, как считали ее члены, было предано Эстрадой Пальмой, а потом либералами и консерваторами — не только применительно к негритянскому вопросу, к вопросу о взаимоотношениях с США, но и к другим важным национальным проблемам. Независимые включали в свою программу требование 8-часового рабочего дня, равноправие кубинских рабочих с иностранными. Возглавил объединение Эваристо Эстенос.

«Независимое объединение цветных», принявшее название «Независимой партии цветных» участвовало в осенней избирательной кампании 1908 г., предоставив своим сторонникам право голосовать за любого кандидата в президенты, но призвав бороться за собственных кандидатов в члены конгресса. Это было сделано с учетом того, что партия не имела возможности провести своего кандидата в президенты, а уже выставленные представлялись в равной мере чуждыми делу равноправия негров. Либеральный кандидат казался, правда, предпочтительнее. Незначительное время, которое имела Независимая партия цветных для организации своих сил, распыление этих сил среди других партий, меры, принятые противниками новой негритянской организации, — все это обусловило ее неудачу на выборах: ни один из ее кандидатов не был избран ни в один из органов управления.

Учтя уроки поражения, руководство независимых приняло меры к организационному укреплению партии, созданию своих комитетов во всех провинциях. Конгресс утвердил закон, который фактически ставил их партию вне закона. В ответ большинство местных комитетов партии высказалось за восстание. Не сумев охладить страсти, Эстенос взял на себя руководство восстанием. Оно не готовилось, и его участники не стремились достать оружие. Ставка делалась на то, что, узнав о происходящем, правительство, чтобы успокоить страну, отменит дискриминационный закон.

17 мая 1912 г. Эстенос прибыл в Сантьяго-де-Куба, столицу провинции Орьенте, наиболее заселенную неграми, где выступал на митингах и собраниях

с пропагандой идей своей партии. Через два дня он и его сторонники направились в поместье Сан-Хосе, откуда 20 мая начали свой поход. 1 июня они овладели поселком Ла-Майа. Полицейские после короткого сопротивления бежали.

5 июня по приказу из Вашингтона на острове высадились отряды американской морской пехоты, занявшие несколько населенных пунктов и часть железной дороги провинции Орьенте. Министр иностранных дел Кубы Мануэль Сангили направил в Вашингтон ноту протеста. Белый дом отказался отозвать свои войска и последние оставались на Кубе в течение нескольких недель.

Будучи неорганизованным, выступление негров локализовалось в небольшом районе. Попытка независимых провинции Гавана поддержать своих товарищей была быстро подавлена. Подошедшие к месту восстания части кубинской армии, по донесению их командующего генерала Монтеагудо, «учинили настоящую бойню». 27 июня 1912 г. погиб Эваристо Эстенос¹. Его тело, как во времена конкистадоров, было выставлено на обозрение и поругание в Сантьяго-де-Куба. По всей стране арестовывали подозреваемых в сочувствии восставшим.

Попытка негров отстоять свои права закончилась трагически. Они плохо подготовились и избрали не лучший путь. Имея прогрессивную программу, которая могла быть привлекательной для многих кубинцев, независимые оттолкнули их именно своей «независимостью». Это настораживало даже сочувствующих белых; до известной степени связывало руки конгрессменов, белых и черных, которые вначале защищали их; отпугивало негров, боявшихся прослыть пристрастными или черными расистами; вело к изоляции негритянского движения, а следовательно, и к поражению. Тем более, что враги независимых мобилизовывали против них все силы, используя ложь, клевету и укоренившиеся предрассудки. Но форма и характер борьбы негров в те годы были обусловлены окружающей обстановкой: неизбывной обидой против каждодневной расовой дискриминации, утратой всякой надежды на то, что их права будут уважать и отстаивать правительство, существующие партии, конгресс, муниципальные власти.

На фоне безотрадной картины, которую представляло собой правление президента Гомеса, резким контрастом выглядела деятельность Мануэля Сангили, стремившегося ограничить вмешательство американцев в кубинские дела. Средства, которые использовал кубинский министр, — апелляция к нормам международного права, к справедливости — были маломощными. Но благодаря его решительным демаршам американские войска не задержались долго на острове. Ему удалось вернуть Кубе Байя-Онду. На Кубе должна была остаться теперь только одна американская база — Гуантанамо.

Когда началась избирательная кампания, буржуазно-помещичьи партии вновь продемонстрировали свою «персоналистскую» и беспринципную сущность. Гомес, уже давно обещавший Сайасу, что он поддержит его кандидатуру на следующих выборах, старался дискредитировать своего бывшего соратника. На выборах победил консерватор Мария Гарсиа Менокаль, став президентом. Вице-президентом был избран Энрике Хосе Варона.

Биография Менокаля типична для кубинского политического деятеля тех лет. Сын кубинского эмигранта, поселившегося в США, он получил там образование, став инженером. Когда началась Освободительная война, он вступил рядовым в армию патриотов. Во время войны быстро продвинулся до генеральского чина. Кончилась война, и его взгляды резко меняются. При Вуде он был назначен начальником гаванской полиции и жестоко расправлялся с рабочими. Затем занял должность управляющего «Кюбэн амэрикэн шугар компани», создав для нее одну из самых крупных на Кубе сахарных плантаций — Чапарра. К моменту избрания Менокаль — один из бога-

¹ По некоторым данным, он пал в бою, по другим — покончил с собой, когда возникла угроза, что он будет взят в плен.

тейших людей острова, тесно связанный с американскими интересами на Кубе.

Первый год пребывания Менюкаля у власти вновь показал, что между правлением либералов и консерваторов нет принципиальной разницы. Та же коррупция царила во всех звеньях государственной и экономической жизни страны, продолжались политические убийства.

В годы первой мировой войны, в связи с тем что сахарная промышленность Европы была в значительной мере свернута, сильно повысились цены на кубинский сахар. Это стимулировало увеличение производства сахара на острове, дало толчок к расширению внешней торговли. Увеличилось число предприятий, занятых на них рабочих. Но выиграли от этого прежде всего американские дельцы. До 1914 г. американцы владели на Кубе 35 % сахарных предприятий. В 1918 г. им уже принадлежало около 50 % предприятий, которые перерабатывали 70 % всего урожая сахарного тростника на острове.

Обогатились также наиболее крупные кубинские плантаторы и дельцы. Мелкие землевладельцы и капиталисты вскоре почувствовали, что их инициатива, вызванная оживлением экономики, парализуется американской конкуренцией, возросшей концентрацией сахарной промышленности, сосредоточенной на сравнительно небольшом количестве крупных централей, расширявших посевы тростника за счет мелких землевладельцев.

Оживление экономики увеличило занятость кубинских трудящихся, несколько улучшило их положение, но весьма относительно. Стимулируемый центральями рост иммиграции, особенно ввоз сезонных рабочих из Китая, с Ямайки и Гаити, обеспечивал плантаторам и фабрикантам дешевую рабочую силу. Организованное сопротивление владельцев централей требованиям рабочих, конкуренция иностранных рабочих, дороговизна промышленных товаров и продуктов питания не давали трудящимся вырваться из состояния крайней бедности. При этом правительство всеми средствами подавляло рабочее движение.

Когда выяснилось, что Менюкаль собирается остаться на своем посту, и стало очевидным, что результаты голосования во время осенних выборов 1916 г. были фальсифицированы, либералы решили повторить события 1906 г. Экспрезидент Гомес в феврале 1916 г. собрал вооруженный отряд и начал военные действия против правительственных войск под флагом восстановления конституционных норм и организации новых выборов. Он не сумел, да и не хотел развертывать решительную борьбу, но делал все возможное, чтобы спровоцировать американскую интервенцию. США, готовясь в то время к вступлению в войну против Германии и ее союзников, считали смену правительства на Кубе несвоевременной. Они совершили интервенцию, но для того, чтобы покончить с игрой либералов: их войска оккупировали Сантьяго и ряд других пунктов. В кубинских водах находились корабли американского флота. Войска Менюкаля, используя военную поддержку США, быстро рассеяли отряд Гомеса, а его самого взяли в плен. Менюкаль остался у власти на второй срок.

Путем дипломатического давления, повышения цен на американские товары, задержкой их доставки (главным образом продуктов питания) и другими методами американцы вынудили Кубу согласиться на установление фиксированных цен на сахар. Это давало США возможность покупать кубинский сахар дешевле и, кроме того, повышало конкурентоспособность американских сахарных заводов. Куба потеряла от этой операции, если исходить из цен мирового рынка, 600 млн. долл.

Американская оккупация приостановила развитие демократических тенденций Освободительной войны кубинского народа против испанского ига. Американские военные интервенции и экономическое господство американского капитала рождали у многих кубинцев чувство беспомощности и обреченности. Куба вплоть до победы революции в 1959 г. оставалась в зависимости от Соединенных Штатов, контролировавших ее политическую и хозяйственную жизнь.

МЕКСИКА В 1825—1910 ГГ.

Освобождение Мексики от колониального гнета не сопровождалось радикальным переустройством ее социально-экономической структуры. Позиции латифундистов и церкви не только не были поколеблены, но даже укрепились. В связи с раздачей земель генералам и офицерам, отличившимся во время войны за независимость, а также крупным чиновникам число латифундий, составлявшее в 1810 г. менее 5 тыс., к 1854 г. превысило 6 тыс. Духовенство продолжало пользоваться рядом привилегий, а его экономическая мощь заметно возросла, поскольку к церкви перешли многие заложенные асьенды светских земледельцев. Экономика развивалась крайне медленно. Большинство крестьян, рабочих рудников и мануфактур по-прежнему страдали от педонажа и других докапиталистических форм эксплуатации.

Правда, установление независимости способствовало росту внешней торговли и вовлечению Мексики в орбиту мирового хозяйства. Отмена ряда торговых ограничений, снижение пошлин и прочие меры стимулировали быстрое развитие торговли с другими государствами. В 1826 г. конгресс принял декрет, разрешивший установление торговых отношений на основе взаимности. Вслед за тем были заключены договоры с Англией, Францией, Нидерландами, Данией, США. Важным показателем увеличения объема внешней торговли являлось оживление судоходства. Уже в 1826 г. в мексиканские порты прибыли 639 иностранных судов против 148 в 1823 г.

Однако договоры и соглашения с европейскими державами и США имели и отрицательные последствия, так как способствовали проникновению иностранного капитала, с которым слабая мексиканская экономика не могла конкурировать. Экономическое положение молодой республики являлось в то время крайне тяжелым: ее хозяйству был нанесен серьезный ущерб в ходе войны за независимость, финансы пришли в катастрофическое состояние. Национальный доход резко сократился. Утечка капиталов происходила в связи с выездом ряда испанских купцов и предпринимателей. Расходная часть бюджета намного превышала доходную.

Выход из этого критического положения некоторые государственные деятели и экономисты видели в привлечении иностранных капиталов. В 1824—1825 гг. лондонские банкиры предоставили Мексике два займа на общую сумму в 32 млн. песо. Но для расчетов с кредиторами пришлось прибегать к новым займам, в связи с чем сумма внешнего долга государства уже к 1843 г. составила свыше 54 млн. песо.

В результате инвестиций английских капиталов в горнодобывающую промышленность возникли акционерные общества «Объединенная горнопромышленная компания Мексики», «Англо-мексиканская компания» и т. д. В руках англичан оказалась и значительная часть мексиканской торговли. Таким образом, едва освободившись от испанского ига, Мексика попала в экономическую зависимость от капиталистической Англии. В страну стал проникать также североамериканский, немецкий, французский капитал. К середине 20-х годов в Мексику были направлены крупные денежные суммы из США, которые являлись в то

время единственным конкурентом Англии на мексиканском рынке. Проникновение иностранного капитала, а также конкуренция более дешевых и высококачественных товаров, ввозившихся из развитых в промышленном отношении стран, тормозили процесс капиталистического развития.

Для финансирования национальной промышленности в 1831 г. был основан Кредитный банк. Он субсидировал создание ряда предприятий по изготовлению тканей, бумаги, литья, закупал за границей машины и оборудование, племенной скот, приглашал квалифицированных иностранных специалистов. Однако попытка осуществления «индустриализации» при сохранении прежней экономической структуры оказалась безуспешной. Провал планов, связанных с деятельностью Кредитного банка, был обусловлен и недостатком денежных средств. Просуществовав немногим более 10 лет, Кредитный банк был в 1842 г. закрыт.

Уровень развития промышленности во второй трети XIX в. оставался крайне низким. Основной ее отраслью по-прежнему являлась горнодобывающая, в первую очередь добыча драгоценных металлов, которая неуклонно возрастала. Если в 1821—1840 гг. производство серебра составило около 6 тыс. т, а золота — 28,3 тыс. кг, то в последующее двадцатилетие оно достигло соответственно почти 8,8 тыс. т и 37,8 тыс. кг. Ведущей отраслью обрабатывающей промышленности почти была хлопчатобумажная. К середине 40-х годов в Мексике насчитывалось 59 прядильных и ткацких фабрик, а также много мануфактур и ремесленных мастерских. Наряду с применением машин хлопчатобумажное производство в значительной мере базировалось и на использовании ручного труда. Наиболее крупными центрами этого производства являлись Пуэбла, Мехико, Веракрус. Вырабатывались также шерстяные и шелковые ткани, сукна, войлок, изготавливались одеяла, ковры, бумага и т. д.

Качество продукции постепенно улучшалось, а объем производства расширялся. Однако по своей технической оснащенности мексиканская промышленность заметно отставала от экономически развитых европейских государств и США. Преобладающей формой производства все еще оставалась мануфактура.

Значительно выросла и внешняя торговля. В 1825—1828 гг. стоимость экспорта составляла в среднем около 10 млн. песо, а импорта — 14,3 млн. песо в год. К 1856 г. объем экспорта достиг 28 млн., импорта — 26 млн. песо. Мексика вывозила преимущественно благородные металлы (она являлась главным поставщиком серебра на мировой рынок) и некоторые продукты сельского хозяйства (табак, кофе, ваниль, кошениль, хенекен, кожи и др.). В ее ввозе преобладали различные промышленные изделия.

Политическое положение в стране характеризовалось отсутствием стабильности в связи с ожесточенной борьбой за власть между враждебными группировками и военными кликами. В 30-х годах латифундисты, высшее духовенство, реакционная военщина, добивавшиеся сохранения своих привилегий и социально-экономических институтов колониального периода, а самые крайние — даже установления монархии, объединились в консервативную партию, лидерами которой стали Лукас Аламан и Анастасио Бустаманте. Либералы требовали отмены привилегий церкви и армии, проведения политических и экономических реформ. Их правое крыло составляли «модератос» («умеренные»), пользовавшиеся поддержкой либерально настроенных крупных землевладельцев, тесно связанных с ними промышленников и купцов, части генералитета и чиновничества, а левое крыло — «пурос» («крайние»), наиболее решительно выступавшее за ликвидацию феодальных пережитков, опиралось на городскую и сельскую бедноту, ремесленников, мелких торговцев, служащих, интеллигенцию.

После четырехлетнего пребывания у власти первого президента Гуадалупе Виктории, который провел ряд прогрессивных мероприятий (в частности, запретил работорговлю и ввоз рабов, а также декретировал освобождение последних), в начале 1829 г., несмотря на сопротивление блока консерваторов и моде-

радос, президентом был избран представитель пурос, герой войны за независимость Висенте Герреро.

Пользуясь обострением внутривластной борьбы в Мексике, испанские войска в июле 1829 г. высадились на ее восточном побережье, однако вскоре были разгромлены. В 1836 г. Испании пришлось признать независимость Мексики. После разгрома интервентов Герреро в подтверждение декрета своего предшественника издал указ о полной отмене рабства. Этот акт привел к усилению недовольства реакционеров, которые в декабре 1829 г. подняли мятеж и свергли правительство. К власти пришли консерваторы во главе с Бустаманте и Аламаном. Они ликвидировали свободу печати, начали массовое преследование республиканцев и либерально мыслящих людей. Многие из них были брошены в тюрьмы или изгнаны. Герреро был схвачен и расстрелян.

Эта политика вызвала противодействие широких слоев населения. В ряде районов произошли антиправительственные выступления, волнения охватили и воинские части генерала Санта-Анны. Действия правящих кругов подверглись в конгрессе резкой критике со стороны пурос. Под натиском демократической оппозиции правительство Бустаманте — Аламана в конце 1832 г. пало. Выборы в конгресс принесли успех сторонникам пурос и политическим силам, группировавшимся вокруг Санта-Анны, который пользовался тогда известной популярностью и репутацией либерала. Президентом республики был избран Санта-Анна, а вице-президентом — Валентин Гомес Фариас.

Антонио Лопес де Санта-Анна (1795—1876) происходил из семьи богатого землевладельца. Свою карьеру он начал в рядах роялистской армии, борющейся против патриотов, в 1821 г. примкнул к Итурбиде, а впоследствии выступил против него под республиканскими знаменами. Защищая интересы консервативно-клерикальных кругов и реакционной военщины, этот беспринципный карьерист, интриган и демагог для достижения своих целей в борьбе за власть порой притворялся либералом.

Став президентом благодаря голосам депутатов-пурос, но отнюдь не разделяя их политической программы, Санта-Анна до поры до времени открыто не противодействовал им. Под предлогом болезни он уехал в свое поместье и во главе правительства оказался Гомес Фариас. Врач по профессии, честный и неподкупный человек, он участвовал в войне за независимость, а после гибели Герреро стал руководителем левого крыла либералов.

Придя к власти, пурос решительно потребовали ликвидации привилегий (фуэрос) духовенства и военных. Конгресс принял законы об отделении церкви от государства и восстановлении правительственного контроля над церковью. Было запрещено создание религиозных корпораций, отменено обязательное взимание церковной десятины, регистрация актов гражданского состояния была изъята из ведения церкви и передана светским властям. Правительство Гомеса Фариаса приняло решение об отмене привилегий, которыми пользовались военные, а также о сокращении численности армии.

Деятельность правительства вызвала яростное сопротивление феодально-клерикальных кругов и военщины. В борьбу против пурос теперь включился и Санта-Анна. Установив тесный контакт с латифундистско-клерикальным блоком, он выступил против своих вчерашних союзников и в апреле 1834 г. отстранил Гомеса Фариаса от руководства правительством. Взяв всю власть в свои руки, Санта-Анна разогнал конгресс, отменил конституцию и антиклерикальные законы 1833 г., изгнал из страны лидеров пурос. Выступления народных масс против диктатуры Санта-Анны были жестоко подавлены.

В середине 30-х годов чрезвычайно обострились отношения Мексики с США. Овладев в начале XIX в. Луизианой, а затем Флоридой, вашингтонское правительство стремилось к дальнейшей экспансии в юго-западном направлении с целью аннексии северо-восточной части Новой Испании, в первую очередь

обширного, но малонаселенного Техаса. В 1819 г. США, желая закрепить и юридически оформить присоединение Флориды, заключили с Испанией договор, согласно которому официально признавали Техас составной частью Новой Испании и, следовательно, должны были отказаться от всяких притязаний на него. Однако на самом деле влиятельные круги США отнюдь не распустились со своими экспансионистскими планами. Более того, именно в 20-х годах началась и приобрела широкий размах американская колонизация Техаса.

Под давлением американцев законодательное собрание штата Коауила и Техас издало в 1825 г. колонизационный закон, обеспечивавший поселенцам возможность получения земельных наделов по крайне низкой цене, причем платежи производились в рассрочку, а также освобождение от налогов и пошлин в течение первого десятилетия.

Численность колонистов быстро росла, «пока их не стало больше, чем мексиканцев, населявших прежде эту страну», указывал американский автор XIX в. К середине 30-х годов в Техасе проживало уже более 30 тыс. переселенцев из США (тогда как численность мексиканского населения не достигала и 3,5 тыс.). Они прибывали целыми партиями и были хорошо вооружены. Многие привозили с собой негров-рабов. Установив фактически полный контроль над Техасом, американцы игнорировали законы Мексики и меры ее правительства, направленные против рабства.

В ходе колонизации Техаса США пытались дипломатическим путем добиться уступки этой и некоторых других территорий, но безуспешно. В 1828 г. они вынуждены были заключить с Мексикой договор о границе, подтверждавший положения договора 1819 г.

Озабоченный проникновением североамериканцев в Техас, мексиканский конгресс в 1830 г. запретил дальнейшую иммиграцию из соседних государств в пограничные с ними штаты Мексики (т.е. из США в Техас). Новый закон предписывал также поощрять переселение в неосвоенные районы мексиканцев и европейцев, строить на колонизируемых территориях укрепления и размещать там воинские гарнизоны, не допускать ввоза рабов.

Несмотря на запрет, американская иммиграция в Техас продолжалась. Но действия мексиканских властей (увеличение численности войск на техасской территории, подготовка к сбору налогов и платы за землю в связи с истечением предоставленной отсрочки и т. д.) вызывали раздражение колонистов. В июле 1832 г. оно вылилось в вооруженное столкновение с правительственными силами в селении Анауак, на побережье залива Галвестон. Вслед за тем мексиканские гарнизоны были выведены из восточной части Техаса.

Собравшиеся в октябре 1832 г. представители техасских колонистов требовали отмены закона 1830 г. и отделения Техаса от Коауилы с преобразованием его в самостоятельный штат. Чтобы обеспечить удовлетворение этих требований, в Мехико отправился их эмиссар. Ему удалось добиться аннулирования запрета на иммиграцию в Техас из США и некоторых других уступок, но правительство республики категорически отказалось предоставить Техасу статус штата. А при диктатуре Санта-Анны с установлением централистской формы правления прежние штаты, пользовавшиеся широкой автономией, превратились в департаменты, губернаторы которых назначались президентом. В начале 1835 г. в Техас были посланы дополнительные воинские контингенты с целью обеспечить взимание таможенных пошлин.

Под воздействием этих перемен обстановка еще больше накалилась. Все громче звучали голоса тех, кто призывал взяться за оружие, чтобы осуществить отделение от Мексики. В июне 1835 г. отряд американских колонистов захватил техасское селение Анауак. В последующие месяцы мятежники овладели рядом других населенных пунктов и к концу года вытеснили из Техаса мексиканские войска. Из США стали поступать деньги, оружие, боеприпасы. Границу

переходили многочисленные добровольцы. В США были закуплены военные корабли, препятствовавшие подходу мексиканских судов к техасскому побережью. 2 марта 1836 г. конвент «представителей народа Техаса» провозгласил отделение от Мексики и образование независимой республики. Конституция «Республики Техас», составленная по образцу североамериканской, узаконила рабство и ввоз рабов. Конвент обратился к правительству США с просьбой о помощи.

Между тем, вступившая в Техас мексиканская армия под командованием самого Санта-Анны заняла столицу Сан-Антонио и стала теснить мятежников, вынужденных отступить на восток. Преследуя их, Санта-Анна с авангардом своей армии достиг устья реки Сан-Хасинто, где расположился на отдых, не приняв элементарных мер предосторожности. Воспользовавшись этим, колонисты 21 апреля внезапно атаковали мексиканцев и разгромили их. Санта-Анна пытался спастись бегством, однако попал в плен.

Не имея на то никаких полномочий, он подписал капитулянтское соглашение о прекращении военных действий и выводе мексиканских войск из Техаса, а также обязался добиться признания его независимости Мексикой и установления границы между ними по р. Рио-Гранде-дель-Норте. Но мексиканский конгресс объявил это соглашение и обязательства, данные Санта-Анной, недействительными.

В марте 1837 г. вашингтонское правительство официально признало «независимость» Техаса. Вскоре его примеру последовали Англия и Франция, полагавшие, что новая «республика» станет барьером на пути дальнейшей экспансии США на юг. Однако мексиканское правительство решительно отказалось признать «Республику Техас». Встревоженное требованиями влиятельных кругов США об ее аннексии, оно в 1843—1844 гг. дважды предупреждало, что будет считать такую акцию равносильной объявлению войны Мексике.

Тем не менее в начале 1845 г. американский конгресс принял резолюцию, предлагавшую Техасу войти в состав США. Корпус генерала Тейлора, введенный по распоряжению правительства Полка на техасскую территорию, в июле вышел к р. Нуэсес (издавна считавшейся южной границей Техаса) и сосредоточился близ ее устья в районе Корпус-Кристи. 29 декабря президент Полк подписал одобренный конгрессом билль о включении Техаса в США на правах штата.

Помимо Техаса важным объектом экспансии США являлись также обширные, плодородные и богатые полезными ископаемыми мексиканские территории Калифорния и Новая Мексика. После неудачной попытки вашингтонского правительства купить их американские войска получили приказ перейти Нуэсес. В марте 1846 г. они без объявления войны вторглись в пределы Мексики и продвинулись до Рио-Гранде.

В конце апреля мексиканские части по приказу президента Паредеса-и-Аррильяги форсировали эту реку и атаковали американцев. 8 мая в районе Пало-Альто произошло первое крупное сражение, в ходе которого мексиканцы понесли большие потери и на следующий день под натиском противника начали отходить. В Ресака-де-ла-Пальма они решили дать бой, но потерпели поражение и отступили на южный берег. Вслед за ними переправились и американские войска, которые 18—19 мая заняли Матаморос.

Хотя армия Тейлора оккупировала не только Техас, но также часть мексиканских штатов Коауила и Тамаулипаса между Нуэсес и Рио-Гранде, президент Полк в послании конгрессу заявил, будто мексиканцы «перешли границу Соединенных Штатов, вторглись на нашу территорию и пролили кровь американцев на американской земле». 13 мая 1846 г. он издал прокламацию, констатирувавшую состояние войны с Мексикой. 2 июля мексиканский конгресс по предложению правительства официально объявил войну Соединенным Штатам.

В июне 1846 г. американские поселенцы подняли мятеж в Калифорнии и при

поддержке эскадры США заняли ряд населенных пунктов. Они провозгласили создание «Республики Калифорнии», которая вскоре была присоединена к США. В июле американские войска вторглись в Новую Мексику и за короткий срок оккупировали почти всю ее территорию. В августе оккупанты объявили об аннексии и этого мексиканского штата.

Между тем действовавшая на северо-востоке Мексики армия Тейлора 21 сентября достигла Монтеррея и после ожесточенных трехдневных боев заняла его, а в середине ноября вошла в Сальтильо. К тому времени эскадра Коннера, блокировавшая побережье Мексиканского залива, овладела портом Тампико.

Поражения мексиканских войск вызвали в стране сильное недовольство консервативным правительством Паредеса, проявившим полную неспособность вести войну. Вдохновителем вооруженных антиправительственных выступлений были пурос во главе с Гомесом Фариасом. Восстание, вспыхнувшее в начале августа 1846 г., привело к свержению консерваторов. У власти временно оказались пурос, требовавшие не только демократических преобразований и реформ антиклерикального характера, но также эффективных мер по организации обороны. Подобная программа обеспечила им значительное число мест в конгрессе, однако большинство получили все же сторонники Санта-Анны, консерваторы и умеренные либералы. При таком соотношении сил конгресс в декабре снова избрал президентом республики Санта-Анну, который благодаря своей энергии и предприимчивости пользовался еще известным влиянием в армии и среди населения. Вице-президентом стал Гомес Фариас, фактически продолжавший руководить деятельностью правительства, поскольку Санта-Анна в качестве главнокомандующего был целиком поглощен подготовкой к военным операциям на севере.

Одной из важных мер, имевших целью укрепить обороноспособность Мексики, явилось создание национальной гвардии. В поисках денежных средств для ведения войны конгресс по инициативе Гомеса Фариаса вопреки отчаянному противодействию консерваторов и клерикалов одобрил в январе 1847 г. закон о продаже части сокровищ церкви. В ответ некоторые подразделения национальной гвардии, сформированные главным образом из представителей «золотой молодежи» (за их увлечение празднествами и танцами прозванных «полькос»), по призыву клерикально-консервативного блока подняли 23 февраля мятеж в столице. В результате решительных действий правительства разгром мятежников был вскоре предрешен, но их взял под защиту прибывший в Мехико Санта-Анна. Поддержав реакционные силы, он отстранил от власти Гомеса Фариаса и добился отмены декрета об изъятии церковных ценностей.

Тем временем наметился существенный поворот в ходе войны с США.

Несмотря на значительные успехи, стратегический план американского командования, рассчитанный на нанесение основного удара с севера, быстрый разгром мексиканской армии и захват столицы Мексики, осуществить не удалось. Мексиканцы оказали энергичное сопротивление. На оккупированных территориях развернулась партизанская война. Американским войскам пришлось действовать в тяжелых, непривычных для них природных и климатических условиях пустынной и засушливой местности, их коммуникации сильно растянулись. 22—23 февраля 1847 г. близ горного перевала Буэна-Виста армия Тейлора отразила наступление превосходящих сил мексиканцев, которыми командовал Санта-Анна. Но американцы сами понесли большие потери и даже не пытались преследовать деморализованного противника, в беспорядке отступавшего на юг, в Сан-Луис-Потоси.

Когда стало ясно, что первоначальный замысел не реален, правящие круги США решили изменить направление главного удара и нанести его с востока, через Веракрус. С этой целью в Мексиканском заливе была сосредоточена фло-

тилия судов с экспедиционной армией генерала Скотта на борту. 9 марта 1847 г. она высадилась близ Веракруса, и после трехнедельной осады, сопровождавшейся интенсивным артиллерийским обстрелом, интервенты заняли город. Вслед за тем они двинулись на запад. Санта-Анна сосредоточил мексиканские войска возле селения Серро-Гордо, северо-западнее Веракруса. Но его армия не смогла оказать организованного сопротивления и в середине апреля была разгромлена наступающими американцами. Через месяц они без боя заняли Пуэблу.

Получив подкрепления из США, Скотт в начале августа повел свою армию по направлению к Мехико. На подступах к столице завязались упорные бои. Несмотря на пораженческие настроения ряда представителей правящей верхушки, которые на протяжении июня—июля вели с врагом тайные переговоры о прекращении огня, и нерешительность командования, защитники города стойко сопротивлялись. В кровопролитном сражении при Чурубуско (20 августа) американцы одержали победу лишь благодаря своему численному и техническому превосходству. Однако они также понесли большие потери и нуждались в передышке.

По предложению Скотта было заключено перемирие, длившееся около двух недель. Используя эту паузу для приведения в порядок своих войск и получения пополнений, интервенты вместе с тем пытались вынудить правительство Мексики уступить Техас, Новую Мексику, Калифорнию, значительную часть Тамаулипаса, Коауилы, Чиуауа и Соноры (т. е. примерно три четверти своей территории), а также предоставить США право транзита через Теуантепекский перевал. Но предъявленные требования были настолько неприемлемы, что даже Санта-Анна и его сторонники не решились согласиться с ними. 8 сентября американские войска возобновили военные операции, атаковав Молино-дель-Рей, после чего бои переместились в район Чапультепека. Исключительное мужество проявили в этих боях курсанты военного училища, героически сражавшиеся до последней капли крови. 13 сентября американцы штурмом овладели замком Чапультепек и подошли вплотную к Мехико. На следующий день они вступили в город, оставленный ночью мексиканской армией.

Но почти безоружные жители столицы поднялись на борьбу против оккупантов. Патриоты стреляли в них, сбрасывали с крыш домов камни, нападали на отставших от своих подразделений солдат. В ответ интервенты разрушали дома и целые кварталы, превращали церкви в конюшни и казармы, расстреливали горожан без суда и следствия. На площади Пласа-де-Армас и проспекте Аламеда они соорудили виселицы для казни патриотов.

Несмотря на захват столицы неприятелем, народная война против оккупантов продолжалась и в Калифорнии, Новой Мексике, Тамаулипаса, Веракрусе, Пуэбле и многих других районах. Повсюду стихийно возникали партизанские отряды, наносившие серьезный урон интервентам. Чтобы сломить сопротивление мексиканцев, генерал Скотт издал приказ, объявлявший партизан вне закона, а ответственность за их действия возлагавший на местные власти. Но борьба не утихла.

Напуганная ростом партизанского движения, соглашательски настроенная часть господствующих классов Мексики после оккупации Мехико стала добиваться быстрого прекращения военных действий. Правительство Пеньи-и-Пеньи, пришедшее к власти в конце сентября 1847 г. вслед за отставкой Санта-Анны, который нес главную ответственность за поражение в войне, обосновавшись в Керетаро, выразило готовность вести переговоры о заключении мирного договора.

Этого хотели и правящие круги США, полагавшие, что разгром регулярной мексиканской армии и захват обширной территории, включая столицу и другие крупные центры Мексики, даст им возможность продиктовать побежденной стороне выгодные условия мира. Кроме того, война с Мексикой была крайне непопу-

лярна среди широких слоев американского общества. Против нее выступали большинство партии вигов и часть демократов, аболиционисты и пацифисты, квакеры и другие религиозные секты. Агрессивные действия администрации Полка разоблачались с трибуны конгресса и на страницах печати. Их безоговорочно осуждали будущий президент А. Линкольн, выдающиеся философы и публицисты Р. У. Эмерсон и Г. Д. Торо, писатели Г. Мелвилл и М. Фуллер.

В январе 1848 г. переговоры между воюющими сторонами возобновились, и под сильным давлением американской дипломатии 2 февраля в Гуадалупе-Идалго был подписан мирный договор. Мексика оказалась вынуждена отдать США помимо Техаса также Новую Мексику, Верхнюю Калифорнию, северную часть Тамаулипаса, Коауилы и Соноры, т. е. до 55 % всей территории страны общей площадью около 2,3 млн. км². Ее северной границей признавалась Рио-Гранде-дель-Норте. В качестве компенсации США должны были уплатить мизерную сумму в 15 млн. песо и отказаться от своих финансовых претензий к Мексике в размере 3250 тыс. долл.

Договор Гуадалупе-Идалго, по словам мексиканского исследователя, «был одним из самых жестоких в новой истории». Поражение Мексики в войне, навязанной ей американскими экспансионистами, объяснялось не только экономическим, техническим и военным превосходством США, но и антипатриотическим поведением мексиканских господствующих классов, которые, желая сохранить свои привилегии, принесли в жертву национальные интересы.

Война 1846—1848 гг. наложила серьезный отпечаток на дальнейшее развитие страны. Мексика лишилась плодородных земель с неисчерпаемыми природными ресурсами. Итоги войны в значительной мере повлияли на ее последующие отношения с США.

В середине XIX в. либералы стали усиленно выдвигать требование реформы, под которой подразумевались секуляризация церковного имущества, ликвидация привилегий духовенства и армии и т. д. Эта программа соответствовала интересам капиталистического развития. Против реформы выступали консерваторы, стремившиеся укрепить власть латифундистов и господствующее положение церкви, сохранить фуэрос военных и духовенства, не допустить к участию в политической жизни народные массы и большую часть буржуазии. В связи с усилением в конце 40-х — начале 50-х годов крестьянских восстаний и выступлений городской бедноты в 1853 г. при поддержке реакционных землевладельцев, церковной иерархии, военщины и крупной иностранной буржуазии к власти вновь пришел Санта-Анна (1853—1855). Установив диктаторский режим, он по требованию США уступил им за 10 млн. долл. еще около 120 тыс. км², расположенных южнее р. Хила (долина Месилья). Эта сделка, известная под названием «покупки Гадседена» (по имени посланника США), вызвала сильное возмущение в стране.

В ответ на антинациональную политику Санта-Анны 1 марта 1854 г. в городе Аютла вспыхнуло восстание, во главе которого встал губернатор штата Герреро Хуан Альварес. Оно быстро приобрело широкий размах и вскоре переросло в революцию. В ней приняли активное участие крестьяне, ремесленники, городская беднота, мелкая и средняя буржуазия, интеллигенция. В августе 1855 г. диктатура Санта-Анны пала, а в октябре к власти пришло либеральное правительство Альвареса, составленное из пурос. Оно приступило к формированию национальной гвардии, которая должна была заменить постоянную армию; по предложению министра юстиции Хуареса издало закон, лишивший привилегий духовенство и армию («закон Хуареса»).

Однако уже в декабре произошел государственный переворот и при поддержке консерваторов власть захватили умеренные либералы — модератос, выражавшие интересы латифундистов и примыкавшей к ним крупной буржуазии. Но попытки реакции ликвидировать завоевания революции и полностью восста-

новить привилегии церкви и военщины не увенчались успехом. Новое правительство Игнасио Комонфорта (1855—1858) подавило контрреволюционные выступления и начало осуществлять программу буржуазно-либеральных преобразований. Оно провозгласило свободу печати, отменило регламентацию промышленности, упразднило цехи, внутренние таможи, ввело метрическую систему мер и весов. Вскоре конгресс принял ряд антиклерикальных законов и утвердил «закон Хуареса».

В середине 1856 г. был издан «закон Лердо» (названный по имени его автора — министра финансов Мигеля Лердо де Техады), запрещавший гражданским и церковным корпорациям владеть недвижимым имуществом. Он создавал благоприятные условия для перехода собственности церкви в руки крупной буржуазии и светских землевладельцев. Вместе с тем под действие «закона Лердо» были подведены индейские общины, которые рассматривались как «гражданские корпорации».

5 февраля 1857 г. конгресс обнародовал новую конституцию, которая объявила Мексику представительной, демократической федеративной республикой, состоящей из штатов, «свободных и суверенных во всем, что касается их внутреннего устройства»¹. Она запрещала рабство, декларировала свободу совести, слова, печати, собраний, передвижения, тайну переписки, право создания политических и общественных организаций, отменяла наследственные титулы и привилегии знати, упраздняла сословные суды и вводила суд присяжных, ликвидировала торговые монополии и регламентацию, тормозившие рост промышленности, гарантировала неприкосновенность частной собственности, отчуждение которой допускалось «только в случае общественной необходимости и с предварительной компенсацией»². Этот документ включал важнейшие положения «закона Хуареса» и «закона Лердо», т. е. подтверждал отмену фуэрос и запрет духовным и светским корпорациям иметь недвижимость. Конституция 1857 г. нанесла тяжелый удар по феодальным пережиткам и утвердила основные завоевания буржуазной революции.

Стремясь не допустить введения конституции, силы консервативно-клерикальной реакции подняли в конце 1857 г. мятеж и свергли правительство Комонфорта, провозгласив его преемником генерала Сулоагу. Однако в защиту конституции выступили либералы во главе с одним из лидеров пурос Хуаресом.

Бенито Пабло Хуарес (1806—1872) родился в индейской крестьянской семье. Рано осиротев, он с малых лет пас скот и работал в поле. Мечтая научиться грамоте, 12-летний мальчик покинул родную деревню и отправился в город Оахаку, где нанялся в ученики к просвещенному монаху-переплетчику. Хозяин учил Бенито читать и писать, а потом помог ему поступить в духовную семинарию. В дальнейшем Хуарес изучал юриспруденцию в Институте наук и искусств, основанном либералами после образования Мексиканской республики. Окончив это учебное заведение, он в течение ряда лет занимался адвокатской практикой, а в 1847 г. был избран губернатором штата Оахака. Будучи активным участником начавшейся в 1854 г. революции, Хуарес вошел в состав либерального правительства в качестве министра юстиции, а по вступлении в силу конституции 1857 г. занял пост председателя верховного суда. Когда вспыхнул контрреволюционный мятеж и законное правительство было свергнуто, он, согласно конституции, стал временным президентом республики. Наряду с ним видную роль играли другие лидеры пурос: министр иностранных и внутренних дел Мельчор Окампо, военный министр Сантос Дегольядо, министр финансов Гильермо Приэто.

¹ Хрестоматия по новой истории. М., 1965. Т. II. С. 404.

² Там же.

Страна была охвачена гражданской войной. На первом ее этапе либералы, опиравшиеся на поддержку народных масс, все же терпели серьезные поражения. Их военные неудачи в значительной мере вызывались тем, что формируемая ими армия по своей боевой подготовке, воинской дисциплине, вооружению, снаряжению поначалу уступала регулярным войскам консерваторов. Последние захватили инициативу и в течение длительного времени удерживали ее. Заняв Мехико, Пуэблу и другие города, расположенные в центральных районах, они объявили об отмене конституции и «закона Лердо», о возвращении церкви ее имущества. В марте 1858 г. консерваторы овладели важным горнопромышленным центром Гуанахуато. В связи с приближением фронта к Керетаро — резиденции правительства Хуареса, оно перенесло свое местопребывание в Гвадалахару, а затем — в Веракрус.

В ходе войны Хуарес издал в июле 1859 г. «Законы о реформе», возлагавшие главную ответственность за развязывание гражданской войны на католическую церковь. Чтобы лишить ее материальных средств, используемых духовенством во вред обществу, либеральное правительство заявило о национализации церковных имуществ, отделении церкви от государства, роспуске монашеских орденов, религиозных конгрегаций и братств, закрытия мужских монастырей. Декретировались свобода вероисповедания, введение гражданского брака, передача регистрации актов гражданского состояния государственным органам, освобождение верующих от принудительных поборов в пользу церкви и другие меры, подрывавшие позиции духовенства. Противодействие проведению в жизнь этих законов и их саботаж наказывались в зависимости от тяжести вины изгнанием или привлечением к судебной ответственности. В последнем случае подсудимым предьявлялось обвинение в заговоре против республики.

Издание «Законов о реформе», являвшихся одним из основных актов буржуазной революции, привело к еще большему обострению вооруженной борьбы. Несмотря на то что широкие слои населения все более активно поддерживали либералов, а в консервативном лагере определенные круги не возражали против прекращения войны, еще в течение некоторого времени продолжал сказываться перевес консерваторов. В конце 1859 г. их войска под командованием способного молодого генерала Мигеля Мирамона (возглавлявшего в 1859—1860 гг. консервативное правительство в Мехико), нанеся поражение армии Дегольядо, овладели обширной, плодородной и густо заселенной областью Бахио. В феврале следующего года они осадили Веракрус, но через некоторое время вынуждены были снять осаду.

К середине 1860 г. стало очевидным военное превосходство либералов, численность войск которых значительно возросла, а их организация, подготовка и оснащение существенно улучшилось. В течение второй половины этого года они добились крупных успехов, заняли главные города ряда штатов, блокировали Мехико и Пуэблу, а 25 декабря армия Гонсалеса Ортеги вступила в столицу, откуда накануне поспешно бежали Мирамон и его окружение.

Трехлетняя гражданская война закончилась полной победой либералов. Но она не сопровождалась радикальными преобразованиями. Революция не покончила с крупным землевладением. Напротив, оно еще более окрепло за счет церковных и общинных земель. Сохранились пеонаж, кабальная аренда и другие докапиталистические формы эксплуатации. Вскоре феодально-клерикальные силы возобновили борьбу против правительства Хуареса.

В конце 1861 — начале 1862 г. на помощь мексиканским реакционерам пришли Англия, Франция и Испания. 31 октября 1861 г. между этими державами была заключена конвенция о совместной вооруженной интервенции в Мексике. В ней указывалось, что стороны обязуются договориться об отправке к берегам этой страны объединенных сухопутных и военно-морских сил, «совокупность коих должна быть достаточной, чтобы захватить и занять различные крепости и

военные позиции мексиканского побережья»¹. Основной целью интервенции для всех трех участников было свержение правительства Хуареса и поддержка сил мексиканской реакции, возглавлявшихся консервативной партией. В дальнейшем они намеревались лишить Мексику независимости. Именно поэтому Маркс называл интервенцию в Мексике «одним из самых чудовищных предприятий, когда-либо занесенных в летописи международной истории», а коалицию Англии, Франции и Испании — новым Священным союзом².

В оправдание своих агрессивных действий европейские интервенты ссылались на постановление мексиканского конгресса от 17 июля 1861 г. о временном прекращении платежей по внешним долгам. Но требования об уплате долгов являлись лишь предлогом. Интервенция европейских держав преследовала более далеко идущие цели, нежели заставить Мексику возобновить выплату процентов иностранным кредиторам. Она готовилась еще до издания указанного постановления, а началась уже после того, как мексиканский конгресс аннулировал его.

Первыми прибыли в Мексику испанские войска, которые 18 декабря 1861 г. заняли Веракрус. В начале января 1862 г. высадились английские и французские части.

Поскольку оказалось, что силы мексиканской реакции не способны активно поддерживать интервентов, последним пришлось начать переговоры с республиканским правительством. 19 февраля 1862 г. в Ла-Соледад (близ Веракруса) представителями Мексики, Англии, Франции и Испании было подписано предварительное соглашение, которое предусматривало продолжение переговоров с целью урегулирования вопроса о претензиях трех держав. Английское и испанское правительство одобрили (хотя и с рядом оговорок) Ла-Соледадскую конвенцию. Наполеон III, желавший превратить Мексику в зависимую от Франции империю во главе со своим ставленником австрийским эрцгерцогом Максимилианом Габсбургом, отказался признать как само соглашение, так и правительство Хуареса, с которым оно было заключено.

В апреле 1862 г. испанские и английские войска были выведены из Мексики. При этом правительство Пальмерстона учитывало, что цели, которые оно преследовало при организации интервенции, могли быть теперь достигнуты без прямого участия Англии. Ведь правящие круги Франции, уже достаточно втянувшиеся в мексиканскую авантюру, чтобы реализовать собственные планы, должны были добиться свержения правительства Хуареса. Испания же отступила, так как замыслы Наполеона III были противоположны ее намерениям посадить на мексиканский престол одного из принцев Бурбонской династии.

Хотя враждебная Мексике коалиция распалась, предстояла борьба с французскими интервентами. Поэтому республиканское правительство приняло ряд мер. Еще 18 декабря 1861 г. президент Хуарес опубликовал обращение к народу, призывая сплотиться для защиты родины. Одновременно мексиканское правительство призвало к оружию население, способное к военной службе. 25 января 1862 г. Хуарес издал декрет, по которому все мексиканцы и иностранцы, совершившие преступление против независимости и безопасности нации, а также против международного права, карались смертью. Когда неизбежность длительной войны с Францией стала очевидной, правительство 12 апреля 1862 г. объявило на осадном положении все районы, оккупированные французскими войсками.

Через несколько дней уполномоченные Наполеона III в Мексике заявили, что Вторая империя находится в состоянии войны с правительством Хуареса. Ярый монархист генерал Альмонте, незадолго до того вернувшийся из эмиграции, опубликовал манифест, в котором призывал мексиканцев поддержать

¹ Хрестоматия по новой истории. Т. II. С. 408.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 15. С. 373, 375.

Францию, чтобы с ее помощью создать стабильную власть. Вскоре французы признали Альмонте «временным верховным главой мексиканской нации».

19 апреля начались военные действия. Интервенты предприняли наступление на Пуэблу, лежащую на пути из Веракусы в столицу. Город оборонял гарнизон под командованием генерала Сарагосы, состоявший главным образом из индейцев. Солдаты были полураздеты, многие вооружены одними мачете (большие ножи для рубки сахарного тростника), артиллерия состояла из пушек устаревшего образца. Но боевой дух защитников Пуэблы был столь высок, что французам пришлось отступить.

Правительство Наполеона III перебросило в Мексику подкрепления. К концу 1862 г. экспедиционная армия насчитывала около 30 тыс. человек, не считая личного состава военно-морских сил, находившихся в мексиканских водах. В марте 1863 г. французские войска начали второе наступление на Пуэблу. Несмотря на почти двойной численный перевес, они очень медленно продвигались вперед. Им приходилось брать с боем дом за домом, квартал за кварталом. За время осады Пуэблы превратилась в груды развалин. 17 мая, когда иссякло продовольствие, начальник гарнизона Гонсалес Ортега вынужден был капитулировать. Предварительно мексиканцы уничтожили все боеприпасы, заклепали пушки и взорвали пороховые склады.

С падением Пуэблы интервентам был открыт путь на Мехико. 31 мая 1863 г. правительство во главе с Хуаресом покинуло столицу. Его резиденция была перенесена в Сан-Луис-Потоси. В начале июня французские войска вступили в Мехико. К тому времени основные мексиканские порты (Веракрус, Тампико и др.) находились в их руках, что лишило правительство Хуареса доходов от таможен, сделав его финансовое положение еще более тяжелым.

Захватив столицу, оккупанты, еще в сентябре 1862 г. распустившие полностью скомпрометированное «правительство» Альмонте, назначили Верховную правительственную хунту, которая избрала регентский совет и созвала ассамблею нотаблей для решения вопроса о форме правления Мексики. 10 июля ассамблея, состоявшая главным образом из крупных землевладельцев, высшего духовенства, чиновников и офицеров, постановила провозгласить наследственную монархию и предложить императорскую корону эрцгерцогу Максимилиану.

В октябре интервенты начали операции к северу от столицы. Они заняли Керетаро, Монтеррей, Сан-Луис-Потоси, Сальтильо. Но в оккупированных районах французские войска контролировали положение лишь в немногих городах. Большая же часть страны находилась в руках партизан. При таких условиях жители того или иного селения, высказываясь под угрозой французских штыков за Максимилиана, сразу же после ухода оккупантов изгоняли назначенных ими «императорских» чиновников и вновь переходили на сторону правительства Хуареса.

10 апреля 1864 г. в своем замке Мирамар австрийский эрцгерцог принял предложенную ему корону и стал императором Мексики под именем Максимилиана I. В тот же день он утвердил заключенный с Наполеоном III договор, согласно которому Мексика соглашалась уплатить Франции: 1) 270 млн. франков в качестве компенсации расходов по организации интервенции, 2) по 1000 франков в год за каждого солдата 40-тысячной французской армии, 3) огромную сумму в счет возмещения «убытков» французских подданных.

Однако положение «империи» не могло быть сколько-нибудь прочным, ибо весь народ, за исключением небольшой кучки предателей, вел борьбу против оккупантов и их ставленника Максимилиана. Жители захваченных врагом городов и селений нередко убивали французских солдат и офицеров. Интервенты облагали население штрафами и реквизировали продукты. Они расстреливали пленных республиканцев и мирных жителей, заподозренных в сочувствии республике, убивали стариков, женщин и детей, сжигали населенные пункты.

Вследствие народного характера войны и некоторых географических особенностей Мексики (высокие горы, обширные, местами труднопроходимые территории с редким населением, недостаток коммуникаций) военные действия приняли затяжной характер. Войска интервентов, как правило, одерживали победы над регулярными частями и, захватывая город за городом, продвигались вперед. В 1864—1865 гг. все основные центры были заняты французами. Республиканскому правительству пять раз пришлось менять свое местопребывание. Однако коммуникации интервентов растягивались и попадали под удар партизан. Взамен разгромленных мексиканских армий вырастали сотни партизанских отрядов, из которых со сказочной быстротой образовывались новые армии. Партизанские методы войны стали решающими. В наиболее тяжелый период (1864—1866) их применяли даже регулярные войска, действовавшие зачастую в глубоком тылу противника и представлявшие собой по существу крупные партизанские соединения. Основной причиной успехов партизан являлась поддержка их народными массами. Они могли укрыться, получить пищу и фураж в любом селе, их отряды постоянно пополнялись за счет жителей тех районов, где действовали. Среди партизанских командиров были как кадровые военные, так и люди самых мирных профессий, взявшиеся за оружие лишь чтобы дать отпор интервентам. В штате Синалоа руководителем герильи стал Рамон Корона, в Мичоакане — писатель и историк Висенте Рива Паласио, в Сакатекасе — бывший губернатор Агуаскальентес Хосе Мария Чавес.

Оккупанты и их ставленники зверски подавляли всякое сопротивление. Они издали серию поистине драконовских законов, направленных против патриотов. Завершением ее явился декрет Максимилиана от 3 октября 1865 г., согласно которому каждый, кто вел вооруженную борьбу против империи и иностранных интервентов, подлежал военно-полевому суду с обязательным приговором к смертной казни и приведением приговора в исполнение в течение 24 часов. После издания «черного закона» (как прозвали этот декрет мексиканцы) расстрелы приняли массовый характер. Одними из первых были казнены взятые в плен видные республиканские генералы Артеага и Саласар.

Но в ответ на террор, убийства и истязания патриоты удесятирили свои усилия для изгнания ненавистного врага. Оккупантов поддерживало лишь незначительное меньшинство населения. Кучка предателей состояла в основном из лидеров консервативной партии, верхушки католического духовенства, части землевладельческой и финансовой аристократии. Представители консервативно-клерикальной реакции преобладали в регентском совете, хунте и ассамблее нотаблей.

Интервенты и их пособники хотели превратить Мексиканскую республику в католическую монархию. Поэтому, отстаивая свою независимость, мексиканцы защищали созданную ими республику от объединенных сил внешней и внутренней контрреволюции. Победа интервентов означала бы торжество реакции в самой Мексике, а их разгром был бы равносителен поражению консервативно-клерикального блока.

Борьбой мексиканского народа руководили либеральная партия и республиканское правительство во главе с Хуаресом. В целях ослабления реакционных сил республиканцы смело прибегали к реквизициям и принудительным займам, не считаясь с протестами крупных собственников. Они проявили непреклонную твердость по отношению к врагам Мексики, в 1863 г. издали закон о конфискации имущества изменников родины. Продолжая придерживаться антиклерикального курса, намеченного «Законами о реформе», правительство Хуареса декретировало закрытие женских монастырей. Были предприняты попытки проведения аграрной реформы, в частности юридически восстановлено право индейских общин владеть землей. Имя Хуареса стало символом верности отечеству и республике. Его ближайшими соратниками являлись бывший президент Хуан

Альварес, министр иностранных дел Себастьян Лердо де Техада, военный министр Игнасио Комонфорт, генерал Мариано Эскобедо, дипломат Матиас Ромеро и др.

Несмотря на успехи французских войск в 1863—1865 гг., положение марионеточной империи Максимилиана не было прочным. Хотя временная конституция, опубликованная 10 апреля 1865 г., номинально провозглашала демократические свободы, еще раньше император подтвердил закон о национализации церковных имуществ, а в первый период своего правления даже включал в состав министерства и Государственного совета умеренных либералов, никакой массовой базой этот режим, навязанный при помощи французских штыков, не располагал. Не помогли Максимилиану и демагогические жесты вроде видимости «амнистии» республиканцам, сражавшимся против империи, образования так называемого Совета по делам индейцев, декрета об отмене цензуры, демонстративной благотворительности, публичного появления в мексиканском национальном костюме и т. д. Не дав желаемых результатов, «либеральная» демагогия вместе с тем вызвала трения между императором и консервативной верхушкой, а также католической иерархией. Когда положение «империи» стало еще более неустойчивым, Максимилиан отбросил «либеральный» камуфляж и в июле 1866 г. открыто призвал к власти консерваторов.

С момента своего возникновения мексиканская «империя» находилась в состоянии острого финансового кризиса. Большая часть бюджета уходила на платежи по внешнему долгу и на военные нужды. Правительство Максимилиана израсходовало в 1865 г. почти в три с половиной раза больше, чем республиканское правительство в 1861 г. Эта разница объяснялась не только тем, что Мексику грабили европейские колонизаторы, но и огромными расходами «империи» на ведение войны, а также тратами на содержание императорского двора. Все это тяжким бременем ложилось на мексиканский народ. Достаточно сказать, что сумма налогов за один 1865 г. увеличилась вдвое.

Военное положение «империи» было весьма критическим. Единственной более или менее надежной ее опорой являлась французская армия. Остальные войска, сражавшиеся под знаменем Максимилиана, состояли из иностранных «добровольцев» и из частей так называемой мексиканской императорской армии, куда насильно вербовали главным образом крестьян и деклассированные элементы городов. Немало там было и военнопленных. При первой возможности эти люди дезертировали или переходили на сторону республиканцев.

Тем не менее «империю» Максимилиана постепенно признал ряд европейских государств. Однако США и латиноамериканские страны (за исключением Бразилии) отказались это сделать и считали законным только правительство Хуареса. Если страны Латинской Америки руководствовались естественным чувством солидарности с Мексиканской республикой, то позиция США прежде всего обуславливалась их своекорыстными интересами, которым непосредственно угрожала французская интервенция в Мексике.

Правда в условиях Гражданской войны в США правительство Линкольна не решалось открыто выступить против Франции и вплоть до весны 1865 г. придерживалось нейтралитета по отношению к происходившим в Мексике событиям. Более того, наложенное президентом Линкольном эмбарго на вывоз оружия лишало правительство Хуареса возможности закупать в США вооружение, но отнюдь не мешало интервентам (которым хватало оружия) вывозить оттуда продовольствие, фураж, фургоны, рельсы, медикаменты.

С окончанием Гражданской войны политика вашингтонской администрации резко изменилась. В мае 1865 г. она отменила эмбарго. Мексиканские республиканцы стали приобретать в США оружие, вербовали там добровольцев, а также получили заем в 30 млн. долл. Но вместе с тем в 1865—1867 гг. определенные круги Соединенных Штатов вынашивали экспансионистские планы в отношении

Мексике. Отдавая себе в этом отчет, правительство Хуареса стремилось в то же время использовать в своих интересах обострение франко-американских противоречий.

К началу 1867 г. провал французской интервенции стал очевидным. Героическая борьба мексиканского народа была главной причиной поражения оккупантов. Интервенты потеряли убитыми и умершими от ран и болезней около 20 % экспедиционной армии. Солдаты не хотели больше воевать в далекой стране за совершенно чуждые им цели. Они страдали от жары, бездорожья, желтой лихорадки, постоянных нападений партизан. Среди войск интервентов началось разложение.

Крах интервенции был вызван также непопулярностью мексиканской авантюры во Франции. Против нее резко выступала оппозиция в Законодательном корпусе и на страницах печати. Все чаще раздавались протесты по поводу затянувшегося пребывания отборных французских войск за океаном в обстановке назревавшей франко-прусской войны. Наконец, продолжение интервенции создавало для Второй империи угрозу вооруженного конфликта с США, которые настойчиво требовали немедленного вывода экспедиционной армии из Мексики.

В создавшихся условиях правительство Наполеона III вынуждено было отступить. 5 февраля 1867 г. оккупанты оставили Мехико, а в марте покинули страну. После эвакуации экспедиционного корпуса в распоряжении «империи» оставались горстка иностранных «добровольцев» и малочисленные отряды реакционных генералов. Под властью Максимилиана находились лишь города Мехико, Керетаро, Пуэбла, Орисаба и Веракрус. Вся остальная территория была уже в руках республиканцев.

К середине марта Керетаро, где Максимилиан сосредоточил большую часть своей армии, полностью окружили республиканские войска генералов Эскобедо, Короны и Регулеса. После двухмесячных ожесточенных боев они 15 мая овладели городом. Захваченный в плен император был предан военно-полевому суду. В обвинительном заключении указывалось, что Максимилиан стал орудием французских интервентов, вместе с которыми поработал мексиканский народ, и так же, как они, несет ответственность за расстрелы тысяч патриотов, за разграбление и сожжение городов и селений и за другие преступления. В соответствии с декретом 25 января 1862 г. суд приговорил Максимилиана и его приспешников генералов Мирамона и Мехию к расстрелу. 19 июня приговор был приведен в исполнение.

В конце июня 1867 г. республиканцы овладели последним оплотом консерваторов Веракрусом, а 15 июля Хуарес торжественно въехал в столицу. Мексиканский народ вышел победителем из пятилетней неравной борьбы за свою свободу и независимость. Обращаясь в те дни к Хуаресу, знаменитый французский писатель Виктор Гюго писал: «Мексике спасли принцип и человек. Этот принцип — республика, этот человек — Вы»¹.

Вскоре после смерти Хуареса (1872) и кратковременного президентства Себастьяна Лердо де Техады (1872—1876) власть в стране была захвачена военной кликой во главе с видным участником боев против интервентов генералом Порфирио Диасом. Став в 1876 г. президентом, Диас фактически установил диктатуру в Мексике. С небольшим перерывом он оставался у власти вплоть до 1911 г. Будучи в начале своего правления стеснен дополнением к конституции, запрещавшим переизбрание президента на следующий срок, Диас издал в 1887 г. закон, разрешавший одно переизбрание. В 1890 г. последовала отмена всяких ограничений в отношении переизбрания одного и того же лица президентом. В 1904 г. была принята еще одна поправка к конституции, которая предусматривала увеличение срока полномочий президента до шести лет.

¹ Гюго В. Собрание сочинений: В 15 т. М., 1965. Т. 15. С. 410.

В лице Диаса победу одержали наиболее реакционные элементы мексиканского общества: латифундисты феодального толка, духовенство, военщина. Они поспешили предать забвению либеральные начинания периода 50—60-х годов. Конституция 1857 г. существовала лишь на бумаге. Провозглашенные в ней гражданские свободы были фактически ликвидированы. Выборы президента и членов конгресса превратились в откровенный фарс: Диас заранее составлял списки депутатов, в которые включал преданных ему людей. Избиратели подвергались давлению со стороны властей, практиковались фальсификация бюллетеней и другие злоупотребления. Благодаря такого рода действиям Диас неизменно «переизбирался», и правительство всегда обеспечивало «избрание» депутатами и сенаторами своих людей.

Конгресс, состоявший из ставленников Диаса, практически не играл никакой роли. Зато чрезвычайно важное значение имела исполнительная власть. В штатах она была сосредоточена в руках губернаторов, назначавшихся правительством, как правило, из числа крупных местных землевладельцев. В каждом округе имелся так называемый политический начальник, который назначался губернатором и утверждался президентом.

Одной из основных опор диктатуры являлась армия. Диас стремился заручиться поддержкой генералов и высших офицеров, раздавая им поместья, назначая на посты губернаторов, «политических начальников» и на другие военные или гражданские должности. Порфиристский режим опирался также на многочисленный полицейский и административный аппарат, содержание которого обходилось весьма дорого. Для подавления крестьянских восстаний и поддержания порядка на местах была создана конная сельская полиция (руралес), рекрутировавшаяся в значительной части из уголовных преступников.

Не менее верной опорой диктатуры была католическая церковь, отношения которой с правительством, крайне напряженные в эпоху Хуареса, вполне нормализовались. Несмотря на то что церковь была отделена от государства, она имела возможность постоянно умножать свои богатства и оказывала огромное влияние на политическую жизнь страны. Духовенство, действовавшее обычно заодно с владельцами латифундий, информировало их обо всем, что узнавало во время исповеди, и проповедовало крестьянам подчинение власти собственников земли.

Ведущую роль в экономической и политической жизни Мексики играла окружавшая Диаса группа, известная под названием «сьентификос» («ученые»). Она отнюдь не являлась политической партией, связанной какой-либо формальной организацией. Это была олигархическая клика, сложившаяся в начале 90-х годов XIX в. в основном из крупнейших представителей бюрократии, землевладельцев-латифундистов и частично буржуазной интеллигенции. Своим названием она обязана тому, что, исповедуя философию позитивизма, выступала с пропагандой «научных» методов управления государством. Руководящее ядро «сьентификос» насчитывало около полутора десятков человек. Их лидером являлся тесть Диаса, министр внутренних дел Ромеро Рубио, а после его смерти (1895) — министр финансов Лимантур.

«Ученые» настаивали на всемерном привлечении иностранных капиталов и предоставлении особых льгот иностранным предпринимателям. Они создали реакционную теорию о неспособности мексиканского народа стать на путь самостоятельного развития. По их мнению, из состояния отсталости Мексику мог вывести только иностранный капитал. Индейцев и метисов они рассматривали как низшую расу. Политическим идеалом «ученых» было правление креольской олигархии, тесно связанной с иностранным капиталом.

Мексика конца XIX — начала XX в. — типичная для Латинской Америки аграрная страна. По официальным данным переписи населения 1910 г., из общего числа ее жителей в 15 млн. человек 77 % приходилось на сельское население. Это была страна латифундий и безземельного крестьянства. Буржуазная рево-

люция середины XIX в. не ликвидировала крупное землевладение. Национализированные на основании «Законов о реформе» церковные земли были пущены в продажу не мелкими участками, а целиком, вследствие чего большая часть их попала в руки светских владельцев. Секуляризация по существу привела лишь к перераспределению земли между различными категориями латифундистов. Она содействовала росту крупного светского землевладения за счет церковного.

Концентрация земельной собственности способствовал захват общинных земель (эхидо), принявший во второй половине XIX в., после издания «закона Лердо», массовый характер. Но в наибольшей степени их экспроприация, как и усиленное проникновение в сельское хозяйство иностранного капитала, обуславливалась аграрной политикой правительства Диаса. В первые годы диктатуры оно издало законы, преследовавшие целью увеличение размеров земельных владений латифундистов и иностранных компаний за счет мелких собственников и общин. Эти меры, направленные против индейского крестьянства, которое составляло основную массу сельского населения, привели к еще большей концентрации земли, усилению спекуляции, обогащению дельцов и чиновников.

Наиболее важным актом был «декрет о колонизации и компаниях по землеустройству», изданный в 1883 г. Согласно этому декрету частные лица и компании могли получать пустоши. Предусматривалось создание компаний по измерению и размежеванию земель, причем в качестве вознаграждения им безвозмездно передавалась треть размежеванной земли, а остальные две трети они могли купить по низкой цене и в рассрочку на длительный срок. «Размежевание» земель побуждало начало небывалым злоупотреблениям и спекуляции. «Пустующими» объявлялись все земли, владельцы которых не располагали документами, подтверждавшими их права. В итоге все свободные земли и значительная часть владений мелких собственников перешли к окружению Диаса и иностранным капиталистам. В 1890 г. правительство издало циркуляр, предписывавший раздел общинных земель и раздачу их членам общин. Вскоре и эти участки попали в руки крупных землевладельцев или иностранных компаний. К началу второго десятилетия XX в. закончился по существу процесс экспроприации земли у мексиканского крестьянства. Из 11 672 тыс. человек сельского населения лишь около полумиллиона сохранили свои владения, подавляющая же масса оказалась безземельной.

Система хозяйства большинства латифундий — асьенд была весьма отсталой. Помещики использовали только часть земель и, пользуясь агротехническими методами вековой давности, не применяли удобрений, ничего не делали для развития ирригации. Исключение составляли лишь некоторые из новых собственников: крупные скотоводы Севера, владельцы кофейных и каучуковых плантаций Чьяпаса, производители хенекена на Юкатане, которые вели хозяйство уже по-капиталистически. На асьенде существовали своеобразные докапиталистические формы эксплуатации. Основной рабочей силой являлись пеоны — формально наемные рабочие, а по существу долговые рабы. Их заработная плата была крайне низкой. Но и ее пеон не получал на руки: ему платили особыми бонами, зачастую заставляли брать ненужные товары по высоким ценам в имевшихся при каждой асьенде лавках, обманывали при расчетах. Бесправие пеона усугублялось существованием телесных наказаний, а в ряде районов и таких феодальных обычаев, как «право первой ночи». Еще хуже было положение индейцев восставших племен, которых местные власти обычно продавали на плантации, где с ними обращались, как с рабами.

Мексиканские латифундисты и иностранные землевладельцы бережно сохраняли феодальные пережитки в деревне. Искусственное консервирование докапиталистических отношений тормозило развитие капитализма в сельском хозяйстве. К тому же огромные пространства оставались невозделанными. Развивались главным образом те отрасли земледелия, которые производили

продукцию на экспорт. К 1910 г. Мексика стала крупнейшим в мире производителем хенекена. В некоторых районах, преимущественно на плантациях, принадлежавших иностранному капиталу, разводились сахарный тростник, бананы, табак, каучук. В ущерб интересам национальной экономики страна превращалась в поставщика продовольствия и сырья для США. Производство основных зерновых культур, необходимых для питания населения, отставало от роста потребностей.

Промышленное развитие Мексики характеризовалось преобладанием и ростом добывающих отраслей. В 1872—1873 гг. добыча золота оценивалась в 976 тыс. долл., серебра — в 21 441 тыс. долл., а в 1900—1901 гг. стоимость добычи золота достигла 8843 тыс. долл., серебра — 72 368 тыс. долл. Добыча меди и свинца увеличилась за последнее десятилетие XIX в. в 4 раза. Стоимость всей продукции горнодобывающей промышленности превысила в 1900 г. 90 млн. песо, в то время как в 1880 г. она составила только 30 млн. Добыча нефти лишь за первое десятилетие XX в. возросла в 1200 раз. Начала развиваться и металлургия: возникали заводы по выплавке серебра, меди, свинца. Обрабатывающая промышленность была представлена главным образом текстильными предприятиями. К 1910 г. насчитывалось 150 текстильных фабрик.

В Мексике конца XIX — начала XX в. велось также интенсивное железнодорожное строительство. Сеть железных дорог, составлявшая в 1876 г. всего 650 км, к 1911 г. увеличилась почти в 37 раз, достигнув 24 тыс. км.

Характер экономического развития страны на рубеже XIX—XX вв. был обусловлен не только ее отсталостью, но и проникновением иностранного капитала, который с начала 80-х годов хлынул в Мексику. Поощряя инвестиции извне, правительство Диаса пыталось оправдать эту политику тем, что она якобы необходима для быстрого развития национальных ресурсов и укрепления государства. На самом же деле псевдопатриотическая фразеология правящей клики была лишь прикрытием реакционной сущности ее внешнеполитического курса, который привел к постепенной сдаче иностранцам, в частности североамериканцам, важнейших экономических позиций.

Но к началу XX в. Диас и его окружение поняли, что дальнейшее проникновение американского капитала может привести к ослаблению их власти, а они отнюдь не собирались уступать кому бы то ни было главную роль в эксплуатации мексиканского народа. Это обстоятельство привело к некоторому изменению политики правительства и его попытке ориентироваться на европейский капитал. А так как среди стран Европы Англия являлась самым серьезным конкурентом США в Мексике, то предпочтение было отдано британскому капиталу. Перемены во внешнеполитической ориентации стали особенно заметны с 1905 г., когда, осуществляя тактику лавирования, правящие круги стали поощрять английские капиталовложения во все отрасли хозяйства. Накануне революции 1910—1917 гг. нескольким британским монополиям принадлежало много мексиканских железных дорог и других предприятий. Диас, его родственники, друзья и видные представители «ученых» поддерживали деловой контакт с английскими компаниями.

Правда, лавирование между соперничавшими державами было малоэффективным, так как проводилось нерешительно и в условиях, когда предприниматели США уже захватили прочные экономические позиции в сфере железнодорожного строительства, горнодобывающей и металлургической промышленности. С начала XX в. они приступили к добыче нефти в Мексике и вскоре основали компанию «Мексикен петролеум компани», тесно связанную с трестом «Стандард ойл».

Наряду с североамериканскими концернами мексиканской нефтью усиленно интересовались британские нефтяные тресты. В 1908 г. английский предприниматель Пирсон при содействии влиятельных кругов Мексики организовал компа-

нию «Мексикен игл». К 1910 г. она контролировала 58 % добычи нефти в стране. Это встревожило американских нефтяных магнатов и вызвало их противодействие. Мексика превратилась в арену ожесточенной борьбы между монополиями США и Англии.

Что касается финансового положения страны, то путем значительного увеличения налогов правительству Диаса удалось сбалансировать бюджет. Но поскольку оно продолжало брать за границей новые займы, государственный долг быстро возрастал. Если в 1880 г. он составлял 191,4 млн. песо, то в 1910—1911 гг. достиг 823 млн. В банковском деле доминировал главным образом английский, французский, испанский капитал. Хотя США не сумели занять господствующие позиции в финансовой системе Мексики, к концу первого десятилетия XX в. североамериканские капиталисты являлись опасными конкурентами европейских банкиров. Несравненно больших успехов США добились в области торговли. К началу 1910-х годов они прочно утвердились на мексиканском рынке, оставив далеко позади европейские державы. К тому времени на их долю приходилось около 60 % импорта и 77 % экспорта Мексики.

Итак, к началу XX в. в Мексике сохранялись крупное землевладение, докапиталистические формы эксплуатации, феодальные пережитки. Иностраный капитал захватил командные высоты в таких отраслях экономики, как железнодорожный транспорт, горнодобывающая, металлургическая, нефтяная промышленность, играл видную роль в торговле и сельском хозяйстве. О степени его влияния красноречиво говорят данные о распределении национального богатства страны: в 1911 г. на долю североамериканского капитала приходилось 43,4 %, мексиканского — 30, английского — 13,2 %.

Непосредственным результатом притока инвестиций извне явилось некоторое оживление хозяйственной жизни. Используя это обстоятельство, правительство Диаса добилось известного упорядочения государственных финансов, расширения внешней торговли; страна покрылась сравнительно густой сетью железных дорог, получили развитие отдельные отрасли добывающей промышленности. Но эти экономические сдвиги дорого обошлись Мексике: резко усилилась ее зависимость от иностранного капитала, который стал контролировать почти все важнейшие отрасли хозяйства. Развитие экономики носило уродливый, односторонний характер и определялось главным образом интересами чужеземных монополий. Так, при значительном росте добывающей промышленности весьма медленно прогрессировала обрабатывающая, что ставило страну в зависимость от импорта оборудования и машин. Железнодорожная система была приспособлена к потребностям американских компаний, сельское хозяйство и добывающая промышленность ориентированы преимущественно на экспорт.

По мере роста производительных сил и капиталистических отношений в Мексике развивались национальная буржуазия и рабочий класс. Однако сохранение многочисленных феодальных пережитков и зависимость от иностранного капитала, мешавшие развитию капитализма, в частности внутреннего рынка, обуславливали слабость мексиканской буржуазии и пролетариата. Мексика оставалась отсталой, аграрной страной, основную часть населения которой составляло безземельное, нищее крестьянство. Главным препятствием на пути ее экономического, политического и культурного прогресса являлся реакционный режим Диаса, отвечавший интересам крупных землевладельцев, духовенства и иностранных монополий. Он вызывал возмущение и ненависть в широких слоях мексиканского общества.

Политика правящей клики привела к резкому обострению классовых противоречий в деревне. Революционная борьба крестьянства, происходившая на протяжении всего периода диктатуры, к концу первого десятилетия XX в. приняла массовый характер. Восстания охватили значительную часть страны.

На юге центром аграрного движения являлся штат Морелос, где вся земля находилась в руках 27 асендадо, захвативших общинные владения. Выступление крестьян Морелоса возглавил Эмилиано Сапата. Он родился в 1883 г. в селении Аненекуилко в бедной крестьянской семье. Поскольку Сапата отличался «вольнодумством» и активно участвовал в борьбе жителей своей деревни за возврат земель, местные власти отправили его в 1908 г. на военную службу. Но на следующий год он вернулся домой и был избран председателем комитета, руководившего борьбой против захвата земли. После безуспешных попыток добиться справедливости в судебных инстанциях Сапата призвал к восстанию. Однако посланные правительством войска разбили повстанцев, и он бежал в горы, где организовал партизанский отряд. Выдвинув лозунг раздела земель латифундистов, Сапата завоевал огромную популярность.

На севере крестьянское движение развернулось преимущественно в штате Чиуауа, где действовал Франсиско Вилья. Под этим именем был известен Доротео Аранго (1878—1923), сын бедного пеона, не получивший никакого образования. В возрасте 16 лет он убил управляющего поместьем, который изнасиловал его сестру, и скрылся в горах. Созданный им партизанский отряд напал на крупных землевладельцев, купцов, чиновников, захватывал зерно и скот, направлявшиеся в США. Свою добычу Вилья делил между бедняками.

В стране росло также рабочее движение. Мексиканский пролетариат в начале XX в. был еще малочисленным. Трудясь по 12—14 часов в сутки, рабочие получали крайне низкую заработную плату. Но даже и эта мизерная сумма выплачивалась обычно не деньгами, а бонами, которые могли быть реализованы только в фабричной лавке. Пособий по болезни не существовало. Пожилых или получивших увечье выбрасывали на улицу. Избиение рабочего хозяином или управляющим было частым явлением. На многих предприятиях лучше оплачиваемая работа предоставлялась иностранцам, а мексиканцы выполняли самую тяжелую и неквалифицированную. Закон запрещал рабочим организованную борьбу за свои права.

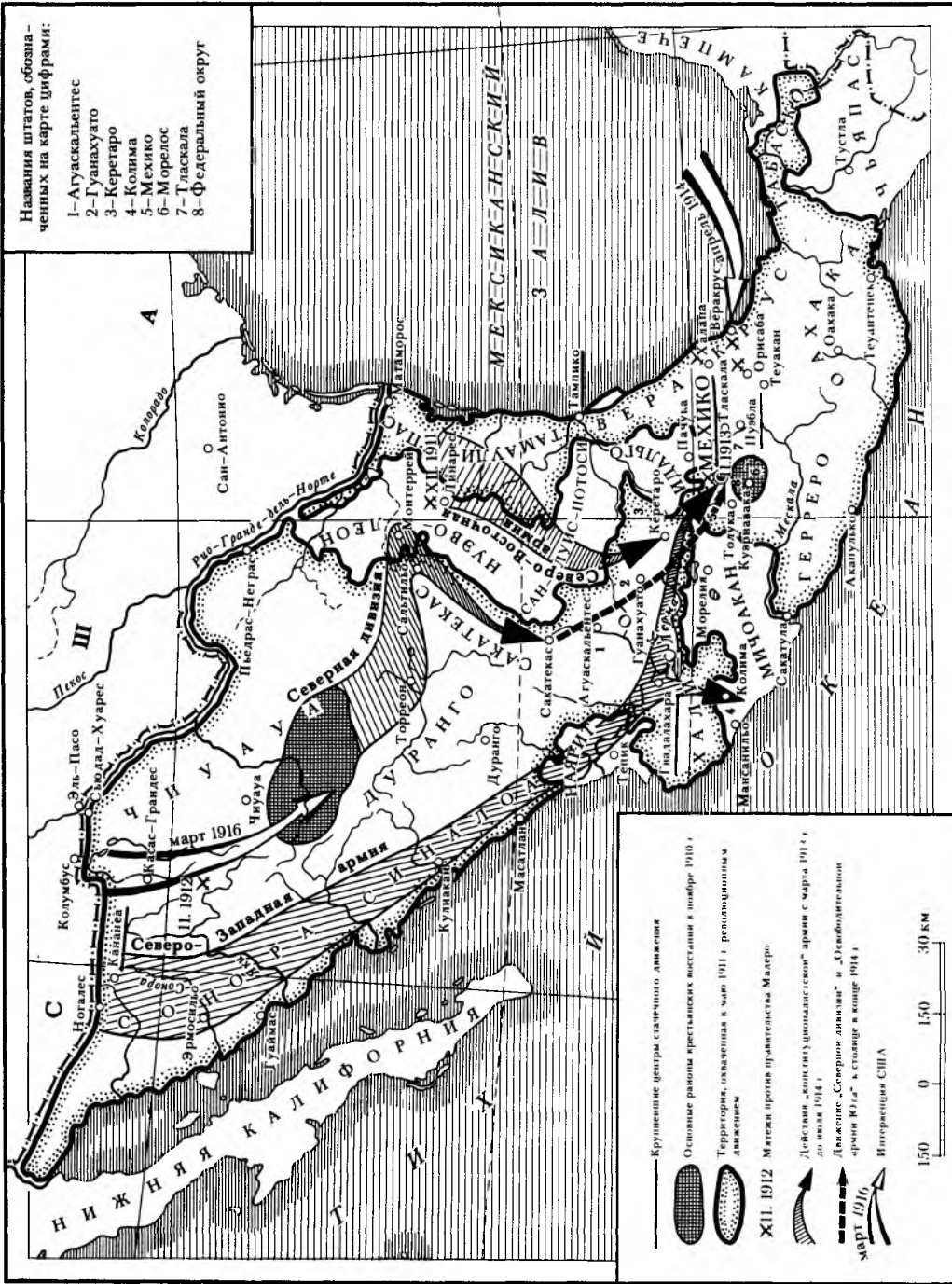
Первые пролетарские организации, возникшие еще в последних десятилетиях XIX в., в большинстве своем находились под влиянием предпринимателей или правительства. Но в начале XX в. рабочее движение приобрело более самостоятельный характер. Оставаясь еще слабым и незрелым, оно тем не менее сыграло известную роль в борьбе против режима Диаса.

В декабре 1906 г. на текстильных фабриках Пуэблы и Тласкалы была объявлена всеобщая стачка. Забастовщикам оказали помощь рабочие других районов. Предприниматели и власти прибегли к репрессивным мерам. Одновременно в основные районы стачечного движения были направлены войска. Рабочие крупного промышленного центра Орисабы, пытаясь обеспечить себя продовольствием, 7 января 1907 г. напали на фабричные лавки, а встретив сопротивление, подожгли их. Затем они начали ломать станки, разрушать здания фабрик. Аналогичные события происходили в Рио-Бланко, Ногалесе и других местах. Посланные туда войска беспощадно расправлялись со стачечниками. В Рио-Бланко они расстреляли из пулеметов до 300 человек — мужчин и женщин. Во время забастовки 1906 г. на медных рудниках Кананеа (штат Сонора), принадлежавших американцу Грину, свыше 20 человек было убито и столько же ранено. Эта стачка и связанные с ней события положили начало массовому народному движению в Мексике.

Брожением были охвачены и средние слои горожан. В 1905 г. мелкобуржуазная оппозиция, возглавлявшаяся братьями Флорес Магон, образовала на территории США хунту Либеральной партии, которая создала несколько десятков тайных клубов и групп в самой Мексике. Ее программа, содержавшая призыв к свержению реакционной диктатуры и предусматривавшая проведение ряда преобразований, способствовала росту революционных настроений.

Названия штатов, обозначенных на карте цифрами:

- 1—Агуаскальентес
- 2—Гуанахуато
- 3—Керетаро
- 4—Колима
- 5—Мехико
- 6—Морелос
- 7—Тласкала
- 8—Федеральный округ

Мексиканская революция 1910—1917 гг.

Крестьянские волнения, усиление забастовочного движения, выступления городских средних слоев расшатывали диктатуру и были грозными предвестниками надвигающейся революции. Одним из следствий этого была активизация буржуазно-землевладельческой оппозиции режиму Диаса.

Сохранение феодальных пережитков, засилье иностранного капитала и связанная с этим слабость национальной промышленности определили специфические черты в развитии капитализма в Мексике. К концу XIX — началу XX в. из числа мексиканских латифундистов уже выделилась значительная прослойка, которая стала усваивать капиталистические методы ведения хозяйства. Она была тесно связана с зарождавшейся национальной буржуазией, так как многие представители последней вышли из среды крупных землевладельцев. Укреплению этого слоя обуржуазившихся латифундистов и национальной буржуазии мешало монопольное положение иностранных предпринимателей почти во всех отраслях экономики. Кроме того, они начинали понимать, что реакционная политика правительства Диаса может вызвать к жизни скрытые социальные силы, опасные и для них самих. Боясь революции, эта часть общества готова была пойти на реформы и даже на замену диктатуры иной, более гибкой формой правления. Будучи связана с правящими кругами, буржуазно-латифундистская оппозиция не выдвигала революционных лозунгов, а стремилась к тому, чтобы путем эффективного использования избирательного права добиться устранения Диаса с его кликой «ученых» и обеспечить себе большинство в конгрессе.

Признанным вождем этой оппозиции был Франсиско Мадеро. Он родился в 1873 г. в семье богатого землевладельца, которой принадлежали также крупнейшие в стране металлургические предприятия, медные рудники, текстильные фабрики, винокуренные и пивоваренные заводы. Кроме того, семейство Мадеро занималось торговыми и финансовыми операциями. Его положение отражало в известной мере двойственную социальную природу мексиканских латифундистов, вовлеченных в процесс капиталистического развития: с одной стороны, они представляли буржуазные слои общества и выступали против правящей клики, с другой — имели тесные связи с реакционными силами, являвшимися опорой существующего строя.

Франсиско учился в США и Франции, после чего возвратился на родину и взял на себя управление отцовскими поместьями. В 1905 г. он основал политический клуб «Бенито Хуарес» и газету «Демократ». Выступая против переизбрания Диаса президентом, Мадеро в 1908 г. опубликовал книгу «Президентские выборы 1910 г.», в которой предлагал использовать в борьбе с порфиристским режимом только конституционные методы. Основными пунктами его программы помимо требования обеспечить действительное осуществление права голоса и принципа непереизбираемости должностных лиц являлись: реформа народного образования, улучшение положения рабочих, поощрение развития сельского хозяйства и горной промышленности, борьба против монополий и привилегий, реформа армии, свобода печати, укрепление дружбы с латиноамериканскими странами. В середине апреля 1910 г. сторонники Мадеро создали оппозиционную партию, выдвинувшую своего лидера кандидатом на пост президента. Популярность его росла с каждым днем.

Все это сильно встревожило правительство. В начале июня Мадеро был арестован по обвинению в подготовке мятежа. Затем последовали аресты его приверженцев. На выборах, состоявшихся 26 июня, Диаса «единогласно» переизбрали президентом республики.

Теперь Мадеро (освобожденный под залог из тюрьмы) и его соратники вынуждены были отказаться от планов устранения диктатора мирным путем и начали готовиться к вооруженной борьбе.

МЕКСИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1910—1917 ГГ.

15 октября 1910 г. Мадеро, за неделю до того бежавший в США, опубликовал там «план Сан-Луис-Потоси». В этом документе объявлялись недействительными выборы президента, вице-президента, депутатов, сенаторов, членов Верховного суда. Мадеро заявлял, что принимает на себя обязанности временного главы государства, но обязуется, как только столица республики и больше половины штатов окажутся во власти народа, провести всеобщие выборы и передать власть вновь избранному президенту. Квалифицируя действия правительства Диаса, результатом которых явился захват крестьянских земель, как незаконные, он обещал вернуть отнятые земли прежним владельцам. Кроме того, в «плане Сан-Луис-Потоси», выдвигались общедемократические требования: свобода слова, печати, собраний, амнистия всем политическим заключенным и т. п. В заключение Мадеро призывал к всеобщему восстанию с целью свержения Диаса 20 ноября 1910 г.

Подготовка к выступлению осуществлялась параллельно в Мексике и пограничных районах США. Однако в середине ноября правительство Диаса узнало о намерениях революционеров. Полиция произвела многочисленные аресты. Несмотря на меры, принятые властями, 20 ноября в нескольких мексиканских городах все же вспыхнули восстания. Мадеро перешел границу, но заблудился и вернулся в Техас. Расправившись с противниками диктатуры в столице и других городах, правительство начало массовое преследование либеральной оппозиции. Престарелый диктатор все еще рассчитывал удержать власть с помощью вооруженной силы. Но ноябрьские события показали, что революция в Мексике по существу началась.

Положение режима Диаса стало шатким не только вследствие внутренних осложнений. Опасные для него тенденции наметились и во внешнеполитической области. Убедившись, что диктатура падет независимо от того, будут ее поддерживать США или нет, вашингтонское правительство стало принимать меры к тому, чтобы не допустить углубления революции и, используя ситуацию, упрочить завоеванные экономические позиции в Мексике. В расчете на благожелательную по отношению к США будущую политику Мадеро оно благосклонно относилось к его деятельности. Подготовка к свержению Диаса велась на территории США с молчаливого согласия администрации президента Тафта.

С начала 1911 г. революционный кризис значительно обострился. Движение против диктаторского режима, носившее первоначально локальный и стихийный характер, стало сливаться в единый поток и становилось более организованным. В середине февраля Мадеро с группой единомышленников вновь перешел границу и соединился с повстанцами Северной Мексики. Основным центром революционного движения являлся штат Чиуауа. Брошенные туда правительственные войска потерпели поражение, так как местное население активно поддерживало революционеров. Такая же обстановка сложилась в центральных районах, где армия Диаса оказалась не в состоянии сломить сопротивление крестьянства. Овладев Куаутлой, партизанские отряды угрожали самой столице. В руки по-

встанцев перешли Эрмосильо, Пачука, порт Масатлан, железнодорожный узел Торреон, пограничный город Сьюдад-Хуарес и др. По всей стране происходили антиправительственные демонстрации. 25 мая 83-летний диктатор подписал заявление об отставке и через несколько дней покинул Мексику.

7 июня 1911 г. Мадеро вступил в Мехико, а 2 октября подавляющим большинством голосов был избран президентом республики. Он пришел к власти на волне могучего революционного потока, в котором слились воедино массовое крестьянское движение, выступления рабочего класса, протест мелкой буржуазии. Борьба мексиканской национальной буржуазии и либеральных землевладельцев против засилья клерикально-латифундистских элементов и иностранного капитала составляла лишь часть этого потока, однако им удалось возглавить революцию. Мадеро и его сторонники сыграли выдающуюся роль в свержении режима Диаса. Но они не выполнили обещаний, данных в свое время народным массам. Правительство Мадеро отказалось возвратить крестьянам захваченные у них земли, настаивая вместе с тем на разоружении и роспуске партизанских отрядов.

В ответ Сапата 28 ноября 1911 г. провозгласил «план Аяла», ставший революционной программой крестьянства. Он заявил, что незаконно отнятые земли будут возвращены. «План Аяла» предусматривал также экспроприацию (с предварительной компенсацией) земель крупных собственников и передачу их крестьянам, а в отношении тех, кто воспротивится осуществлению этого плана, — безвозмездную конфискацию их имущества. Зародившись в Морелосе, движение, возглавлявшееся Сапатай, быстро охватило и другие штаты — Пуэблу, Мехико, Веракрус, Мичоакан, отчасти Герреро и Халиско. К началу 1912 г. оно достигло такого размаха, что для борьбы с ним Мадеро пришлось сформировать специальную армию. Правительственные войска жестоко расправлялись с крестьянами. Они расстреливали их, сжигали дома не только повстанцев, но даже их родственников и друзей, уничтожали посевы. Но сопротивление не прекращалось, а в промежутках между боями крестьяне обрабатывали землю, чтобы обеспечить свои семьи продовольствием.

Падение диктатуры Диаса послужило толчком к возникновению ряда пролетарских организаций. Многие из них носили характер обществ взаимопомощи, но появились и профессиональные союзы. Рост рабочего движения требовал создания общенационального центра. Им стал «Дом рабочих мира», основанный в Мехико в 1912 г.

Радикальная часть национальной буржуазии была недовольна тем, что ключевые позиции в экономике продолжали занимать клерикально-землевладельческие элементы. Зависимость крестьянства от крупных латифундистов, нашедшая свое выражение в системе пеонажа, препятствовала росту промышленности, нуждавшейся в свободной рабочей силе. Интересы капиталистического развития требовали проведения буржуазно-демократических преобразований, в первую очередь подрыва экономической и политической мощи крупных землевладельцев.

Утратив поддержку и доверие народных масс, Мадеро в то же время столкнулся с враждебным отношением со стороны реакционных сил, стремившихся к реставрации порфиристского режима. Их борьба против правительства вылилась в вооруженные выступления. В декабре 1911 г. генерал Рейес пытался поднять мятеж в штате Нуэво-Леон, но успеха не имел. В феврале 1912 г. подкупленный помещиками Паскуаль Ороско возглавил антиправительственное восстание в Чиуауа. Значительную роль в его разгроме сыграл Вилья. Несмотря на это, он был предан суду якобы за невыполнение приказа и брошен в тюрьму. Позднее ему удалось бежать в США.

Приход к власти Мадеро практически не затронул интересов североамериканских и других иностранных монополий в Мексике. Они ничего не потеряли

и по-прежнему господствовали в важнейших отраслях мексиканской экономики. Нефтепромышленникам США удалось даже восстановить свое доминирующее положение в стране, потеснив англичан. Поэтому вашингтонская администрация признала новое правительство, хотя предпочла бы делать ставку на более правые политические силы.

Во второй половине 1912 г. появились признаки некоторой стабилизации режима Мадеро. Одержав победу над отрядами Ороско, он получил возможность сосредоточить усилия на борьбе с Сапатай. Обозначилось и известное полевое внутриполитическое курса, выразившееся, в частности, в подготовке проекта аграрной реформы.

Укрепление позиций правительства вызвало резкое недовольство как сил внутренней реакции, так и правящих кругов США. Последние испытывали опасения в связи с наметившимися изменениями политики Мадеро, которые свидетельствовали о стремлении ослабить влияние американских монополий. Дипломатический и военный нажим США усиливался с каждым днем. Администрация Тафта и вновь поднявшие голову мексиканские реакционеры действовали заодно. 16 октября 1912 г. в Веракрусе вспыхнул контрреволюционный мятеж под руководством генерала Феликса Диаса, племянника бывшего диктатора. Белый дом поспешил поддержать мятежников. Но правительственные войска разгромили их. Диас оказался в тюрьме.

Дипломатическое давление и угроза интервенции со стороны США, а также почти открытое поощрение ими реакционных мятежей в Мексике поставили Мадеро в затруднительное положение.

К началу 1913 г. среди клерикально-латифундистских кругов и реакционной военщины созрел заговор, целью которого являлось осуществление государственного переворота, свержение правительства и восстановление дореволюционных порядков. Заговорщики привлекли на свою сторону многих офицеров столичного гарнизона. 9 февраля они вывели присоединившиеся к ним войска на улицы и захватили цитадель, главный артиллерийский склад, казармы президентской гвардии.

Руководство операциями против мятежников было поручено генералу Уэрте. Но тот сам втайне участвовал в заговоре и выжидал лишь удобного момента, чтобы нанести Мадеро удар в спину. Реализации его планов благоприятствовали действия североамериканской дипломатии. По инициативе посла США Г. Л. Вильсона дипломатический корпус в Мехико потребовал отставки Мадеро. Президент заявил, что предпочтет погибнуть на своем посту, нежели допустить вмешательство во внутренние дела страны извне. Однако 18 февраля сторонники Уэрты арестовали главу государства, вице-президента Пино Суареса и других членов правительства. Через несколько дней Мадеро и Пино Суарес были убиты.

Февральский переворот носил явно контрреволюционный характер. В лице Уэрты, ставшего временным президентом республики, к власти вновь пришли клерикально-латифундистские силы, военщина и порфиристская бюрократия, стремившиеся реставрировать диктатуру. На руководящих постах оказались крайние реакционеры. Католическое духовенство торжественными молебнами отмечало свержение Мадеро. Политическая жизнь опять приобрела черты, свойственные режиму Диаса. Всякое проявление оппозиции влекло за собой немедленные репрессии. 10 октября здание конгресса было окружено войсками и 110 депутатов арестованы, после чего Уэрта объявил о роспуске обеих палат.

Спустя две недели состоялись президентские выборы. Однако нажим на избирателей был настолько грубым, а фальсификация результатов голосования столь очевидной, что пришлось с согласия диктатора объявить выборы недействительными и перенести их на более поздний срок, сохранив пока за Уэртой его функции. Утверждение террористического диктаторского режима вызвало

глубокое возмущение мексиканского народа. Массовое движение развернулось с новой силой.

На юге активизировались отряды Сапаты, которые вели борьбу с крупными землевладельцами и правительственными войсками. Все попытки разгромить сапатистов терпели неудачу. В середине 1913 г. они осадили главный город Морелоса Куэрнаваку, отрезав его от столицы. Сковывая главные силы армии Уэрты, Сапата способствовал успехам революционного движения на севере, где назревали важные события.

В марте 1913 г. Вилья, переплыв верхом Рио-Гранде-дель-Норте, переехал из США в Мексику. Огромная популярность среди крестьян позволила ему быстро сформировать отряд, численность которого через месяц достигла 3 тыс. человек. Вскоре он установил контроль почти над всей территорией Чиуауа, за исключением крупных центров, в середине ноября занял пограничный город Сьюдад-Хуарес, а затем столицу штата город Чиуауа. В то время как его противники боялись отрываться от железных дорог, Вилья, перебросив войска в новый район, оставлял эшелоны и предпринимал глубокие рейды, внезапно появляясь перед неприятелем. Он широко практиковал ночные кавалерийские атаки.

Заботясь о нуждах трудящихся, Вилья приказал снизить цены на мясо, раздавал беднякам деньги, одежду, продукты, распорядился открыть в Чиуауа новые школы. Он изгнал с освобожденной его отрядами территории большинство латифундистов, а их имущество конфисковал. С оставшихся взимались денежные контрибуции, реквизировались принадлежавшие им скот и сельскохозяйственная продукция.

Однако Вилья в отличие от Сапаты не имел программы решения аграрного вопроса. Это объяснялось в значительной мере тем, что гнет крупных землевладельцев в Северной Мексике ощущался сравнительно меньше, чем в Южной и Центральной. На севере в связи с преобладанием обширных безводных пространств они занимались преимущественно скотоводством, вследствие чего эксплуатация крестьянства была там несколько слабее, чем в других районах.

Недовольство режимом Уэрты возникло и среди имущих классов. Выражая свой протест против террора и спасаясь от произвола властей, многие зажиточные мексиканцы после февральских событий эмигрировали. Однако большая часть национальной буржуазии и либерально настроенных латифундистов выступила против контрреволюционной диктатуры. Их вождем стал Венустиано Карранса.

Богатый землевладелец-скотовод из штата Коауила, он начал свою политическую карьеру в 1887 г., возглавив муниципалитет родного города. В дальнейшем трижды избирался в сенат. С началом революции Карранса примкнул к Мадеро и, когда тот стал президентом, получил пост военного и морского министра, а в дальнейшем — губернатора Коауилы. Отказавшись признать власть Уэрты, Карранса опубликовал 26 марта 1913 г. «план Гуадалупе», в котором содержался призыв к восстанию с целью восстановления конституционного строя. Он принял звание главнокомандующего «конституционалистской армии» и функции главы гражданской власти на контролируемой этой армией территории. Вскоре к нему присоединился Вилья, сформировавший из своих войск Северную дивизию. Повстанческое движение достигло большого размаха и было хорошо организовано.

Против контрреволюционной диктатуры выступили и видные представители рабочего класса, в связи с чем многие из них были арестованы, а «Дом рабочих мира» разгромлен и закрыт.

За короткий срок режим Уэрты признали почти все крупные государства. Единственной великой державой, не признавшей новое мексиканское правительство, явились США. Их позиция объяснялась тем, что вскоре после февраль-

ского переворота обнаружилась тесная связь Уэрты с английскими монополиями. Британский капитал стал быстро проникать в Мексику и уже в 1913 г. его инвестиции превысили североамериканские. Усиление английского влияния в Мексике наносило ущерб нефтепромышленникам и некоторым другим предпринимателям США. Поэтому правительство президента Вильсона отказалось признать режим Уэрты и поддерживало все враждебные ему силы. Главную ставку оно делало на сторонников Каррансы, надеясь постепенно превратить их в орудие своей политики. Вместе с тем под давлением воинственно настроенных кругов североамериканской буржуазии позиция Вашингтона по отношению к Мексике становилась все более агрессивной.

Поводом к началу давно подготавливавшейся вооруженной интервенции послужил арест группы моряков американского крейсера «Дельфин» в мексиканском порту Тампико. Несмотря на извинения местных властей, 21 апреля в Веракрус высадился десант морской пехоты США. Хотя войска Уэрты поспешили покинуть город, его защитники еще в течение нескольких дней сдерживали натиск интервентов. Их героический пример вдохновил патриотов по всей стране. Всюду происходили антиамериканские выступления. Интервенция в Мексике вызвала также величайшее возмущение общественности и протесты в других республиках Латинской Америки. Ее решительно осудили и руководители «конституционалистов» во главе с Каррансой, настаивавшие на немедленном уходе оккупантов из Веракруса.

Спротивление мексиканского народа вынудило вашингтонское правительство забить отбой. 20 мая в Ниагара-Фолс (Канада) открылась конференция по урегулированию конфликта между США и Мексикой. К тому времени «конституционалистские» войска добились серьезных успехов. В апреле — мае они заняли Торреон, Монтеррей, Сальтильо, Тампико. Дни диктатуры Уэрты были сочтены. Реальной силой в Мексике являлась теперь революционная армия. Но крестьянские вожди Сапата и Вилья внушали страх американской буржуазии. Единственной более или менее приемлемой фигурой в лагере революции ей казался Карранса. Поэтому на Ниагарской конференции представители США требовали устранения Уэрты и передачи власти Каррансе. Последний, однако, не желал получать власть из рук иностранного правительства.

В результате энергичного противодействия «конституционалистов» попыткам США навязать свое вмешательство во внутренние дела Мексики вашингтонской дипломатии пришлось в конце концов согласиться с тем, что новое мексиканское правительство будет образовано на основе договоренности между сторонниками Каррансы и Уэрты. Принимая этот вариант, Карранса рассчитывал выиграть время, надеясь, что режим Уэрты скоро падет.

Это произошло в июле 1914 г., а 15 августа революционные силы заняли Мехико. Спустя три с лишним месяца североамериканские части покинули Веракрус. Таким образом, народная революция смела реакционную диктатуру и разрушила замыслы интервентов.

Присоединившихся к «конституционалистам» крестьян не удовлетворяла сформулированная в «плане Гуадалупе» программа, которая не предусматривала никаких социальных реформ, и в частности обходила аграрный вопрос. Чем яснее вырисовывалась близость победы над контрреволюцией, тем глубже становились противоречия между крестьянством и буржуазно-латифундистскими элементами. Назревал разрыв между Вильей и Каррансой.

Стали обостряться также отношения Каррансы с Сапатай, отряды которого объединились в Освободительную армию Юга. Сапата, ведя борьбу против Уэрты, действовал самостоятельно и в отличие от Вильи не признавал верховной власти Каррансы, хотя до поры до времени и не выступал открыто против него. Но успехи повстанцев в июле 1914 г. и перспектива близкой победы над врагом предопределили изменение его позиции.

Через несколько дней после отставки Уэрты руководители Освободительной армии Юга опубликовали манифест, в котором подтверждали принципы, сформулированные в «плане Аяла». В манифесте указывалось, что революционное крестьянство ставит своей целью отстранить от участия в управлении страной приверженцев старого режима, заменив их преданными революции людьми, которые проведут в жизнь аграрные реформы и остальные положения «плана Аяла». Манифест провозглашал вождем революционных сил Эмилиано Сапату.

Решительная позиция Сапаты повлияла и на Вилью, известившего 22 сентября Каррансу о том, что отныне не признает его руководителем революции.

Разрыв Вильи и Сапаты с Каррансой явился результатом отказа последнего от удовлетворения насущных нужд народных масс, его неспособности и нежелания полностью разрешить задачи буржуазно-демократической революции. Выражая интересы либеральных землевладельцев и национальной буржуазии, которая в условиях тогдашней Мексики сама была связана с землей, каррансисты не могли пойти на радикальное решение аграрного вопроса и отвергли требования крестьянства.

Карранса пытался использовать для укрепления базы своего правительства открывшийся 1 октября 1914 г. в Мехико конвент представителей «конституционалистской» армии. Однако отсутствие крестьянских делегатов лишало этот форум реального значения и предопределяло его неудачу. Тогда было решено перенести заседания в нейтральный пункт — Агуаскальентес, более приемлемый для крестьян, чем занятый армией Каррансы Мехико.

Конвент заседал в течение октября. В нем были представлены буржуазия и связанные с ней латифундисты, крестьянство, мелкая городская буржуазия. Преобладали настроения, враждебные Каррансе, которого продолжали поддерживать лишь буржуазно-землевладельческие круги, боявшиеся в случае победы Вильи и Сапаты лишиться своих богатств и власти. Делегации Освободительной армии Юга и Северной дивизии выступали против каррансистов. Воспользовавшись разгоревшейся борьбой, группа представителей мелкобуржуазной интеллигенции добилась того, что конвент объявил себя верховной властью, назначив временным президентом республики генерала Эулалио Гутьерреса. Однако Карранса отказался подчиниться этому решению и отозвал свою делегацию. Тогда новый президент назначил Вилью главнокомандующим конвентистской армией, как стала теперь называться Северная дивизия.

Между тем части Освободительной армии Юга подступали все ближе к Мехико. Во второй половине ноября Карранса перенес свою резиденцию в Орисабу, затем — в Кордову, а после эвакуации американских войск — в Веракрус. В конце ноября его войска оставили столицу. 27 ноября в город вступили отряды Сапаты. 3 декабря туда прибыли президент Гутьеррес и ряд депутатов конвента. На следующий день в предместье Хочимилько произошла первая встреча Сапаты с Вильей, а 6 декабря они во главе своих войск вошли в Мехико.

При поддержке Вильи и Сапаты там было сформировано так называемое конвентистское правительство Гутьерреса. Однако его деятельность отнюдь не определялась интересами народных масс. Не решаясь открыто выступить против революционного крестьянства, Гутьеррес и его окружение действовали путем скрытого саботажа и вредительства.

Крестьянские же руководители оказались неподготовленными к созданию общенационального правительства, которое осуществило бы необходимые преобразования в демократическом духе. Недооценивая значения политических факторов, они не решались взять власть в свои руки. «Я недостаточно образован, чтобы быть президентом, — говорил Вилья. — ...Разве я сумею, никогда нигде не учившись, разговаривать с иностранными послами и образованными господами в парламенте? Плохо придется Мексике, если во главе ее правительства станет необразованный человек. Я никогда не займу поста, для которого не

гожусь»¹. Ни Вилья, ни Сапата не сумели объединить крестьян в масштабе всей страны. Разобщенность, отсутствие четкой и единой программы помешали им воспользоваться плодами военных побед.

Для укрепления своих позиций правительство Каррансы 12 декабря 1914 г. издало в Веракрусе декрет, в котором обещало провести в жизнь аграрные законы, благоприятствующие созданию мелкой собственности, с разделом латифундий и возвратом деревням отнятых земель; законы, направленные на улучшение положения трудящихся; реформу избирательной системы; обеспечить независимость судебной власти. Декрет предусматривал пересмотр законодательства, касавшегося эксплуатации рудников, нефтепромыслов, вод, лесов и прочих естественных богатств. Он сулил, наконец, политические реформы, которые обеспечили бы соблюдение конституции, осуществление прав граждан, их равенство перед законом и т. д.

Вскоре последовали меры, изображавшиеся как реализация этих обещаний. Наиболее значение имел аграрный закон 6 января 1915 г., предусматривавший возвращение крестьянству всех незаконно захваченных земель, вод и пастбищ. Деревни, не имевшие эхидо (общинных земель) и лишенные возможности добиться их возвращения, должны были получить необходимую им землю за счет экспроприации ее у крупных собственников.

Все перечисленные акты были приняты под давлением народных масс. Вместе с тем они диктовались стремлением буржуазно-латифундистских кругов посулами и мелкими уступками ослабить революционный натиск, чтобы сохранить власть. Декрет 12 декабря и последующие мероприятия позволили правительству Каррансы несколько расширить социальную базу и укрепить свое положение. Особую роль сыграл закон 6 января 1915 г., обеспечивший поддержку части крестьянства.

Одновременно с подобными акциями каррансисты попытались использовать в своих целях рабочее движение, желая создать некий противовес борьбе крестьян. Привлечению рабочих на сторону Каррансы способствовала его твердая внешнеполитическая позиция, особенно по отношению к США. Применяя различные методы воздействия, мексиканская буржуазия добилась того, что в первой половине февраля 1915 г. «Дом рабочих мира», возобновивший свою деятельность после падения диктатуры Уэрты, склонился к активной поддержке правительства Каррансы. Из членов «Дома» и его филиалов должны были быть сформированы «красные» роты, батальоны и другие подразделения «для борьбы против реакции». Поскольку под этим лозунгом каррансисты на деле боролись не столько с реакционными элементами, сколько с крестьянством, подобное обязательство фактически облегчало возможность использовать часть рабочих против революционных крестьян.

В начале 1915 г. войска Каррансы добились значительных успехов и, овладев Пуэблой, создали угрозу столице. Гутьеррес, давно стремившийся порвать с Вильей, во главе группы министров и некоторых воинских частей бежал из Мехико. Не имея реальной власти и достаточных вооруженных сил, он капитулировал перед Каррансой. После бегства Гутьерреса конвент назначил временным президентом полковника Роке Гонсалеса Гарсу.

Под натиском каррансистов Северная дивизия 19 января оставила Мехико, который вскоре заняла армия Каррансы. Южные предместья столицы продолжали удерживать сапатисты. Крестьянские отряды со всех сторон блокировали Мехико. Патрулируя дороги, они перехватывали обозы с продовольствием. 11 марта каррансистским войскам пришлось опять эвакуироваться из столицы, куда снова вступили части Освободительной армии Юга. Номинально у власти оказалось правительство Гонсалеса Гарсы.

¹ Рид Д. Восставшая Мексика. М., 1959. С. 135.

Переломным моментом в ходе гражданской войны явился бой при Селае. Заняв Керетаро, главные силы Каррансы под командованием Альваро Обрегона в начале апреля 1915 г. овладели железнодорожным узлом Селаей и заняли оборону против наступавшей Северной дивизии. Вилья потерпел серьезное поражение, потеряв около 6 тыс. человек пленными, много орудий, винтовок и лошадей. Однако его армия еще далеко не была уничтожена и, отступая с боями на север, оказывала ожесточенное сопротивление.

Пока Обрегон вел борьбу с Вильей, каррансистские войска генерала Пабло Гонсалеса проводили операции против Освободительной армии Юга. 10 июля Сапата вынужден был оставить Мехико, куда немедленно вошли части армии Каррансы. Однако в конце месяца город еще несколько раз переходил из рук в руки. Лишь к началу августа Гонсалесу, получившему подкрепления, удалось, наконец, вытеснить отряды Сапаты из района столицы в Морелос.

Вилья с небольшим отрядом в конце 1915 г. с боем прорвался в Чиуауа. Здесь, в своем родном штате, он был неуловим и продолжал партизанскую войну.

Если в период борьбы за власть Карранса и его окружение не скупилась на щедрые обещания экономических, политических и социальных реформ, то, стабилизировав свое положение и установив контроль над большей частью Мексики, они предали забвению прежние обязательства. Предусмотренные декретом 12 декабря 1914 г. демократические преобразования не проводились в жизнь. Процветали взяточничество и коррупция. Представляя интересы имущих классов, Карранса решительно защищал неприкосновенность частной собственности. Об этом говорилось в его манифесте к нации, опубликованном 11 июня 1915 г. Земля оставалась в руках крупных собственников, а крестьянство по-прежнему страдало от безземелья, малоземелья, пеонажа. Аграрная политика правительства, далекая от ликвидации латифундизма и связанных с ним институтов, не обеспечивала решения одной из основных задач мексиканской революции.

Почувствовав почву под ногами, каррансисты изменили свою позицию и в отношении рабочего движения. Рабочие тщетно ждали обещанных ранее повышения заработной платы и других мер по улучшению их положения. Между тем экономическая ситуация в стране резко ухудшилась. Усиление безработицы в связи с закрытием предприятий, непрерывный рост цен на продовольствие в результате сокращения сельскохозяйственного производства, инфляция сказались прежде всего на положении городского населения и особенно рабочего класса. В конце 1915—начале 1916 г. по всей Мексике прокатилась волна забастовок.

Рост стачечного движения заставил правительство опасаться организованных на военный лад рабочих. В январе 1916 г. «красные» батальоны были распущены. Власти бросили против стачечников войска, которые расстреливали и избивали рабочих. Пролетарские союзы и другие организации закрывались, а их руководители подвергались репрессиям.

Первая мировая война вызвала некоторый отлив европейских капиталов из Мексики. Многие иностранные предприятия закрылись в связи с революционными событиями и гражданской войной. Пользуясь этим, национальная буржуазия пыталась освободить страну от экономической зависимости, а этого можно было добиться только в борьбе против чужеземных монополий, прежде всего североамериканских.

В 1914—1915 гг. правительство Каррансы издало ряд декретов и распоряжений, направленных на ослабление позиций иностранного капитала, отмену его привилегий и прекращение вмешательства в мексиканские дела. Компании США, в особенности нефтяные, усмотрели в этих актах угрозу своим интересам и требовали от администрации Вильсона их «защиты». Наиболее агрессивные круги настаивали даже на вооруженной интервенции в Мексику. Но эти требования не нашли тогда поддержки в Вашингтоне, где опасались, что подобная ак-

ция приведет к таким же результатам, что и оккупация Веракруса, и потому предпочитали другие методы. Поскольку в Мексике не существовало общенационального правительства, признанного другими государствами, США хотели взять его создание в свои руки, чтобы поставить у власти угодных им людей.

11 августа 1915 г. Каррансе, Вилье, Сапате и другим видным мексиканским военным и гражданским деятелям было направлено обращение, подписанное государственным секретарем США Лансингом и дипломатическими представителями шести латиноамериканских стран в Вашингтоне. Оно содержало предложение посредничества для созыва конференции уполномоченных всех группировок с целью «создания временного правительства, которое предприняло бы первые шаги, необходимые для конституционного переустройства страны».

Неискушенные в политике крестьянские вожди Вилья и Сапата не сумели разобраться в подлинных мотивах этого демарша. Недооценивая опасность, грозившую Мексике со стороны США, они выступали активно лишь против испанцев. Это объяснялось тем, что большинство мексиканских латифундистов было испанского происхождения, а также сохранявшейся в течение веков ненавистью к завоевателям. Вилья и Сапата приняли предложение США и республик Латинской Америки. Однако Карранса категорически отверг его, охарактеризовав как вмешательство во внутренние дела страны.

В сложившейся ситуации США вынуждены были отказаться от своей идеи и 19 октября признать правительство Каррансы. Но, потерпев неудачу в осуществлении своих экспансионистских планов «мирными» методами, администрация Вильсона к началу 1916 г. стала склоняться в пользу вооруженной интервенции.

Предлогом к этой акции послужило нападение отряда Вилья на пограничный американский город Колумбус 9 марта 1916 г. Оно свидетельствовало об изменении его отношения к США. Если прежде Вилья, как и Сапата, готов был верить демагогическим заявлениям президента Вильсона и государственного департамента, то в дальнейшем он понял, каковы истинные цели политики Вашингтона. Но, не сумев найти целесообразных форм борьбы против угрозы с севера, Вилья и его сторонники допускали иногда ненужные эксцессы. В частности, небольшие группы партизан из Северной Мексики не раз переходили границу США. Однако американские войска и полиция тоже неоднократно нарушали мексиканскую границу.

В такой обстановке произошел и инцидент в Колумбусе, судя по всему спровоцированный нефтяными компаниями США. 15 марта 12-тысячная армия генерала Першинга вторглась в Мексику. Почеркивая, что «экспедиция» Першинга направлена якобы исключительно против Вилья, вашингтонские власти надеялись обеспечить нейтралитет Каррансы.

Однако и на этот раз они просчитались. Вторжение североамериканских войск вызвало в Мексике подъем народного движения против интервентов. С каждым днем росла популярность Вилья среди широких масс, видевших в нем национального героя освободительной борьбы против чужеземного нашествия. «По мере того, как американские войска продвигаются на юг,— писал в июне 1916 г. известный публицист Джон Рид,— они все больше углубляются на территорию Вилья, где ненавидят гринго¹, где жил и впервые обратился к народу Мадеро и где после его гибели началась революция против Уэрты»². Правительство Каррансы, сознавая смертельную опасность, нависшую над страной, потре-

¹ Так называют в Латинской Америке иностранцев, не говорящих по-испански, особенно англо-саксонского происхождения.

² См.: Латинская Америка. 1974. № 4. С. 180.

бовало немедленного вывода армии Першинга, заявив, что иначе будет вынуждено «защищать свою территорию силой оружия».

Администрации Вильсона стало ясно, что продолжение интервенции чревато серьезными последствиями. Начиная ее, она рассчитывала на быстрый и легкий успех, а не на затяжную войну большого масштаба. К тому же США готовились к вступлению в мировую войну, и крупные военные операции в соседней стране могли помешать реализации этих планов. В обстановке общенационального патриотического подъема пребывание американских войск в Мексике становилось крайне опасным. Все это вынудило США приступить к их эвакуации, завершившейся 5 февраля 1917 г.

Расширение и углубление массового движения заставили правительство Каррансы согласиться на пересмотр конституции. Учредительное собрание открылось 1 декабря 1916 г. Среди депутатов преобладали представители имущих слоев общества. На первом же заседании Карранса предложил проект изменения конституции, в очень малой степени предусматривавший проведение социальных преобразований.

Этот проект встретил отрицательное отношение со стороны группы депутатов, которая, выражая интересы наиболее радикальной части буржуазии, отражала в известной мере и настроения народных масс. Внесенные поправки и дополнения значительно изменили характер конституции в смысле ее радикализации. 31 января 1917 г. Учредительное собрание приняло текст в его окончательном виде. 5 февраля он был опубликован и 1 мая вступил в силу.

Наряду с провозглашением свободы печати, права объединения в союзы и т. д. мексиканская конституция 1917 г. декларировала полное юридическое равенство граждан, исключая всякое внеэкономическое принуждение. Ряд статей был направлен против католической церкви, которой запрещалось создавать какие-либо политические организации, а также школы. Статья 24 провозглашала свободу вероисповедания. Духовенство лишалось избирательного права. Все недвижимое имущество церкви должно было перейти к государству.

Наиболее важной была статья 27. Она провозглашала, что «первоначальная собственность на земли и воды в пределах государственной территории принадлежит государству, которое имело и имеет право передать их частным лицам... Государство в любое время имеет право наложить на частную собственность ограничения, требуемые общественными интересами...»¹. Находящиеся в недрах земли полезные ископаемые также объявлялись народным достоянием. Право приобретения земельной собственности или получения концессий признавалось только за мексиканцами или лицами, натурализовавшимися в Мексике. Иностранцам это право могло предоставляться лишь при условии, что они обязуются не обращаться к своим правительствам за поддержкой в вопросах, связанных с их имуществом в Мексике. В зоне шириной 100 км вдоль сухопутных границ и 50 км вдоль побережья иностранцам вообще запрещалось владеть землями и водами. Предусматривалось также издание законов с целью частичного раздела крупных поместий и развития мелкого землевладения. Разделу подлежал только излишек земли сверх максимальной нормы.

Трудовому законодательству была посвящена статья 123. Продолжительность рабочего дня не должна была превышать 8 часов, а для подростков до 16 лет — 6 часов. Запрещалось использовать труд женщин и детей моложе 16 лет на вредных для здоровья и опасных работах, в ночное время, а также заставлять их работать сверхурочно. За равный труд гарантировалась одинаковая заработная плата. Сверхурочная работа должна была оплачиваться в двойном размере. Женщин предписывалось за три месяца до родов освобождать от тяжелого фи-

¹ Конституции государств американского континента. М., 1959. Т. II. С. 367.

зического труда, а после родов они имели право на месячный отпуск с сохранением полной заработной платы.

За рабочими признавалось право объединения в союзы, а также право стачек. Однако последнее распространялось лишь на так называемые законные стачки, имеющие целью «достичь равновесия между различными факторами производства, приводя в гармонию права труда с правами капитала»¹. Работники коммунальных предприятий, прежде чем начать забастовку, обязаны были за десять дней уведомить о дате прекращения работы. Рабочим государственных военных предприятий вообще запрещалось бастовать. В то же время за предпринимателями признавалось право проведения локаутов.

Итак, конституция 1917 г. исходила из принципа сохранения и утверждения частной собственности. Вместо необходимой для ликвидации латифундизма и разрешения аграрного вопроса экспроприации крупных поместий и передачи их крестьянству предусматривалось лишь частичное ограничение крупного землевладения с обязательной компенсацией владельцам стоимости изъятых у них земель. Конституция не отменяла прав и привилегий иностранного капитала, а лишь ограничивала его проникновение. Таким образом, мексиканская конституция не предусматривала полного осуществления задач буржуазно-демократической революции. К тому же она являлась не отражением или закреплением уже существующего порядка, а в большей своей части — лишь программой предстоящих преобразований. Тем не менее конституция создавала юридические основы для установления в Мексике буржуазно-демократического строя, проведения аграрной реформы, национализации имущества иностранных компаний. В обстановке резкого ухудшения положения народных масс и наступления реакции во всем мире в связи с войной она была весьма передовой и в тогдашних условиях самой демократической из существовавших конституций.

Принятие конституции явилось завершающим актом революции 1910—1917 гг., которая сыграла большую роль в истории Мексики. Она нанесла серьезный удар феодальному землевладению и католической церкви, ослабила позиции иностранных монополий и ограничила их дальнейшее проникновение, создала более благоприятные условия для развития капитализма в Мексике и проведения прогрессивных реформ в экономической, политической и культурной областях. Однако революция не выполнила стоявших перед нею основных задач: решение аграрного вопроса, осуществление коренных демократических преобразований, ликвидация экономической зависимости страны от иностранного империализма.

¹ Конституции государств американского континента. Т. II. С. 429.

ПОЛИТИКА США В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ. СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Англия первая и наиболее глубоко проникла на рынки Латинской Америки. Попытка Франции закрепиться в Мексике в 1861—1867 гг. закончилась жестоким провалом. Тщетными оказались в те же годы поползновения Испании вернуть себе хотя бы часть бывших колоний в Америке. Успешнее действовали Соединенные Штаты.

Экспансия США на Юг началась еще до обретения государственной самостоятельности. В 1803 г. была куплена Луизиана. В годы войны за независимость в Латинской Америке США захватили часть территорий восставших испанских колоний. Позже они отторгли огромные территории у Мексики. Доктрина Монро вскоре после ее опубликования в декабре 1823 г. стала основным идеологическим оружием американских экспансионистов. За словами «Америка для американцев» все отчетливее звучало: «Америка для США».

После Гражданской войны, окрепнув экономически, США стали теснить англичан в Карибском бассейне. Во время Тихоокеанской войны 1879—1884 гг. они предприняли попытку закрепиться южнее. В первый период войны дипломатия США организовала протесты против действий чилийского флота у берегов Перу. Этим она старалась обеспечить для американцев торговлю в Южной Америке и оказать моральную поддержку Перу, в противовес той, которую оказывали англичане Чили.

Поражение перуанцев у Такны и Арики показало явное превосходство Чили. США хорошо понимали, что за Чили (а следовательно, за Англией) может остаться вся область селитряных разработок. 22 октября 1880 г. американский посланник в Перу Христианси выступил в роли посредника. Он собрал представителей воюющих государств на американском военном корабле, который находился вблизи Арики. Но занятая посланником позиция (он тайно подталкивал союзников требовать возвращения чилийцами всех завоеванных территорий) не внесла примирения. Когда встал вопрос о заключении мирного договора, тот же Христианси убеждал новое перуанское правительство Гарсии Кальдерона в том, что США не допустят — вплоть до вооруженного вмешательства — расчленения Перу. Эту линию еще более энергично проводил сменивший Христианси Хэрлбат.

Деятельность Хэрлбата подогревалась личной заинтересованностью и интересами тех американских капиталистов, с которыми он был связан. Эти капиталисты, учитывая бессилие Перу и Боливии и их стремление найти в лице США защитника, разработали план создания «Перуанской компании». В ее руки должны были перейти боливийские и перуанские залежи селитры и запасы гуано на территории уже оккупированной Чили. В афере принимал участие государственный секретарь Блейн.

Подстрекаемый американской дипломатией, Гарсия Кальдерон отказался поставить свою подпись под договором, который фиксировал бы переход к Чили

какой-либо части перуанской территории. Чилийское военное командование арестовало его. В Сантьяго было решительнее, чем прежде, заявлено, что мирный договор должен непременно включать пункт об обязательном переходе к Чили провинции Тарапака и возможном переходе — на определенных условиях — Такны и Арики, т. е. всей селитряной зоны. Дальнейшие грубые и несогласованные попытки американских дипломатов вмешаться в спор лишь озлобили чилийцев и стоявших за ними англичан, осложнив положение Боливии и Перу, защитниками которых хотели казаться Соединенные Штаты.

Неудача, которую потерпели вашингтонские политики в Чили, не обескуражила их. В 1889 г. по инициативе США состоялась первая межамериканская конференция. Государственный секретарь Блейн откровенно признавался, что, созывая ее, он преследует цель обеспечить в дальнейшем для Соединенных Штатов господствующее положение на рынках Латинской Америки.

Прошло всего шесть лет и другой государственный секретарь США, Олни, выступил с новой интерпретацией доктрины Монро: «Сегодня Соединенные Штаты являются фактически полным владыкой на этом континенте, а их поведение — законом во всех тех делах, в которые они вмешиваются. Почему? Не потому, что к ним испытывают чувства чистой дружбы или доброй воли. Не просто потому, что они являются высокоцивилизованным государством, или потому, что, благоразумие, право и справедливость неизменно характеризуют поведение Соединенных Штатов. Дело в том, что наряду со всеми другими причинами неисчислимые ресурсы США в сочетании с изолированной позицией делают их хозяевами положения...» Это заявление было сделано в 1895 г. во время англо-венесуэльского конфликта по вопросу о границе между Венесуэлой и Британской Гвианой.

Успех, достигнутый в испано-американской войне 1898 г., стимулировал США к расширению экспансии во всех частях света. Но основным ее объектом оставалась Латинская Америка. США начали создавать там империю зависимых от них государств. Первыми были Пуэрто-Рико и Куба, потом Панама. Грозная опасность поджидала остальные латиноамериканские страны.

Политика американских президентов Теодора Рузвельта и Тафта (1909—1913) в отношении стран Латинской Америки отличалась особой агрессивностью. При этом ни тот, ни другой не скрывали своих империалистических притязаний. В 1904 г. Рузвельт заявил: «В Западном полушарии признание Соединенными Штатами доктрины Монро может принудить их... к выполнению международных полицейских функций». Президент Тафт дополнил это толкование доктрины: «Наша внешняя политика... может смело прибегнуть к активному вмешательству в целях обеспечения возможности нашим капиталистам и нашим купцам выгодно инвестировать капиталы». Первый сформулировал суть политики, которая получила название политики «большой дубинки», а второй — суть «дипломатии доллара». Политика «большой дубинки» была призвана силой обеспечить американским империалистам беспрепятственную инвестицию капиталов в Латинскую Америку, эксплуатацию ее богатств. «Дипломатия доллара» использовалась для обеспечения безопасности американских капиталов.

Как применялись политика «большой дубинки» и «дипломатия доллара», можно видеть на примере отношений США и Никарагуа. С этой страной Вашингтон вел долгие переговоры о строительстве через ее территорию межокеанского канала. Англии удавалось препятствовать завершению сделки. Отторжение у Колумбии в 1903 г. Панамского перешейка, где была образована Панамская республика, позволило США обойти это препятствие и внедриться в экономику Никарагуа. На территории республики действовала американская компания «Юнайтед фрут компани», прибиравшая к рукам главную отрасль сельского хозяйства страны — выращивание бананов.

Президент Никарагуа либерал Хосе Сантос Селая (1893—1909) проявлял

признаки самостоятельности и насколько мог препятствовал американской экспансии. С помощью США в 1909 г. был составлен антиправительственный заговор, во главе которого встал Эмилиано Чаморро. Он поднял восстание. В его вооруженном отряде оказалось несколько американских военных специалистов. Двое из них сумели подорвать корабль, на котором находилось 300 солдат из правительственных войск, отправлявшихся к месту военных действий. Диверсантов поймали и расстреляли. В США поднялась бешеная антиникарагуанская кампания.

Чтобы парировать угрозу интервенции, президент Никарагуа подал в отставку. На его место в конце 1910 г. был избран Хосе Мадрис, намеревавшийся покончить с мятежом самым решительным образом. Его силам удалось заблокировать главную базу противника в г. Блуфилдс. Тогда со стоявших поблизости американских военных кораблей был высажен десант. Продолжать наступление на город в тех условиях означало неизбежную войну с США.

Мадрис счел положение безвыходным и отказался от власти, передав ее члену конгресса Хосе Долорес Эстрада. Это означало капитуляцию, т. к. Эстрада был братом одного из главарей мятежа и заведомо не собирался вступать в конфликт с Вашингтоном. Вскоре мятежники заняли столицу. Среди «победителей» начались беззастенчивая грызня и борьба за власть. В августе 1912 г. морская пехота США получила приказ высадиться на территории Никарагуа, чтобы навести там нужный американцам порядок. Она покинула страну только в январе 1913 г., когда новый президент Адольфо Диас пошел на все требуемые уступки как в отношении возможного строительства канала, так и в отношении торговых льгот американцев. Чтобы поддержать послушного правителя, Никарагуа был предоставлен заем. Сумма его была столь велика, а проценты так высоки, что это завершило подчинение страны Соединенным Штатам.

Тем временем в Панаме в 1914 г. было закончено строительство межконтинентального канала. Владение им обеспечило морским силам США большую маневренность, открыло новые возможности для экспансии в Центральную Америку, где они создавали свою «банановую империю», во все страны Западного полушария и за его пределы.

Накануне первой мировой войны США еще отставали от Англии в экономической экспансии в страны Латинской Америки. Даже в Центральной Америке английские инвестиции (1 148 млн. долл.) несколько превышали американские (1 069 млн. долл.). В Южной Америке этот перевес был весьма значителен (соответственно 3 836 и 173 млн. долл.), особенно в Аргентине и Бразилии. Однако темпы прироста американских инвестиций были много выше.

Начавшаяся в 1914 г. первая мировая война нарушила традиционные торговые связи Латинской Америки с Европой. Это было ощутимым ударом, особенно из-за монокультурности хозяйства латиноамериканских стран. Уменьшение экспорта, будь то кофе, мясо, медь или селитра, подрывало основы экономики стран, продававших эти товары. Сокращался экспорт — сокращалось производство, росла инфляция и безработица. Так продолжалось около двух лет, пока страны Латинской Америки не ориентировали свою торговлю в значительной степени на рынок США и вновь не поднялся спрос на их товары в Европе, где с ходом войны все острее ощущалась нехватка продовольствия и стратегического сырья, которыми столь богато Западное полушарие. Изменявшаяся конъюнктура меняла в большой мере отношение латиноамериканских стран к воюющим державам.

Первые годы войны под влиянием антианглийских и антиамериканских настроений, питавшихся памятью о многих обидах, в республиках Латинской Америки были сильны прогерманские настроения. Их подогривала пангерманская пропаганда немецких поселенцев, особенно в Чили, Аргентине и Бразилии, где к тому же влияние Германии было сильно в армиях, строившихся по немец-

кому образцу. Однако развязанная немцами беспощадная подводная война, нарушившая торговые коммуникации с Европой, упрочение экономических связей с США и соответственное увеличение их роли в жизни Латинской Америки, способствовали изменению настроений. Поэтому, когда 6 апреля 1917 г. США объявили войну Германии, многие латиноамериканские страны последовали их примеру. Прежде всего это были наиболее зависимые от США государства Центральной Америки, среди которых от объявления войны Германии воздержался только Сальвадор. На стороне союзников выступили Куба и Бразилия. Порвали дипломатические отношения с Германией Перу, Боливия, Уругвай, Эквадор и Доминиканская республика. Остальные страны сохранили нейтралитет.

Вероятно, нейтральной осталась бы и Бразилия, не потопаи немцы несколько ее судов и среди них в апреле 1917 г. большое судно «Парана». В ответ в июне в бразильских портах были захвачены 46 немецких кораблей. 26 октября была объявлена война. Участие в ней Бразилии было невелико. Оно свелось к снабжению союзников кофе, сахаром, мясом, каучуком, полезными ископаемыми, а также к патрулированию кораблей бразильского военного флота в Южной Атлантике и их участию в морских операциях англичан.

Во время войны под предлогом охраны безопасности Западного полушария от возможного немецкого вторжения США совершили ряд вооруженных интервенций в страны Латинской Америки.

О Мексике и Кубе говорилось в соответствующих главах. В 1914 г., когда была совершена первая интервенция в Мексику, США отправили свою морскую пехоту в Гаити. Мотивируя свои действия нуждами обороны, они осуществили эту операцию, чтобы полностью подчинить и без того зависимое местное правительство приказам из Вашингтона. Первым из них был приказ о передаче американцам управления гаитянской торговлей и финансами, поскольку, по утверждениям Белого дома, страна не выполняла своих коммерческих обязательств. На деле за этим скрывалось прежде всего желание вытеснить из Гаити все еще державшийся там французский капитал. Так как правительство республики пыталось сопротивляться этим бесцеремонным домогательствам, морские пехотинцы захватили и вывезли в Нью-Йорк гаитянский национальный золотой запас — «для его сохранности».

Вторая интервенция была произведена в июле 1915 г., когда в Гаити началось инспирированное США восстание против правительства. Американские войска оккупировали страну, чтобы «восстановить порядок». Американские офицеры взяли в свои руки все управление, которое осуществлялось так, чтобы увековечить господство США над страной. Оно было закреплено навязанным Гаити договором. Гаитянское правительство ратифицировало его в ноябре 1915 г. под прямым и чрезвычайно жестким военным и экономическим давлением. Оккупация страны продолжалась до 1934 г.

Сходные события происходили в Доминиканской республике. Она подверглась интервенции США еще в 1905 г. В 1907 г. ее правительство вынуждено было подписать кабальный договор с интервентами, ставший страну в положение протектората. В 1916 г. недовольство, вызванное зависимостью от иностранцев и чрезвычайной бедностью населения, вылилось в восстание. Опять, как и в случае с Гаити, ссылаясь на мотивы «оборонительного» характера, США отправили войска в Доминиканскую республику. Они оккупировали ее. Правительство страны было составлено из американских офицеров. Оккупационный режим длился до 1924 г. Как и в Гаити, это был период расхищения богатств страны, подавления свободомыслия, укрепления на острове позиций США.

Война, отрезав страны Латинской Америки от европейского рынка, избавив часть из них от строгого английского контроля и мешая воевавшим США в полную меру направлять туда свою экспансию, стимулировала в этих странах раз-

витие местного промышленного производства, прежде всего наиболее крупных. В Бразилии, например, число промышленных предприятий к 1920 году возросло до 13 336, причем на них было занято 275 512 рабочих. Произошло известное изменение в территориальном размещении промышленности. Федеральный округ уступил первое место штату Сан-Паулу. Появились более крупные предприятия с большим числом рабочих и с более передовой техникой. На этих предприятиях энергию пара и падающей воды в значительной мере вытеснила электроэнергия. Протяженность железных дорог увеличилась.

Несомненный рост бразильской промышленности был тем не менее в основном количественным ростом. Структура ее оставалась по существу прежней: как и раньше, развивалась только легкая, главным образом пищевая индустрия. Из других отраслей несколько возрос удельный вес текстильной промышленности.

Техника производства не претерпела существенных изменений. Половина промышленных предприятий представляла собой небольшие мануфактуры, полуремесленные или даже ремесленные мастерские. Современной железодельной и сталелитейной промышленности в стране фактически не было. Наиболее крупные и технически оснащенные предприятия по-прежнему находились в руках иностранных предпринимателей. Бразилия продолжала оставаться производителем и экспортером колониальных продуктов, сельскохозяйственной страной, промышленность которой была все еще очень слабо развита и находилась под контролем иностранного капитала.

Сходные процессы происходили в Чили и Аргентине. Во второй из этих стран развитии промышленного производства, усилив местную буржуазию, дало ей возможность несколько укрепить свои политические позиции.

В 1916 г. радикалы победили на президентских выборах. Главой государства стал их лидер Иполито Иригойен. Они получили 10 губернаторских мест. Позиции латифундистов и крупной торговой буржуазии, связанных с английским капиталом, были еще сильны; их укрепляла не только поддержка со стороны британских монополий, но также союз с клерикалами и высшими офицерами армии и флота. Однако победа радикалов во многом повлияла на дальнейшие исторические судьбы страны.

В то же время выросло и окрепло аргентинское рабочее движение. Развитие промышленности привело к значительному увеличению армии рабочего класса. С конца XIX в. до 1914 г. число рабочих увеличилось вдвое, достигнув 410 тыс. Расширила свое влияние Социалистическая партия. В 1913—1914 гг. за ее кандидатов голосовало уже более 40 тыс. человек. В 1916 г. партия была представлена в конгрессе сенатором и девятью депутатами. В том же году она стала главным противником партии радикалов в борьбе за государственную власть.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. *Бартоломе де Лас Касас.* Мемориал Совету по делам Индий

Выводы:

1-е — все войны, получившие название конкисты, были и являются самыми несправедливыми и ведутся самими тиранами.

2-е — все королевства и владения в Индиях являются результатом узурпации.

3-е — все энкомьенды или репартимьенто индейцев являются несправедливыми, зловредными по вере, тем самым тираническими, как и подобное управление.

4-е — и те, кто дает, и те, кто владеет, впадают в смертный грех, и если они не откажутся от этого, то не смогут спасти свои души.

5-е — король наш господин, да хранит и благословит его господь, всей своей властью, данной ему от бога, не может оправдать ни войны и ограбление этих людей, ни раздел индейцев и энкомьенды, как нельзя оправдать грабежи и войны турок против христиан.

6-е — все золото и серебро, жемчуг и другое богатство, направленные в Испанию, как и то, которое на руках у испанцев в Индиях, почти полностью результат грабежа; говорю «почти», потому что это «почти» было, очевидно, добыто на островах и в местах, которые мы уже оставили.

7-е — если не возместят награбленное вчера и сегодня в результате войн, раздела индейцев или энкомьенды, то все участвующие в этом не смогут спасти свои души.

8-е — уроженцы всех земель в Индиях, куда мы вступили, имеют право вести против нас самую справедливую войну и смести нас с лица земли; это право они будут иметь до судного дня.

Католицизм и свободомыслие в Латинской
Америке в XVI—XX вв. М., 1980. С. 36.

2. Письмо Франсиско де Миранды Екатерине II

(Лондон, 20 июля 1789 г.)

Государыня!

Благополучно завершив, наконец, в настоящее время, благодаря благо-
склонному покровительству в. и. в-ва, задуманное мною продолжительное путе-
шествие по Швеции, Дании, Голландии, Швейцарии и всей Франции, осмелился

я снова взяться за перо, дабы повергнуть к Вашим стопам слабые изъявления глубокой признательности и моей нерушимой преданности августейшей особе в. и. в-ва. После сообщения, посланного Нормандесом из Петербурга, испанский двор противодействовал мне столь явно, что я не мог бы и шагу ступить, не прибегая к защите, которую в. в-во соизволили мне предоставить. Воистину, и малой доли хватило бы, чтобы я мог безопасно, не встречая никаких препятствий, и без всяких неприятностей проследовать повсюду.

Испанский посол дель Кампо принял меня тут учтиво и дружелюбно, между тем как я точно знаю, что имеющиеся у него секретные инструкции отнюдь не благоприятны для моей персоны и что он тайком уже предпринял несколько попыток причинить мне вред. Я попросил г-на графа Воронцова внести меня в список персонала здешнего посольства в. и. в-ва, полагая сие достаточным (наряду с некоторыми небольшими предосторожностями судебного порядка) для предупреждения любых судебных ухищрений, на какие они способны.

Таким образом, благодаря доброте в. и. в-ва я получил передышку и вкушаю покой, необходимый мне, чтобы привести в порядок мои разрозненные заметки и извлечь [из них] кое-какую пользу на будущее. Этим я занимаюсь непрестанно, рассчитывая и впредь на великодушное покровительство в. в-ва — единственной моей опоры теперь, когда в Мадриде на меня напустили вероломных преследователей, скрытно лишили всего моего родового достояния и даже возможности сноситься с родителями и семьей в Америке.

Счастливы те, кто под управлением просвещенной, мудрой и склонной к философии монархини могут, не страшась фанатизма и инквизиции, мирно проводить свои дни в занятиях литературой, совершенствуясь в добродетели! Да продлит Верховное существо навечно бесценную жизнь в. и. в-ва на благо Ваших подданных и в утешение всему роду человеческому!

Имею честь быть с глубоким уважением в. и. в-ва нижайший и покорнейший слуга

Франсиско де Миранда.

Ее и. в-ву Екатерине II, императрице и государыне всероссийской.

*М. С. Альперович. Франсиско де Миранда
в России. М., 1986. С. 333—334.*

3. Из дневника лейтенанта Ф. П. Литке, участника кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка»

(запись 10 февраля 1818 г.)

Лима, столица Перуанского королевства, лежит в пространной равнине, простирающейся до берегов моря, при самой подошве Кордильерских гор. Через нее протекает небольшая речка Рио Римак (некоторые называют ее Лимоз), начинающаяся в горах около 30 верст от Лимы и впадающая в море возле Каллао. Лима построена в 1535 году Франциском Пизарро. Положение ее и прекрасный климат делали бы пребывание в ней приятнейшим на земле, если б она же не подвержена была столь частым землетрясениям, которые в 1678 и 1687 годах разорили, а в 1746 году до основания разрушили как ее, так и Каллао. Последнее ужасное происшествие сопровождаемо было великим наводнением: море вдруг на короткое пространство отступило, вслед затем со страшною силою, огромной водной стене подобно, устремилось на берега и низвергло, снесло

и потопило все встретившееся ему на расстоянии 5 верст от берега. При сем случае в Каллао погибли все, за исключением 40 человек, спасшихся на одной башне, в Лиме погибли меньше. Нынешний Каллао выстроен на другом месте, а Лима на том же самом. Около половины дороги от Каллао до Лимы означено крестом на кубическом пьедестале место, до которого достигла вода, и тут же построена церковь. Прежде разорения Лима состояла из огромных великолепных зданий, со времени же сей ужасной катастрофы стали строить дома, более с положением ее сообразные. Ныне все они деревянные, вымазанные глиною, что у нас называются мазанками, одноэтажные, низкие, с плоскими крышами, без окон, вместо коих сделаны отверстия сверху, отчего солнце в них никогда не достигает, и среди самого величайшего зноя бывает в них довольно прохладно; низкость же их во время землетрясений избавляет их от опасности. Плоские крыши, которые бы в наших климатах были весьма неудобны, ибо дождевая вода по ним стекать не может, здесь никаких неудобностей не имеют. Дождь есть в Лиме вещь неизвестная: в нашу бытность одним вечером стал накрапывать маленький, все жители этому удивлялись и называли это чудом. Со всем тем среди большей части улиц вода протекает ручьями. Сие оттого, что в горах в некотором расстоянии от Лимы во весь почти год льют дожди, кои, нистекая, доставляют Лиме воду в великом изобилии. Туманы, случающиеся каждую ночь и утром пред восхождением солнца, освежают и питают растения, коим бы всегдашний недостаток дождя мог быть пагубен. Ближнее соседство высочайших в свете, вечным снегом покрытых гор, коими Лима круглый год снабжается льдом, распространяет в воздухе прохладу, прочим жарким странам же неизвестную. Таким образом, природа в климате Перу соединила все возможные преимущества, могущие сделать человека совершенно счастливым, да и нет сомнения, что прежние жители сей благословенной страны были в полной мере таковыми до тех пор, пока свирепые гишпанцы, руководимые алчностью к богатству и к пролитию крови, не обратили их в жалостнейшее состояние...

Улицы, по-здешнему, хороши: довольно широки и правильны, вылизаны изрядно, наклонно от краев к середине, чем составляется некоторый род канала, по коему совершается вышеупомянутое течение воды. По обеим сторонам сделаны тротуары. Площадей весьма мало; главные суть: Инквизиционная и другая, лежащая перед кафедральною церковью, на которой происходит торжище или род базара. Они обе квадратные. Место для битвы волов, лежащее почти уже за городом, есть круглая площадь, около которой в виде амфитеатра сделаны места для зрителей. Зрелища сии бывают здесь весьма часто, при нас же не было ни одного, оттого, что мы были в великий пост, в продолжение которого все сии народные увеселения прекращаются...

Духовенство имеет здесь великое влияние на дела: инквизиция существует, и до тех пор, пока нынешний вицерой, как я выше сего говорил, ее не ограничил, производила она свои насилия как ей хотелось. В Лиме запрещается жить всякому, кто не католик; кто чем-либо показал неприверженность свою к сей религии, кто по крайней мере один раз в год не приобщается, кто как-нибудь проговорился на счет духовенства или инквизиции, должен страшиться гнева сей последней: приезжают к нему ночью, когда он менее всего поджидает, просят его именем святой инквизиции взойти в нее, употребляют, разумеется, в случае сопротивления и сильнейшие средства, ведут его не мудрено догадаться куда, и несчастному остается только надежда, что каким-нибудь непредвиденным счастьем увидит он опять свет дневной. Легко вообразить себе, сколь неприятно, должно быть, жить в столь стесненном положении, и одним только ограничением насильств инквизиции мог уже вицерой приобрести себе любовь народную. Дом оной находится в самой середине города на площади, носящей ее же имя, и по наружности его можно тотчас заключить, что это какая-нибудь тюрьма. Вход в него никому не позволен, и нет, я думаю, такого безумца, который бы решился подвергнуться

всем следствиям ярости попов для удовлетворения одного своего любопытства. По сим причинам никому неизвестно ни число заключенных в темницах инквизиции, ни звание их, словом сказать, ничего определенного. Ужаснейшей казни, возмущающей человечество, известной под названием ауто да фе, не было уже более 40 лет...

По уверению многих, большая часть здешних гишпанцев утопает в глубоком невежестве; весьма легкие средства пропитания, малые надобности не дают им способов развертывать и того менее усовершенствовать способности их разума. Иностранцы в великом у них пренебрежении. Мы сами на себе не имели случая сего испытать, ибо играли довольно важную роль, да сверх того деньги, которых мы издерживали много, могут в глазах гишпанцев сделать всякого человека уважения достойным. Докучливое же любопытство их доказывали они нам весьма ощутительным образом до самого последнего дня.

К берегам Нового Света. М., 1971. С. 122—125.

4. Речь С. Боливара на конгрессе в Ангостуре

(14 декабря 1819 г.)

Сеньоры, члены законодательного корпуса!

Выступая с этой высочайшей трибуны, я прежде всего хочу выразить благодарность за безмерную честь, какой удостоил меня Конгресс, разрешив снова занять это кресло, которое я около года тому назад предоставил президенту народных представителей.

Когда я в начале этого года был облечен — против моей воли и не по заслугам — полномочиями главы исполнительной власти, я сообщил нашему высшему органу, что моя профессия, мой характер и мои способности несовместимы с функциями магистрата. Сняв с себя таким образом эти обязанности и возложив их исполнение на вице-президента, я оставил за собой лишь одну функцию — вести войну. И я тотчас отправился на Западный фронт, где во главе армии стоял генерал Морильо, имевший превосходящие силы. Было бы слишком неразумно вступать в сражение при таких обстоятельствах, когда столица Каракас вот-вот должна была быть занята экспедиционными войсками, прибывшими из Европы, и когда мы еще не получили свежих подкреплений. Генерал Морильо в преддверии зимы оставил равнины Апуре, и я посчитал, что Республике принесет больше выгод свобода Новой Гранады, чем полное освобождение Венесуэлы.

Слишком много времени отняло бы у Конгресса мое описание тех трудностей, которые пришлось одолеть Освободительной армии, чтобы добиться цели, которую мы перед собой поставили. Зима в болотистых равнинах, обледенелые кручи Анд, резкие смены климата, вдвое превосходящие и закаленные в боях войска противника, населенные пункты, наводненные вражескими солдатами, — эти и многие другие препятствия должны были мы преодолеть (вспомним Пайю, Гамесу, Варгас, Бояку и Попаян), чтобы освободить менее чем за три месяца 12 провинций Новой Гранады.

Я обращаю внимание высшей национальной власти на великие заслуги и подвиги моих доблестных сподвижников, которые с беспримерной стойкостью переносили страшные лишения и показывали примеры мужества, не имеющие себе равных в истории Венесуэлы, разбили и взяли в плен армии короля. Но всеми этими победами мы обязаны не только Освободительной армии. Народ Новой Гранады показал, что он достоин свободы. Его активное содействие восполняло наши потери и увеличивало наши силы. Восторг, рождаемый самой

безумной страстью, тускнеет перед тем чувством, какое испытала Новая Гранада, обретая свою свободу.

Этот благородный народ принес все свое имущество и свои жизни на алтарь родины. И жертвы эти особенно дороги тем, что принесены они от чистого сердца! Да, единодушное желание скорее умереть свободными, нежели жить рабами, дало Новой Гранаде право на наше восхищение и уважение. Решение Новой Гранады о присоединении ее провинций к провинциям Венесуэлы также было единодушным. Гранадцы все как один понимают, какую огромную выгоду принесет обоим народам учреждение новой Республики, состоящей из этих двух наций. Объединение Новой Гранады и Венесуэлы — единственная цель, которую я поставил перед собой, вступив на военное поприще, ибо это желание граждан обеих стран, это гарантия свободы всей Южной Америки.

Законодатели! Пришло время создать твердую и незыблемую основу нашей Республики. Вам надлежит принять мудрое решение и свершить великий социальный акт, установить договорные принципы, на которых будет зиждиться эта большая Республика. Провозгласите ее перед лицом всего мира, и мои старания будут вознаграждены.

Симон Боливар Избранные произведения
М., 1983 С 96—97

5. Из декрета Б. Хуареса о национализации церковных имуществ

(12 VII 1859 г.)

Принимая во внимание, что главной причиной настоящей войны, начатой и поддерживаемой духовенством, является его желание быть независимым от гражданской власти;

что если ранее можно было сомневаться в том, что духовенство — одно из постоянных препятствий к установлению общественного спокойствия, то сегодня все знают, что оно открыто восстало против суверена;

— что так как бесполезны все усилия, направленные на окончание разоряющей страну войны, то было бы равносильно соучастию оставление и дальше в руках заклятых врагов средств, которыми они так тяжело злоупотребляют, и

что крайне необходимо привести в исполнение все меры, способные спасти положение и общество, необходимо декретировать следующее:

Ст. 1. В распоряжение нации поступает все имущество, которым под различными названиями управляло светское и монастырское духовенство независимо от рода владений, характера прав и действий, с которыми оно было связано, а также наименования и применения, какое оно имело.

Ст. 3. Будет завершено отделение государственных дел от чисто церковных. Правительство ограничится тем, что возьмет под защиту своей власти публичный культ католической религии, так же как и всякой другой.

Ст. 4. Служители культа за совершение обряда таинств и исполнение других функций своей службы смогут получать предназначенные им пожертвования и свободно договариваться с людьми относительно этого или о полагающемся им воздаянии за услугу, о которой их просят. Ни пожертвования, ни вознаграждения не могут быть сделаны в форме земельных угодий.

Ст. 5. Упраздняются все существующие в республике монастырские ордена, каковы бы ни были их названия и деятельность, так же как и все братства, конгрегации и общества, примыкающие к религиозным общинам, кафедральным соборам, церковным приходам и каким бы то ни было церквям.

Ст. 6. Запрещается основание новых монастырей, корпораций, обществ, конгрегаций и религиозных братств, какими бы ни были форма и название, которые они захотели бы себе дать.

Равно запрещается использование монашеских одеяний или костюмов упраздненных орденов.

Ст. 12. Книги, печатные издания, рукописи, картины, памятники древности и другие предметы, принадлежащие упраздненным религиозным общинам, будут переданы музеям, учебным заведениям, библиотекам и другим общественным учреждениям.

Ст. 23. Все те, кто прямо или косвенно противится или каким-либо способом сводит на нет выполнение того, что предписывает этот закон, будут в зависимости от того, как квалифицирует правительство тяжесть их вины, изгнаны из республики или переданы судебным властям. В последнем случае они будут осуждены и наказаны как заговорщики. Приговор, вынесенный компетентным судом против этих изменников, не может быть обжалован.

Ст. 24. Все наказания, которые налагает этот закон, будут осуществляться судебными властями нации или политическими — штатов, о чем незамедлительно будет сообщаться верховному правительству.

Хрестоматия по новой истории, Т II, 1965
С 404—406

6. Из статьи Джона Рида «Мексиканский клубок»

Наконец-то мы запутались в мексиканском клубке, из которого нам явно не выпутаться,— чего всегда желали сторонники интервенции. Когда Вилья совершил налет на городок Колумбус, штат Нью-Мексико, существовало так мало доказательств, что некоторые американские круги подстрекали его к переходу границы и убийству американских граждан и солдат, что даже президент Вильсон публично обратился к народу Соединенных Штатов, предостерегая его в отношении «зловещего влияния, оказываемого на эту страну» с целью вызвать интервенцию под любым предлогом. Поборники плана готовности к войне, не гнушающиеся также никакими средствами в стремлении милитаризовать страну, чтобы можно было создать сильную армию и флот для поддержки нещадной эксплуатации народов американскими дельцами за границей и для охраны зарубежных капиталовложений американских спекулянтов,— эти поборники, чтобы подкрепить свои аргументы, не колеблясь, направляют по своему усмотрению ход событий, сопровождающих борьбу за свободу, которую ведут не на жизнь, а на смерть мексиканские пеоны. Когда Вильсон отказался признать Уэрту, предателя, убийцу и авантюриста, и когда Уэрта требовал признания, нам говорили, что Америку «унижают» и что Мексика «презрительно смеется над нами». Когда безответственный офицер низшего ранга отказался приветствовать наш незапятнанный флаг, они снова стали заявлять, что «Мексика сделала нас посмешищем». Когда Вилья с сотней своих приверженцев

перешел границу и обстрелял Колумбус, они заговорили о том, что мексиканский народ «вторгся» в Соединенные Штаты.

Беспреданными призывами к войне и завоеваниями сторонники интервенции и военная партия однажды уже добились отправки нашей армии и флота в Веракрус: тогда акции полученных бесчестным путем американских концессий в Мексике круто взмыли вверх. Но президенту снова удалось вытащить нас без какого-либо ущерба из Веракруса.

Когда месяц назад карательная экспедиция пустилась в погоню за Вильей, снова поднялся шум о том, что интервенция вот-вот начнется, и на этот раз те из нас, кто знает Мексику, были уверены, и сейчас еще верят, что они правы.

Источники

- Агрессия США на Кубе (1898—1912 гг.) // Исторический архив. 1961. № 3.
Альберди Х. Б. Преступление войны. М., 1960.
Андреев В. И. Русские архивные источники по истории Панамского канала // Вестник Ленинградского университета. История, язык, литература. 1977. № 2. Вып. 1.
 Архив Михала Роли Скибицкого // Новая и новейшая история. 1975. № 5.
 Бразилия в описаниях участников русской экспедиции 1821—1829 годов // Новая и новейшая история. 1966. № 3.
 Бразилия начала XIX в. в неопубликованном «Журнале кругосветного плавания» М. И. Ратманова // Латинская Америка. 1969. № 3.
 Бразилия и Перу эпохи войны за независимость в неопубликованном дневнике Ф. Ф. Матюшкина // Латинская Америка. 1971. № 1, 2.
Гарсиласо де ла Вега (Инка). История государства инков. Л., 1974.
Гумбольдт А. Путешествие в равноденственные области Нового Света в 1799—1804 гг. М., 1963—1969. Т. I—III.
Гюго В. Война в Мексике. Президенту Мексиканской республики // Собр. соч.: В 15 т. М., 1956. Т. 15.
 Джон Рид о мексиканской революции // Латинская Америка. 1974. № 4; 1977. № 2.
 Записки солдата Бернала Диаза. Л., 1924—1925. Ч. 1—2.
 Из героического прошлого кубинского народа // Международная жизнь. 1964. № 3.
 Из дневника участника русской научной экспедиции в Бразилию в 1821—1829 гг. // Латинская Америка. 1972. № 5; 1973. № 1.
 Из материалов русской научной экспедиции 1914—1915 гг. в Южную Америку // Латинская Америка. 1977. № 1.
Ионин А. С. По Южной Америке. СПб., 1892—1902. Т. I—IV.
 Католицизм и свободомыслие в Латинской Америке в XVI—XX вв. (Документы и материалы). М., 1980.
 К берегам Нового Света. Из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX века. М., 1971.
 Конституции государств американского континента. М., 1957—1959. Т. I—III.
Ланда Д. де. Сообщение о делах в Юкатане. М., Л., 1955.
Лас Касас Б. де. История Индий. Л., 1968.
Лаферте Э. Жизнь коммуниста. Страницы автобиографии. М., 1961.
Лукин Б. В. Связи Миранды с российской дипломатической миссией в Лондоне (По материалам его неизвестных писем) // Новая и новейшая история. 1966. № 4.
Марти Х. Избранное. М., 1978.
Марти Х. Североамериканские сцены. М., 1963.
 Материалы экспедиции академика Григория Ивановича Лангсдорфа в Бразилию в 1821—1829 гг. Л., 1973.
 Мексика 30-х годов XIX века в неопубликованном дневнике Ф. П. Врангеля // Новая и новейшая история. 1969. № 2.
Нуньес Кабеса де Вака А. Кораблекрушения. М., 1975.
 Открытие великой реки Амазонки. Хроники и документы XVI века о путешествиях Франсиско де Орельяны. М., 1963.
 Отношение России к началу войны Латинской Америки за независимость // Исторический архив. 1962. № 3.
 Отношения России со странами Центральной Америки во второй половине XIX века // Новая и новейшая история. 1972. № 4.
Пигафетта А. Путешествие Магеллана. М., 1950.
Пополь-Вух. Родословная владык Тотоникапана. М., Л., 1959.
 Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX — начало XX в.). М., 1965.
 Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. М., 1961.
Рекабаррен Л. Э. Избранные статьи и речи. М., 1977.
Рид Д. Восставшая Мексика. М., 1959.
 Русские дипломаты о войне за независимость в Латинской Америке // Новая и новейшая история. 1966. № 1, 5.

- Рэли У.* Открытие Гвианы. М., 1963.
Симон Боливар. Избранные произведения. 1812—1830. М., 1983.
Фосетт П. Г. Неоконченное путешествие. М., 1964.
 Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время. М., 1929.
 Хрестоматия по истории средних веков. М., 1950. Т. III
 Хрестоматия по новой истории. М., 1963—1965. Т. I—II.
Экскавемлин А. О. Пираты Америки. М., 1968.

Историческая литература

Работы общего характера

- Альперович М. С., Слэзкин Л. Ю.* Образование независимых государств в Латинской Америке (1804—1903). М., 1966.
Альперович М. С., Слэзкин Л. Ю. Новая история стран Латинской Америки. М., 1970.
Арисменди Р. Ленин, революция и Латинская Америка. М., 1975.
Григулевич И. Р. Церковь и олигархия в Латинской Америке, 1810—1959. М., 1981.
Деберль А. История Южной Америки от завоевания до нашего времени. СПб., 1899.
Жидков О. А. История государства и права стран Латинской Америки. М., 1967.
 Исторические судьбы американских индейцев. М., 1985.
 К. Маркс и Латинская Америка. М., 1970.
Коваль Б. И. Свет Октября над Латинской Америкой. М., 1977.
Кузнецов А. Г., Лобер В. Л. Латинская Америка. Курс лекций по страноведению. М., 1976.
 Культура и быт народов Америки. Л., 1967.
 Культура индейцев. Вклад коренного населения Америки в мировую культуру. М., 1963.
Лаврецкий И. Тень Ватикана над Латинской Америкой. М., 1961.
Лазарев М. И. Дворцовые перевороты в странах Латинской Америки (международноправовое признание новых правительств). М., 1967.
 Латинская Америка в прошлом и настоящем. М., 1960.
 Ленинизм и Латинская Америка. М., 1972. Ч. 1—2.
 Народы Америки. М., 1959. Т. II.
 Нации Латинской Америки. М., 1964.
 Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике. М., 1974.
 От Аляски до Огненной Земли. М., 1967.
 Проблемы идеологии и национальной культуры стран Латинской Америки. М., 1967.
 Проблемы истории и этнографии Америки. М., 1979.
Прыгов Д. Д. История стран Латинской Америки. Учебное пособие. М., 1976. Вып. 1.
Сea Л. Философия американской истории. М., 1984.
Томас А. Б. История Латинской Америки. М., 1960.
Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М., 1955.
Шемякин Я. Г. Латинская Америка: традиции и современность. М., 1987.
 Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981.
 Этнические процессы в странах Карибского моря. М., 1982.

Древние индейские цивилизации

- Александренков Э. Г.* Индейцы Антильских островов до европейского завоевания. М., 1976.
Башилов В. А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972.
Березкин Ю. Е. Мочика. Цивилизация индейцев северного побережья Перу в I—VII вв. Л., 1983.
Вайан Д. История ацтеков. М., 1949.
Галленкамп Ч. Майя. Загадка исчезнувшей цивилизации. М., 1966.
Гуляев В. И. Америка и Старый Свет в доколумбову эпоху. М., 1968.
Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972.
Гуляев В. И. Идолы прячутся в джунглях. М., 1972.
Гуляев В. И. Города-государства майя. М., 1979.
Гуляев В. И. Древние майя: загадки погибшей цивилизации. М., 1983.
Кинжалов Р. В. Искусство древней Америки. М., 1962.
Кинжалов Р. В. Искусство древних майя. Л., 1968.
Кинжалов Р. В. Культура древних майя. Л., 1971.
Кнорозов Ю. В. Письменность индейцев майя. М., Л., 1963.
Кнорозов Ю. В. Иероглифические рукописи майя. Л., 1975.
Коваленский М. Н. Последний царь ацтеков. М., 1913.
Кузьмищев В. А. Тайна жрецов майя. М., 1968.
Кузьмищев В. А. Царство сынов Солнца. М., 1982.
Попов Г. Н. Культура точного знания в древнем Перу. Пг., 1922.
Соди Д. Великие культуры Мезоамерики. М., 1985.

- Созина С. А. Муиски — еще одна цивилизация древней Америки. М., 1969.
Стингл М. Тайны индейских пирамид. М., 1982.
Уокон Р. Затонувшие материка и тайны исчезнувших племен. М., 1966.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.

Открытие и колонизация стран Латинской Америки

- Андрэ М. Подлинное приключение Христофора Колумба. М., Л., 1928.
Бартоломе де Лас-Касас. К истории завоевания Америки. М., 1966.
Григулевич И. Р. Крест и меч. Католическая церковь в Испанской Америке XVI—XVIII вв. М., 1977.
Гуляев В. И. Сколько раз открывали Америку? М., 1978.
Ефимов А. В. Открытия Америки со стороны Азии. М., 1964.
Магидович И. П. История открытия и исследования Центральной и Южной Америки. М., 1965.
Моррисон С. Э. Христофор Колумб, мореплаватель. М., 1958.
Свет Я. М. В страну Офир. М., 1967.
Фиске Д. Открытие Америки. М., 1892—1893. Т. I—II.
Хаген В. Их призвала Южная Америка. М., 1961.
Цвейг С. Подвиг Магеллана. М., 1956.
Цвейг С. Америго. Повесть об одной исторической ошибке. М., 1960.

Освободительное движение XVI—начала XIX в.

- Альперович М. С. Освободительное движение конца XVIII—начала XIX в. в Латинской Америке. М., 1966.
Альперович М. С. Испанская Америка в борьбе за независимость. М., 1971.
Альперович М. С. Франсиско де Миранда в России. М., 1986.
Война за независимость в Латинской Америке (1810—1826). М., 1964.
Григулевич И. Р. Франсиско де Миранда и борьба за независимость Испанской Америки. М., 1976.
Линч Дж. Революции в Испанской Америке, 1808—1826. М., 1979.
Маркс К. Боливар-и-Понте // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14.
Маркс К. и Энгельс Ф. Аякучо // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14.
Марчук Н. Н. Борьба за независимость в Латинской Америке в конце XVIII — начале XIX в. М., 1988.
Марчук Н. Н. Становление национальных государств в Латинской Америке. М., 1989.
Мирошевский В. М. Освободительные движения в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость (1492—1810 гг.). М., Л., 1946.
Подвиг Симона Боливара. М., 1982.
Селиванов В. Н. Латинская Америка: от конкистадоров до независимости. М., 1984.
Симон Боливар: история и современность. М., 1985.
Слэзкин Л. Ю. Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964.
Созина С. А. Тупак Амару — великий индейский повстанец. 1738—1781. М., 1979.

Латинская Америка в международных отношениях

- Болховитинов Н. Н. Доктрина Монро. М., 1959.
Гвоздарев Б. И. Эволюция и кризис межамериканской системы. М., 1966.
Зубок Л. И. Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна, 1900—1939. М., Л., 1948.
Зубок Л. И. Экспансионистская политика США в начале XX века. М., 1969.
Королев Н. В. Страны Латинской Америки в международных отношениях (1898—1962 гг.). Кишинев, 1962.
Королев Н. В. Страны Южной Америки и Россия (1890—1917 гг.). Кишинев, 1972.
Малаховский К. В. Кругосветный бег «Золотой лани». М., 1980.
Медина М. Соединенные Штаты и Латинская Америка. XIX век. М., 1974.
Нуньес Хименес А. Империя янки — враг Латинской Америки. М., 1962.

Биографические очерки

- Кунин К. И. Магеллан. М., 1940.
Кунин К. И. Васко да Гама. М., 1947.
Лаврецкий И. Боливар. М., 1981.
Лаврецкий И. Миранда. М., 1965.
Маршалл Ф. и Крэйг Д. Боливар. М., 1944.
Ревзин Г. И. Колумб. М., 1947.
Свет Я. М. Колумб. М., 1973.

Суворова В. Южноамериканский Вашингтон (Жизнь и деятельность С. Боливара, освободителя Южной Америки). СПб., 1903.

Историография, библиография

Акимова Н. А., Воякина С. М., Горбунов А. М. Страны Латинской Америки. Рекомендательный указатель литературы. М., 1962.

Альперович М. С. Советская историография стран Латинской Америки. М., 1968.
Деятели национально-освободительного движения (Азия, Африка, Латинская Америка). XIX — начало XX в. Страницы биографий. Рекоменд. указатель литературы. М., 1976.
Латинская Америка в советской печати. Указатель литературы 1946—1986. М., 1964—1987.

Аргентина

Искаро Р. Возникновение и развитие профсоюзного движения в Аргентине. М., 1962.
Искаро Р. Рабочее и профсоюзное движение Аргентины: история и развитие. М., 1978.
Комаров К. В. Аграрный вопрос и война за независимость Аргентины. М., 1988.
Очерки истории Аргентины. М., 1961.
Романова Э. И. Развитие капитализма в Аргентине. М., 1985.
Сармьенто Д. Ф. Цивилизация и варварство. М., 1988.
Штрахов А. И. Война за независимость Аргентины. М., 1976.

Боливия

Руис Гонсалес Р. Боливия — Прометей Анд. М., 1963.

Бразилия

Амаду Ж. Кастро Алвес. М., 1963.
Бразилия (экономика, политика, культура). М., 1963.
Игнатьев О. К. Тирадентис. М., 1966.
Караваяев А. П. Капитализм в Бразилии: прошлое и настоящее. М., 1987.
Коваль Б. И. История бразильского пролетариата. М., 1968.
Комиссаров Б. Н. Первая русская экспедиция в Бразилию. Л., 1977.
Комиссаров Б. Н. Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX в. Л., 1977.
Комиссаров Б. Н. Петербург — Рио-де-Жанейро. Становление отношений 1808—1828. Л., 1987.
Манизер Г. Г. Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821—1828). М., 1948.
Очерки истории Бразилии. М., 1962.
Помбу Р. История Бразилии. М., 1962.
Прадо Жунior К. Экономическая история Бразилии. М., 1949.
Слэзкин Л. Ю. Земля Святого Креста. Открытие и завоевание Бразилии. М., 1970.
Файнберг Л. А. Индейцы Бразилии. Очерки социальной и этнической истории. М., 1975.
Фако Р. Бразилия XX столетия. М., 1962.

Венесуэла

Брито Фигероа Ф. Венесуэла XX века. М., 1969.
Венесуэла. Экономика, политика, культура. М., 1967.
Ермакович Л. М. Политическая борьба в Венесуэле в конце XIX—начале XX века. М., 1989.

Гвиана

Гвиана, Гайана, Французская Гвиана, Суринам. М., 1969.

Колумбия

Гавриков Ю. П. История изумрудной страны. М., 1985.
Гонционский С. А. Колумбия. Историко-этнографические очерки. М., 1973.
Ильина Н. Г. Колумбия: от колонии к независимости (1781—1819 гг.). М., 1976.
Созина С. А. На горизонте — Эльдorado. Из истории открытия и завоевания Колумбии. М., 1972.

Куба

Визен Л. И. Хосе Марти. М., 1964.
Владимиров Л. С. Дипломатия США в период американо-испанской войны 1898 г. М., 1957.
Гавриков Ю. П. Куба: страницы истории. М., 1979.

- Григулевич И. Р.* Хосе Марти. Предвестник кубинской революции. М., 1979.
- Ермолаев В. И.* Героическая эпопея народа. К столетней годовщине первой войны за независимость Кубы (1868—1878 гг.). М., 1968.
- Зорина А. М.* Из героического прошлого кубинского народа. М., 1961.
- Зорина А. М.* Рабочее движение на Кубе (от первых выступлений пролетариата до образования Коммунистической партии). М., 1975.
- Крашенинникова Н. А.* История государства и права Кубы. М., 1966.
- Куба.* Историко-этнографические очерки. М., 1961.
- Ларин Е. А.* Куба конца XVIII—первой трети XIX века. М., 1989.
- Ле Риверенд Х.* Кубинская республика. М., 1970.
- Ле Риверенд Х.* Экономическая история Кубы. М., 1967.
- Маринельо Х.* Хосе Марти — испаноамериканский писатель. М., 1964.
- Нитобург Э. Л.* Похищение жемчужины (Полтора века экспансионистской политики США на Кубе). М., 1968.
- Нуньес Хименес А.* Республика Куба. Исторический очерк. М., 1963.
- Очерки истории Кубы.* М., 1978.
- Роиг де Леуцсенринг Э.* Хосе Марти — антиимпериалист. М., 1962.
- Роиг де Леуцсенринг Э.* Кубинский народ в борьбе против империализма США. М., 1968.
- Российско-кубинские и советско-кубинские связи XVIII—XX веков.* М., 1975.
- Слэзкин Л. Ю.* Испано-американская война 1898 года. М., 1956.
- Слэзкин Л. Ю.* История Кубинской республики. М., 1966.
- Тененбаум В. О.* Хосе Марти. М., 1980.
- Терновой О. С.* Хосе Марти. М., 1966.
- Фонер Ф. С.* История Кубы и ее отношений с США. М., 1963—1964. Т. 1—2.
- Фонер Ф. С.* Испано-кубино-американская война и рождение американского империализма 1895—1902. М., 1977. Т. 1—2.
- Щишкина В. И.* Социально-политические взгляды Хосе Марти. М., 1969.
- Шустов К. С.* Жемчужина Антилл и янки. Алма-Ата, 1967.

Мексика

- Альперович М. С.* Война за независимость Мексики (1810—1824). М., 1964.
- Альперович М. С.* Рождение мексиканского государства. М., 1979.
- Альперович М., Руденко Б.* Мексиканская революция 1910—1917 гг. и политика США. М., 1958.
- Беленький А. Б.* Разгром мексиканским народом иностранной интервенции (1861—1867). М., 1959.
- Вольский А.* История мексиканских революций. М., Л., 1928.
- Гуляев В. И.* По следам конкистадоров. М., 1976.
- Кор-т М.* Мексиканская экспедиция 1862—1863 гг. Б. г.
- Лаврецкий И.* Панчо Вилья. М., 1962.
- Лаврецкий И.* Хуарес. М., 1969.
- Лавров Н. М.* Мексиканская революция 1910—1917 гг. М., 1972.
- Маркс К.* Интервенция в Мексике // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 15. Мексика (политика, экономика, культура). М., 1968.
- Очерки новой и новейшей истории Мексики.* М., 1960.
- Паркс Г.* История Мексики. М., 1949.
- Потокова Н. В.* Агрессия США против Мексики, 1846—1848. М., 1962.
- Потокова Н. В.* Аннексия Техаса Соединенными Штатами Америки 1821—1845 гг. Ростов-на-Дону, 1986.
- Прескотт В.* Завоевание Мексики. СПб., 1885—1886. Т. 1—2.
- Сальм-Сальм А.* Десять лет из моей жизни. СПб., 1875.
- Хиль М.* Наши добрые соседи. М., 1959.
- Шерр И.* Трагедия в Мексике. СПб., 1874.

Парагвай

- Альперович М. С.* Революция и диктатура в Парагвае (1810—1840). М., 1975.
- Святловский В. В.* Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае в XVII и XVIII ст. Петроград, 1924.

Перу

- Вольский Ст.* Пизарро. М., 1935.
- Гавриков Ю. П.* Перу: от инков до наших дней. М., 1977.
- Зубрицкий Ю. А.* Инки-кечуа. Основные этапы истории народа. М., 1975.
- Кузьмищев В. А.* У истоков общественной мысли Перу. Гарсиласо и его история инков. М., 1979.

Мариатеги Х. К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963.
Перу: 150 лет независимости. М., 1971.
Самаркина И. К. Община в Перу. Очерк социально-экономического развития. М., 1974.
Соколов А. В. Пизарро. М., 1935.

Уругвай

Пинтос Ф. Р. Батлье и процесс исторического развития Уругвая. М., 1962.
Пинтос Ф. Р. Хосе Артигас. М., 1964.
Хесуальдо. Артигас. М., 1968.

Чили

Ермолаев В. И., Королев Ю. Н. Рекабаррен — великий гражданин Чили. М., 1970.
Очерки истории Чили. М., 1967.
Рамирес Некочае Э. История рабочего движения в Чили. М., 1961.
Рамирес Некочае Э. История империализма в Чили. М., 1964.
Чили. Политика, экономика, культура. М., 1965.

Эквадор

Эквадор. Историко-этнографические очерки. М., 1963.

Центральная Америка и Вест-Индия

Гальский Д. Великие авантюры: история создания Суэцкого и Панамского каналов. М., 1986.
Гамбоа Ф. Коста-Рика. М., 1966.
Гонионский С. А. История панамской «революции». М., 1958.
Гонионский С. А. Гаитянская трагедия. М., 1974.
Дридзо А. Д. Ямайские маруны. Историко-этнографический очерк. М., 1971.
Дридзо А. Д. Этно-культурные процессы в Вест-Индии. Л., 1978.
Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975.
Луцков Н. Д. Оккупация Гаити Соединенными Штатами, 1915—1934. М., 1981.
Москаленко А. П. Пуэрто-Рико и США. М., 1974.
Соуса Р. Д., Леон С. А. де, Виктор У. А., Чанемарин К. Ф. Панама 1903—1970 гг. М., 1974.

Художественная литература

Азеведу А. Трущобы. М., Л., 1960.
Азеведу А. Мулат. М., 1975.
Аленкар Ж. Гуарани. Л., М., 1967.
Аленкар Ж. Ирасема. Убиражара. Повести. М., 1979.
Алмейда М. А. де. Жизнь Леонардо, сержанта полиции. М., 1964.
Альвес К. Стихи. М., 1958.
Асеведо Диас Э. Исмаэль. М., 1971.
Астуриас М. А. Сеньор Президент. М., 1959.
Астуриас М. А. Зеленый Папа. М., 1964.
Асуэла М. Те, кто внизу. М., 1960.
Бласко Ибаньес В. В поисках Великого Хана (Христофор Колумб) // Избранные произведения. М., Л., 1959. Т. III.
Блест Гана А. Мартин Ривас. М., 1963.
Вильяверде С. Сесилия Вальдес, или Холм Ангела. М., Л., 1963.
Виноградов А. Черный консул. М., 1956.
Гальван М. де Х. Энрикильо. М., 1963.
Гейне Г. Вицлипуцли // Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1971.
Гонзага Т. А. Лиры. Чилийские письма. М., 1964.
Гордин Я. А. Три войны Бенито Хуареса. М., 1984.
Гуиральдес Р. Дон Сегундо Сомбра. М., 1960.
Гусев В. И. Горизонты свободы. Повесть о Симоне Боливаре. М., 1972.
Дэлано Л. Э. Ветер гнева. М., 1966.
Зегерс А. Карибские рассказы. М., 1963.
Карпентьер А. Царство земное. М., 1963.
Карпентьер А. Век просвещения. М., 1968.
Кинжалов Р. В. и Белов А. М. Падение Теночтитлана. Л., 1956.
Коробцин А. Хуан Маркадо — мститель из Техаса. М., 1962.
Крус Х. И. де ла. Десятая муза. М., 1973.
Лиелайс А. К. Каравеллы выходят в океан. Рига, 1969.
Лиелайс А. К. Конкистадоры. Рига, 1973.
Линс ду Регу Ж. Кангасейро. М., 1960.

Линч Б. Стервятники Флориды. М., 1963.
Линч Б. Мистер Джеймс ищет черепа. М., 1969.
Лондон Дж. Мексиканец // Сочинения: В 7 т. М., 1955. Т. 3.
Лопес Поргильо Х. Сказание о Кецалькоатле. М., 1980.
Мансисидор Х. Роза ветров. М., 1953.
Мансисидор Х. Граница у моря. Л., 1958.
Мармоль Х. Амалия. М., 1961.
Машадо де Ассиз Ж. М. Дон Касмурро. М., 1961.
Мелентьева Е. А. Бартоломе де Лас Касас, защитник индейцев. Л., 1966.
Меса Р. Мой дядя чиновник. М., 1964.
Ренн Л. Трини. М., 1958.
Роа Бастос А. Я. Верховный. М., 1980.
Свет Я. Последний Инка. М., 1964.
Свет Я. М. Севильская западня. М., 1969.
Снегирев В. Конкистадоры. Историческая хроника XVI столетия. М., 1936.
Солдаты свободы. М., 1963.
Тейтельбойм В. Сын селитры. М., 1975.
Травен Б. Проклятье золота. Харьков, 1928.
Травен Б. Мексиканская арба. Л., 1937.
Травен Б. Восстание повешенных. М., 1938.
Травен Б. Поход в Страну Каоба. М., 1959.
Фернандес де Лисарди Х. Х. Перикильо Сарньенто. М., Л., 1964.
Фрид Н. Императрица. Роман о Шарлотте Мексиканской. М., 1978.
Хаггард Р. Дочь Монтесумы. М., 1964.
Шмидт А. Поход Тайны Сан-Пауло. М., 1958.
Эрнандес Х. Мартин Фьерро. М., 1985.

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

- VII—V тысячелетия до н. э. — Зарождение земледелия в Месоамерике и Центральных Андах
 I тысячелетие до н. э. — I тысячелетие н. э. — Возникновение крупных очагов индейских цивилизаций в Око-локарибской зоне
 X—XV вв. — Города-государства майя
 XII—XV вв. — Государство Чиму
 XV в. — Формирование государства инков Тауантинсуйю
 XV в., вторая половина — Возникновение территориально-политических образований муисков
 XV—XVI вв. — Цивилизация ацтеков
 1492, 12 октября — Флотилия под командованием Х. Колумба достигла Багамского архипелага
 1494 — Тордесильянский договор между Испанией и Португалией
 1511 — Начало испанского завоевания Кубы
 1513 — Открытие полуострова Флорида
 1519 — Высадка испанцев на юго-западном берегу Мексиканского залива
 1521, август — Захват и уничтожение испанцами Теночтитлана
 1528 — Начало испанской колонизации Южного побережья Карибского моря
 1530 — Начало колонизации Бразилии португальцами
 1530-е годы, первая половина — Захват испанцами Перу
 1530-е годы, середина — Восстание под руководством Манко в Перу
 1535 — Создание вице-королевства Новая Испания
 1536 — Начало колонизации испанцами Рио-де-ла-Платы
 1542 — Образование вице-королевства Перу
 1550-е годы, начало — Колонизация северной и центральной части Чили
 1570—1572 — Восстание под руководством Тупака Амару в Перу
 1617 — Раздел «провинции Рио-де-ла-Платы»
 1630—1690 — Негритянская республика Пальмарес (Бразилия)
 1680—1692 — Восстание индейцев Новой Мексики
 1718—1720 — Издание указов, упразднивших энкомьенды в испанских колониях
 1720—1730-е годы — Крупное антиколониальное выступление в Парагвае
 1739 — Образование вице-королевства Новая Гранада
 1742 — Восстание индейцев Перу во главе с Х. Сантосом
 1760—1780-е годы — Реформы правительства Карла III (Испания)
 1761 — Восстание индейцев на Юкатане
 1764 — Образование генерал-капитанства Кубы
 XVIII в., третья четверть — Реформы Помбала (Португалия)
 1776 — Образование вице-королевства Рио-де-ла-Платы
 1777 — Создание генерал-капитанства Венесуэлы
 1778 — Создание генерал-капитанства Чили
 1780-е годы — Движение «комунерос» в Новой Гранаде — «Заговор трех Антонио» в Чили
 1780—1781 — Восстание Тупака Амару II в Перу
 1791—1803 — Революция негров-рабов в Сан-Доминго
 1793, 26 августа — Декрет об освобождении рабов в Сан-Доминго
 1795 — Переход Санто-Доминго к Франции
 1801, январь — Захват войсками Туссена Лувертюра Санто-Доминго
 1801, июль — Провозглашение конституции в Сан-Доминго
 1803 — Продажа Францией Луизианы Соединенным Штатам
 1804, 1 января — Провозглашение независимости Гаити
 1806, август — Экспедиция Миранды в Венесуэлу

- 1806—1807 — Английская интервенция на Рио-де-ла-Плате
1808 — Вторжение французских войск в Испанию
1808, 19 марта — Отречение короля Испании Карла IV и вступление на престол Фердинанда VII
- 1809, май — август — Антииспанские восстания в Верхнем Перу и Кито
1809, сентябрь — Заговор в Вальядолиде (Новая Испания)
1809—1810 — Заговор под руководством Р. де ла Лус и Х. Инфанте на Кубе
1810—1826 — Война за независимость в Испанской Америке
1810, 19 апреля — Свержение испанского владычества в Каракасе
1810, 25 мая — Свержение вице-короля в Буэнос-Айресе
1810, 20 июля — Антииспанское восстание в Боготе
1810, 16 сентября — Вооруженное восстание в Новой Испании
- 1811 — Вооруженные выступления в Сальвадоре и Никарагуа
1811, январь — Разгром армии Идальго испанскими войсками
1811, февраль — Восстание уругвайских патриотов во главе с Артигасом
1811, 14—15 мая — Восстание в Асунсьоне
1811, 5 июля — Провозглашение независимости Венесуэлы
1811, 4 сентября — Свержение правительственной хунты в Сантьяго (Чили)
1811, 27 ноября — Создание конфедерации Соединенных провинций Новой Гранады
- 1812, 21 декабря — Принятие первой венесуэльской конституции
1812, февраль — апрель — Оборона Куаутлы повстанцами
1812, 18 марта — Принятие конституции испанскими кортесами в Кадисе
1812, 27 октября — «Временный конституционный регламент» Чили
- 1813 — Антииспанский заговор в Гватемале
1813, 31 января — Открытие Генеральной конституционной ассамблеи Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы
- 1813, 30 сентября — Открытие национального конгресса в Асунсьоне
1813, 6 ноября — Декларация о независимости Новой Испании
- 1814, август — Восстание в Куско под предводительством братьев Ангуло
1814, 22 октября — Принятие Алацинганской конституции в Новой Испании
1814, декабрь — Падение второй Венесуэльской республики
- 1814—1840 — Диктатура Франции в Парагвае
1815, 16 декабря — Предоставление Бразилии статуса королевства
1816, 24 марта — Открытие конгресса Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы в Тукумане
- 1817, 14 февраля — Взятие Сантьяго войсками Сан-Мартина
1817, 6 марта — Республиканское восстание в Пернамбуку
- 1818, 1 января — Декларация независимости Чили
1818, 12 февраля — Сражение при Чакабуко
1819, 15 февраля — Созыв второго национального конгресса в Ангостуре
1819, 22 февраля — Договор о дружбе и границах между США и Испанией
1819, 7 августа — Сражение на р. Бояке (Новая Гранада)
1819, 15 августа — Принятие новой конституции Венесуэлы
1819, 17 декабря — Утверждение «Основного закона республики Колумбии»
- 1820, январь — Восстание экспедиционных войск в Кадисе
1820, август — Революция в Португалии
1821, февраль — Провозглашение «плана Игуала»
1821, 6 мая — Открытие Учредительного собрания в Кукуте
1821, 24 июня — Сражение при Карабобо
1821, 28 июля — Провозглашение независимости Перу
1821, 30 августа — Принятие конституции Колумбии
1821, 15 сентября — Декрет о независимости Гватемалы
1821, 28 сентября — Провозглашение независимости Мексики
1821, 8 октября — Обнародование «Временного статута» Перу
1821, 9 октября — Провозглашение независимости Коста-Рики
1821, 1 декабря — Провозглашение Санто-Доминго «Независимым государством испанской части Гаити»
- 1822 — Объединение северной, южной и восточной частей о. Гаити
1822, январь — Аннексия Санто-Доминго правительством Гаити
1822, 5 января — Присоединение Гватемалы к Мексиканской империи
1822, 16 января — Образование первого бразильского правительства
1822, 26—27 июля — Встреча Сан-Мартина и Боливара в Гуаякиле
1822, 1 августа — Манифест о независимости Бразилии
1822, 7 сентября — Официальная дата установления независимости Бразилии
1822, 30 октября — Принятие новой конституции Чили
- 1823, 10 февраля — Присоединение Сальвадора к Мексиканской империи

- март
 3 мая — 12 ноября
 1 июля
 2 декабря
 1823, декабрь —
 1824, 22 ноября
 1823—1828
 1824, март
 2 июля
 24 июля
 4 октября
 9 декабря
 1825, 6 августа
 1825—1828
 1826
 1826, 9 декабря
 24 декабря
 1828, 27 августа
 1830
 1830
 1832—1838
 1835—1836
 1835—1836
 1835—1852
 1836, 2 марта
 5 ноября
 1836—1838
 1837, март
 май
 1837, 7 ноября —
 1838, 16 марта
 1838—1840
 1838—1844
 1839
 1839—1841
 1841, 12 марта
 1843—1852
 1844
 1844
 1844—1865
 1844—1870
 1845, 29 декабря
 1846, март
 июнь — август
 12 декабря
 1846—1848
 1848, 2 февраля
 1848, 7 ноября
 1850
 1851
 1851, 21 мая
 1853, 1 мая
 1854
 1854, 1 марта
 1855
 1855, июнь
 1856
 1857, 5 февраля
 1857—1860
 1859
 1859
- Падение империи в Мексике
 - Учредительное собрание в Бразилии
 - Образование федерации Соединенные провинции Центральной Америки
 - Провозглашение доктрины Монро
 - Республиканское восстание в Бразилии
 - Антиспанские заговоры на Кубе
 - Принятие конституции Бразилии
 - Образование Конфедерации Экватора (Бразилия)
 - Провозглашение республики в Пернамбуку
 - Принятие конституции Мексики
 - Сражение при Аяучо
 - Провозглашение независимости Верхнего Перу (Боливии)
 - Война между Аргентиной и Бразилией
 - Принятие конституции Боливии
 - Принятие конституции Перу
 - Утверждение конституции Аргентины
 - Установление личной диктатуры С. Боливара в Колумбии
 - Распад Колумбийской федерации
 - Принятие конституции Восточной республики Уругвай
 - Аграрная реформа в Аргентине
 - Восстание в провинции Риу-Гранди-ду-Сул
 - Движение «Кабанада» в провинции Пара
 - Диктатура Росаса в Аргентине
 - Образование «республики Техас»
 - Провозглашение республики Риу-Гранди-ду-Сул
 - Война между Чили и боливийско-перуанской федерацией
 - Официальное признание «независимости» Техаса правительством США
 - Восстание под руководством Карреры в Гватемале
 - Восстание «Сабинада» в Сан-Сальвадоре (Бразилия)
 - Блокада Буэнос-Айреса французами
 - Восстание рабов на Кубе
 - Распад Федерации Центральной Америки
 - Восстание «Балайада» в Мараньяне
 - Учреждение консулата в Парагвае
 - Осада Монтевидео войсками Росаса
 - Принятие первой конституции Парагвая
 - Восстание на о. Гаити и образование Доминиканской республики
 - Диктатура Карреры в Гватемале
 - Диктатура Лопесов в Парагвае
 - Билль о включении Техаса в состав США
 - Вторжение войск США в Мексику
 - Провозглашение «Республики Калифорния» и аннексия Новой Мексики
 - Договор между Новой Гранадой и США
 - Война между США и Мексикой
 - Мирный договор в Гуадалупе-Идальго
 - Восстание прайеров в Пернамбуку
 - Возникновение «Общества равенства» в Чили
 - Открытие первой в Латинской Америке железной дороги Лима — Кальяо
 - Отмена рабства в Новой Гранаде
 - Принятие аргентинской конституции в Санта-Фе
 - Упразднение рабства в Венесуэле
 - «Революция Аютлы»
 - «Закон Хуареса»
 - Авантюра Уокера в Никарагуа
 - «Закон Лердо»
 - Принятие конституции Мексики
 - Гражданская война в Мексике
 - «Законы о реформе» в Мексике
 - Восстание арауканов в Чили

- 1859—1863 — «Война федерации» в Венесуэле
1861, 31 октября — Англо-франко-испанская конвенция об интервенции в Мексике
1862, 19 апреля — Начало военных действий Франции против Мексики
25 мая — Конгресс провинций в Буэнос-Айресе
1863 — Гражданская война в Уругвае
1864, 10 апреля — Провозглашение императором Мексики Максимилиана I
1864—1866 — Первая Тихоокеанская война
1864—1870 — Парагвайская война
1865, 1 мая — Договор о союзе между Бразилией, Аргентиной и Уругваем
1867 — Падение мексиканской «империи»
1868, 10 октября — Восстание под руководством К. М. де Сеспедеса на Кубе
1868—1878 — Антииспанская война на Кубе
1870—1888 — Эра «либеральной» диктатуры Гусмана Бланко
1871, 27 сентября — «Закон о свободном чреве» в Бразилии
1876—1911 — Диктатура Порфирио Диаса
1879—1880 — «Малая война» на Кубе
1879—1884 — Вторая Тихоокеанская война
1884—1885 — Гражданская война в Колумбии
1886 — Отмена рабства на Кубе
1888, 13 мая — Отмена рабства в Бразилии
1889 — Образование американской «Юнайтед фрут компани»
1889 — Первая панамериканская конференция
1889, 15 ноября — Провозглашение республиканского строя в Бразилии
1891, 7 января — Антиправительственный мятеж в Чили
24 февраля — Принятие республиканской конституции Бразилии
1891—1892 — Революционные выступления в бразильском флоте
1892 — Создание Кубинской революционной партии
1895 — Доктрина Олни
1895—1898 — Национально-революционная война на Кубе
1896 — Создание социалистической партии Аргентины
1896, октябрь — 1897, 5 октября — Восстание крестьян в Канудосе
1898 — Испано-американская война
1898, 6 сентября — Восстание в бразильском флоте
1899—1902 — «Тысячедневная война» в Колумбии
1901, 2 марта — «Поправка Платта»
май — Основание «Рабочей федерации Аргентины»
1902, декабрь — Венесуэльский кризис
1903, 22 января — Договор Хэя-Эррана о Панамском канале
4 ноября — Провозглашение независимости Панамской республики
18 ноября — Договор между США и Панамой о строительстве канала
11 декабря — Договор «о взаимном благоприятствовании» между США и Кубой
1906 — Стачки текстильщиков Пуэблы и Тласкалы, горняков Кананеа
1907 — Оккупация Доминиканской республики Соединенными Штатами
1909 — Восстание во главе с Э. Чаморро в Никарагуа
1909 — Создание Рабочей федерации Чили (ФОЧ)
1910 — Восстание военных моряков в Бразилии
1910, 15 октября — «План Сан-Луис-Потоси» в Мексике
20 ноября — Вооруженные выступления против режима П. Диаса
1910—1917 — Мексиканская революция
1911, 25 мая — 28 ноября — Падение диктатуры П. Диаса
28 ноября — Провозглашение «плана Аяла»
1912 — Основание «Дома рабочих мира» в Мексике
1913, февраль — Контрреволюционный переворот в Мехико
26 марта — «План Гуадалупе» (Мексика)
1914 — Открытие Панамского канала
1914, 21 апреля — Высадка морской пехоты США в Веракрусе
1 октября — Открытие конвента представителей «конституционалистской» армии в Мехико
1915, 6 января — Аграрный закон правительства Каррансы
декабрь — Вступление в Мехико войск Сапаты и Вильи
1915—1934 — Оккупация Ганти Соединенными Штатами
1916, 15 марта — Интервенция США в Мексике
1917, 5 февраля — Учредительное собрание в Керетаро
1916, декабрь — 1917, январь — Обнародование конституции Мексики
1917, 5 февраля

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
1. Древние индейские цивилизации Америки	6
2. Открытие и завоевание Вест-Индии, Южной и Центральной Америки европейцами	17
3. Колониальный период (XVI—XVIII вв.)	23
4. Революция негров-рабов Сан-Доминго	35
5. Война за независимость испанских колоний	46
6. Освободительное движение в Бразилии	79
7. Бразилия в 1825—1914 гг.	88
8. Аргентина в XIX — начале XX в.	112
9. Парагвай в 1814—1870 гг.	132
10. Чили в 1818—1914 гг.	149
11. Перу в XIX — начале XX в.	170
12. Венесуэла в 1830—1914 гг.	180
13. Колумбия в 1830—1914 гг.	189
14. Центральная Америка в XIX — начале XX в.	203
15. Освободительная борьба кубинского народа в XIX в. и первые годы республики	214
16. Мексика в 1825—1910 гг.	230
17. Мексиканская революция 1910—1917 гг.	252
18. Политика США в Латинской Америке. Страны Латинской Америки в годы первой мировой войны	263
Приложение	268
Рекомендуемая литература	275
Краткая хронология	282
Перечень карт:	
Индийские народы и государства к началу европейской колонизации	10
Латинская Америка к концу XVIII в.	27
Освободительное движение первой четверти XIX в.	52
Латинская Америка в 1830—1903 гг.	114
Агрессия США и европейских держав в странах Карибского бассейна (вторая половина XIX — начало XX в.)	220
Мексиканская революция 1910—1917 гг.	250

Учебное издание

**Альперович Моисей Самуилович
Слёзкин Лев Юрьевич**

**ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
(с древнейших времен до начала XX в.)**

Заведующий редакцией *М. Ф. Гржебин*
Редактор *С. А. Юшина*
Мл. редакторы *М. В. Колосова, Н. А. Полторацкая*
Художник *А. В. Алексеев*
Художественный редактор *С. Г. Абелин*
Технический редактор *В. М. Романова*
Корректор *О. М. Пахомова*

ИБ № 9061

Изд. № ИСТ-87. Сдано в набор 08.08.90. Подписано в печать 04.03.91. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офс. № 2.
Гарнитура литературная. Печать офсетная. Объем 23,40 усл. печ. л. 46,80 усл. кр.-отт. 27,10 уч.-изд. л.
Тираж 25 000 экз. Заказ № 810. Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

Издательство «ВЫСШАЯ ШКОЛА» выпустит в свет в 1992 г. следующие учебные издания для студентов исторических факультетов вузов.

Коржихина Т. П. История государственных учреждений СССР: Учеб.— 2-е изд., перераб. и доп. 25 л.

В книге (1-е — 1986 г.) рассматриваются вопросы, связанные с историей государственного аппарата в период 1917—1990 гг.: как возникла административно-командная система управления и режим личной власти, номенклатурный принцип подбора кадров, что представляла собой Советская Федерация. Значительное место уделено созданию и компетенции органов власти и управления СССР и союзных республик. В учебнике приводится поименный перечень членов правительств СССР и возглавляемых ими учреждений.

Скифы: Хрестоматия/Сост., вступ. ст., коммент. Т. М. Кузнецова. 20 л.

В сборник включены материалы из произведений Гомера, Эсхила, Геродота, Аристотеля, Демосфена, Плутарха, Гиппократ, Диогена Лаэртского и других античных мыслителей, в которых рассказывается о Скифии и скифах — одном из древнейших и загадочных народов, обитавших в Северном Причерноморье. Впервые собранные вместе, эти материалы дают цельное представление о жизни и нравах скифского народа, его обычаях, верованиях, обрядах, о военных столкновениях с соседями, походах и т. д. В книге показываются проблемы, с которыми сталкиваются ученые при исследовании культуры скифов.

Уважаемые читатели!

Издательство «Высшая школа» выпускает учебники, учебные, методические и справочные пособия для студентов и аспирантов вузов, учащихся средних специальных и профессионально-технических учебных заведений. Подробно познакомиться с книгами вам помогут аннотированные тематические планы на 1991—1992 гг., которые имеются в книжных магазинах, распространяющих учебную литературу.